

ВАСИЛИЙ
МОЛОДЯКОВ

БИТВЫ
ИМПЕРИЙ

РОССИЯ И ЯПОНИЯ:
МЕЧ НА ВЕСАХ

ВЕЛИКИЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ

ВЕЛИКИЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ

ВАСИЛИЙ
МОЛОДЯКОВ

БИТВЫ
ИМПЕРИЙ

РОССИЯ
И ЯПОНИЯ:
МЕЧ
НА ВЕСАХ

Великие противостояния

ВАСИЛИЙ МОЛОДЯКОВ

Россия и Япония: меч на весах

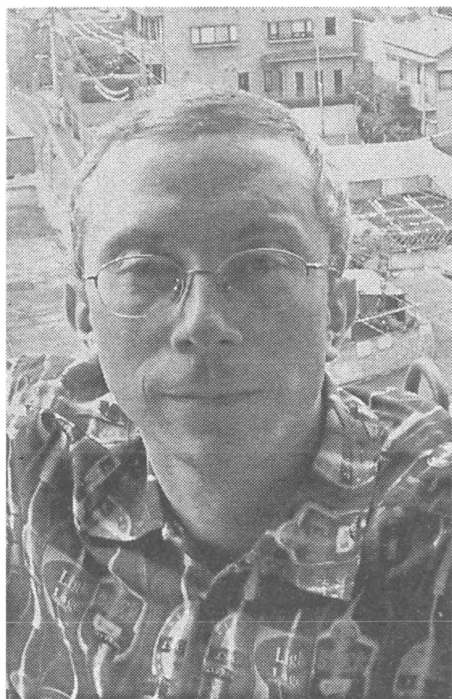
**Неизвестные и забытые страницы
российско-японских отношений
(1929—1948)**

Историческое исследование

Молодяков, В.

Россия и Япония: меч на весах: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929–1948): историческое исследование / Василий Молодяков.

Василий Элинархович МОЛОДЯКОВ

Русский. Родился 3 июня 1968 г. в Москве. Сын известного историка-японоведа профессора Эльгены Васильевны Молодяковой. Окончил историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ по специальности «история Японии» и аспирантуру при нем по специальности «политология». С 1995 г. живет и работает в Токио. Докторант отделения международных отношений Токийского университета (1996—2000). Приглашенный научный сотрудник Института социальных наук Токийского университета (2000/2001).

Представитель ежегодника «Япония» (Ассоциация японоведов России) в Японии (с 2001). Старший научный сотрудник Института японской культуры Университета Такусэку (с 2003).

Кандидат исторических наук (ИСАА при МГУ, 1996); диссертация: «Образ Японии в Европе и России второй половины XIX — начала XX в.». Доктор социальных наук (Токийский университет, 2002); диссертация: «Сиратори Тосио и внешняя по-

литика Японии, 1930—1941». Доктор политических наук (Философский факультет МГУ; 2003); диссертация: «Консервативная революция в Японии: политика и идеология».

Публикуется в России с 1989 г., в Японии и США с 1998 г. Сфера научных интересов: геополитика; политическая и интеллектуальная история России, Японии и Европы XIX—XX вв.; история религий и традиционных учений; русская литература и культура Серебряного века. Автор более 250 публикаций, включая книги «Подсудимые и победители (Заметки и размышления историка о Токийском процессе)» (1996), «Мой сон, и новый, и всегдашний... Эзотерические искания Валерия Брюсова» (1996), «Образ Японии в Европе и России второй половины XIX — начала XX века» (1996), «Неизвестные поэты. Рассказы библиофила» (кн. 1—2, 1995—1996), «Консервативная революция в Японии: идеология и политика» (1999), «Несостоявшаяся ось: Берлин—Москва—Токио» (2004), «Россия и Япония: поверх барьеров» (2004), «Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887—1949) — дипломат, политик, мыслитель» (2005), более 100 статей, более 100 архивных публикаций и рецензий. Член научных обществ России и Японии. Участник многих исследовательских проектов, международных симпозиумов и конференций. Собирает первые издания русских поэтов начала XX в. и старые книги о Японии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Автор — читателю	6
Глава 1. Вопиющий в пустыне: дело и драма наркома Чичерина	10
Глава 2. Хунхузы, фашисты и квантунцы: очаг напряженности в Маньчжурии	38
Глава 3. Вражье пугало: лицо и изнанка Антикоминтерновского пакта	70
Глава 4. От «авангарда» к «лавочке»: коминтерновский трагифарс	106
Глава 5. Евразийский соблазн: Советский Союз и «континентальный блок»	133
Глава 6. Рихард Зорге: трагедия геополитика	166
Глава 7. Мысль как молния: японцы в Кремле	201
Глава 8. «Странный нейтралитет»: СССР и Япония в годы войны	245
Глава 9. Меч на весах: Кремль вступает в войну	275
Глава 10. Горе побежденным: свет и тени Токийского процесса	315
Кому это выгодно? (Вместо предисловия)	349
Примечания	351
Приложение	364
Источники и литература	366

АВТОР — ЧИТАТЕЛЮ

Книга «Россия и Япония: меч на весах», которую вы держите в руках, продолжает выпущенную в этой же серии «Россия и Япония: поверх барьеров». Если вы взяли в руки эту книгу, то, скорее всего, уже читали предыдущую. Поэтому детально повторять то, о чем говорилось в предисловии к первой, не нужно. Если же вы первой книги не читали, то о некоторых вещах сказать необходимо.

Автор не задавался целью писать историю советско-японских отношений указанного периода в полном объеме, но решил остановиться на тех ее аспектах или эпизодах, которые по разным причинам не получили должного освещения в отечественной литературе или изложены в ней в искаженном виде. Поэтому в книге будет много документов*.

Каковы были превратности судьбы большевистского наркома по иностранным делам Георгия Чичерина и кто дал самую высокую оценку его дипломатии? Кто такие хунхузы и почему вождь народов товарищ Сталин оказался величайшим русским фашистом? Против кого, кроме Коминтерна, был направлен Антикоминтерновский пакт? Что происходило в «авангарде мировой революции» на Воздвиженке и почему вождь мирового пролетариата к концу тридцатых все чаще именовал Коминтерн «лавочкой»? На кого работал Рихард Зорге и почему он зас-

* В цитатах сохранена орфография оригинала (за исключением очевидных опечаток и описок), поэтому одни и те же слова могут быть написаны по-разному: «советское правительство» и «Советское Правительство»; пунктуация приведена в соответствие с современными нормами. Цитируя советские записи, автор, ради единообразия текста книги, пошел на отступление от принятых норм: в оригинале японские фамилии не всегда записаны в соответствии с принятой в России «поливановской» транскрипцией (названа в честь выдающегося лингвиста Е.Д. Поливанова), а также склоняются, что не принято в современной научной литературе. Купюры в цитатах обозначены простым отточием. Переводы с иностранных языков и подстрочные примечания, в том числе к цитатам из источников, принадлежат автору книги, если не оговорено иное.

луживает куда большей славы? Почему не состоялся «континентальный блок» СССР, Германии и Японии, хотя Сталин был готов присоединиться к нему? Кто был подлинным автором этой идеи? Почему в 1941 г. СССР и Япония не воевали, когда все их союзники оказались втянуты в глобальный конфликт на взаимное истребление? Почему в 1945 г. Сталин объявил войну Японии и что наша страна получила в результате этого? Почему Токийский процесс главных японских «военных преступников» правильнее называть «правосудием победителей», а не «судом народов»? Почему советский судья в Токийском трибунале голосовал против всех смертных приговоров?

Отсюда хронологические рамки книги — от конфликта в Маньчжурии в 1929 г., когда на Дальнем Востоке снова запахло войной, до завершения в конце 1948 г. Токийского процесса, поставившего точку в истории «прежней» Японии. За пределами изложения я оставил две большие темы: советско-японские военные столкновения и проблема Китайской восточной железной дороги (КВЖД), которая до 1934 г. находилась в совместном владении и управлении СССР и Китая, а затем советская доля была продана Маньчжоу-го (фактически Японии). Об инцидентах на границе, где тучи ходят хмуро, написано много, в том числе военными специалистами, которые в этом отношении компетентнее меня, а «политическую оценку происходящему», как выражались в советские времена, думающий читатель может дать сам (чем могу — помогу). Что касается «железнодорожного узла» российско-японских и советско-японских отношений с конца XIX в. до середины XX в., то о нем я собираюсь написать отдельно.

В книге использованы разыскания и материалы моих предшествующих работ, включая монографии «Подсудимые и победители (Заметки и размышления историка о Токийском процессе)», «Несостоявшаяся «ось»: Берлин—Москва—Токио», «Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899—1929)», «Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887—1949) — дипломат, политик, мыслитель». Дополнительно я на них, как правило, не ссылаюсь.

Как и прежде, обращаясь к событиям прошлого, я отдаю приоритет геополитическому подходу, который, по словам одного из основоположников этой науки Карла Хаусхофера, «больше, чем всякий другой, позволяет видеть эти проблемы независимо от какой-либо партийно-политической установки и мировоззренческой односторонности... В то же время он весь-

ма полезен для философии истории, ибо не подвержен искажениям со стороны социологических и общественно-политических доктрин и избавляет от той значительной доли предвзятости, которую они обыкновенно порождают».

Поэтому в книге нет привычных для официальной историографии схем «хорошие парни — плохие парни», когда победители по определению «хорошие» и «справедливые», а проигравшие — «плохие» и «преступные». В этом отношении я следую линии ревизионистской историографии, сложившейся в 1920-е гг. в США и Германии (Гарри Барнес, Сидней Фэй, Альфред фон Вегерер, Макс Монтгелас), пережившей, несмотря на гонения победителей, новый расцвет после Второй мировой войны (Чарльз Бирд, Джеймс Мартин, Джон Толанд, Удо Валенди) и существующей по сей день (наиболее видная фигура — Дэвид Ирвинг).

Сказанное, разумеется, не означает, что я связываю себя рамками школы или соглашаюсь со всеми выводами историков-ревизионистов. Мне близка их свобода от идеологически заданных схем и от мифов «политически корректной» пропаганды, возлагающей всю полноту ответственности на проигравших, которые уже не ответят, и обеляющей победителей, которые предпочли бы не отвечать на неприятные вопросы. Неудивительно, что и к выводам мы порой приходим одним и тем же.

В то же время хочу предупредить — перед вами историческое исследование, а не публицистика или произведение агитпропа. Автор во всех случаях опирался на проверенные факты и заслуживающие доверия документы, реже — на позднейшие воспоминания, подвергая их максимально возможной проверке, и на наиболее авторитетные работы ученых-историков. В книге много неизвестных фактов, непривычных толкований или оценок, но мало гипотез и совсем нет фантазий. Если кому-то это кажется недостаточно увлекательным, отсылаю к авторам, работающим в других жанрах. Однако я свято уверен, что подлинная история куда интереснее плодов воображения как пропагандистов, так и беллетристов.

Благодарю друзей и коллег за советы и замечания: профессора Марка Раева (Tenaflly NJ, USA), Танака Такэюки* (Токио),

* Все японские имена собственные не склоняются и приводятся в соответствии с принятым в Японии порядком: сначала фамилия, потом имя — а также, за единичными устоявшимися исключениями, в соответствии с принятой в России «поливановской» транскрипцией.

Геннадия Бордюгова (Москва), Георгия Брылевского (Ниигата), Михаила Мельтюхова (Москва), Петра Подалко (Токио). Автор чтит память Джона Толанда (США), Джеймса Мартина (США), в свое время оказавших ему большую моральную поддержку, и в особенности Бориса Славинского (Москва); глубоко скорблю, что не мог показать Борису Николаевичу рукопись этой книги, в которой часто упоминается его имя. Я признателен сотрудникам Архива внешней политики Российской Федерации МИД РФ (Москва), Архива МИД Японии (Diplomatic Record Office, The Ministry of Foreign Affairs), Центра современных исследований Института японской культуры университета Такусёку и лично профессору Икэда Норихико (Prof. Ikeda Norihiko, Takushoku University, Institute of Japanese Identity, The Research Center for Modern and Contemporary Studies), библиотек Токийского университета (Tokyo University, Central Library) и International House of Japan за создание прекрасных условий для работы. Марк Вебер (Marc Weber) и Грэг Рэвен (Greg Raven) (Costa Mesa CA, USA) на протяжении многих лет снабжали меня ценными труднодоступными изданиями. Отдельное спасибо доктору Евгению Николаевичу Аксенову (Токио), свидетелю эпохи, любезно поделившемуся со мной воспоминаниями.

Самая глубокая благодарность — маме, профессору Эльгине Васильевне Молодяковой, советчику и критику.

В день, когда я пишу эти строки, родились император Сёва, правивший в Японии с 1926 по 1989 г., и историк Николай Полетика, чьи прекрасные, но несправедливо забытые книги о причинах Первой мировой войны относятся к «золотому фонду» ревизионистской историографии.

*29 апреля 2004 г.
Токио*

ГЛАВА 1

Вопиющий в пустыне: дело и драма наркома Чичерина

*По отношению к Востоку впервые взят правильный тон,
соответствующий исторической сущности России-Евразии.*

*Князь Николай Трубецкой,
1925 г.*

Народный комиссар по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин от природы не отличался крепким здоровьем. Колит, диабет и полиневрит добавились к многочисленным психологическим стрессам, которые он переживал от постоянных склок внутри наркомата и своего двусмысленного и непрочного положения внутри большевистской элиты.

Он никогда не был в Кремле «своим». Аристократ (мать — урожденная Нарышкина), эрудит, бывший «царский» дипломат (в молодости служил в Архиве МИД), прекрасный пианист, ценитель классической музыки и дорогих вин, Чичерин, конечно, был «классово чужд» победившему пролетариату. Несмотря на давнее участие в революционном движении, партийный стаж ему записали только с 1918 г., с момента формального вступления в большевистскую партию, хотя у некоторых он исчислялся аж с 1893 г. (!), когда Ленин еще не создал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Политбюро, принимавшее решения по ключевым международным вопросам, интересовалось суждениями наркома лишь как «информацией к размышлению», но не как мнением равного. Искренне веря в правоту своего дела и в то же время дорожа постом министра иностранных дел России — как бы он ни назывался в конкретных исторических обстоятельствах, — Георгий Васильевич всеми силами проводил партийную линию, пытаясь приспособить ее к международным реалиям

и общепринятой дипломатической практике. А это удавалось далеко не всегда.

Недрузи упрекали Чичерина в трусости, слабохарактерности, заискивании перед Сталиным. Нарком, смолodu имевший слабые нервы, тем не менее, видимо, знал, чего боялся. 3 февраля 1923 г., еще при жизни благоволившего к нему Ленина, он писал своему единомышленнику Л.М. Карахану, члену коллегии НКВД: «Многоуважаемый Лев Михайлович, я могу якобы попасть под автомобиль или якобы упасть с лестницы — ко мне будет ходить врач, потом можно будет сказать, что организм не вынес, — и назначить меня в Госиздат в коллегию или на маленькую должность в НКПрос (Народный комиссариат просвещения. — *В.М.*). Пожалуйста, поддержите при разговорах со Сталиным (считалось, что Карахан лично близок к Сталину и имеет на него влияние. — *В.М.*). Где мне можно будет поселиться? Вам, м<ожет> б<ыть>, известна какая-нибудь семья (Чичерин всю жизнь жил один. — *В.М.*)? Это будет дешевле. Сколько получают члены коллегии Госиздата? Я буду Вам очень благодарен, если Вы ответесть. С коммунистическим приветом Георгий Чичерин». Понятно, что это написано в состоянии депрессии. Но дыма без огня не бывает.

В книге «Россия и Япония: поверх барьеров» я уже рассказывал, как в двадцатые годы вырабатывалась и проводилась советская внешняя политика, какие тенденции и направления в ней боролись — несмотря на публичные уверения в ее незыблемом единстве — и что творилось внутри Наркоминдела. Для тех, кто предыдущей книги не читал или подзабыл ее содержание, напомним основные моменты, важные для понимания дальнейшего повествования.

Выработка внешнеполитической стратегии была монополией «Инстанции», т.е. Политбюро, поэтому курс советской дипломатии колебался вместе с «генеральной линией» партии (пример — Китайская революция). Важные международные вопросы решались в комиссиях и исполкоме Коминтерна, куда входили многие члены Политбюро и партийные идеологи. Наркомату оставались рутинная работа и легальный сбор информации. К мнению дипломатов в Кремле прислушивались редко. Ни Чичерин, ни его преемник Литвинов не входили в «Инстанцию», а только вызывались на ее заседания по мере надобности. Тем не менее в повседневной работе от Наркоминдела зависело многое. Тон, которым нарком разговаривал с иностранными послами в Москве, а полпреды — с министрами иностранных дел в других столицах, политики, конечно, не делал, но на «погоду» в международных отношениях, несомненно, влиял.

В двадцатые годы НКВД четко разделился на «чичеринцев» и «литвиновцев», которые соотносятся с евразийской и атлантической ориентациями в геополитике. Чичерин гордился Рапальским договором с Германией и дружественными отношениями с кемалистской Турцией, Персией, Афганистаном, Монголией и Китаем, считая это направление политики наиболее перспективным как для укрепления позиций СССР (в том числе путем ослабления влияния Великобритании), так и для возможного расширения мировой революции. Еще он придавал большое значение отношениям с ближайшими западными соседями, странами так называемого «санитарного кордона» — Финляндией, Польшей, Прибалтийскими республиками, Румынией. Если посмотреть на карту, нетрудно заметить, что таким образом в сферу внешнеполитической активности СССР попадали ключевые территории Евразии — «сердцевинная земля» (heartland), в основном совпадающая с территорией бывшей Российской империи, и «опоясывающая земля» (rimland), территория перечисленных государств. Евразийский «пояс» замыкала Япония, нормализации отношений с которой Чичерин тоже способствовал.

Кто выступал за такую политику? Старый революционер и друг Троцкого, Адольф Абрамович Иоффе возглавлял советские делегации в Брест-Литовске, а затем на переговорах почти со всеми ближайшими соседями. Он представлял Советскую Россию в Пекине и в 1923 г. вел переговоры с виконтом Гото Симпэй, подробно описанные мной в предыдущей книге. Лев Михайлович Карахан был секретарем делегации в Брест-Литовске, полпредом в Варшаве и Пекине, а затем в коллегии НКВД курировал восточную политику. Именно он стал ближайшим помощником и соратником Чичерина. Николай Николаевич Крестинский, нарком финансов и член Политбюро в годы Гражданской войны, полпред в Берлине при Чичерине и заместитель наркома по «Западу» при Литвинове. Семен Иванович Аралов был революционером еще с начала века, военным (Русско-японская война, потом Первая мировая, штабс-капитан и кавалер пяти боевых орденов) и разведчиком (первый начальник будущего ГРУ). Полпред в Турции, он установил доверительные отношения с Кемаль-пашой, был одним из заместителей Чичерина в коллегии НКВД, а потом работал в Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ).

Судьба была немилостива к ним. Только Аралов при Советской власти никогда не арестовывался и умер в 1969 г. в своей постели, немного не дожив до 90 лет. Тяжело больной и разочарованный Иоффе застрелился в ноябре 1927 г., протестуя таким образом

против исключения из партии Троцкого и других оппозиционеров. Через десять лет в подвалах Лубянки расстреляли Карахана и Крестинского. Говорят, что первого готовили на «показательный процесс», но он отказался оговаривать себя. Крестинский же в первый день процесса Бухарина-Рыкова отказался признать себя виновным, но... на следующем заседании уже каялся во всем. Видимо, не обошлось без «мер физического воздействия».

Советский дипломат Григорий Беседовский, служивший в Варшаве, Токио и Париже, а затем ставший невозвращенцем, вспоминал: «По установившемуся внутри Наркоминдела распределению обязанностей, Литвинов был совершенно изолирован от какого бы то ни было отношения к азиатской части работы Наркоминдела. Когда Чичерин уходил в отпуск, политбюро передавало эту часть работы Наркоминдела члену коллегии последнего Аралову, очень милому, но вместе с тем недалекому человеку (тут Беседовский явно ошибся! — *В.М.*). Литвинов обижался и дулся, но в политбюро ему резонно замечали, что ввиду его острой личной вражды к Карахану оставление его в качестве руководителя азиатской работой Наркоминдела вызвало бы немедленно трения с пекинским полпредством, во главе которого стоял Карахан. Политбюро, повторяю, поступало резонно, так как при интриганских наклонностях Литвинова и при его неразборчивости в средствах при сведении личных счетов неминуемо должна была начаться борьба между пекинским полпредством и Наркоминделом, в которой всякие соображения отступили бы перед одной целью: во что бы то ни стало подсадить Карахана»¹.

Если не верите перебежчику — поверьте Чичерину. В «политическом завещании» (о нем дальше) 1930 г. он писал: «Обязательное участие т. Литвинова в Политбюро по делам Запада упрочивало его роль; я проводил участие т. Карахана в Политбюро по делам Востока для ослабления исключительной роли т. Литвинова. Сам я был политически настолько бессилён, что мое выступление в Политбюро в пользу какого-нибудь мнения бывало скорее основанием для обратного решения («нереволюционно»)). Не зря в наркомате посмеивались, что в день заседания Политбюро у Георгия Васильевича непременно обостряется колит... Став наркомом, Литвинов оставил восточные дела Карахану, которого в 1934 г. отправил полпредом в Турцию, затем своим заместителям*, с введением этой должности,— быв-

* С реформой руководства НКВД в 1934 г. один заместитель наркома (неофициально первый) курировал европейские и американские дела, второй — азиатские, от Ближнего до Дальнего Востока.

шему наркому финансов (его даже называли «советским Витте») Григорию Сокольникову, Борису Стомонякову и Соломону Лозовскому. Все они погибли в годы террора.

По ту сторону геополитической «баррикады» были Литвинов и его сторонники-атлантисты: Александра Михайловна Коллонтай, Виктор Леонтьевич Копп, Иван Михайлович Майский, Валериан Савельевич Довгалецкий, Яков Захарович Суриц, Марсель Израилевич Розенберг. Большая часть их карьеры была связана именно с Европой, которую они считали вершительницей судеб мировой политики, а потому главным направлением советской дипломатии. В отличие от «чичеринцев», они ориентировались не на Берлин, что логично вписывалось в евразийскую ориентацию, а на Париж, Лондон и Женеву. Не были тайной и германофобские настроения Литвинова, рутинная работа которого основательно испортила советско-германские отношения в 1933 г., после прихода к власти национал-социалистов. «Литвиновцы» также были против участия дипломатов в разведывательной деятельности или революционном движении за границей. С началом «большого террора» и особенно после снятия Литвинова с поста наркома в мае 1939 г. они оказались под подозрением, но из перечисленных выше в застенках погиб только Розенберг.

Разумеется, предложенная выше схема не означает, что «чичеринцы» занимались только Востоком, а «литвиновцы» только Западом. Например, Владимир Петрович Потемкин, вся дипломатическая работа которого была связана именно с Европой (полпред в Греции, Италии, Франции, замнаркома по «Западу»), придерживался скорее евразийской ориентации, приложив немало усилий к нормализации отношений с Третьим рейхом в конце тридцатых. На ниве развития советско-японских отношений успешно трудился Александр Антонович Трояновский, позднее ставший не менее успешным полпредом в Вашингтоне. В то же время Копп и Довгалецкий были полпредами в Токио, Майский — советником полпредства там же, Яков Суриц работал не только в Париже и Берлине (еврей-посол при Гитлере!), но и в Анкаре.

Напряженными были и личные отношения между ведущими советскими дипломатами: Чичериным и Литвиновым, Литвиновым и Караханом, Караханом и Коппом. Знавший кремлевскую «кухню» двадцатых изнутри, бывший секретарь Сталина Борис Бажанов вспоминал: «Чичерин и Литвинов ненавидят друг друга острой ненавистью. Не проходит и месяца, чтобы я <не> получил «строго секретно, только членам По-

литбюро» докладной записки и от одного, и от другого. Чичерин в этих записках жалуется, что Литвинов — совершенный хам и невежда, грубое и грязное животное, допускать которое к дипломатической работе является несомненной ошибкой. Литвинов пишет, что Чичерин — педераст, идиот и маньяк, ненормальный субъект, работающий только по ночам, чем дезорганизует работу наркомата... Члены Политбюро читают эти записки, улыбаются, и дальше этого дело не идет»². То же самое читаем и в мемуарах Беседовского.

17 января 1928 г., по совершенно частному вопросу переговоров о советско-японской рыболовной конвенции, Чичерин писал Сталину: «Абсолютно неверно представление о работе т. Карахана как якобы его личной, оторванной от Комиссариата. Я с тов. Караханом нахожусь в самом тесном и постоянном общении... Это постоянное органическое общение с ним диаметрально противоположно *полнейшей и абсолютной разобщенности между мной и Литвиновым, с которым совместной работы у меня нет, никогда не было и, конечно, не будет* (выделено мной. — В.М.). Нападки на тов. Карахана суть фактически нападки на меня, ибо его шаги диктуются мною, и Литвинов это отлично знает»³.

Так что борьба между «товарищами», чинно позировавшими перед фотографиями для демонстрации единства советской дипломатии, шла не на жизнь, а на смерть, не затихая ни на минуту. Однако можно сделать вывод, что в первой половине 1920-х гг. евразийская фракция Наркоминдела была более активной, что помогло нормализовать советско-германские, а затем и советско-японские отношения.

Весной 1928 г. Чичерин отметил десятилетие пребывания на посту главы внешнеполитического ведомства. На тот момент ни один из его действующих коллег за границей не мог похвастаться таким долгим сроком непрерывной работы, что было отмечено мировой печатью. «То, что Ваше Превосходительство, — писал ему из Токио 29 июня виконт Гото Симпэй, главный герой книги «Поверх барьеров», — несмотря на быстрые изменения современной политической жизни, в течение 10 лет занимали важный пост министра иностранных дел — не только для Вашей страны, но и в интересах всего мира и в особенности для нашей страны (Японии. — В.М.) надо приветствовать как живой символ дружбы»⁴.

«Я очень рад, что Вы по-прежнему здоровы и бодры», — продолжал виконт, но это, увы, уже не соответствовало истине. Измученный интригами Литвинова и физическими недугами,

Чичерин уже летом 1927 г. просился в отставку, проведя более полугода на лечении в Германии. В августе 1928 г. его здоровье испортилось окончательно, и он снова уехал лечиться за границу, откуда не возвращался почти два года. Руководство наркоматом перешло к Литвинову и Карахану, которые постарались получше «размежеваться», хотя первый не оставлял надежду официально занять пост наркома (о подобных амбициях со стороны Карахана нам неизвестно).

Длительное пребывание Чичерина вне России, когда он не участвовал в работе НКВД, но и не покидал официально свой пост, разумеется, вызывало толки как в наркомате, так и за его пределами. Он просился в отставку — Политбюро не отпускало. Возможно, ради поддержания международного престижа, поскольку авторитет Чичерина в мире был очень высок. Возможно, верное политике «разделяй и властвуй», проводившейся и в отношении других ведомств. Большинство членов Политбюро относилось к Чичерину отрицательно, считая его негодным наркомом, но Сталин уговаривал его не уходить с должности и работать хотя бы час-два в день. Чичерин не соглашался.

Картина прояснилась, когда в 1997 г. историк Александр Колпакиди опубликовал рассекреченные документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) в приложении к переизданию мемуаров Беседовского.

«Трудность в том, что никак нельзя быть наркомом на 1/2 или на 3/4, — писал Чичерин Карахану 11 ноября 1928 г. — Или нужна полнота сил для наркомства, или надо совсем уйти. Положение наркома не терпит частичной работы. Но в данный момент у меня нет даже сил для маленькой работы!» И в других письмах: «Я ни в коем случае не соглашусь на «сокращенную работу», не соглашусь быть декорацией». «Никогда, никогда, ни в коем случае, ни за какие коврижки не буду декоративной фигурой при фактическом наркOME Литвинове или еще ком-либо».

Конечно, дело было не только в болезни, хотя считать ее исключительно «дипломатической» — даже с поправкой на мнительность и капризы Чичерина — нельзя. Но чем дольше он оставался в Германии, тем двусмысленнее становилась ситуация. 25 марта 1929 г. полпред в Берлине Николай Крестинский писал Карахану в Москву: «Если человек настолько болен, что нуждается в серьезном клиническом лечении под строгим врачебным надзором с соблюдением тягчайшего режима, тогда его определяют в клинику, держат там месяца 2—3, а затем посылают за город, на курорт, на море, в горы... Если же человек сидит

полгода в большом городе в санатории для выздоравливающих, бегают по городу, по магазинам и пр., то никто не верит в серьезность его болезни, и начинаются слухи об его отставке, об его изгнании и т.д. ...Получается впечатление, что человек окончательно решил уйти от работы и хочет измором взять Москву, сделав, может быть, невозможным свое возвращение на работу»⁵.

Гораздо большую тревогу власть имущих вызывала перспектива того, что Георгий Васильевич может стать «невозвращенцем». Слово это вошло в советский политический лексикон в 1928—1929 гг., когда несколько высокопоставленных дипломатических и торговых работников по разным — отнюдь не только политическим — причинам отказались вернуться в СССР из заграничных командировок. Наибольшую огласку получили истории с бывшим председателем правления Госбанка Ароном Шейнманом и поверенным в делах в Париже Григорием Беседовским. Нарком-невозвращенец! — это было бы уже слишком. 1 апреля 1929 г. Карахан просил у Сталина разрешения съездить в Германию и уговорить Чичерина вернуться. Сталин не разрешил, видимо, надеясь убедить наркома лично. А может, увидел в предложении Карахана желание прокатиться за границу за государственный счет (да и дата какая-то несерьезная).

В 1929 г. полуопальный нарком написал Сталину несколько длинных писем политического характера, на которые генсек коротко, но исправно отвечал. По ним ясно, что Чичерин уже решил ни к какой работе не возвращаться, но хотел предостеречь московское руководство от возможных ошибок во внешней политике, выражаясь откровенно и порой даже резко. Он критиковал сокращения и чистки НКВД, дезорганизовавшие его работу, привлечение на дипломатическую службу малокультурных, необразованных, но агрессивных и р-р-революционных «выдвиженцев» из Коминтерна и комсомола, требования Центральной контрольной комиссии в адрес дипломатов отказаться от «роскоши» и «буржуазных замашек» вроде ношения фраков и смокингов...

Последний пункт возник в переписке наркома не впервые. Большинство советских дипломатов первого послереволюционного десятилетия было из политических эмигрантов. Они пусть и не блистали талантами, но знали иностранные языки и умели вести себя в приличном обществе. «Выдвиженцы» такими познаниями не обладали и с подозрением относились к тем, кто меняет белье и пользуется салфеткой по назначению.

В блестящем памфлете «Маяковский во весь рост» (1927), значение которого выходит далеко за пределы литературы, Георгий Шенгели так определил социальную базу поэзии «агитатора, горлана, главаря»... а заодно и всей большевистской революции*. Историки и политологи, к сожалению, Шенгели не читают:

«По аналогии с люмпен-пролетариатом, усматривается соответственная группа в другой толще, в мелкой буржуазии, в мещанстве, — люмпен-мещанство.

Процесс капиталистического развития постепенно пролетаризирует лавочника, мелкого фабриканта, комиссионера и проч., отодвигает куда-то на периферию «общества» (я разумею буржуазное общество) мелкого чиновника, аптекаря и т.д. ...В большом городе психика люмпен-мещанина заостряется до последних пределов... Картины социального неравенства резко подчеркивают неприкаянность люмпен-мещанина и напряженнее культивируют в нем беспредметно-революционные тенденции... Революционность люмпен-мещанина разбрасывается: враг — крупный буржуа, но враг и интеллигент — инженер или профессор. Враги — книги; враги — чистые воротнички; враги — признанные писатели и художники — и не потому, что они пишут «не так», а потому что они — «признанные». Враги студенты и гимназисты — потому что они «французский знают», а люмпен-мещанин не успел оному языку научиться. И при наличии некоторой активности и жизненной цепкости люмпен-мещанин выступает борцом против всех этих своих врагов»⁶.

Я не случайно привел эту цитату именно здесь. Большинство большевистских «вождей» и особенно карьеристов «второго ряда», пристроившихся на теплых местечках в Центральной контрольной комиссии (ЦКК), Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), Коминтерне и Коммунистическом интернационале молодежи (КИМ), Наркомпросе, Коммунистической академии, редакциях газет и журналов, происходило отнюдь не «от сохи», но не имело, как правило, даже законченного среднего образования. Их выгоняли из гимназии — кого за двойки,

* После того как в 1935 г. Сталин объявил Маяковского «лучшим и талантливейшим поэтом советской эпохи», Шенгели, выдающийся поэт, переводчик и стиховед, хотя и был репрессирован, но попал в длительную опалу, сказавшуюся и на его посмертной судьбе: его творческое наследие не только не оценено по достоинству, но даже не опубликовано в полном объеме.

кого за конфликты с начальством, подававшиеся задним числом как революционная деятельность. Многократно упоминаемые в письмах Чичерина в качестве «угрозы» для советской дипломатии член ЦКК комсомолец Лазарь Шацкин, секретарь Исполкома КИМ Виссарион Ломинадзе, коминтерновец Павел Миф (он же Михаил Фортус) как раз из их числа. Что же касается чисток, проводившихся ЦКК и РКИ под лозунгом «Простота, вызывающая уважение», то Чичерин еще 11 августа 1924 г. писал Карахану в Пекин, где тот был полпредом: «Вы не знаете, насколько все переменилось. Теперь наиболее сильны люди, не любящие красивых наружностей и хороших сигар». Последнее, несомненно, относилось к красавцу и барину Карахану.

Сталину Георгий Васильевич в 1929 г. писал куда более резко: «Если ЦКК прикажет сморкаться в кулак, я буду сморкаться в кулак в гостиной Штреземана (министр иностранных дел Германии в 1924—1929 гг. — *В.М.*), я не вызову его уважения, но испорчу наше международное положение — и без сморканья в кулак я мог достаточно убедиться, что наша простота или бедность вызывают не «уважение», но насмешки и вредят нашей кредитоспособности, торговой и политической, ибо торгуем мы с буржуазией и кредиты получаем от буржуазии, а не от компартий. Или нам не нужны торговля и кредиты???» Литвинов, конечно, в кулак не сморкался, но был значительно «проще» Чичерина, Карахана или Потемкина.

«Втаскивание к нам (в НКВД. — *В.М.*) сырого элемента, — писал Чичерин в «политическом завещании», — в особенности лишенного внешних культурных атрибутов (копание пальцем в носу, харканье и плевание на пол, на дорогие ковры, отсутствие опрятности и т.д. *), крайне затрудняет не только до зарезу необходимое политически и экономически развитие новых связей, но даже сохранение существующих, без которых политика невозможна... В главнейших странах без соблюдения этикетных требований просто не пустят на официальные торжества, где наше государство должно занимать свое место, а о персональных связях и думать нечего. Какой-то нелепый синий котелок с глобусом (попытки ввести форму для советских дипломатов. — *В.М.*) будет только вызывать всеобщий смех и делать наших людей дураками и посмешищами». Увы, «буржуазного» лоска советским дипломатам и после этого не хватало слишком часто.

* Картину падения общей культуры населения Москвы во второй половине 1920-х гг. ярко рисует дневник историка и педагога И.И. Шитца, впервые опубликованный в Париже в 1991 г.

Чичерин всячески предостерегал Сталина от преувеличенных надежд на «революционную ситуацию» в Европе, от превратных трактовок фашизма и абсурдной теории «социал-фашизма», от поддержки радикальных коммунистов, вроде Эрнста Тельмана, переходивших к насильственным методам борьбы, от авантюризма крикливой коминтерновской пропаганды. «Как хорошо было бы, если бы Вы, т. Сталин, — писал нарком 20 июня 1929 г., — изменив наружность, поехали на некоторое время за границу, с переводчиком *настоящим* (выделено мной. — В.М.), не тенденциозным. Вы бы увидели действительность. Вы бы узнали цену выкриков о наступлении последней схватки. Возмутительнейшая ерунда «Правды» предстала бы перед Вами в своей наготе».

Но сделать он уже ничего не мог. «Я смотрю на все эти пестрые картины, — писал Чичерин Молотову из Германии 18 октября 1929 г., — как путник на расстилающуюся перед ним долину, но путник, уже опустившийся на землю, выпустивший из рук посох и ожидающий наступления ночи, которая для него будет вечной ночью». Вячеслав Михайлович вряд ли в полной мере оценил сказанное.

Летом 1930 г. Чичерин вернулся в Москву. Уговаривать его ездил кремлевский доктор Лев Левин, будущий «убийца в белом халате», осужденный на процессе Бухарина—Рыкова. Отставка была неминуема, и нарком составил пространный документ, который можно назвать его политическим завещанием. Гриф: «Абсолютно конфиденциально. Совершенно лично. Безусловно секретно». Первая фраза: «Уважаемый товарищ, поздравляю Вас, но не завидую Вам». Последние фразы: «Вам будут про меня лгать. Заранее не верьте». Чичерин обращался к своему преемнику, подразумевая, что им будет не Литвинов, — согласно разным источникам, он рекомендовал вместо себя секретаря ЦК и члена Политбюро Вячеслава Молотова (который девять лет спустя действительно возглавит НКВД!) или Валериана Куйбышева, председателя ВСНХ и тоже члена Политбюро, в надежде, что их положение в партии обеспечит нормальную работу наркомата. Однако назначили Литвинова, и «завещание» осталось в архиве Георгия Васильевича, пока в 1997 г. его не опубликовал А. Колпакиди.

25 июля его официально отправили в отставку. Американскому журналисту Луи Фишеру, прожившему в Москве полтора десятилетия, Чичерин сказал, что узнал об этом из утренних газет. «Я точно игрушка, сломанная неосторожным ребенком», — обронил он однажды. В советских биографиях «дипломата ленинской школы» о последних годах его жизни вообще ничего

не говорится. Работать он уже не хотел и не мог, а если бы и хотел, то не был бы ни к какой работе допущен. Чичерин, уединенно живя в небольшой квартире на Арбате, порядок в которой поддерживала женщина из obsługi дипкорпуса, проводил время за книгами и у рояля. Он редко показывался на людях и избегал любого общения. Постоянная депрессия начала переходить в нервное расстройство. Несмотря на многолетние хлопоты, ему так и не удалось осуществить свое заветное желание — издать, хотя бы маленьким тиражом «на правах рукописи», эту о Моцарте. Советские дипломаты таких книг не писали — это больше подошло бы Луи Барту или Аристиду Бриану. Монография была опубликована только через много лет после смерти автора и получила высокую оценку специалистов.

Георгий Васильевич Чичерин умер 7 июля 1936 г. Для советской дипломатии это было время Лиги Наций и «коллективной безопасности». На гражданской панихиде в здании Наркоминдела речь произнес Крестинский, посвятив ее... критике всей политики покойного. Говорят, так велел Сталин — и, надо полагать, не возражал Литвинов⁷. Официально о Чичерине вспомнили в СССР только четверть века спустя. А настоящая, полномасштабная и непредвзятая оценка этого выдающегося государственного деятеля, по-моему, еще впереди.

Я называю Чичерина евразийцем в том широком смысле, который придается этому понятию в современной геополитике. Нет ли в этом какой-то искусственной модернизации или; попросту говоря, притягивания за уши? Давайте послушаем, что говорили о его политике старые евразийцы, «евразийцы» в точном историческом смысле этого слова.

В программной работе «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (1925) виднейший теоретик евразийства князь Николай Трубецкой писал о большевиках: «В области внешней политики мы отмечаем отказ от фальшивых славянофильских и панславистских идеологий, отказ от подражания империалистическим замашкам «великих» европейских держав. По отношению к Востоку впервые взят правильный тон, соответствующий исторической сущности России-Евразии: впервые Россия признала себя естественной союзницей азиатских стран в их борьбе с империализмом стран европейской (романо-германской) цивилизации. При советской власти Россия впервые заговорила с азиатами как с равными, как с товарищами по несчастью, и отбросила ту совершенно ей не идущую роль высокомерного культуртрегера-эксплуататора, которая прежде

ставила Россию в глазах азиатов на одну доску с теми романо-германскими хищниками-поработителями, которых Азия всегда боялась, но также всегда и ненавидела»⁸.

Не ограничиваясь оценкой существующего положения дел, Трубецкой в той же работе нарисовал идеальный образ евразийской внешней политики для России: «В международных отношениях будущая Россия, сознательная хранительница наследия Чингисхана, не будет стремиться стать европейской державой, а, наоборот, будет всячески отмежевываться от Европы и европейской цивилизации... Она не будет вмешиваться в европейские дела, не будет брать сторону той или иной из борющихся в европейских странах партий или идеологий, не будет считать своим союзником ни одну из европейских социальных групп (выпад против классово-ориентированной дипломатии как старого, так и нового режимов. — *В.М.*). В частности, борясь с международным капиталом как с одним из факторов европейской цивилизации, она не будет считать своим полным союзником европейский пролетариат, учитывая, что, хотя этот пролетариат тоже борется с капиталом, но борется только наполовину, только для того, чтобы международный капитал уступил ему часть барышей, которые он наживает, эксплуатируя «нецивилизованные» страны. Полная же гибель международного капитала и прекращение его эксплуататорского властвования над «нецивилизованными» или «полуцивилизованными» странами, т.е. *именно то, что должно быть целью России* (выделено здесь и далее мной. — *В.М.*) для европейского пролетариата невыгодно и неприемлемо, совершенно так же, как и для европейской буржуазии.

Наоборот, — продолжает Трубецкой необычный, но очень логичный анализ, — в отношениях своих к странам и народам неевропейской цивилизации будущая Россия должна руководствоваться чувством солидарности, видя в них естественных союзников, одинаково заинтересованных в преодолении империализма европейской цивилизации. Россия должна остерегаться от всяких попыток присоединить к себе ту или иную страну, не входящую в географические пределы Евразии... Но в то же время с этими неевразийскими, чисто азиатскими* странами Россия должна поддерживать и культурное общение, и самые оживленные торговые сношения, а сверх того, более их умудренная опытом, *должна организовывать их в противодей-*

* Евразийцы четко отделяли Россию-Евразию в пределах Российской империи как от Европы, так и от Азии, включавшей Ближний Восток, Иран, Индию, Китай и т.д.

стии против европейской цивилизации... и помогать им творить и развивать их собственные национальные культуры».

Тремя годами ранее, когда большевистская власть еще не укрепилась внутренне и почти никем не была признана извне, Трубецкой поместил во втором программном сборнике евразийцев «На путях» статью «Русская проблема», где дал конкретный и точный анализ первых шагов дипломатии Ленина—Чичерина на азиатском направлении:

«Ведя свою коммунистическую пропаганду среди «азиатов», большевики с самого начала сталкивались с одним общим явлением. Чисто коммунистические идеи за отсутствием в азиатских странах подходящих социально-бытовых условий всюду оказывались сравнительно малопопулярными. Зато необычайный успех имела проповедь, направленная против романо-германцев и романо-германской культуры. Коммунистическая пропаганда воспринималась как национальная проповедь против европейцев и их приспешников... Большевики были отчасти рады этому недоразумению, так как оно давало им возможность хотя бы обманным образом использовать в своих целях недовольство значительных масс населения Азии. Но все же особенно поощрять такое «неправильное»^{*} понимание коммунистической пропаганды и дать ему вылиться в теоретически обоснованное и серьезно продуманное национальное движение они, коммунисты и интернационалисты, конечно, не могут...

И все же дело сделано, — подытожил князь, постепенно переходя от настоящего к будущему. — В сознании значительной части «азиатов» большевики, а вместе с ними и Россия, прочно ассоциировались с идеями национального освобождения, с протестом против романо-германской и европейской цивилизации. Так смотрят на Россию в Турции, в Персии, в Афганистане и в Индии, отчасти в Китае и в некоторых других странах Восточной Азии. И этот взгляд подготавливает будущую роль России. России уже не великой европейской державы, а огромной колониальной страны (Трубецкой предвидел возможность попадания России в экономическую и политическую зависимость от Европы и США и при «белых», и при «красных». — *В.М.*), стоящей во главе своих азиатских сестер в их совместной борьбе против романо-германцев и европейской цивилизации. В победоносном исходе этой борьбы — единственная надежда на спасение России.

В прежнее время, когда Россия *еще была* великой европейской державой, можно было говорить о том, что интересы России сходятся или расходятся с интересами того или иного евро-

пейского государства. Теперь такие разговоры бессмысленны. Отныне интересы России неразрывно связаны с интересами Турции, Персии, Афганистана, Индии, быть может, Китая и других стран Азии. «Азиатская ориентация» становится единственно возможной для настоящего русского националиста. Но если сознание населения значительной части азиатских стран подготовлено к тому, чтобы принять Россию в ее новой исторической роли, то сознание самой России к этой роли отнюдь не подготовлено».

Читал ли Чичерин эту статью Трубецкого и другие «утверждения евразийцев»? Наверняка сказать не могу, но почти не сомневаюсь, что читал или хотя бы проглядывал. До середины двадцатых евразийская и сменовеховская литература попадала в Советскую Россию почти свободно, позже — выборочно (Лев Гумилев нашел некоторые из них в открытом доступе ленинградской Публичной библиотеки еще в середине тридцатых!). В любом случае, наркому по иностранным делам «достать» их никакого труда бы не составило. Возможно, ему докладывали об этом по службе, поскольку большевики не только внимательно следили за евразийцами, но пытались заигрывать с ними, чтобы использовать в своих целях. Некоторые поддались — левое крыло, но не Трубецкой с Савицким. Так что нарком наверняка знал об этих похвалах в свой адрес.

Не менее интересно и поучительно перечитать сегодня самого Чичерина. Сборник его «Статей и речей по вопросам международной политики», изданный в 1961 г., через двадцать пять лет после смерти наркома, «кончившего дни свои глухо, в опале», охватывает только часть официальных выступлений, без упоминания «неудобных» имен и фактов. В многотомной серии «Документы внешней политики СССР» также опубликован ряд документов Чичерина, в основном переписка с полпредами и записи бесед с иностранными дипломатами. Собрать как следует его наследие не удосужились даже при Советской власти. А сейчас оно вроде как и вообще никому не нужно...

Я не уверен, что этот том в пятьсот страниц, несмотря на внушительный тираж, стоит у вас на полке или находится под рукой. Поэтому решил составить небольшой «цитатник», который может дополнить мою предыдущую книгу, захватывающую чичеринский период советской дипломатии, и прояснить многое в том, о чем будет говориться дальше.

Литвинов отказался от «наследия» Чичерина. Не будем идеализировать Георгия Васильевича и его взгляды, тем более выражавшиеся публично, с соблюдением обязательной в таких

случаях риторики. Но давайте перечитаем, что он писал о советской внешней политике в отношении Востока, отделяя зерна геополитики от плевел агитпропа. И подумаем, прав или не прав был князь Трубецкой.

Доклад на Пятом съезде Советов, 4 июля 1918 г.

«Социалистическая Россия... заявила поработленным восточным народам, что она сама не только готова отказаться от подобных прав (экстерриториальности и др. — *В.М.*), но и приложить все свои усилия, чтобы совместно с народами Востока добиться отмены этой вопиющей несправедливости и дать возможность народам Востока восстановить утерянную ими свободу... Мы готовы отказаться от тех контрибуций, которые под разными предложениями были наложены на народы Китая, Монголии и Персии прежним русским правительством. Мы бы только хотели, чтобы эти миллионы народных денег пошли на культурное развитие народных масс и на дело сближения восточных демократий с российской. Понятно, какое впечатление произвела на народные массы Востока Октябрьская революция. События в России прежде всего нашли отзвук у наших азиатских соседей. Великий переворот пробудил в них стремление к новой, свободной жизни...

Мы готовы допустить японских граждан, стремящихся к мирному использованию естественных богатств в Сибири, к широкому участию в нашей промышленной и торговой жизни... Мы готовы возобновить торговый тракт (договор. — *В.М.*) и рыболовную конвенцию с Японией, являющуюся источником благосостояния японского народа... Русский народ хотел бы протянуть японскому народу свою руку и установить свои взаимоотношения на здоровых и прочных началах» (с. 58—61).

Статья «Россия и азиатские народы», август 1919 г.

«Вступивший первым на путь социальной революции, русский пролетариат является протагонистом, указывающим дорогу трудящимся массам *чисто азиатских стран* (евразийский термин, но еще до первых манифестов евразийцев. — *В.М.*), которые инстинктивно чувствуют основное единство, связывающее их по самому существу их экономического положения с революционными трудящимися массами России... Тесные политические и партийные связи, существующие между представителями трудящихся масс Китая, Японии, Кореи и Персии и трудящихся масс России, — это лишь внешние признаки гораздо более глубокого единства, создаваемого общностью положения этих масс как «человеческого навоза» для процветания западноевропейского и американского мирового сверхимпериа-

лизм. Будучи европейским революционным пролетариатом, русский пролетариат есть в то же время *первый из азиатских*, восстающих против капиталистического ига трудящихся народов, показывающий дорогу своим братьям (выделено везде мной. — В.М.)» (с. 97).

Статья «Год восточной политики Советской власти», ноябрь 1921 г.

«Истекший год... характеризуется значительным усилением национальных движений восточных народов, стремящихся к полной политической самостоятельности и экономической независимости. История всех восточных государств за этот срок ознаменована крупными событиями и, между прочим, представляет картину непрерывного и все более тесного сближения с ними Советской России, ставящей во главу угла своей восточной политики полную симпатию к стремлениям восточных народов к укреплению и развитию своей самостоятельной политической и экономической жизни... Куда мы ни посмотрим, повсюду в Азии происходит укрепление связей восточных государств с Советской Россией или начинается сближение их с последней. Восточные народы сознают все с большей ясностью, что Советская Россия есть бескорыстный друг, безусловно симпатизирующий их стремлениям» (с. 195—196).

Беседа с корреспондентом «Известий» о положении на Дальнем Востоке, 25 октября 1922 г.

«Советская Россия и Китай (дипломатично не уточняется, какой из его режимов. — В.М.) — естественные союзники, и этой дружественной политике между ними принадлежит будущее. Китайская общественность прекрасно понимает, что Советская Россия чужда каких бы то ни было намерений, не согласуемых с полнейшей политической и экономической независимостью Китая и его самостоятельным развитием. Советская Россия — единственное крупное государство, готовое всячески поддерживать полную независимость Китая во всех отношениях и полный расцвет его самостоятельного развития» (с. 223).

«Вместо предисловия», журнал НКВД «Международная жизнь», № 1, 1923.

«Главное отличие восточной политики Советской России от царской политики заключается в том, что последняя всеми доступными мерами старалась задержать экономическое, а также и политическое развитие восточных стран, препятствовать пробуждению и независимому развитию их производительных сил, в то время как, наоборот, советская политика ставит своей задачей всемерное содействие самому широкому са-

мостоятельному развитию собственных производительных сил восточных стран и народов, их возможно широкому независимому развитию, от которого трудящиеся массы Советской России, то есть Советская Россия сама, могут только выиграть» (с. 240).

«Международное положение СССР», доклад на II сессии ЦИК СССР, 18 октября 1924 г.

«Чрезвычайно важным фактором международного положения является постепенное усиление колониальных и полуколониальных народов и их постепенные успехи на пути политического и экономического освобождения. Тесные связи, существовавшие у Советского правительства с народами Востока с самого начала его существования, все больше крепнут и развиваются... Чем больше империализм дает чувствовать восточным народам свою хищническую природу, тем больше в них развивается тяга к неразрывной и тесной дружбе с СССР. Чрезвычайно важным отрицательным фактором мировой политики является империалистический англо-американский блок, тяжелая рука которого чувствуется во всем мире» (с. 300).

Интервью газете «Ле Пти Паризьен», опубликованное 4 января 1925 г.

«Вопрос: Каковы перспективы вашей азиатской политики?

Ответ: Перед нами и народами Азии встают *те же проблемы* (выделено мной. — В.М.). Весь старый азиатский континент всколыхнулся новой возрождающейся жизнью. Там наблюдается подъем и всеобщее пробуждение древних народов, которые очнулись от длительной спячки...»

Простите, товарищ народный комиссар, здесь я вас прерву!

У Ленина есть известная статья «Пробуждение Азии» (1913). У Валерия Брюсова есть куда менее известное стихотворение «Проснувшийся Восток» (1911) и развивающая его идеи статья «Новая эпоха во всемирной истории», опубликованная в 1913 г., но вчерне написанная еще в конце 1904 г. Думаю, что Чичерин читал и Ленина, и Брюсова. В статье Ленина, кроме не им придуманного яркого заглавия, ничего интересного нет. А вот Брюсова процитировать стоит.

«Не гул ли сумрачной Цусимы сон древней грезы разбудил?» Именно он. Так считал идеолог «пробуждения Японии» и автор одноименной книги 1904 г. Окакура Какудзо. Так говорил Рабиндранат Тагор во время лекционного турне по Японии в 1916 г., имевшего огромный успех. И еще многие-многие другие.

«Давно прошло то время, когда о Востоке (Ближнем) можно было говорить

Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой цена*.

Революция в Персии, революция в Турции, движение в Марокко, сопротивление, оказанное арабскими племенами итальянцам в Триполитании, — все это показывает, что ислам проснулся. Он еще не вполне пришел в себя, еще не высвободился из-под тяжелой пяты европейцев, но уже собирает силы. Единство священного Корана, общность алфавита, общность главных преданий, общность великих писателей прошлого объединяют его. Придет час, когда ислам встанет на защиту своей религии и своей культуры, на борьбу с христианской Европой, притязающей быть самодержцем на земном шаре. Можно ли предугадать, какие неожиданные силы найдет в себе ислам, если мы не сумели предугадать сил обновленной Японии?

Панмонголизм и панисламизм — вот две вполне реальные силы, с которыми Европе скоро придется считаться. Третья такая сила должна зародиться в черной Африке. Европейцы совершенно напрасно думают, что Африка — страна, которую можно безнаказанно грабить целые века и население которой в XX веке можно держать в положении рабов, как то делают бельгийцы в своем Конго. Мы скоро услышим еще один лозунг: «Африка для черных!» Народы Дальнего Востока с их чуждой, непонятной нам культурой, мир ислама, объединенный общей верой, и мир черных — вот три ближайших угрозы европейской культуре. Гибельно будет, если грядущее столкновение с ними застанет европейцев занятыми, подобно русским князьям, своими «удельными» распрями...

Нашествие Востока на Запад, возрождение ислама, объединение черных и падение Европы кажутся многим слишком громадными событиями, не по нынешним «маленьким» временам. Они забывают, что именно неожиданное чаще всего и сбывается в истории... История мерит тысячелетиями, а мы, маленькие люди, живущие десятки лет, никак не приспособимся к ее масштабу»⁹.

Брюсов закончил эту статью за год до Первой мировой войны, полностью находясь во власти панъевропейских настроений, с которыми Чичерин, конечно, согласиться не мог. Война и революция существенно изменили взгляды Валерия Яковлевича. Он не был европоцентристом и предостерегал — совсем как Трубецкой — от смешения понятий «культура» и «европей-

* Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» (1841).

ская культура», «цивилизация» и «европейская цивилизация». Приняв после долгих и мучительных колебаний сторону большевиков как единственной силы, способной сохранить империю, Брюсов в послереволюционные годы эволюционировал в сторону евразийства, взглядам которого был не чужд и ранее (осознание геополитического противостояния России и Англии и т.д.). Однако насчет истинного характера новой власти он не обольщался, поставив ей точный диагноз еще в ноябре 1905 г. в памфлете «Свобода слова», отвечавшем на статью Ленина «Партийная организация и партийная литература». Брюсов-геополитик приветствовал создание Закавказской федерации (ЗСФСР), а затем Советского Союза, охватившего практически всю евразийскую «сердцевинную землю». Лениным же он восторгался скорее как художник, сравнивая его с «любимцами веков» Александром Македонским, Цезарем, Наполеоном.

Не знаю, были ли знакомы лично Брюсов и Чичерин, но не знать друг о друге они, конечно, не могли. Причем с дореволюционных лет: известный поэт и прозаик Михаил Кузмин, знакомый Брюсова с января 1906 г., был ближайшим гимназическим другом Чичерина и общался с ним (с перерывами) до конца двадцатых; кстати, оба родились и умерли в одни и те же годы. Думая о Валерии Яковлевиче и Георгии Васильевиче, вижу в них определенное сходство. Аристократ Чичерин теоретически мог считать «купеческого сына» Брюсова плебеем, хотя как человек интеллигентный вряд ли так делал. При Советской же власти оба казались «недорезанными буржуями». Чичерин посвятил важнейшую часть своей жизни внешней политике, не переставая думать о литературе и музыке. Брюсов, поэт, прозаик, переводчик, критик, редактор, не переставал следить за мировой политикой и оставил ряд примечательных статей на политические темы. Не став поэтом, он мог бы стать выдающимся государственным деятелем, министром иностранных дел явно не хуже Извольского или Сазонова. Или наркомом по иностранным делам Совета народных комиссаров, как знать...

Но вернемся к интервью Чичерина газете «Ле Пти Паризьен».

«Они (народы Азии. — *В.М.*) вступают в новую эру участия в современной цивилизации во всем ее размахе; они делают огромные усилия для того, чтобы обеспечить себе свободное развитие в политической и экономической областях, а также в области человеческой культуры во всем ее размахе и без какого-либо посягательства.

Право народов самим распоряжаться своей судьбой, на не-

зависимое развитие, их участие во всех завоеваниях современной цивилизации, их борьба против сил, стремящихся помешать им идти по этому пути, — вот те проблемы, которые стоят перед народами Азии и которые в связи с *общностью целей* (выделено мной. — В.М.) объединяют их с народами Советской федерации» (с. 338—339).

Речь на III съезде Советов СССР, опубликованная 16 мая 1925 г.

«Древние народы Азии теперь выступают как молодые юноши, полные огня, перед которыми широчайшие перспективы и которые с чрезвычайной энергией рвут те путы, которые на них еще остаются... Все народы Востока знают, что мы не добиваемся никакого господства и никакого влияния (ну, тут уж позвольте не поверить. — В.М.) — ни открытого, ни скрытого, ни явного, ни замаскированного, ни политического, ни экономического. Мы не стремимся ни к какой эксплуатации более отсталых экономически народов Востока. В этом корень нашего действительного влияния на Востоке, которое не имеет ничего общего с тем, что называют влиянием капиталистические государства, и которое есть нечто совершенно иное, есть сознание солидарности и общности интересов в усилиях, направляемых параллельно к аналогичным целям... В настоящий момент нельзя не видеть, что английская дипломатия с чрезвычайной гибкостью пытается приспособиться к этим изменяющимся отношениям, и в основе своей это показывает, до какой степени уже успели измениться отношения между пробуждающимися народами Востока и мировыми империалистическими силами» (с. 390—391).

И так далее.

Ну и что?! — может сказать читатель, утомленный длинными цитатами. Знаём. Советская пропаганда! Большевистская демагогия!

Согласен. Именно так!

Все, что говорят и пишут дипломаты всех стран при исполнении ими служебных обязанностей, по определению является пропагандой и демагогией. Более того, пропагандой и демагогией является еще и большая часть того, что они пишут и говорят, находясь в отставке и предаваясь сочинению мемуаров. Еще Талейран говорил: «Язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли». А он был большой дока по этой части.

Только почему же многие историки и в нашей стране, и за границей с обожанием внимают всему, что говорили или писали Черчилль или оба Рузвельта, Теодор и Франклин, — вот, дес-

кать, исторический источник! При этом их глаза горят праведным гневом при упоминании имен Риббентропа или Муссолини, а губы брезгливо кривятся на цитаты из Молотова или, скажем, Чичерина. Пропаганда, демагогия...

Да что об этом долго говорить! И так все ясно — двойной стандарт, один для победителей, другой для побежденных. Демагогии в речах и заявлениях Чичерина ничуть не больше, чем у всех его тогдашних коллег, будь то Чарльз Юз или Роберт Лансинг, лорд Керзон или Остин Чемберлен, Луи Барту или Густав Штреземан, Сидэхара Кидзюро или Муссолини (дуче был сам себе министр иностранных дел). Опошленная многими десятилетиями советской пропаганды, эта риторика набила нам оскомину. Но тогда слова большевистского министра звучали совершенно по-иному.

В Японии Чичерина услышал не только Гото. Выходивший в Токио англоязычный журнал паназиатской направленности «Asian Review» поместил в ноябре 1920 г. примечательную статью «Белая» проблема в Азии». Статья не была подписана, а ее радикальный тон вызвал подозрения, что автор — не японец, как утверждал журнал, а индийский националист-эмигрант. Так или иначе, она появилась на страницах органа радикальных японских националистов, поскольку за журналом стояли старейшие националистические организации Общество Черного Океана (Гэнъёся) и Общество реки Амур (Кокурюкай). Те самые, которые при всем своем антикоммунизме два с половиной года спустя будут приветствовать в Токио посланца «красной России» Адольфа Иоффе.

«Стремительно приближается время, — говорилось в ней, — когда Европе и Америке придется признать, что их народы не могут иметь в Азии больше прав и привилегий, чем народы Азии — в пределах Европы или Америки. Западу придется признать справедливость требований, что азиаты должны пользоваться теми же самыми правами в Европе и Америке, что европейцы и американцы хотят иметь в Азии.

Тем временем мир наблюдает зарю новой эры международных отношений. Идеалисты революционной России дебютировали тем, что пустили по ветру секретные и прочие договоры старого режима как клочки бумаги и провозгласили независимость подданных всех рас, азиатов и европейцев. Это первый случай в анналах дипломатии и внешней политики, когда Европа была честной и искренней по отношению к Азии. Впервые в мировой истории к Востоку и к Западу относятся на равных. Поэтому каждый интеллектуал Нового Востока с

энтузиазмом славит рождение большевизма как духовной силы. Поскольку видит в Молодой России единственного западного товарища в деле освобождения мира от экономической эксплуатации, империализма и иностранного гнета... 7 ноября 1917 г. дало отсчет Году Первому эпохи Мирового Освобождения»¹⁰.

Напоминаю, это писал журнал, считавшийся «ультраправым»! Известный не только у себя на родине, но и за океаном, журналист Каваками, имевший японское имя Киёси и христианское Карл, год спустя включил эту статью в представительную антологию «Что думает Япония», изданную в Нью-Йорке. За ней следовала статья Гото «Японский вопрос в Америке» о дискриминационной иммиграционной политике США, направленной на вытеснение японцев, прежде всего фермеров, из страны. Сюжет тоже хорошо известный.

В августе 1931 г., уже после отставки Чичерина, лидер и идеолог японского национального социализма Окава Сюмэй опубликовал статью «Внешняя политика Советского Союза»¹¹. Он был близок к журналу «Asian Review», который я только что цитировал, а в 1916 г. переводил на японский язык лекции Тагора. Помимо традиционной дипломатии (нормализация отношений, договоры и т.д.), Окава обратил особое внимание на такие акции Советской власти и Коминтерна, как съезды народов Востока и обращения к трудящимся-мусульманам. Статья появилась в журнале «Гэккан Нихон», главном органе национально-социалистического движения, и предназначалась прежде всего для «своих». Но популярность Окава как среди интеллектуалов, так и в националистических кругах не оставляла сомнений в том, что круг ее читателей был куда более широк, чем «группа поддержки» автора.

Окава был убежденным антикоммунистом и всеми силами боролся с влиянием «красных» внутри Японии, но в то же время внимательно изучал опыт революционной борьбы Ленина, Ганди и Кемаля-паши. Коммунистическое движение он осуждал за интернационализм, считая подлинной революцией только ту, которая имеет национальный характер. Кстати, в Ленине он видел национального революционера — возможно, в соответствии с распространенной в те годы точкой зрения о противоборстве в русской революции двух начал: национального «большевизма» и интернационального «коммунизма» — каким бы надуманным это ни казалось сегодня. Окава считал, что никакие иностранные модели, основанные на особенностях других стран и культур, Японии в качестве образца не подходят, но

их изучение полезно для создания собственной модели преобразований.

Во внешней политике Окава твердо придерживался евразийской ориентации. Еще с начала 1920-х гг. он выступал против японо-американского союза, за нормализацию отношений с СССР и объединение всех сил Азии в борьбе против «белого империализма», к лагерю которого Советскую Россию не относил. Отсюда его высокая оценка восточной политики Ленина — Чичерина, хотя от большевистской идеологии автор, конечно, отрекся. В отличие от многих единомышленников, Окава скептически относился к перспективе союза с Китаем, ссылаясь на распространение проамериканских (т.е. атлантических) взглядов среди молодого, наиболее перспективного поколения его политической и интеллектуальной элиты. Однако он был за достижение взаимопонимания и расширение сотрудничества с Китаем, чтобы предотвратить участие этой страны, раздираемой внутренними противоречиями и политическими интригами третьих стран, в любой антияпонской коалиции.

Приведенные цитаты из статей и речей Чичерина, касавшихся «Азии» или «Востока», относились главным образом к Турции, Персии, Афганистану, Монголии и Китаю. Японию он в число «угнетенных», но «пробудившихся» не включал, хотя и не рассматривал ее как часть англо-американского блока. И чтобы лучше понять, какое наследие оставил Георгий Васильевич для развития советско-японских отношений, необходимо продолжить наш «цитатник».

Разумеется, официальные заявления Чичерина четко отражали изменения линии большевистского руководства в отношении Японии. В июле 1918 г. от имени Совнаркома он предложил Японии экономическое сотрудничество, однако уже в этой речи звучали угрожающие нотки — на случай возможного отказа (с. 61). Предложения остались без ответа. В годы интервенции и Гражданской войны в речах и нотах явно господствовал «негатив». «Эвакуация Приморья, — заявил нарком 25 октября 1922 г., — для нас... недостаточна, пока не разрешится благоприятным образом вопрос о Северном Сахалине» (с. 221). С возвращением Северного Сахалина, нормализацией двусторонних отношений и подписанием Пекинской конвенции появились совершенно иные сюжеты.

3 марта 1925 г. на III сессии ЦИК СССР Чичерин многозначительно говорил: «Дружественные отношения с нашим Союзом имеют для Японии большое политическое значение. Действительно, теперь, когда с усилением удельного веса домини-

онов (Британской империи. — В.М.) вражда белого человека к цветным расам играет в политике многих государств все большую роль, когда Америка воспретила японскую иммиграцию и Филиппинские острова составляют ее (Америки. — В.М.) базу, когда Сингапур является местом военной базы на случай войны с Японией, для Японии имеет существенное значение обеспечение тыла. Таким обеспечением тыла для Японии и являются дружественные отношения с нами.

Но есть еще и другие, более важные причины. Вся политика Японии должна измениться от изменившихся отношений в бассейне Тихого океана. Чем больше Япония чувствует враждебное отношение английских доминионов и Америки, тем больше Япония должна искать для себя опору в азиатских международных отношениях и тем большую роль для будущей политики Японии должно сыграть сближение ее с нашим Союзом» (с. 368—369).

Это евразийская геополитика в действии.

В анонимной статье «Японские летчики — вестники сближения», опубликованной в «Известиях» 30 августа 1925 г., обозревая непродолжительную, но богатую событиями историю японо-советских контактов, Чичерин вернулся к теме японо-английского и японо-американского противостояния. Ссылаясь на только что опубликованные документы видного американского аналитика Томаса Милларда (известного антияпонской и прокитайской ориентацией), которые он готовил для Вашингтонской конференции, нарком делал совершенно четкий вывод: «Для Америки выгодно продолжение враждебных отношений между Россией и Японией (выделено мной. — В.М.), ибо это делает Японию более уступчивой по отношению к Америке и ослабляет силу ее сопротивления... Отсюда исключительное значение для Японии ставки на СССР... Попытки прикрытия глубокого антагонизма между Америкой и Японией формулами временных соглашений в области китайской политики нисколько не устраняют этого антагонизма» (с. 456—460).

Разве не актуально это звучит сегодня, хотя прошло почти семьдесят лет?! В том-то и сила геополитики — она актуальна всегда. Поэтому не любят ее мифотворцы и ревнители «политической корректности» всех направлений и оттенков.

Это «великая война континентов», Тихоокеанский театр военных действий.

Не буду называть Чичерина японофилом, а Литвинова японофобом. Это было бы слишком прямолинейно. Отношение обоих к Японии отражало их геополитическую ориентацию в

целом. Думаю, Чичерин был вполне искренен в своих похвалах деятельности Гото, что не мешало ему торговаться с японским гостем и отказывать ему, коль так постановила «Инстанция». Интересно, что Литвинов во время единственной, к тому же сугубо протокольной, встречи с виконтом в Москве 3 января 1928 г. нашел-таки случай добавить свою «ложку дегтя». После дежурных фраз: «единственное пожелание, которое он (Гото. — *В.М.*) может здесь услышать от нас, это чтобы советско-японские отношения сохранились и крепились», — замаркома по «Западу», чтобы «отойти скорее от китайской темы» (его собственные слова), заявил:

«В то время как между нашими властями и японским посольством в Москве, нашим посольством и японскими властями в Токио существуют самые дружественные отношения (читая «Документы внешней политики СССР» за эти годы, можно подумать, что полпредство в Токио находилось на осадном положении. — *В.М.*), взаимоотношения между нашими представителями и японскими представителями в третьих странах иногда заставляли желать много лучшего. Наши представители, зная о существующей между нами и Японией дружбе, идут к японским представителям с открытым сердцем и с дружески протянутой рукой, но зачастую встречают со стороны последних более чем холодные отношения.

Я не хочу называть конкретных примеров, — записывал Литвинов свои слова, — чтобы это не носило характера жалобы, но японское правительство могло бы дать общие указания своим представителям, и этим был бы положен конец ненормальному положению вещей. Гото выразил пожелание, чтобы при следующей встрече со мной я мог бы конкретно назвать страны, так как это было бы очень поучительно»¹².

Рядовой, казалось бы, случай, а сколь многое из него видно. Во-первых, откровенная жалоба. Во-вторых, без конкретных деталей. В-третьих, совершенно не по адресу: Гото — не сотрудник МИД и не член правительства, у него другие задачи, права и обязанности. Знай наших! Всего один частный пример того характерного литвиновского стиля «с примесью наглости и дерзости», как определил его германский посол в Москве фон Дирксен.

Конечно, не отход Чичерина от дел и не замена его Литвиновым привели к изменениям внешней политики СССР. Ее определяло Политбюро, сделавшее с 1933 г. ставку на улучшение отношений с атлантистскими державами и на конфронтацию с Германией и Японией. Литвинов идеально подходил для

практического осуществления такой политики — ему не приходилось насиловать себя, осложняя отношения с Рейхом. Дирксен, представлявший Германию в Москве в 1929—1933 гг., вспоминал:

«Мое официальное общение с ним оказалось несколько более трудным, нежели с его предшественником (Чичериным, *ит. В.М.*), по причине того, что Литвинов не был заядлым сторонником политики Рапалло, но всего лишь вынужденно следовал ей по долгу службы. Хотя он горячо отрицал какие-либо сомнения и колебания в отношении его веры в возможность сотрудничества с Германией, симпатии его явно были на стороне Великобритании, где он провел годы ссылки и женился на англичанке. Его, безусловно, сурово одернули бы, продемонстрируй он какие-либо признаки отклонения при проведении внешней политики в каком-либо особом направлении. В целом, однако, он оставался лояльным к истинной вере до тех пор, пока приход национал-социалистов к власти не предоставил ему приятного предлога стать одним из первых покинувших идущий ко дну корабль политики Рапалло. Дальнейший ход его карьеры был весьма показательным, поскольку начиная с этого времени и далее любое его появление на политической сцене было вызвано желанием Кремля продемонстрировать свою примирительную позицию по отношению к англосаксонским державам»¹³.

Перемена внешнеполитического курса выразилась в отказе не только от «политики Рапалло», но и от политики Чичерина—Карахана в отношении Японии. Не буду гадать относительно причин удаления Карахана из Москвы полпредом в Турцию в 1934 г., но его давняя взаимная антипатия с Литвиновым наверняка сыграла свою роль. После этого «восточные дела» в Наркоминделе оказались в руках людей, не знавших Востока и не претендовавших ни на какую самостоятельность, — насмерть перепуганного троцкиста Григория Сокольников, затем Бориса Стомонякова, которого Чичерин в «завещании» охарактеризовал как «сухого формалиста, без гибкости, без политического чутья, драчливого, неприятного, портящего отношения». С такими «кадрами» добиться партнерства или добрососедства было нелегко.

В тридцатые годы политическое наследие Чичерина осталось невостребованным. Советская дипломатия решительно развернулась лицом к Западу. Просматривая недавно опубликованные совершенно секретные решения Политбюро этих лет по Японии, мы не видим среди них ни одного крупного доку-

мента, а самыми важными вопросами оказываются железнодорожный (продажа КВЖД) и рыболовный. Создается впечатление, что и Сталин до самого конца десятилетия был больше занят внутривластными проблемами, нежели тем, что творилось в «капиталистическом окружении». Радикальные подвиги начинаются только в 1939 г., когда «вождь народов» начинает не только контролировать внешнюю политику, но и вести ее самостоятельно. Отставка Литвинова. Назначение Молотова. Министры иностранных дел Германии и Японии в Кремле жмут руку Сталину. Георгий Васильевич до этого не дожил.

ГЛАВА 2

Хунхузы, фашисты и квантунцы: очаг напряженности в Маньчжурии

*Установку я предпочитаю
На сопротивление и борьбу*

*Николай Дозоров
(Арсений Несмелов)*

О Маньчжурии двадцатых и особенно тридцатых годов минувшего века как переплетении жизненных интересов многих стран — прежде всего Китая, России и Японии — написаны тысячи книг на разных языках, не говоря уже о журнальных и газетных статьях. Одно их изучение займет полжизни, если не всю жизнь. И даже тема российско-японских отношений — точнее, ни на минуту не прекращавшегося соперничества Советского Союза и Японской империи — в Маньчжурии настолько объемна, что потребовала бы отдельного тома, а то и нескольких. Многое уже сделано, поэтому я остановлюсь только на ряде факторов, оказывавших заметное и, надо сказать, негативное воздействие на отношения между нашими странами.

В заголовок я вынес слова «хунхузы», «фашисты» и «квантунцы», которые нуждаются в пояснении.

«Хунхузы» — это маньчжурские бандиты разных национальностей, объединявшиеся в группировки различной численности и степени организованности. Заурядные, пограбив и погуляв вволю, обычно погибали от руки себе подобных или птиц более высокого полета, которым удавалось держать под контролем более или менее значительные территории. Самый жестокий и удачливый становился хозяином края, который держал всех в страхе и облагал данью. Бандиты помельче шли к нему в услужение, а век непокорных длился недолго: публичные казни неорганизованных бандитов бандитами органи-

зованными, которые называли себя «властью», были обычным делом.

Когда в начале 1910-х гг. Китай погружался в хаос революции, маньчжурским «паханом» стал сильнейший из хунхузов Чжан Цзолин, криминальное прошлое которого уходило во времена японо-китайской войны 1894—1895 гг. Он не умел ни читать, ни писать, но помимо упорства и жестокости обладал политическим умом и незаурядной житейской сметкой. Он провозгласил себя маршалом и увешался орденами, многие из которых получил от своих товарищей по «управлению» другими провинциями бывшей Цинской империи, купался в роскоши, но ни на минуту не забывал, что по принципу «сегодня умри ты, а завтра я» живет не он один.

Блестящую характеристику ему дал американский историк Дж. Стефан: «Он выглядел как ученый, ведущий сидячий образ жизни, — хрупкий, узкоплечий, с мягкими чуть ли не до робости повадками. Но под этой скромной внешностью гнездилась воля, способная к изощренной жестокости. Однажды он пригласил в свою штаб-квартиру девять китайских банкиров, заподозренных в финансовых махинациях. Прочитав им назидательную лекцию по этике, он приказал отрубить всем головы. Его чувство справедливости требовало, чтобы казни проводились с изобретательностью и блеском... Чжан Цзолин относился к хунхузам прохладно — вероятно, они слишком напоминали ему о его собственном прошлом. Обычно он их не трогал, если они не зарились на то, что он считал источником своего законного дохода. По временам, однако, Старый Маршал вершил скорый суд, напоминая бандитам, что всему есть предел... Щедрой рукой отмеряя смерть, Чжан тщательно заботился о самозащите. Он выписал из Детройта сработанный в 1921 г. по специальному заказу бронированный «паккард-седан» со стальными шторками на окнах, сиденьями для шести телохранителей и двумя 0,50-дюймовыми пулеметами с водяным охлаждением. Куда бы он ни ехал из своей штаб-квартиры в Фынъяне, он, чтобы сбить с толку потенциальных убийц, садился в один из четырех бронированных автомобилей, которые пускались в путь в четырех разных направлениях»¹.

Впрочем, ни бронеавтомобили заморской работы, ни военные хитрости Чжан Цзолину не помогли. Японцы, на которых он долгое время ориентировался, не простили ему флирта с американцами в конце двадцатых: 4 июля 1928 г. личный поезд «старого маршала» взлетел на воздух под Мукденом (ныне Шэньян). Причастность к этому японских спецслужб или, по край-

ней мере, штаба и разведки Квантунской армии не была секретом ни для кого. Однако сын диктатора, «молодой маршал» Чжан Сюэлян, бывший в отличие от отца неплохо образованным, не только железной рукой подхватил вожжи и продолжал публичные казни хунхузов*, но и занял резко антияпонскую позицию. Мира и спокойствия это не предвещало.

«Фашисты» в нашей истории — это члены Всероссийской (ранее — Российской) фашистской партии (ВФП), крупнейшей политической организации белой эмиграции на Дальнем Востоке, выросшей из маленькой группки под названием «Российская фашистская организация». Появление в Харбине — естественном центре русской диаспоры в Маньчжурии еще с дореволюционных времен (в 1922 г. из 485 тысяч его населения 120 тысяч составляли русские) — в сентябре 1925 г. восемнадцатилетнего беглеца из Советской России Константина Родзаевского вскоре решило судьбу движения. В 1928 г. он возглавил демонстрацию, во время которой со здания Харбинского юридического института, где он учился, был сорван советский флаг (институт финансировался КВЖД). Вызванный на институтский совет для дисциплинарного разбора, Родзаевский, не моргнув глазом, объявил себя «главой российских фашистов», подобно тому как Бенито Муссолини является главой итальянских фашистов. Одним из источников его вдохновения была книга сменовеховца Николая Устрялова «Итальянский фашизм», вышедшая в Харбине в том же году (и через семьдесят лет переизданная в Москве). Устрялов был критиком фашизма, но критиком знающим, дававшим подробную информацию о том, что критикует. Молодого «луче» исключили из института, но в период конфликта на КВЖД годом позже он все-таки добился получения диплома. 26 мая 1931 г. в Харбине была официально создана РФП, речь о которой пойдет дальше.

Наконец, «квантунцы» — это Квантунская армия, в то время не только мощная военная группировка и административная система, но и политическая сила. О ней тоже написано много, правда, за пределами Японии — мало стоящего. Нас же будет интересовать главным образом положение молодого маньчжурского диктатора и русской эмиграции (ВФП была ее наиболее политически активной частью) между Советской Россией и Японией, а также отношение «квантунцев» ко всем перчисленным силам.

* Фотографии некоторых из них после Второй мировой войны фигурировали в качестве доказательства «японских зверств» в Китае.

Начнем с истории правления «молодого маршала», краткой, но бурной. В тридцать лет он стал наследником отца — фактического главы национального правительства, признанного большинством держав, — а потому должен был определить свою линию по отношению не только к местным конкурентам вроде Чан Кайши (Гоминьдан) или Фэн Юйсяна (Национальная армия), но и к главным внешнеполитическим силам — СССР, Японии, США и Великобритании. Ситуация же менялась на глазах и не в его пользу. К середине 1928 г. гоминьдановские войска заняли Пекин, переименованный в Бэйпин, и вскоре державы признали нанкинское правительство Чан Кайши «центральным». В следующем году Чан Кайши нанес сильное поражение Фэн Юйсяну. США и Германия решительно поставили на Гоминьдан и начали помогать ему: американцы — деньгами, немцы — военными советниками, среди которых был даже бывший главком рейхсвера Ханс фон Сект.

Власть «молодого маршала» теперь ограничивалась Маньчжурией, и он сразу же после смерти отца начал наводить мосты в сторону нанкинского режима, выразив готовность официально признать его в качестве единственного центрального, но выговорив для Маньчжурии автономию, а для себя — практически неограниченную власть в ней. Это не понравилось Японии, наиболее амбициозные военные и политики которой, включая премьер-министра генерала Танака Гиити, стремились если не захватить ее, то по крайней мере полностью поставить под свой контроль. «8 августа (1928 г. — *В.М.*) Танака заявил, что если Чжан Сюэлян не изменит своей позиции в отношении нанкинского правительства, то Япония будет вынуждена использовать любые средства для защиты своих прав в Маньчжурии. С целью оказать давление на Чжан Сюэляна японская армия, дислоцированная в Шэньяне (Мукдене. — *В.М.*), начала крупные военные учения, — излагает ход событий историк-китаист З.Д. Каткова. — Но японцам удалось только на полгода отсрочить опубликование декларации о присоединении Маньчжурии к Китаю. Гоминьдановский флаг в Мукдене был поднят в конце декабря 1928 г. ... Чжан Сюэлян был введен в состав нанкинского правительства и назначен командующим Северо-восточной армией и заместителем главнокомандующего всеми сухопутными, воздушными и морскими силами Китая», чего, собственно, и добивался.

Теперь у потомка хунхузов стало гораздо меньше препятствий для проведения антияпонского курса. Он принял меры к сокращению товарооборота с Японией и к ее вытеснению с

маньчжурских рынков, начал строить магистрали, параллельные Южно-Маньчжурской железной дороге (ЮМЖД), с целью ее экономического ослабления и не спешил выполнять железнодорожные контракты с японцами, заключенные его отцом. «По мере укрепления своих позиций, — продолжает З.Д. Каткова, — Чжан Сюэлян поставил под сомнение возможность пользования самими японцами их специальными правами в Маньчжурии: располагать ограниченные контингенты японских войск вдоль железных дорог, осуществлять административную власть в районах, являвшихся или собственностью японцев, или взятых в аренду, держать отряды полицейских... Анти-японская направленность политики Чжан Сюэляна проявлялась также в поддержке деятельности массовых организаций против колонизации Маньчжурии японскими империалистами»². Был даже поднят вопрос о «возвращении» Китаю прав на ЮМЖД, которая по условиям Портсмутского мира 1905 г. отошла к Японии.

Негативную реакцию Токио вообразить не трудно. Союз с Нанкином, признанным всеми главными державами (3 июня 1929 г. это была вынуждена сделать и Япония), существенно усилил позиции Чжан Сюэляна, так что «активная» политика премьера Танака в Маньчжурии потерпела неудачу. В конце июня 1929 г. его кабинет (партия Сэйюкай) был вынужден подать в отставку в результате вмешательства императора Сёва, рассерженного тем, что Танака скрыл от него правду о причастности офицеров Квантунской армии к убийству Чжан Цзолина. Либеральные наставники молодого монарха — *гэнро* («государственный старейшина») Сайондзи и лорд-хранитель печати Макино — отнеслись к этому с неодобрением, хотя и не симпатизировали генералу-премьеру. Они считали, что политика — дело не императора, а его окружения. К власти пришла партия Минсэйто, а пост министра иностранных дел занял Сидэхара Кидзюро, возглавлявший японскую дипломатию в 1924—1927 гг. Он был известен как сторонник «дипломатии иены», склонный к диалогу, а не к конфронтации. Чжан Сюэлян и его присные восприняли это как проявление слабости.

В этой ситуации Москва выглядела скорее союзником Токио, хотя старательно подчеркивала свой нейтралитет, не желая ссориться с хозяевами Маньчжурии. По договору 31 мая 1924 г., декларировавшему полное равенство сторон на КВЖД, СССР отказался от всех «империалистических» привилегий, и контроль над дорогой постепенно переходил в руки китайцев. Однако уже в середине января 1926 г. возник серьезный конф-

ликт из-за требований «старого маршала» бесплатно перевозить его войска, что встретило закономерный отказ советской стороны (договор предусматривал половинную плату за военные перевозки). Решить возникшие затруднения миром не удалось: когда китайцы начали останавливать поезда, начальник дороги Иванов приказал вообще прекратить движение, но сам был арестован местными властями. После решительного демарша Москвы товарищи по пекинскому правительству посоветовали Чжан Цзолину восстановить порядок, что он и сделал. Чичерин не замедлил выразить «старому хунхузу» благодарность, но тот воспринял заявление наркома как проявление слабости и продолжал лавировать между державами. Это хорошо понял Сталин, писавший 16 сентября Молотову: «Сила Чжана состоит, между прочим, в том, что он знает теперь... что мы не пойдем на военное вмешательство, что мы и тогда, полгода назад, не думали идти на Харбин, что ввиду этого ему нечего бояться... В этом секрет!.. Мягкостью и болтливостью вздумали купить Чжана у японцев!.. Теперь я могу с полной уверенностью сказать, что Чжан ограничится уколами, и до захвата КВЖД дело не дойдет на данной стадии. Чжан и через него Япония (и Англия) шупают, пробуют силу нашего сопротивления... Вопрос о КВЖД и Чжане нам придется поставить в ближайшем будущем во весь рост».

О «железнодорожном узле» российско-японских отношений, включая все перипетии истории КВЖД, я планирую написать отдельно, а эти факты привожу лишь для напоминания о существовавшем в Маньчжурии очаге напряженности. Решить проблему можно было только силой, а позиции Москвы и Коминтерна в Китае после разрыва Чан Кайши с коммунистами и изгнания советских военных и политических советников в апреле 1927 г. значительно ослабели. Да и амбиции Чжан Сюэяна, подогреваемые умеренной политикой Японии и антисоветским курсом США, вскоре привели его к военному столкновению с СССР.

Весной 1929 г. на КВЖД вспыхнул новый конфликт. 27 мая полиция захватила генконсульство СССР в Харбине, обнаружив немало документов о разведывательной и пропагандистской работе дипломатов. По городу прокатилась волна арестов. Дубань (так по-китайски назывался председатель правления дороги) потребовал от советского управляющего А.И. Емшанова немедленно передать ему все дела, а после его отказа 10 июля полиция заняла телеграфную сеть КВЖД и разогнала все советские учреждения. Чан Кайши поддержал действия Чжан Сюэяна, но не только из-за нелюбви к коммунистам. Глава

Гоминьдана не переставал сомневаться в лояльности своего союзника, а потому решил на всякий случай ослабить его позиции конфликтом с СССР. 13 августа Реввоенсовет объявил о создании Особой Дальневосточной армии (ОДВА) во главе с В.К. Блюхером. 16 августа Москва разорвала дипломатические отношения с Китаем. Национальное правительство продолжало придерживаться жесткой линии, но теперь роли переменялись: Чжан Сюэлян, начавший понимать, что дело может обернуться настоящей войной на его территории, стал подумывать о компромиссе, но Нанкин решительно запретил ему идти на уступки. Единством мнений китайские лидеры, как всегда, не отличались.

29 августа Сталин писал Молотову: «Дело не только и даже не столько в том, чтобы ликвидировать так или иначе конфликт. Дело также в том, чтобы своей твердой позицией *разоблачить* до конца и подорвать авторитет правительства Чанкайши (так в оригинале. — В.М.) как правительства лакеев империализма, желающих стать образцом «национальных правительств» колониальных и зависимых стран». Настроенный на силовое решение и, надо полагать, полный решимости отплатить гоминьдановскому вождю за его антисоветский поворот в 1927 г., Сталин в постскриптуме резко отозвался о действиях НКВД по урегулированию конфликта, предпринимавшихся при участии германского посла в Москве фон Дирксена: «Видно, что вы немного сдрейфили и дали китайцам обойти вас. И это в то время, когда победа была обеспечена». Китайцы потребовали отставки Емшанова и его помощника Эйсмонта, Москва — отставки дубаня, «на котором лежит непосредственная ответственность за нарушение договора и за захватнические действия на КВЖД». Первое требование было принято Москвой и в опубликованную декларацию попало; на второе китайцы неохотно и после проволочек согласились, но этот пункт остался только в виде устного заявления. «Таким образом, — продолжал Сталин, — мы должны подписать бумагу (декларацию), говорящую о нашей неправоте и правоте китайцев вопреки всякой очевидности! Это называется: предоставить побежденному противнику плоды своей победы. Я вижу здесь «мудрость» Литвинова—Бухарина. А что, если китайцы не согласятся после такой декларации (подписанной нами) на смещение Дубаня? А ведь они имеют право не соглашаться с этим, так как в декларации, нами подписанной, ничего не сказано о назначении нового Дубаня. Что вы намерены тогда делать? Остается одно: скушать пилюлю. Жаль, очень жаль».

Германские дипломаты, симпатизировавшие Чан Кайши и одновременно активно сотрудничавшие с СССР, пытались урегулировать ситуацию. США и Великобритания симпатизировали Чан Кайши, но придерживались антисоветской ориентации: в памяти еще был свеж разрыв англо-советских отношений правительством Болдуина. Япония же занимала позицию благожелательного нейтралитета в отношении СССР. Не учитывать эти факторы Сталин не мог и «кушать пилюлю» тем более не собирался. После неудачи на дипломатическом фронте он решил воевать, тем более что отряды белоэмигрантов на границе уже начали локальные боевые действия, на которые Чжан Сюэлян и Чан Кайши закрывали глаза. Снова слово товарищу Сталину:

«С Китаем будет возня. Кстати, мне кажется, что пора нам перейти на точку зрения *организации* повстанческого революционного движения в Маньчжурии. Отдельные отряды, посылаемые нами в Маньчжурию для выполнения отдельных, эпизодического характера заданий, — дело, конечно, хорошее, но это *не то*. Теперь надо пойти на *большее*. Нам нужно организовать две двухполковые бригады главным образом из китайцев, снабдить их всем необходимым (артиллерия, пулеметы и т.п.), поставить во главе бригад китайцев и пустить их в Маньчжурию, дав им задание: поднять восстание в маньчжурских войсках, присоединить к себе надежных солдат из этих войск (остальных распустить по домам, обезглавив предварительно ком<андный> состав), развернуться в дивизии, занять Харбин и, набравшись сил, объявить Чансуеяна (Чжан Сюэяна. — В.М.) низложенным, установить революционную власть (погромить помещиков, привлечь крестьян, создать советы в городах и деревнях и т.п.). Это необходимо. Это мы можем и, по-моему, должны сделать».

Сценарий не сработал, несмотря на наличие «человеческого материала» из перебежчиков и местных китайцев в приграничных районах. С 17 ноября началось успешное наступление ОДВА на территорию Маньчжурии. Москва немедленно заявила об отсутствии у нее территориальных претензий и слово свое сдержала, что дополнительно содействовало успеху Красной Армии.

3 декабря США, Франция и Англия обратились к Советскому Союзу с заявлениями, в которых выражалась «серьезная надежда на то, что Китай и Россия воздержатся или откажутся от враждебных мер и сочтут возможным прийти между собой в ближайшее время к соглашению о разрешении мирными сред-

ствами всех вопросов, которые являются в настоящее время предметом конфликта между ними». Тут доброжелатели явно подставились. В официальном ответе, появившемся на следующий день, не без иронии говорилось: «Советское правительство не может не выразить своего изумления, что Правительство Соединенных Штатов Америки, которое по собственному желанию не находится ни в каких официальных отношениях с Правительством Советского Союза, находит возможным обращаться к нему с советами и указаниями». Сказанное звучало особенно веско с учетом принципиально и жестко антисоветской позиции американского госсекретаря Стимсона и президента Гувера. Сталин похвалил: «Америку и Англию с Францией с их попыткой вмешательства довольно грубо отбрили. Мы не могли иначе поступить. Пусть знают большевиков».

Оказавшись один на один с армией Блюхера, Чжан Сюэлян «запросил прощенья». 19 ноября его дипломатический комиссар в Харбине Цзян Юньшэн сообщил агенту НКВД на Дальнем Востоке А.А. Симановскому, что уполномочен немедленно начать переговоры. 22 ноября Симановский ответил, что Советский Союз, конечно, стоит за мирное решение, но не приступит к переговорам без выполнения дополнительных условий: восстановление на КВЖД status quo на момент начала конфликта; восстановление в правах Емшанова и Эйсмонта; освобождение всех арестованных советских граждан. Тем временем ОДВА продолжала успешно наступать. 3 декабря в Никольске-Уссурийском и 22 декабря в Хабаровске были подписаны протоколы об урегулировании конфликта. Для решения оставшихся проблем 25 января 1930 г. в Москве должна была открыться специальная конференция, которая после бесчисленных отсрочек с китайской стороны началась только 11 октября.

Позиция Японии в глазах Москвы выгодно отличалась от отношения других стран. Открытый демарш в поддержку «красных» был неприемлем для Сидэхара и премьера Хамагути, ориентировавшихся на атлантистские державы, но и любить Чжан Сюэляна им было не за что. Как отметил Дж. Ленсен, Япония «понимала, что, если захват КВЖД китайцами останется безнаказанным, следом атаке подвергнутся ее собственные железнодорожные права»³. В Токио, конечно, опасались усиления коммунистов в Китае, но одновременно хотели ослабления Чан Кайши и его союзников — чтобы стали сговорчивее. В Лондоне и Вашингтоне, напротив, желали его усиления в противовес как Токио, так и Москве. «Маньчжурский узел» затягивался все туже.

Конференция по проблемам КВЖД продолжалась без каких-либо результатов до сентября 1931 г. Потом грянул гром — Квантунская армия захватила Маньчжурию. Совершившееся никто не признал законным, включая Советский Союз, который, впрочем, не спешил предпринимать активные действия. Чжан Сюэлян сошел с политической сцены, превратившись в очередного генерала без армии, а КВЖД оказалась в руках японцев. В Москве это поняли четко и вполне реалистически оценили ситуацию. Но это уже отдельная история.

Семейство Чжанов и их хунхузы были не единственным противником Советского Союза в Маньчжурии. Там оказалось много эмигрантов, бежавших от большевиков в годы Гражданской войны. Особенностью русской диаспоры в этих краях было большое количество тех, кто, строго говоря, не был ни «белым», ни «красным», — в основном служащие КВЖД, жившие за пределами Российской империи с дореволюционных времен и не вовлеченные в политические бури на родине. Окончательный переход дороги в советские руки в 1924 г. принудил их определиться, но только немногие стали активными коммунистами или, напротив, открытыми врагами новой власти. Большинство принадлежало к так называемым «редискам» — красные снаружи, белые внутри, — которые приняли советское гражданство, дабы не потерять работу и иметь возможность прибегнуть к защите дипломатических и консульских учреждений (жизнь эмигрантов, людей без паспортов, была куда более тяжелой и опасной). Они честно работали, как и раньше, не очень задумываясь о том, что происходит в далекой Москве, но и не спешили возвращаться домой. Появились в Маньчжурии и вновь прибывшие «советчики», так что панорама русской диаспоры здесь была куда более пестрой, чем в Европе, где линия фронта между «красными» и «белыми» русскими была видна со всей отчетливостью.

О русской диаспоре — термин «эмиграция» применим лишь к части ее — в Маньчжурии написано тоже много. Сначала это были выходившие в Харбине и Шанхае русские издания; потом судьба разметала их авторов, издателей и читателей по всему миру, вплоть до экзотического архипелага Тубобао в Тихом океане. Последние пятнадцать лет активно пишут об этом и в России, используя все, что накопило русское зарубежье, но, увы, не всегда ссылаясь на источники. Я же ограничусь краткой историей дальневосточных русских фашистов — принципиальных противников Советской власти, которые после оккупации Маньчжурии японцами стали их союзниками. Точнее сказать, подручными. Как и почему это получилось?

«С русскими беженцами, — пишет Дж. Стефан, — Чжан Цзолин вел себя по-джентльменски... Десять тысяч забайкальских казаков получили от него в подарок обширную территорию вдоль реки Аргунь в Северной Маньчжурии. Тысячи русских работали в его правительственных учреждениях, армии и полиции, причем им часто отдавалось предпочтение перед китайцами... Он, как правило, не вмешивался в деятельность их организаций, хотя у него и были серьезные трения с эмигрантами, входившими в администрацию КВЖД (до соглашения 1924 г. — *В.М.*)»⁴. Нашли применение своим силам и многие эмигранты из числа военных, пошедшие на службу к китайским генералам.

Харбин, по единодушному мнению живших в нем в двадцатые годы, был совершенно русским городом. До 1924 г. он оставался если не «белым», то вполне «дореволюционным» и никак не «красным». С переходом КВЖД в советские руки ситуация начала меняться. «Повсеместное советское проникновение приводило многих эмигрантов в состояние хронической подозрительности, граничившее с паранойей. «Красный агент», «шпион Коминтерна» — эти слова то и дело звучали в разговорах, и почти каждого харбинского общественного деятеля — будь то социалист, либерал, монархист, казак или фашист — противники в какой-то момент объявляли шпионом Кремля. Независимо от того, подтверждались эти обвинения или нет, они раздирали общество на части»⁵. Подозрительность была не беспочвенной: помимо КВЖД и целого ряда легальных советских учреждений, занимавшихся, кроме официальной, еще и пропагандистской деятельностью, в городе имела мощная резиденция ОГПУ.

Харбинские фашисты были не просто еще одной группой противников коммунизма и Советской власти, которую открыто не любили все эмигранты, а втайне и большинство «редисок». Это движение — подобно «младороссам», «новопоколенцам» и «солидаристам» в Европе — отражало разочарование эмигрантской молодежи в «стариках», проигравших Гражданскую войну «красным», не сумевших предотвратить всеобщее признание СССР и, наконец, в основном смирившихся с перспективой жизни на чужбине. У людей поколения Родзевского (родился в 1907 г.) не было умильных воспоминаний о «прежней», дореволюционной России, зато был горький опыт братоубийственной войны и жизни в «Совдепии» (будущий «фюрер» успел побывать и в комсомоле). У большинства из них не было ни образования, ни специальности, что лишало их воз-

возможности устроиться на сколько-нибудь приличную работу. Все места и так были заняты более квалифицированными людьми, в которых неудачники склонны были видеть «буржуев», «очкариков», «жидов» или «советских шпионов». Молодость и энергия, причем энергия часто разрушительная, требовали выхода.

Родзаевский стал персонификацией этого поколения, его идеализма и воли, жестокости и отчаяния. Дж. Стефан, которого уж точно нельзя заподозрить в симпатиях к фашистам, все-таки подпал под обаяние своего героя: «Несмотря на заурядную внешность, в Родзаевском чувствовалась притягательная сила. Он буквально излучал энергию. Казалось, он живет в постоянном движении — бежит, плывет, шагает, жестикулирует... Когда Родзаевский был на людях, он старался вести себя по образцу Бенито Муссолини. С заметным успехом копируя жесты и риторику дуче, он прослыл страстным оратором, правда, с замашками оперного певца. Даже сойдя с трибуны, он разговаривал в быстрой и отрывистой манере, из-за чего самые пустяковые вещи звучали как нечто важное... Главными слабостями Родзаевского являлись импульсивность и доверчивость. Решения он принимал мгновенно... Блестящий демагог, он был наивен и гипнотизировал своими речами в первую очередь себя же. Предельно откровенный, он не понимал, что кто-то может воспользоваться его легковерием»⁶. Замечу, что эти же черты были прищипаны и Муссолини.

Изначально Родзаевский не отличался прояпонскими настроениями. Идеолог и оратор, он умел собирать вокруг себя единомышленников, но в силу известной непрактичности не очень-то преуспел в поиске влиятельных союзников или спонсоров. Роль организатора молодого движения взял на себя сын генерала Михаил Матковский, родившийся в 1903 г. в Петербурге и скончавшийся в январе 1996 г. в Томске в возрасте 92 лет. По непроверенным сведениям, он работал на советскую разведку с 1935 г. и во всяком случае неплохо помог «органам» в сорок пятом. «Родзаевский был убежденным фашистом, ярким антисемитом, воинствующим антикоммунистом. Матковский был прагматиком, безразличным к расистским догмам; во главу угла он ставил полезные связи с сильными мира сего, будь то китайцы, японцы или даже советские. Если Родзаевский возглавлял русское фашистское движение, то Матковский укреплял его. Каждый, чувствуя соперничество, относился к другому с недоверием, но по отдельности они не смогли бы добиться успеха. Двадцать лет они, пряча разногласия, работали бок о

бок»⁷. Впрочем, в Харбине претензий Родзаевского на роль Вож-
дя никто не оспаривал.

Я не буду анализировать здесь идеологию русского фашизма — об этом кроме новаторской для своего времени книги Сте-
фана есть отличные работы А.В. Окорочкова и С.В. Онегиной;
переизданы сочинения Родзаевского и «Азбука фашизма» его
главного пропагандиста Геннадия Тараданова, который после
насильственной репатриации и лагерей работал в московской
газете для русских эмигрантов «Голос Родины». Интересующий-
ся читатель сам может найти эти книги. Речь пойдет о другом —
о сотрудничестве русских фашистов с японцами в перспективе
советско-японских отношений.

Первый съезд РФП полуконспиративно состоялся в Харби-
не 26 мая 1931 г., меньше чем за четыре месяца до начала окку-
пации Маньчжурии. При «молодом маршале» фашисты развер-
нуться не успели, хотя их первые организации неизменно де-
монстрировали приверженность и ему, и его отцу. Харбин был
занят Квантунской армией 5 февраля 1932 г. 18 февраля было
провозглашено отделение Маньчжурии от Китайской респуб-
лики (т.е. от режима Чан Кайши), 1 марта — создание Маньч-
жоу-го. Сомнений относительно его «независимости» ни у кого
не было: японцы поначалу делали вид, что только помогают
молодому государству и опекают его. О двенадцатилетней ис-
тории Маньчжоу-го, начатой японским блицкригом и окончен-
ной советским, надо написать отдельно, причем подробно. Осо-
бенно нужна такая книга русскому читателю: в наших довоен-
ных работах факты затемнялись пропагандой и обличениями, а
после войны об этом вообще предпочитали не писать.

Японцы действительно хозяйничали в Маньчжурии как хо-
тели, эксплуатируя ее наравне со своими колониями. Однако
нельзя не признать и положительной стороны их господства.
Сегодняшняя «политкорректность» предписывает — прежде
всего самим японцам — пореже вспоминать о том, что именно
«колонциалисты» создали экономику Тайваня и Кореи, пока эти
территории принадлежали им. В Маньчжурии новые хозяева
успели сделать гораздо меньше, но и там они существенно мо-
дернизировали экономику, промышленность (особенно добы-
вающую), транспортную инфраструктуру, городское хозяйство,
медицину, но главное — навели относительный порядок в крае,
наводненном хунхузами. Да, режим Маньчжоу-го был колони-
альным и полицейским, но от «усмирения» маньчжурских бан-
дитов и «генералов», мало отличавшихся от бандитов, выигры-
вало и местное население. Его поставили под жесткий контроль,

в том числе идеологический, но оградили, хотя не полностью и не сразу, от прежнего «беспредела»⁸.

При «молодом маршале» Харбин в общественно-политическом отношении был довольно-таки вольным городом, особенно для эмигрантов, не представлявших никакой опасности для диктатора. С приходом японцев ситуация переменялась. «Квантунцы» и «новые бюрократы», среди которых было немало реформаторов праворадикальной ориентации, решили все унифицировать и объединить — в самой Японии они смогут добиться «введения единомыслия» только в 1940 г. в рамках «новой политической структуры» и Ассоциации помощи трону. Они требовали полного и беспрекословного подчинения, а ослушников ждали репрессии и кары. Нельзя игнорировать и тот факт, что уже к концу двадцатых Квантунская армия фактически стала «государством в государстве», где процветали не только самоуправство, но и злоупотребления. Ведь сама оккупация Маньчжурии была, как убедительно доказали историки после войны, спланирована не в Токио, а в штабе Квантунской армии, причем не высшим командованием, а группой способных и амбициозных офицеров во главе с будущим генералом Итагаки и Исивара. Мукденский инцидент (взрыв полотна железной дороги) 19 сентября 1931 г. и последовавшая за ним стремительная оккупация целого ряда населенных пунктов были для японского министерства иностранных дел и даже для военного министерства (!) таким же сюрпризом, как и для всего остального мира. После первого броска «квантунцы» уже не считались ни с кем и ни с чем, включая собственное начальство и даже армейское командование.

Русским эмигрантам, людям без гражданства и покровительства, предстояло определиться — идти в подчинение японцам или уезжать. В 1932 г. из ста двадцати тысяч русских, живших в Харбине в 1922 г., осталось меньше половины, причем главный отток был вызван войной и оккупацией. Новым интеллектуальным и культурным центром диаспоры стал Шанхай. В Маньчжурии же остались главным образом люди «неидеологических» профессий, торговцы, а также те, кто сделал ставку на Страну восходящего солнца. Кто-то в наивной надежде одолеть с ее помощью ненавистных большевиков и вернуться на белом коне в Россию. Кто-то из карьеристских соображений — таких, пожалуй, было больше. Наконец, многим просто некуда было деться.

Сотрудничество Родзаевского с японцами было предопределено многими факторами. Во-первых, новые хозяева Маньч-

журии хотели объединить всех русских эмигрантов; фашисты — тоже. Во-вторых, «квантунцы» отличались особенно антисоветским настроем и смотрели на эмигрантов как на передовой отряд борьбы с «красными», поэтому им были нужны не либералы, но твердокаменные антисоветчики. В-третьих, популярные в диаспоре люди, вроде бывшего приморского губернатора Гондатти или бывшего управляющего КВЖД Хорвата, не хотели и слышать о сотрудничестве с ними (Гондатти был известен антияпонским настроем еще до революции). С другой стороны, давний союзник японцев атаман Семенов успел во многом растерять былую популярность даже у своих казаков, «севших на землю» и утративших боевой дух, а интеллигенция всегда относилась к нему с нелюбовью и презрением. Даже дальновидным японцам он казался всего лишь «осколком разбитого вдребезги». Поэтому на первых порах пришлось ограничиться генералом семеновского производства Кислицыным (весной 1931 г. «император Кирилл Первый» — великий князь Кирилл Владимирович — произвел его в генералы от кавалерии) и председателем Российской фашистской партии генералом колчаковского производства Косьминым. Но очень быстро на первый план выдвинулся генеральный секретарь РФП Родзаевский, придумавший себе такую же должность, как у Сталина, — и по названию, и по сути.

Ближайшими «опекунами» РФП стали майор Акикуса Сюн из военной разведки *токуму кикан*, подчиненной Генеральному штабу, и авантюрист Константин Иванович Накамура, служивший в военной жандармерии *кэмизэй*. Он был настоящим японцем, принявшим православие и имевшим русскую жену. Вообще же в Маньчжурии некоторые японцы, так или иначе связанные с русской эмиграцией, полуофициально брали себе русские имена, и даже военного министра генерала Араки Садао почтительно величали «Саввой Даниловичем» или «Саввой Ивановичем» (тут мемуаристы расходятся). Говорят, он тоже был православным, но документальных подтверждений этому я не встречал.

Решение Родзаевского сотрудничать с японцами вызвало раскол в рядах фашистского движения, но несогласным пришлось покинуть партию, а вслед за тем и страну. После этого Косьмин впутался в скандальную историю с присвоением японских денег и похищением богатого фермера и был вынужден оставить свой пост. С начала 1933 г. Родзаевский стал единственным и бесспорным вождём РФП, принявшись за дело со всей присущей ему энергией и страстностью. Надо сказать, что при

этом он отдавал все церемониальные почести атаману Семенову, включая его в число «вождей человечества» вместе с Муссолини, Гитлером и Араки.

Уже в 1932 г. — конечно, не без содействия японцев — отделения партии открылись в Шанхае, Тяньцзине, Синьцзине (бывший Чанчунь — ныне столица Маньчжоу-го), Дайрене, Кэйдзэ (ныне Сеул), Кобэ, Токио и на Карафуте (Южный Сахалин). Немногочисленность «соратников», как они официально именовались, компенсировалась активностью и размахом работы. Политическому просвещению служил журнал «Нация»; к массовому читателю апеллировала газета «Наш путь»; об «Азбуке фашизма», впервые вышедшей в 1934 г., уже говорилось.

Помимо формы, знамен, знаков различия и приветствий у РФП был гимн, написанный поэтессой Марианной Колосовой на музыку марша Преображенского полка. Родзаевский проповедовал создание новой русской литературы, которую называл «национально-волевой» и «национально-созидательной». Помимо партийных журналов и газет ее образцы можно найти в альманахе «Прибой», выходившем в Харбине в годы Второй мировой войны. Первым поэтом русских фашистов стал любимец литературной молодежи Арсений Несмелов, правда, предпочитавший печатать агитки под псевдонимом «Николай Дозоров». Большой литературной ценности они, как и аналогичные сочинения других авторов, не представляют, но любопытны как исторический факт. Вот стихотворение из цикла «Письмо с границы»: сборник «Дозорова» «Только такие. Стихи о борьбе за Родину», вышедший в Шанхае в 1936 г. с предисловием Родзаевского. Ксерокопию этой редчайшей книги прислал мне профессор Вадим Крейд, главный редактор нью-йоркского «Нового журнала» и знаток поэзии русского зарубежья, за что ему большое спасибо.

Мне Россия сегодня не снится, —
Наяву я ее узнаю:
Я стою у заветной границы,
У российской границы стою!
Манит родина тайной бездонной,
Русским ветром бросает в меня...
За рекой, у строенья кордона,
Пограничник седлает коня.
Шестикратным приближенный Цейсом,
Он как будто бы рядом возник:
Между мною и красноармейцем

Триста двадцать шагов напрямик.
Вот он кинул винтовку за плечи,
Подтянул на груди патронташ,
И уже он на сопке, далече, —
Русский парень, и наш, и не наш!

О вкусах не спорят, но лично мне эти стихи нравятся. В отличие от большинства опусов «Дозорова», это — настоящий Несмелов.

Русские фашисты страстно обличали все, что делали кремлевские властители, и надо признать, что многое из сказанного и написанного ими — чистейшая правда. Кое-что актуально звучит и сегодня, когда идеи и лозунги Родзаевского оживают в программах некоторых праворадикальных организаций — конечно, без запретного слова «фашизм». Непреклонный, фанатичный антисемитизм Родзаевского не прибавлял ему популярности в городе с большой еврейской общиной, члены которой тоже бежали от «жидобольшевиков», но идеи социальной справедливости и гарантий, корпоративного государства и поощрения инициативы, бесспорно, привлекали к нему эмигрантскую молодежь. Японцы смотрели сквозь пальцы на идеологические экзерсисы Вождя, тем более что все необходимые пропагандистские клише про «миссию Ниппон» и «царский путь» (*вандао* — официальная идеология Маньчжоу-го) в них, конечно, присутствовали.

Дж. Стефан дал исторически обоснованную, но все же одностороннюю характеристику РФП. Трудно было бы ожидать иного от прогрессивного американского историка, но Стефан, досконально изучивший предмет, имеет полное право на наше внимание. Он был первопроходцем, поэтому я цитирую его особенно часто (многие в сегодняшней России, особенно журналисты, активно переписывают его, не цитируя и не ссылаясь).

«Покорение Японией Маньчжурии в 1931—1932 гг. открыло перед Русской фашистской партией захватывающие дух перспективы. Сотрудничество с японцами сулило деньги, покровительство и преимущественное право на власть в случае войны с Советским Союзом. Готовить освобождение России, помогая японцам, — такова была идея-фикс Константина Родзаевского, который не видел никакого противоречия между патриотизмом и союзом с потенциальными врагами отечества (заметим, что, подобно многим эмигрантам, Советскую Россию он Отечеством не считал. — В.М.)... Однако японцы имели относительно русских фашистов свои планы. *Токуму кикан*

они были нужны для шпионажа и диверсий в СССР. *Кэмпэй* имела на них виды как на орудие для рэкета. В результате некоторые «соратники» РФП, бредившие Национальной Революцией, вместо нее оказались втянутыми в дела с наркотиками, проституцией и вымогательством. То, что начиналось как политическое движение, стало постепенно вырождаться в рэкет, а РФП становилась частью контролируемой японцами маньчжурской мафии»⁹.

Историк подробно пишет об участии членов РФП и самого Родзаевского в грязных делах японских спецслужб в самом Харбине и его окрестностях. Как это нередко случается, в органы безопасности идут служить далеко не лучшие люди, а околачиваются возле них и вовсе подонки общества. Тем более если дело происходит в колонии или полуколонии, да еще с таким пестрым национальным составом: в жандармерии-то служили не одни японцы. Судя по имеющимся данным, и контрразведка, и жандармерия не брезговали рэкетом, взятками, похищением людей, торговлей опиумом и «живым товаром», хотя старались делать это не сами, а чужими руками. РФП отлично подходила для этого. Местное население жандармы вообще не считали за людей: в негласной этнической иерархии Маньчжоу-го японцы стояли на первом месте, корейцы на втором, китайцы на третьем. Из белых иностранцев на сотрудничество с ними шли только русские эмигранты или же «десперадос» вроде Амлето Веспы, итальянского наемника, опубликовавшего в конце тридцатых сенсационные разоблачения японских порядков в Маньчжурии. Его книга была немедленно переведена и издана в СССР большим тиражом во время крайнего обострения советско-японских отношений. Среди прочих преступлений Родзаевский в ней обвиняется даже в убийствах, что Дж. Стефан подвергает сомнению. Бойко написанная книжка Веспы представляется сомнительным источником не только по этой причине, однако лет пятнадцать назад ее перепечатал серьезный московский журнал «Проблемы Дальнего Востока».

На Дальнем Востоке Родзаевский стал единственным и неповторимым. Европа была далеко. Но в Америке вдруг объявился некий граф Анастасий Вонсяцкий, провозгласивший в 1933 г. создание Всероссийской фашистской организации во главе с собой любимым. Дж. Стефан воссоздал занятную карьеру и этого красавца-авантюриста, женившегося на американской миллионерше и вдохновенного игравшего в фашизм на ее деньги. Деньги — вот чего больше всего не хватало маньчжурскому «дуче». Осенью 1933 г. он сделал первый шаг и написал

Вонсяцкому, пригласив его в Харбин и предложив объединить силы. Тот благосклонно согласился. Дали добро и японцы.

С 24 марта по 2 апреля 1934 г. соратники совещались в Токио. Вонсяцкий плохо разбирался в теориях корпоративного государства, не желал иметь дела с Семеновым и не спешил присоединяться к антисемитским лозунгам, которые могли осложнить ему жизнь в Америке. Родзаевский настаивал, но осторожно, чтобы не упустить потенциального спонсора. Наконец, 3 апреля был подписан итоговый протокол о слиянии РФП и ВФО в единую Всероссийскую фашистскую партию. «Правда» отреагировала на «встречу в верхах» еще 30 марта, видя за ней перспективу создания настоящего всемирного фашистского фронта.

Вонсяцкий добился приема у Араки, только что оставившего пост военного министра, но считавшегося главным кандидатом в премьеры и даже в диктаторы. Генерал до революции служил в России, неплохо знал и по-своему любил ее; большевиков он ненавидел, но тем не менее находился в хороших личных отношениях с полпредом Трояновским. Немногим ранее Араки обратил благосклонное внимание на Родзаевского. Видимо, именно он — вместе с Семеновым — вмешался, когда Вонсяцкому вдруг отказали во въездной визе в Маньчжоу-го. Почему так произошло, непонятно до сих пор. «Американский дядюшка» взбесился, и в только что созданном благородном фашистском семействе чуть не разразился громкий скандал. Однако путем оперативного вмешательства его удалось погасить. 22 апреля Вонсяцкий прибыл в Дайрен. Там же жил Семенов, но встречались они или нет, неизвестно.

26 апреля состоялась торжественная встреча на вокзале Харбина. «Наш путь» приветствовал высокого гостя лозунгами «Да здравствует Анастасий Андреевич Вонсяцкий! Да здравствует Русская Национальная Фашистская Партия! Да здравствует Русская Национальная Революция! Да здравствует грядущая Фашистская Национально-Трудовая Россия! Привет! Слава России!». В течение нескольких дней «граф» исправно изображал Вождя. Родзаевский даже как бы немного стусеивался, но приезд Вонсяцкого, совершавшего турне по нескольким континентам, позволял ему претендовать на роль политика уже не локального, но международного масштаба. Гость купался в лучах славы, но переговоры, ведавшиеся за закрытыми дверями, показали, что разногласия остаются очень серьезными. Вонсяцкий не испытывал никакого пиетета к японцам, от которых полностью зависел Родзаевский. В условиях Маньчжурии свободу ВФП не дали бы даже американские деньги, но, имея такого спонсора,

можно было развернуть куда более масштабную и эффективную работу и меньше связываться с темными делами и сомнительными личностями. Приходилось договариваться...

Союз Родзаевского и Вонсяцкого оказался недолгим — они были слишком непохожи и даже несовместимы. «Неимущий и поэтому зависимый от японских подачек, Родзаевский завидовал прочному положению Вонсяцкого, обусловленному богатством и американским гражданством. Харбинскому «вождю» невыносимо было даже на словах подчиняться этому дилетанту, этому выскочке, этому альфонсу, сумевшему захомутать богатую американку. Вонсяцкий, со своей стороны, считал младшего коллегу (Родзаевский был моложе его на девять лет. — *В.М.*) грубым и несдержанным. Чувствуя в отношении к себе Родзаевского зависть и желчь, он тем более не упускал возможности показать всем и каждому, кто из двоих главный»¹⁰. Договорим до конца. Родзаевский был настоящим идеологом и политиком и верил в то, что говорил. Вонсяцкий был позером, саморекламщиком и мистификатором, стремившимся к известности любой ценой. Родзаевский жил фашизмом, Вонсяцкий играл в него.

В последние годы фамилии обоих можно встретить на страницах научных монографий и даже российской прессы. О Вонсяцком у нас знали давно. Левые американские журналисты А. Кан и Дж. Сейерс совершенно всерьез изобразили его могущественным и опасным заговорщиком в напумевшей книге «Тайная война против Америки», изданной в 1942 г. и переведенной в СССР пять лет спустя. Книга Стефана раставила все точки над «i» в его истории: героя из него не сделать (впрочем, дурака — тоже). Еще более клиническую картину являл собой Андрей Светозаров, он же Генрих Пельхау, возглавлявший Российское национал-социалистическое движение в Третьем рейхе. Что касается Родзаевского, то его личность, несомненно, сложнее и трагичнее портрета, нарисованного Стефаном. В девяностые годы Константин Владимирович привлек к себе пристальное внимание отечественных правых радикалов. Называя его «русским из будущего», известный публицист Алексей Широпаев пишет: «Когда смотришь на один из его портретов — открытый лоб, ясные, дерзкие глаза, молодецкая борода, черная фашистская рубаша — рождается ощущение невыразимой нови, грядущего утра и думаешь: «Так вот каким ты можешь быть, русский человек!» Неведомая, непривычная Русь светит нам из глаз молодого вождя... Свет этих далей, однажды открывшихся душе Константина Родзаевского, навсегда остался в его

глазах. Теперь этот свет долетел и до наших душ и необратимо преобразил их»¹¹.

Вернемся в далекий тридцать четвертый год. Семенов, «еврейский вопрос» и степень подчиненности японской политике разрушили только что заключенный союз. Грубые выпады Вонсяцкого против Семенова уже осенью 1934 г. привели к исключению «Вождя» из партии (замечу, что такую картину можно часто наблюдать в наши дни в патриотических кругах России). Вонсяцкий начал отругиваться, но Третий съезд российских фашистов в Харбине (28 июня — 7 июля 1935 г.) — 200 делегатов из Маньчжоу-го, Китая, Японии, США, Германии, Австралии, Югославии, Финляндии, Эстонии и даже Сирии — стал единоличным триумфом Родзаяевского, все предложения которого, включая сотрудничество с Семеновым и его Дальневосточным союзом казаков, были послушно приняты. Майор Акикуса, наблюдавший за работой съезда, остался доволен.

Вонсяцкому ничего не осталось, как продолжать играть в виртуальный фашизм. Недолго думая, он объявил своим агентом... Леонида Николаева, убийцу Кирова. Сами того, возможно, не желая, русские фашисты содействовали раскручиванию маховика «Большого Террора», репрессиям против невинных людей. Газетка Вонсяцкого «Фашист» пестрела сообщениями о диверсиях и убийствах коммунистов в разных районах СССР, что приписывалось героизму его соратников. Часть сообщений просто придумывалась, часть бралась из советской печати. Рецепт был прост: «Правда» сообщала о крушении поезда или аварии на производстве, не раскрывая причин. Происходило это чаще всего по обыкновенному головотяпству, но Вонсяцкому давало повод для сочинения все новых «подвигов». Свои издания он забрасывал в СССР, где они, надо думать, благополучно оседали в «карающих органах». В условиях же начавшейся с конца 1920-х гг. кампании репрессий против шпионов и вредителей, когда органы не успевали придумывать обвинения против арестованных, листки Вонсяцкого оказались как нельзя кстати. В одной из публично обнародованных инструкций своему «подполью» в СССР американский «фюрер» в 1934 г. призывал препятствовать вывозу «народного добра» за границу, портить его, например, добавляя в продукты питания грязь и сор, дохлых крыс, вшей, тараканов, клопов. Читая признания бывших наркомов на показательных процессах о том, как они добавляли в масло гвозди и битое стекло, невольно задумаешься об авторстве...

Советская дипломатия с первых лет своего существования

неизменно поднимала шум по поводу любой акции белой эмиграции, вне зависимости от ее масштаба и характера. Делалось это в том числе и для отвлечения внимания от куда более активной и результативной работы Коминтерна, которая была мало совместима с традиционными понятиями о международных отношениях. Начало экспансии в Маньчжурии и ее успешное развитие осенью и зимой 1931/32 гг. вызвали беспокойство в Кремле, хозяевам которого союз «квантунцев» и «семеновцев» (фашисты еще только набирали силу) казался пугающей реальностью. К внутривнутриполитическим неурядицам добавился «очаг войны на Дальнем Востоке», как его с легкой руки Сталина немедленно окрестила советская пресса.

Однако ввязываться в бой Москва не спешила. 21 сентября Молотов сообщал Сталину, отдыхавшему в Сочи: «Дела в Маньчжурии еще, видимо, не развернулись. Мы заняли выжидательную позицию. От дипломатических выступлений (в защиту КВЖД, отдельных граждан и т.п.) пока не выступаем (так в тексте. — В.М.). Сделаем это, выяснив обстановку получше. В печати в спокойных тонах освещаем империалистический характер японской интервенции и разоблачаем последствия политики Гоминьдана и генеральско-помещичьих клик в Китае»¹². На следующий день туда же полетела срочная шифровка Молотова и Кагановича, остававшихся «на хозяйстве»: «Положение с японским выступлением все еще не ясно. 1) Позиции держав пассивны, за исключением Америки, которая пока, по сведениям прессы, собирается выступить, считая японское выступление нарушением не пакта Келлога (Антивоенный пакт Бриана—Келлога 1928 г., участниками которого были Япония, США и СССР. — В.М.), а решения Вашингтонской конференции 1921 года. 2) Китайцы поставили вопрос в Лиге Наций, которая будет на днях рассматривать вопрос. 3) Японская пресса готовится дальнейшее движение войск на север под предлогом защиты японских граждан. 4) ПБ (Политбюро. — В.М.) поручило Литвинову вызвать японского посла для получения информации и разъяснений о событиях в Маньчжурии, и в частности о действиях, задевающих и могущих задеть интересы КВЖД. Просим сообщить Ваши соображения о наших возможных дальнейших шагах и об указаниях для печати».

Сталин ответил уже через три часа. Его указания чрезвычайно интересны. Считая — совершенно неосновательно, — что «интервенция проводится по уговору со всеми или некоторыми великими державами на базе расширения и закрепления сфер влияния в Китае» (подвела марксистская догматика!), он рас-

порядился: «...4) Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство (в защиту Китая, т.е. Чжан Сюэяня и Чан Кайши. — В.М.) сейчас нецелесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились. 5) Запросить японцев, чтобы они держали нас в курсе событий, конечно, следует, но одновременно нужно запросить китайцев, хотя бы через Харбин (дипломатические отношения между Китаем и СССР, разорванные 16 августа 1929 г., еще не были восстановлены. — В.М.). 6) В печати надо вести себя так, чтобы не было никаких сомнений в том, что мы всей душой против интервенции. Пусть «Правда» (партийный орган. — В.М.) ругает всю японских оккупантов, Лигу Наций как орудие войны, а не мира, пакт Келлога как орудие оправдания оккупации, Америку как сторонницу дележа Китая. Пусть кричит «Правда» всю, что империалистические пацифисты Европы, Америки и Азии делят и порабащают Китай. «Известия» (правительственный орган — В.М.) должны вести ту же линию, но в умеренном и архисторожном тоне. *Умеренный тон для «Известий» абсолютно необходим* (выделено мной. — В.М.). 7) Следовало бы особо навести коминтерновскую печать и вообще Коминтерн»¹³. «С Японией нужно поосторожнее. На своих позициях стоять нужно твердо и непоколебимо, но тактика должна быть гибкой, поосмотрительнее... Не пришло время для наступления», — откровенно заявлял вождь соратникам в эти дни.

Указания были немедленно приняты к исполнению. Такая политика диктовалась боязнью спровоцировать Японию на агрессию против СССР: в Москве понимали, что «квантунцы» — не «хунхузы» и что вместо триумфа двадцать девятого года может наступить разгром образца девятисот пятого. У страха глаза велики. Приезд в только что занятый японцами Мукден атамана Семенова, рвавшегося громить «красных», стал одной из тем беседы Литвинова с послом Хирота 2 октября. «Нас особенно интересует деятельность белогвардейцев, — подчеркнул нарком, — и их связь с японским командованием».

Желая заручиться нейтралитетом СССР, японские дипломаты с самого начала «Маньчжурского инцидента» ссылались на нейтралитет Японии во время конфликта на КВЖД в 1929 г. Москва решительно отвергала аналогии, но воздерживалась от антияпонских акций. Историк А. Раппапорт писал: «Позиция Японии (в Маньчжурии. — В.М.) была сильной и безопасной. Единственная возможная угроза могла исходить от Советского Союза, поэтому с самых первых дней конфликта Токио напря-

женно и внимательно следил за Москвой». Была ли договоренность о советском невмешательстве? «Нет никаких документальных доказательств существования какой бы то ни было договоренности между двумя державами. Вся имеющаяся информация свидетельствует, что руководители в Москве были серьезно обеспокоены «Маньчжурским инцидентом». Они рассматривали его как часть глобального плана капиталистических государств по окружению коммунизма с Японией в качестве передового отряда и орудия постоянного стремления Запада уничтожить большевизм»¹⁴.

В этих условиях Кремль предпринял решительный шаг. 31 декабря 1931 г. назначенный министром иностранных дел Ёсидзава Кэнкити находился в Москве проездом из Парижа, где до того служил послом, в Токио и встретился с Литвиновым, несмотря на то что была суббота и канун Нового года. Кроме них в разговоре принимали участие Карахан и Хирота. Нарком предложил — уже не в первый раз — заключить пакт о ненападении, аналогичный тем, которые СССР имел со многими из своих соседей. Ёсидзава ответа не дал. 12 января 1932 г., еще до возвращения министра на родину, Трояновский встретился в Токио с премьер-министром Инукаи и поставил перед ним вопрос о пакте, а в заключение беседы вручил ему меморандум с перечислением всех предыдущих советских инициатив по данному вопросу.

Несмотря на многократные напоминания и готовность СССР к уступкам вплоть до признания Маньчжоу-го *de facto* путем открытия консульств и продажи КВЖД, ответ был дан только через год, когда ситуация радикально изменилась. 13 декабря 1932 г. министр иностранных дел Утида вручил Трояновскому конфиденциальную ноту с отказом от пакта. Официальной мотивировкой было то, что обе страны подписали Антивоенный пакт, который делает дополнительные двусторонние соглашения излишними. Кроме того, отрицательное отношение самого министра к советским предложениям было хорошо известно.

Советский Союз настаивал на предании документов гласности, поскольку его предложение было обнародовано уже в сообщении ТАСС от 11 февраля 1932 г. Утида категорически возражал, но СССР был настроен решительно. Ответная нота советского правительства, датированная 4 января 1933 г., была не только вручена министру, но и опубликована две недели спустя, правда, в изложении и без некоторых фраз, вызвавших недовольство Токио (намекы на агрессивные намерения Японии

и т.д.). Японцы соглашались только на публикацию коммюнике, но советское руководство, понимая, что заключения пакта сейчас не добиться, обнародовало все, не спрашивая согласия другой стороны. Формально инцидент был исчерпан, но отношения между странами еще более осложнились¹⁵.

Советско-японский пакт о ненападении так и не воплотился в жизнь — во многом из-за противодействия «квантунцев» и их единомышленников в Токио, которые с каждым днем набирали силу, даже несмотря на присутствие умеренно настроенного Хирота во главе министерства иностранных дел. Военное министерство с помощью прессы все громче твердило о «советской угрозе», доводя общественное мнение до истерического состояния и пугая иностранных дипломатов и журналистов. Правда, наиболее проницательные и осведомленные люди не верили ни в эту угрозу, ни в решимость армии воевать с Советами. В заклинаниях генерала Араки они видели не более чем способ добиваться ежегодного увеличения военного бюджета и повышения собственной значимости в глазах соотечественников — приём, не им придуманный и, конечно, далеко не новый.

Однако в Маньчжоу-го, куда нам пора вернуться, многие искренне верили в неизбежность скорой войны. В преддверии этого «квантунцы» взялись за дальнейшую «организацию» русских эмигрантов. Вечером 28 октября 1934 г. на большом собрании эмигрантских организаций Харбина известный нам майор Акикуса, «опекун» Родзаевского и ВФП, объявил о создании новой структуры — Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ). Бегло говоривший по-русски, Акикуса заявил, что новая организация будет непартийной и надпартийной и будет управляться самими эмигрантами, а затем представил собравшимся нового начальника — семеновского генерал-лейтенанта Рычкова. В далеком прошлом он возглавлял Русский клуб, где собирались первые харбинские фашисты, а незадолго до описываемых событий стал главой Военного отдела ВФП. Впрочем, ни Рычков, ни его преемники — генералы Бакшеев, Кислицын и Власьевский — никакой политической роли не играли.

Фашисты стали костяком БРЭМ, работу которого курировал Акикуса. Родзаевский возглавил культурно-просветительный отдел; Матковский — регистрационный, ключевой в административном отношении: там должны были регистрироваться все эмигранты, достигшие восемнадцати лет. Кстати, именно этот «соратник» осенью 1945 г. передал советским «органам» тщательно составленные списки эмигрантов. Так организаци-

онно оформился союз ВФП с японцами. Шло сотрудничество и по линии Кёвакай (Общество согласия), парагосударственной структуры, созданной «квантунцами» для объединения всех национальностей, населявших Маньчжоу-го, — новое государство должно было выглядеть раем, где нет никакой дискриминации, где все равны и процветают.

22 мая 1935 г., в четвертую годовщину создания партии, Родзаевский объявил, что собрал под свои знамена двадцать тысяч человек. Дж. Стефан считает эту цифру «завышенной раза в три», но признает, что годом позже в ВФП действительно было десять тысяч членов. Конечно, далеко не все были «идейными», но в любом случае ВФП стала самой мощной политической организацией русского зарубежья. И находилась она — в отличие от многих других — под прямым и непосредственным контролем государства, которое в Кремле в эти годы рассматривали как наиболее вероятного противника. Третий рейх еще не создал военной машины, пригодной для наступательной войны, да и общей границы с СССР у него не было.

Граница Маньчжоу-го с СССР и МНР стала источником постоянных военных конфликтов — «инцидентов» разного масштаба. Оставив хронику боевых действий военным историкам, обозначим некоторые важные вехи. 27 ноября 1934 г. Советский Союз и Монголия заключили соглашение о военной взаимопомощи, имевшей на деле, конечно, односторонний характер. «Квантунцы» вызов приняли, и с обеих сторон в пустыне замелькали пограничные разъезды. Завершение переговоров о продаже КВЖД, которая формально стала собственностью Маньчжоу-го, как будто сняло напряженность и дало возможность приступить к переговорам о демаркации границы, но затишь было недолгим. Снова загремели выстрелы и полетели ноты протестов. Москва утверждала — недипломатично, но по сути верно, — что за сохраняющейся напряженностью стоит не Маньчжоу-го, а Квантунская армия, ставшая одним из главных отрицательных героев «красной» пропаганды всего мира. Хороший пример — книги советского агента Пюнтера Штайна «Дальний Восток в брожении» и британского коммуниста Уолтера Смита «Япония на перепутье» (первая — пример дельного анализа, вторая — дешевая агитка), вышедшие как по команде — а может, правда по команде? — в 1936 г., одновременно с книгой ведущих советских аналитиков и по совместительству разведчиков О. Танина (О.С. Тарханова) и Е. Иогана (Е.С. Иолка).

Новым предупреждением «квантунцам» стал советско-монгольский протокол о взаимопомощи, подписанный 20 марта

1936 г. сроком на десять лет. Именно с ним связаны сказанные на весь мир слова Сталина о том, что территорию МНР мы будем защищать как свою собственную. Она, по большому счету, и была таковой, как территория Маньчжоу-го — японской.

В отношении вождя к происходившему на Дальнем Востоке сомневаться не приходилось. Это видно хотя бы из его телефонограммы Кагановичу и Молотову из Сочи 13 октября 1935 г. по поводу очередного, далеко не самого крупного инцидента — перестрелки на границе к северу от Суйфунка:

«Директива, данная Вами... по-моему, неправильна, так как она поведет к тому, что японцы беспрепятственно займут тот наш участок, где происходил бой, заберут японские трупы и потом скажут, что японцы убиты на территории Маньчжурии, обвинив нас в нарушении границ, в переходе на маньчжурскую территорию. Лучше было бы дать директиву немедленно занять нашими войсками этот наш участок, забрать трупы японцев и обеспечить для себя вещественные доказательства... Не нравится мне также то место директивы, где Вы даете японцам возможность свободно разгуливать по нашей территории глубиной в 3 километра от маньчжуро-советской границы. Подумали ли Вы о том, в какое положение попадут наши пограничники и, может быть, укрепленные районы? Чем объяснить такое великодушие в отношении японских мерзавцев?»¹⁶ Как говорится, и никаких гвоздей!

По мере усиления напряженности на границе радикализировалась и деятельность фашистов, которые все чаще направлялись в «миссии смерти» на советскую территорию. Если Вонсяцкий похвалялся мнимыми подвигами своих «фашкоров», то Родзаевский действительно делал ставку на террор и диверсии как прелюдию к Национальной Революции. Вообще-то говоря, рейды «белых партизан» начались сразу после победы большевиков в Приморье и с разной степенью интенсивности продолжались до оккупации Маньчжурии Квантунской армией; их организацией прославился первый глава РФП генерал Косьмин. Но они были разрозненными, нечастыми, плохо подготовленными, а потому неэффективными ни с военной, ни с пропагандистской точки зрения. Ситуация изменилась только с приходом «квантунцев».

Глава харбинского *токуму кикан* генерал-майор Комацубара Мититаро считался специалистом по русским делам. В 1927—1929 гг. он был военным атташе в Москве и сделал головокружительную карьеру, засыпая Токио сверхсекретной информацией, которую получал от завербованного им офицера Красной

Армии (тот оказался «двойником» ОГПУ). Прибыв в Харбин, Комацубара предложил взять под негласную, но действенную опеку. — а значит, и контроль — всю партизанскую борьбу, рассчитывая использовать ее в первую очередь в целях разведки. Белые генералы не соглашались идти в шпионы, и тогда японцы обратили внимание на фашистов, главным образом на молодежь, не знавшую, куда приложить силы, и жаждавшую подвигов в ожидании Национальной Революции. Шли они, как правило, на верную смерть, но отдавали себе в этом отчет.

Одной из самых эффектных акций фашистов стало распространение антисталинских листовок во время демонстрации в Чите 7 ноября 1936 г. Небольшая группа «соратников» сумела незамеченной по шпалам пройти до Читы, успев в нужный срок смешаться с толпой и начать раздавать листовки. «Горожане, у которых они оказывались в руках, цепенели, — красочно, но точно описывает происходившее Дж. Стефан, — настолько это было невероятно и страшно. Через несколько минут весть о том, что кто-то распространяет подрывные материалы, достигла органов безопасности (вот это скорость! — В.М.). В толпу устремились сотрудники НКВД и военные, арестовывая всякого, к кому попадала злополучная листовка. Центральная улица Читы стала похожа на муравейник, атакованный термитами, — но в это время «соратников» на ней уже не было. Они топали обратно в Маньчжоу-го»¹⁷.

Родзаевский мог быть доволен. В атмосфере «Большого Террора» и его непререкаемых спутников — шпиономании и доношительства — органы НКВД раздували, как могли, любое, даже самое незначительное происшествие по принципу «лучше перебдеть, чем недобдеть». Поиски «пятой колонны» дополнительно дестабилизировали обстановку, что, по мнению фашистов, приближало революцию. В тот же день ВФП хотела устроить «праздничный» налет на советское консульство в Харбине. Японская контрразведка была не против, но японские же советники в МИД Маньчжоу-го решили не обременять себя дополнительной головной болью и распорядились окружить здание столь плотным кольцом полиции, что чернорубашечники Родзаевского к нему и не сунулись.

С самого начала своего пребывания в Харбине генерал Комацубара вынашивал идею создания регулярных воинских частей из эмигрантов. Генерал Косьмин только того и ждал, надеясь, что они станут ядром новой Белой армии. Однако созданные под его руководством небольшие формирования служили в основном для охраны железных дорог и борьбы с китайски-

ми, монгольскими и корейскими хунхузами, которых советская пропаганда — по мере ухудшения отношений с Токио — перекрестила в «национально-освободительное движение»¹⁸. Более масштабную программу с 1936 г. разрабатывал полковник Кавабэ Торасиро из штаба Квантунской армии: она предполагала формирование русских частей под командованием японских офицеров или тех, кого они назначат. Так, в начале 1938 г. была создана «бригада Асано», названная по имени ее советника полковника Асано Такаси. Командовал ею выходец из России армянин Гурген Наголян, ранее служивший в армии Маньчжоу-го. Позже оказалось, что он — советский агент. Родзаевскому затея сразу не понравилась, но японцы решили все без него.

«Бригаде Асано» поручались «весьма опасные задания, которые из-за секретности не сулили участникам даже посмертной славы. В красноармейской форме бойцы бригады пробирались на советскую территорию и изучали расположение войск. Время от времени они устраивали «советскую провокацию», открывая огонь по маньчжурской территории — на такие уловки частенько шла и Красная Армия»¹⁹. Понятно, что пленных в таких боях не брали. Пиком боевой активности «бригады Асано» стало участие в событиях на Халхин-Голе, где «квантунцы» потерпели сокрушительное поражение. Самые тяжелые потери понесла 23-я пехотная дивизия, которой командовал знакомый нам Комацубара, уже в звании генерал-лейтенанта. Карьера его на этом закончилась, но вопросы остались. Знающие люди говорили автору этих строк, что проиграл Комацубара не случайно, и прямо намекали на его связь с советской разведкой...

После поражения на Халхин-Голе Квантунская армия получила из Токио строгое указание не устраивать более никаких провокаций и не поддаваться на них. Перспективы успеха русского фашистского движения становились все более призрачными, хотя весной 1939 г. Родзаевского в Токио принимали влиятельные люди, в основном действующие или отставные генералы: бывший премьер Хаяси, военный министр Итагаки, министр колоний Койсо, министр просвещения «Савва Данилович» Араки, президент ЮМЖД Мацуока и всемогущий патриарх националистического движения Тояма, который в январе того же года был избран в почетный президиум Четвертого съезда ВФП вместе с Юлиусом Штрейхером и атаманом Семеновым. Пакт Молотова—Риббентропа заставил японских правителей задуматься о нормализации отношений с Москвой. Орган ВФП «Наш путь» назвал договор ошибкой и отступлени-

ем в борьбе с коммунистами и евреями. Но фашистов никто не спрашивал.

В 1938 г., на пике советско-японской напряженности, американский журналист В.Г. Чемберлен писал: «Невозможно проговорить полчаса с любым типичным японским генералом и не понять, что для него Врагом Номер Один является Советский Союз»²⁰. «Квантунцы» не могли в одну минуту избавиться от воспитанных годами антисоветских настроений, но теперь были вынуждены скрывать их. Советско-японский пакт о нейтралитете 14 апреля 1941 г. поверг фашистов в отчаяние, но через два с небольшим месяца они воспряли духом после нападения Гитлера на Советский Союз. «Всякая война с СССР какой-либо державой приветствуется Российскими Фашистами, — гласило постановление Четвертого съезда ВФП, — как удар по стенам тюрьмы Нации, дающий возможность Нации освободиться»²¹. Родзаевский немедленно послал Гитлеру телеграмму с приветствиями и предложениями о составе «первого Национального правительства на освобожденной русской земле», куда кроме себя самого включил «соратников» со всего света — главу Русского национального союза участников войны генерала Антона Туркула, редактора берлинской газеты «Новое слово» Владимира Деспотули, публициста Михаила Гротта-Спасовского, в молодости дружившего с Василием Розановым, и некоторых других.

До адресата телеграмма, видимо, не дошла. А если бы и дошла... Ни в каких «национальных правительствах» нацисты не нуждались, отводя славянским «соратникам» роль «шестерок». Так что мечты об участии в освобождении Родины от «жидобольшевистского ига» так и остались на бумаге — например, в стихах и рассказах альманаха «Прибой», до боли напоминающих агитки «совлита». Да и Япония воевать с СССР всерьез не собиралась.

Годы войны стали агонией русских фашистов. Однозначно прогерманская позиция Родзаевского вызвала новый раскол в рядах «соратников». В мае 1943 г. военная жандармерия арестовала самого Константина Владимировича, обвинив его в том, что он... советский агент. Родзаевскому удалось оправдаться и выйти на свободу, но 1 июля 1943 г. ВФП была без всяких объяснений ликвидирована властями, вместе со всеми дочерними организациями и печатными изданиями. Видимо, по этой же причине не был напечатан итоговый труд Родзаевского «Современная иудаизация мира, или Еврейский вопрос в XX веке», полностью опубликованный только в наши дни в книге «Заве-

шание русского фашиста». Депрессию бывшего вождя мог скрасить разве что Акикуса, назначенный в феврале 1945 г. начальником разведки Квантунской армии.

Конец был неизбежен и пришел в виде «маньчжурского блицкрига» Красной Армии в августе 1945 г. «Квантунцы» не имели ни сил, ни охоты сопротивляться. Генералы поспешили капитулировать. «Бригада Асано» разбежалась без единого выстрела. Многие «соратники», вроде автора «Азбуки фашизма» Тараданова, бросились получать советские паспорта. Матковский по-прежнему руководил регистрацией эмигрантов — теперь уже для новых хозяев положения. Именно он передал им архив БРЭМ, хранящийся ныне в Хабаровске, а позже дал исчерпывающие показания, которые, видимо, повлекли за собой немало арестов²². Семенова увезли в Москву. Умело распропагандированный патриотами в штатском, за ним добровольно отправился последний глава БРЭМ генерал Власьевский, которому пообещали пост городского головы (!) в родной Чите. Итогом, естественно, стали камера на Лубянке, показательный процесс и расстрельная команда.

Оставив семью в Харбине, Родзаевский бежал в Тяньцзинь, где написал письмо Сталину. Этот потрясающий документ впервые полностью опубликован историком С.В. Онегиной в журнале «Отечественная история» (1992, № 3). Константин Владимирович каялся, просил прощения за многолетнюю работу против вождя народов, который на самом-то деле и был... величайшим русским фашистом, а затем предложил свои услуги новой власти и выразил готовность привести «соратников» ВФП под сталинское знамя.

Документ был передан советским дипломатам. С автором захотел встретиться Иван Патрикеев — один из главных «ловцов душ», командированных в Китай. На его счету уже был Власьевский, теперь требовался кто-то из молодой эмиграции. Родзаевский подходил идеально. После недолгих, но мучительных колебаний он пошел на встречу с Патрикеевым, который предложил ему вернуться на родину и искупить вину честным трудом — редактировать газету для соотечественников за рубежом и бороться с американским империализмом. Сознание Родзаевского явно помутилось: несмотря на предостережения друзей, он согласился на все и остался в посольстве, откуда его увезли в СССР.

26 августа 1946 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР судила «семеновцев» — «руководителей антисоветских белогвардейских организаций и агентов японской разведки», по харак-

теристике «Правды». Родзаевский, на дух не переносивший Семенова, оказался на скамье подсудимых рядом с ним. Настоящим соратником среди поделщиков был только Лев Охотин, бывший секретарь Вождя. Как положено на показательном процессе, все во всем сознались. Их показания подтвердили японские свидетели, включая старого «квантунца» Акикуса. Через несколько дней Семенова приговорили к повешению, лишив его права на почетную «военную казнь», Родзаевского, Власьевского, генерала Бакшеева и еще двоих — к расстрелу. Никто из них до сих пор не реабилитирован как «жертва политических репрессий». Это же не Зиновьев с Бухариным...

Маньчжурия стала советской, а вскоре Сталин отдал ее «товарищу Мао». Японцы, бросив все, спешили вернуться на родину. Эмигранты потянулись кто куда. Чжан Сюэлян до конца своих дней остался почетным пленником Чан Кайши. Маньчжурская эпопея стала историей.

ГЛАВА 3

Вражье пугало: лицо и изнанка Антикоминтерновского пакта

*Война против интересов Англии, Франции, США?
Пустьяки! «Мы» ведем войну против Коминтерна,
а не против этих государств. Если не верите, читайте
«антикоминтерновский пакт», заключенный
между Италией, Германией и Японией...*

*Из доклада И.В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б),
10 марта 1939 г.*

Среди видных деятелей Третьего рейха рейхсминистру иностранных дел Иоахиму фон Риббентропу не повезло больше всех. Демонический, точнее, демонизированный, облик Гитлера до сих пор вызывает к жизни экзотические теории и делает фюрера предметом культа «эзотерического гитлеризма». Импозантный и светский рейхсмаршал Геринг, боевой летчик, трогательно преданный памяти покойной жены и к тому же известный англофильскими симпатиями, — или умело симулировавший их? — мог казаться «человеческим лицом» нацизма и привлекательной альтернативой «бесноватому фюреру». Скромный и бесцветный трудяга Гесс прославился на весь мир «прыжком» в Англию в разгар войны и вызывал сочувствие безнадежным, более чем сорокалетним сидением в тюрьме Шпандау, тем более что леденящих душу преступлений за ним не числилось. О Розенберге пишут как о философе, хотя Шпенглера из него никак не получается. Даже Геббельс и Гиммлер продолжают завораживать умы как злодеи мирового масштаба — «злые», но все же «гении» пиара и репрессий. О них выходят книги, написанные историками и журналистами, разоблачителями и неонацистами. Они появляются в фильмах, документальных и художественных, серьезных и не очень. В общих чертах их жизнь

известна читателю даже на уровне «глянцевых» журналов, хотя обычно в искаженном виде.

Риббентропу ничего этого не досталось. Бывшие подчиненные начали ставить шефу каждое лыко в строку уже во время Нюрнбергского процесса, на что он горько жаловался в своих тюремных записях: «Если сегодня эти господа подвизаются в качестве «свидетелей» против меня, то с человеческой точки зрения это печально. Годами сотрудничая со мной, они показывали совершенно иное лицо. Но в обстановке сегодняшнего психоза возможна ведь любая смена взглядов, и при бесхарактерности многих, слишком многих людей меня это уже не удивляет. Уверен, что Обвинение при некотором нажиме сможет получить почти от каждого сотрудника министерства иностранных дел любые показания против меня, какие только оно захочет»¹.

Многие не любили рейхсминистра и когда он был в зените славы. В министерстве, сохранявшем чопорно-аристократический характер, его считали выскочкой, не забывая, что он «торговец шампанским» и имел не слишком много прав на аристократическую приставку «фон» (в 33 года усыновлен бездетной теткой). Деятельность «бюро Риббентропа», личного «мозгового центра», созданного им еще до прихода в МИД, раздражала кадровых дипломатов, не понимавших, зачем надо дублировать их работу, и недовольных влиянием, которое имели на фюрера конкуренты. С другой стороны, «старые партийные товарищи», ветераны кулачных боев с коммунистами, видели в Риббентропе, во-первых, «буржуя», во-вторых, «примазавшегося» (он вступил в партию только в августе 1932 г.). К тому же «специалистов» по внешней политике среди нацистских бонз хватало и так: на роль дипломатов претендовали светский лев Геринг, пиарщик Геббельс, глава внешнеполитического отдела НСДАП и главный партийный философ Розенберг, шеф зарубежных организаций партий гауляйтер Боле и даже глава Трудового фронта («упорядоченных» профсоюзов Рейха) алкоголик доктор Лей.

Со страниц большинства послевоенных мемуаров Риббентроп предстает человеком неумным, малообразованным, самодовольным, напыщенным, порой грубым и совсем не разбирающимся в мировой политике. На него возлагается вся ответственность за подчинение германской дипломатической службы нацистскому диктату и, разумеется, за все ошибки дипломатии Рейха. Совсем как в мемуарах большинства германских генералов: все победы благодаря нашим талантам, все ошибки из-за «идиота Гитлера».

Трудно не верить единодушию осведомленных мемуаристов, особенно дипломатов. Кому, как не им, знать правду?! Од-

нако чем больше читаешь их, тем больше вопросов возникает. Где же вы сами были? Почему не возражали? Почему не пытались переубедить начальника, который вообще-то поддавался чужому влиянию? Почему продолжали служить и не только не отказывались от карьеры и причитающихся благ, но и интриговали ради новых постов и наград? Понятно, что все это риторические вопросы. Дипломаты предпочитали тихо брюзжать в своих имениях и аристократических клубах, плести заговоры вместе с недовольными из армейских кругов и даже вступать в тайные контакты с иностранными разведками, что, как ни посмотреть, является государственной изменой. В одном можно согласиться и с Риббентропом, и с его обличителями — подбирать надежных сотрудников рейхсминистр, за единичными исключениями, так и не научился.

Наверное, в общении он был действительно не слишком приятным человеком, любившим театральные эффекты, почести и лесть. Но, как говорил Державин, «за слова меня пусть гложет, за дела сатирик чтит». Нам важнее другое — внешнеполитические концепции и действия Риббентропа, о которых у потомков тоже сложилось превратное представление. Почти все историки дипломатии, как наши, так и зарубежные, отрицали наличие у него самостоятельных идей и утверждали, что он был лишь «подголоском» фюрера, обильно цитируя его речи. Ну а что еще мог говорить министр в условиях тоталитарного режима?! Молотова за границей тоже называли «his master's voice», «голос его хозяина» (слоган граммофонной компании «Victor»). А вот Антони Идена почему-то нет, хотя степень его политической самостоятельности и отношения с Черчиллем лично у меня вызывают в памяти эмблему той же компании — собачку, заглядывающую в граммофонную трубу.

До сих пор никто не взялся исследовать «дипломатию Молотова» или хотя бы поставить эту проблему. Конечно, в разговорах с иностранными послами он ссылался на правительство, Верховный Совет, Политбюро как на высшую инстанцию, с которой обязан согласовывать все свои действия*. Однако его помощник В.М. Бережков вспоминал: «Распространенное на

* Мнения современников о его самостоятельности в качестве главы внешней политики расходятся диаметрально. Н.С. Хрущев, не любивший Молотова и презираемый им, считал его «независимым, самостоятельно рассуждающим» и утверждал, что тот рисковал спорить со Сталиным. В то же время большинство иностранных дипломатов видело в Молотове только послушного исполнителя указаний вождя.

Западе мнение о том, будто Молотов не проявлял никакой инициативы и действовал исключительно по подсказке Сталина, представляется неправомерным, так же как и версия о том, что Литвинов вел свою «самостоятельную» политику, которая исчезла после его отстранения... Литвинов по самому малейшему поводу обращался за санкцией в ЦК ВКП(б), то есть фактически к Молотову, курировавшему внешнюю политику. Как нарком иностранных дел Молотов пользовался большей самостоятельностью, быть может, и потому, что постоянно общался со Сталиным, имея, таким образом, возможность как бы между делом согласовать с ним тот или иной вопрос... По моим наблюдениям, Молотов во многих случаях брал на себя ответственность»².

Отступление о Молотове здесь не случайно. Во-первых, именно о нем уже в 1929—1930 гг. думал Чичерин как о своем возможном преемнике. Во-вторых, Молотов при всех обстоятельствах оставался «номером вторым» при Сталине, несмотря на возможные разногласия или капризы вождя. В-третьих, именно он вел наиболее ответственные переговоры с японцами в рассматриваемый нами период. И не только с японцами, но и с Риббентропом, который, в свою очередь, предпринял решительные шаги для обеспечения партнерства Берлина и с Токио, и с Москвой. В сложившейся репутации Молотова вообще много общего с Риббентропом (например, мемуаристы уверяют, что у обоих отсутствовало чувство юмора). Схожим было и их положение при диктаторах — советника и даже друга, чьим мнением дорожат, но которому часто не следуют. И Сталин, и Гитлер не любили дипломатов, не верили им (своим в том числе) и всегда оставляли последнее слово за собой. Но это вовсе не значит, что у Молотова и Риббентропа не было своих взглядов и идей и что все их действия зависели исключительно от воли Хозяина.

Только в 1980—1990-е гг. историки Вольфганг Михалка, Миякэ Масаки и Габриэль Городецкий показали, что излюбленная идея Риббентропа о союзе с Японией и СССР для создания евразийского «континентального блока» не только была вполне оригинальной (предшественники, конечно, были), но и противоречила антирусской и до известной степени пробританской, атлантистской ориентации Гитлера. Признавая изначальную слабость позиции рейхсминистра в противостоянии с фюрером, эти авторы рассматривают его концепции как полноценную «евразийскую» альтернативу курсу Гитлера. Я вполне присоединюсь к ним.

В формировании внешнеполитических идей Риббентропа

и определении его геополитической ориентации немалую роль сыграл Карл Хаусхофер, генерал-майор баварской армии, профессор Мюнхенского университета и один из «отцов» современной геополитики. Об их личных отношениях известно немного. Сын профессора Альбрехт работал в «бюро Риббентропа» ведущим экспертом по Дальнему Востоку, унаследовав от отца интерес и любовь к этим краям. Однажды младший Хаусхофер спросил старшего, почему тот поддерживает нацистов. «Будем учить наших хозяев» — промолвил отец³. Отвечая после войны на вопросы американских разведчиков о своих отношениях с Риббентропом, Карл Хаусхофер сказал, что «учил его читать карты». «Что вы имеете в виду под чтением карт?» — спросил один из американцев. Видимо, считая излишним посвящать врагов в детали, Хаусхофер сухо, но внушительно ответил: «Я учил его базовым политическим принципам»⁴. Под этим следует понимать основы евразийской геополитики и геостратегии — именно такой ориентации придерживался Риббентроп, выступая за военно-политический союз с Токио, а затем и с Москвой.

Главным политическим успехом «бюро» и его честолюбивого начальника стал Антикоминтерновский пакт с Японией. Пакт, точнее, Соглашение против Коммунистического Интернационала, был парафирован в Берлине 23 октября 1936 г. и официально подписан там же 25 ноября, немедленно вступив в силу. И советская пропаганда, и атлантистские круги немедленно охарактеризовали его как «адский военный план, состряпанный гитлеровским фашизмом и японской военщиной»⁵. С некоторым смягчением выражений такая оценка жива до сих пор, войдя в большинство энциклопедий, справочников и учебников. Однако в свете того, что мы знаем сегодня, она не выдерживает никакой критики.

Порой можно прочесть, что подготовка к союзу двух стран началась еще в 1933 г., но это сомнительно. Первая достоверно известная попытка относится к апрелю 1934 г., когда Карл Хаусхофер устроил у себя дома неофициальную встречу Гесса с японским военно-морским атташе контр-адмиралом Эндо. Гесс заявил: «Мы искренне желаем, чтобы Германия и Япония шли одним курсом. Но я должен заметить, что в этом не может быть ничего такого, что поставило бы под угрозу наши отношения с Великобританией». Эндо улыбнулся, и... встреча закончилась ничем, хотя Хаусхофер позже назвал ее первым шагом к пакту⁶. Но главные шаги сделал другой человек.

5 марта 1934 г. сорокасемилетний полковник Осима Хиро-

си, сын бывшего военного министра, был назначен японским военным атташе в Берлин. Он имел неплохой опыт полевой, штабной и военно-дипломатической службы (помощник военного атташе в Германии в 1921—1923 гг., военный атташе в Австрии и Венгрии в 1923—1924 гг.), хорошо владел немецким языком, любил Германию и восхищался ее армией. Кроме того, его давно преследовал кошмар русско-германского сотрудничества против Японии, подобно секретному соглашению Вильгельма II с Николаем II в Бьёрке 24 июля 1905 г. Одной из главных целей своей работы Осима считал предотвращение «нового Бьёрке», возможность которого он допускал даже с учетом взаимной враждебности Москвы и Берлина в середине 1930-х гг. Об этом сам Осима в 1960-е гг. рассказывал своему соседу в городке Тигасаки, на побережье Токийского залива, — молодому в то время историку Миякэ Масаки, который, в свою очередь, в 2000 г. сообщил это мне.

В апреле 1934 г. Осима прибыл в Берлин. Круг обязанностей военного атташе был неширок, учитывая ограниченные масштабы сотрудничества двух стран. Главная работа шла по линии сбора информации, прежде всего о Советском Союзе, и обмена ею с германской стороной. В это время Осима свел личное знакомство с Герингом, будущим начальником Верховного командования вермахта Кейтелем, главой военной разведки (абвера) Канарисом и рейхсфюрером СС Гиммлером.

Военному атташе полагалось заниматься только специальными вопросами, но в их решении он был полностью независим от посла. Более того, он же сам и определял, что относится к его компетенции, а что нет. На первых стадиях переговоров об Антикоминтерновском пакте Осима вообще не ставил посла Мусякодзи Кинтомо в известность о них, а посылал доклады прямо в военное министерство и Генеральный штаб (ни один из этих документов не сохранился, и о них известно только со слов самого Осима). По мере того как военные круги Токио проникались идеей сотрудничества с Рейхом, они вступали в контакт с министерством иностранных дел, которое давало соответствующие инструкции послу. Когда же в конце 1935 г. тот уехал в длительный отпуск, Осима остался хозяином положения.

«Бюро Риббентропа», ставшее его главным партнером, тоже действовало без согласования и даже контактов со своим МИД. Таким образом, со стороны Японии инициатором сближения выступили военные круги, со стороны Германии — партийные (Гесс был заместителем Гитлера по партии). Поэтому в дипло-

матических архивах обеих стран документов о подготовке пакта почти нет. Риббентроп позже утверждал: «Фюрер пожелал, чтобы подготовка к осуществлению данного плана велась не по линии германской официальной политики, поскольку здесь речь идет о мировоззренческом вопросе. Поэтому он поручил мне подготовить указанный пакт»⁷. Правда ли это?

Осима и Риббентроп познакомились, видимо, в 1934 г. Во всяком случае весной 1935 г. переговоры между ними уже шли. Риббентроп прямо приписывал инициативу фюреру: «Еще несколькими годами ранее (1936 года. — *В.М.*) Адольф Гитлер говорил со мной о том, нельзя ли в какой-либо форме завязать с Японией более тесные отношения. Я отвечал ему, что у меня самого есть кое-какие связи с японцами и что я установлю с ними необходимый контакт»⁸. Однако другие источники это не подтверждают.

Исследуя в начале 1960-х гг. историю Антикоминтерновского пакта, японский историк Охата Токусиро имел возможность использовать не только документы, но и личные свидетельства участников событий. Он убедительно показал, что инициатива исходила от Осима. В этом бывший военный атташе сам признавался на старости лет, опровергая свои показания на Токийском процессе, в которых «валил» все на покойного Риббентропа. В 1966 г. Осима откровенно говорил американскому историку Хансу Бервальду: «Да, можно сказать, что Риббентроп и я были очень близкими друзьями. Мы часто встречались по вечерам, славно проводя время за вином и ликерами. Пожалуй, тот первый Антикоминтерновский пакт никогда не был бы заключен, если бы между Риббентропом и мной не существовала близкая дружба»⁹.

Осенью 1935 г. Риббентроп представил Осима Гитлеру, и с этого времени между ними установились отношения взаимного понимания и доверия, насколько это вообще было возможно. Осима надеялся на заключение хотя бы ограниченного военного союза против СССР, но не мог твердо рассчитывать на такой результат, не имея необходимых полномочий и не будучи уверен в поддержке из Токио. Риббентроп же не стремился к военному союзу (и не считал СССР единственным противником Германии!), а, напротив, хотел сделать будущий пакт как можно более идеологическим и потому открытым для других стран. В расширении задуманного соглашения он видел залог успешного продвижения к вождьленному министерскому креслу. Так что подходы к совместно задуманному пакту у них изначально были разные.

Слухи о переговорах — более того, об их успешном завер-

шении — опережали события. Дневник антинацистски настроенного американского посла в Берлине Уильяма Додда — источник популярный, но ненадежный ввиду обилия сомнительных сведений и откровенной дезинформации — фиксирует сведения о том, что японо-германский пакт *уже заключен*, в записях от 25 марта, 26 мая, 29 мая, 25 июня, 11 июля 1935 г. и 29 февраля 1936 г., т.е. задолго до его действительного подписания. Среди информаторов — точнее, дезинформаторов — были английский посол сэр Эрик Фиппс и его советский коллега Яков Суриц¹⁰. Не берусь утверждать, что дезинформация была намеренной, но и Лондон, и Москва были информированы о переговорах по разведывательным каналам, используя полученные сведения в соответствии с собственными политическими расчетами. В советской разведке эту работу осуществляли Рихард Зорге, получавший информацию от германского военного атташе в Токио Ойгена Отта, и резидент в Нидерландах, позднее шеф европейской резидентуры НКВД, Вальтер Кривицкий.

Неофициальные, а порой и официальные заявления на эту тему, разумеется, нервировали японское правительство. Бывший посол в Москве, а затем министр иностранных дел Хирота Коки, неожиданно для самого себя ставший главой правительства после военного мятежа 26—29 февраля 1936 г., считал главными задачами укрепление позиций на континенте и обеспечение благожелательного нейтралитета со стороны великих держав. Перспективу готовящегося альянса он воспринял без энтузиазма, не видя в нем реальных выгод для Японии, но зато представляя себе дальнейшее осложнение отношений с атлантистскими державами и тем более с СССР.

Министр иностранных дел его кабинета Арита Хатирос стремился не портить отношения с армией, а потому отнесся к идее положительно, но выступил против военного союза с конкретными взаимными обязательствами. Он предпочел бы половинчатое соглашение, подписанное не густой, а «разведенной тушью»: такая подпись тоже имеет силу, но ее при необходимости можно стереть. С подачи самого министра выражение вошло в широкий обиход и стало расхожей характеристикой его политики. В общем, Арита и Хирота руководствовались не столько симпатией к Германии, сколько страхом перед коммунистической экспансией и усугублением международной изоляции Японии, но не хотели связывать себя обязательствами военного характера.

Пакт был подписан в Берлине Риббентропом и Мусьякодзи.

С германской стороны лучшей кандидатуры было не сыскать, тем более что министерство иностранных дел само постаралось остаться в стороне. С японской стороны послу был поручен только последний, официальный этап переговоров — во избежание конфликтов как в самом посольстве, так и между МИД и армией.

Осведомленные современники в один голос утверждали, что в подготовке пакта непосредственное участие принимал не только Осима, но и японский посланник в Швеции Сиратори Тосио, прославившийся на весь мир экстравагантными заявлениями во время «Маньчжурского инцидента», когда он возглавлял Департамент информации МИД. Назначение его в Стокгольм летом 1933 г. можно сравнить с упорным желанием Сталина в 1926—1927 гг. отправить полпредом в Токио Каменева, а затем Троцкого — куда подальше. Американский журналист Вильфрид Флейшер, мемуарист точный и аккуратный, писал: «Когда я спросил Сиратори, какова была его роль в переговорах (об Антикоминтерновском пакте. — *В.М.*), он привел в пример бытующую в Японии притчу о китайских солдатах второй линии, которые во время боя должны стрелять в солдат первой линии, когда те попытаются бежать. Сиратори сказал, что он как раз и был «китайским солдатом второй линии»¹¹. В переводе на отечественные реалии это можно назвать «заградительным отрядом».

Инициатива принадлежала Осима, но Сиратори мог быть многим полезен ему. Осима был, конечно, сведущ в военных вопросах, но недостаточно опытен в политических и дипломатических. Риббентропу, идеологу и геополитику, тоже не хватало дипломатического опыта. Сиратори же сочетал в себе кадрового дипломата, эрудированного и способного политического аналитика и просто контактного человека. Думаю, он помогал Осима облекать идеи в конкретную форму (а может, подсказывал их?) и консультировал его. Разногласий по принципиальным вопросам у всех троих, видимо, не было. По крайней мере, во время попыток «укрепления» Антикоминтерновского пакта в 1938—1939 гг. они выступали единым фронтом.

Теперь обратимся к сущности, целям и характеру пакта. Мы уже говорили о том, каким его хотели видеть инициаторы. А что получилось на самом деле?

Антикоминтерновский пакт традиционно называли военным союзом агрессивных держав, обращая особое внимание на прилагавшийся к нему секретный протокол (или соглашение). Однако если попытаться разобраться в нем без предубеждения,

то нельзя не заметить, во-первых, его неконкретности, во-вторых, ограниченности обязательств сторон.

«Правительство Великой Японской Империи и правительство Германии, сознавая, что целью коммунистического «интернационала» (так называемого «коминтерна») является подрывная деятельность и насилие всеми имеющимися в его распоряжении средствами по отношению к ныне существующим государствам, будучи убеждены, что терпимое отношение ко вмешательству коммунистического «интернационала» во внутренние дела наций не только угрожает их спокойствию, общественному благосостоянию и социальному строю, но представляет собой также угрозу миру во всем мире, и выражая свое намерение сотрудничать в деле обороны против коммунистической подрывной деятельности, заключили нижеследующее соглашение.

Статья 1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно информировать друг друга относительно деятельности коммунистического «интернационала», консультироваться по вопросу о принятии необходимых оборонительных мер и поддерживать тесное сотрудничество в деле осуществления этих мер.

Статья 2. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются совместно рекомендовать любому третьему государству, внутренней безопасности которого угрожает подрывная работа коммунистического «интернационала», принять оборонительные меры в духе данного соглашения или присоединиться к нему.

Статья 3. Настоящее соглашение составлено на японском и немецком языках, причем оба текста являются аутентичными. Настоящее соглашение заключено на пять лет и вступает в силу со дня его подписания. Обе Договаривающиеся Стороны своевременно, до истечения срока действия настоящего соглашения, должны достигнуть взаимопонимания относительно характера их дальнейшего сотрудничества»¹².

Составной частью пакта являлся конфиденциальный дополнительный протокол:

«При подписании Соглашения против коммунистического «интернационала» полномочные представители относительно этого соглашения договорились о нижеследующем:

а) соответствующие власти обеих Высоких Договаривающихся Сторон будут поддерживать тесное сотрудничество в деле обмена информацией о деятельности коммунистического «интернационала», а также по поводу принятия разъяснительных и оборонительных мер в связи с деятельностью коммунистического «интернационала»;

б) соответствующие власти обеих Высоких Договаривающихся Сторон будут принимать в рамках ныне действующего законодательства строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей состоящих на службе коммунистического «интернационала» или содействующих его подрывной деятельности;

в) в целях облегчения указанного в пункте «а» сотрудничества между соответствующими властями обеих Высоких Договаривающихся Сторон будет учреждена постоянная комиссия, в которой будут изучаться и обсуждаться дальнейшие оборонительные меры, необходимые для предотвращения подрывной деятельности коммунистического интернационала».

Не будем забывать о времени составления этого документа. Преамбула — логичный и естественный ответ на агрессивные резолюции Седьмого конгресса Коминтерна (август 1935 г.), прямо затрагивавшие Германию, Италию и Японию. Далее, предписывая сторонам обмениваться информацией о деятельности Коминтерна, сотрудничать в деле борьбы с ним и консультироваться о принятии мер, пакт, однако, никак не определял конкретных форм и методов этой борьбы.

И даже секретное дополнительное соглашение, о котором стало известно сразу же, но которое было опубликовано только после Второй мировой войны, не таило в себе ничего сверхъестественного:

«Правительство Великой Японской Империи и правительство Германии, признавая, что правительство Союза Советских Социалистических Республик стремится к реализации целей коммунистического «интернационала» и намерено использовать для этого свои вооруженные силы, и будучи убеждены, что это является серьезнейшей угрозой существованию не только государств, но и существованию мира во всем мире, в целях защиты своих общих интересов договариваются о нижеследующем:

Статья 1. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая Договаривающаяся Сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик.

В случае возникновения указанной выше ситуации Договаривающиеся Стороны должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов.

Статья 2. Договаривающиеся Стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения.

Статья 3. Настоящее соглашение составлено на японском и немецком языках, причем оба экземпляра имеют одинаковую силу. Настоящее соглашение вступает в силу одновременно с Соглашением против коммунистического «интернационала» и имеет одинаковый с ним срок действия».

Трактовать сказанное можно по-разному. Соглашение давало равные возможности и для оказания широкомасштабной военной помощи партнеру, и для уклонения от любого практического содействия. Сиратори как-то сказал, что пакт подобен раме, в которую можно вставить любую картину. Фраза проникла в газеты, однако, как заметил после войны американский историк Джеймс Комптон, «партнеры не могли прийти к согласию относительно самой картины: для Японии это был морской тихоокеанский пейзаж, для Гитлера — пейзаж Европейского континента»¹³. Сиратори считал достоинством пакта то, что его формулировки можно было трактовать как угодно. Но в этом крылась и его внутренняя слабость.

Сразу бросается в глаза отсутствие обязательств о взаимной военной и политической помощи в случае конфликта с третьей страной, что обычно являлось основой двусторонних оборонительных пактов. Таковы, например, были советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимной помощи, заключенные 2 мая и 16 мая 1935 г., — главный источник беспокойства Гитлера. Ни один из них не был секретным и трактовался как закономерная превентивная мера против возможной агрессии, а под агрессором открыто подразумевалась Германия. На Токийском процессе адвокат Аристидес Лазарус резонно заметил: «В то время существовал договор о взаимной помощи между СССР и Францией, который не может быть признан агрессивным. Почему же Антикоминтерновский пакт объявляется таковым?.. Он был разработан исключительно для самообороны и без агрессивных намерений»¹⁴. У Германии и Японии действительно имелись территориальные и экономические притязания, но в договоре об этом не сказано ни слова, равно как и о каком-либо конкретном сотрудничестве, кроме создания консультативной комиссии. Поэтому даже в качестве оборонительного пакта он выглядел протоколом о намерениях, подписанным «разведенной тушью», но не программой действий.

О том же говорят «разъяснения» Хирота и Арита Тайному совету, который должен был утвердить текст пакта и рекомендовать его императору для подписания¹⁵. Премьер заявил, что применительно к Японии пакт имеет целью предотвратить большевизацию Восточной Азии и усиление военной угрозы со стороны СССР. Одновременно он считал нужным «воздержаться от принятия каких-либо позитивных мер, которые могут осложнить отношения с Советским Союзом» и «развивать дружественные отношения между Японией и Британией и Соединенными Штатами». Старички в Тайном совете, среди которых было немало атлантистов, одобрительно кивали. Арита подробно показал рост внешнеполитической активности Советского Союза, сославшись на договоры с Францией и Чехословакией, а также на связь СССР и Коминтерна. Он подчеркнул, что приняты необходимые меры: Коминтерн как объект действия соглашения никак не идентифицируется с Советским Союзом, а дополнительный протокол будет секретным. Не тратя время на риторику, оба говорили только о политических вопросах, а не об опасности коммунистической идеологии.

Все это вполне соответствовало «Основным принципам национальной политики», принятым 7 августа 1936 г. Советом пяти министров (премьер-министр, военный и морской министры, министры иностранных дел и финансов):

«Учитывая внутреннее и международное положение, империя считает главным в своей национальной политике обеспечение с помощью координированных действий дипломатических и военных кругов своих позиций на восточно-азиатском континенте и расширение продвижения на юг. Основные принципы этой программы национальной политики заключаются в следующем:

1. Достижение взаимного благоденствия в Восточной Азии путем искоренения осуществляемой великими державами политики господства и утверждения принципа истинного сосуществования и процветания является воплощением духа императорского пути* и должно быть постоянным и руководящим принципом нашей внешней политики.

2. Осуществление мероприятий по усилению государственной обороны, необходимых для обеспечения безопасности империи, ее процветания и утверждения империи как номинальной и фактической стабилизирующей силы в Восточной Азии.

* *Кодо* — одно из ключевых понятий официальной японской политической лексики 1930-х гг.

3. Ликвидация угрозы с севера, со стороны Советского Союза, путем здорового развития Маньчжоу-го и укрепления японско-маньчжурской обороны; обеспечение готовности встретить во всеоружии Англию и Америку путем нашего дальнейшего экономического развития, заключающегося в тесном японско-маньчжуро-китайском сотрудничестве, — такова основа нашей политики на материке. При реализации этой политики следует обратить внимание на сохранение дружественных отношений с великими державами...

Надлежит произвести следующее обновление всей политики в соответствии с современным положением:

1. Упорядочение мероприятий по усилению государственной обороны:

а) военные приготовления в армии заключаются в увеличении расположенных в Маньчжоу-го и Корее контингентов войск настолько, чтобы они могли противостоять вооруженным силам, которые Советский Союз может использовать на Дальнем Востоке, и в частности были бы способны в случае военных действий нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке вооруженным силам Советского Союза;

б) военные приготовления во флоте заключаются в увеличении его мощи до такой степени, которая обеспечила бы ему господствующее положение против морского флота США в западной части Тихого океана»¹⁶.

Тайный совет проявил беспокойство относительно возможных последствий пакта для советско-японских отношений, особенно для готовой к подписанию новой рыболовной конвенции, более выгодной, чем прежняя. Тут Арита выглядел не лучшим образом: всего несколькими днями ранее он уверял советского полпреда Константина Юренева, что слухи о заключении и даже подготовке соглашения с Германией беспочвенны. Москва признала разъяснения неудовлетворительными и дала жесткую оценку позиции Токио, повторявшуюся средствами массовой информации на всех уровнях и по всякому поводу. Арита уверял, что СССР не отважится на решительные действия, но советское правительство сначала «отложило» подписание конвенции, намеченное на 20 ноября, а затем и вовсе отказалось от нее. Пакт был утвержден и ратифицирован, но популярность правительству, мягко говоря, не прибавил.

Конечно, Антикоминтерновский пакт был направлен против СССР. В тот момент оба партнера имели основания считать его своим главным врагом, непосредственно угрожавшим как их безопасности (в том числе через коммунистическое движе-

ние), так и дальнейшей экспансии, направленной для Германии на пересмотр Версальского договора, а для Японии на укрепление ее позиций в Китае. Открыто афишировать направленность пакта против Советского Союза как государства они не могли, поскольку это грозило разрывом экономических, а возможно, и дипломатических отношений. Однако, как заметил журналист Перси Нозль, заверения, что Коминтерн не связан с советским правительством и тем более не подчиняется ему, оказались на руку не только СССР. Москва заявляла, что не оказывает военной помощи Китаю, но не может запретить это добровольцам или общественным организациям. Токио, ссылаясь на те же самые «разъяснения», доказывал, что его политика направлена всего лишь против некоей неправительственной организации, а не суверенного государства¹⁷.

Здесь нам следует вернуться назад в пространстве и во времени — в Стокгольм конца 1935 г. Посланник Сиратори уже два года изнывал от безделья в скандинавском «изгнании», которое нарушалось разве что летними поездками в отпуск во Францию да периодическими визитами в Берлин к Осима и Риббентропу. Узнав, что Арита, в то время посол в Бельгии, возвращается в Токио в связи с переводом в Китай, Сиратори 4 ноября отправил ему пространное послание, уделив главное внимание Советскому Союзу и отношениям Японии с ним. Письмо не раз упоминалось в литературе, хотя полный его текст до сих пор не опубликован¹⁸. Фигурировало оно и на Токийском процессе, где стало — за неимением лучшего — главной уликой против Сиратори, а советский обвинитель А. Н. Васильев вообще интерпретировал его как выражение точки зрения японского правительства¹⁹. Правда, о том, что его автор позднее занял совершенно иную позицию и активно выступал за нормализацию отношений и даже за союз с СССР, на суде не говорилось.

Сиратори сообщил, что хочет поделиться с Арита соображениями, возникшими после чтения разной литературы и разговоров со специалистами, включая ветерана «русской службы» МИД Уэда Сэнтаро, знавшего как царскую, так и советскую Россию. Сиратори начал с того, что главная задача японской политики — устранение иностранного экономического присутствия из Маньчжурии и военно-политического из «собственно Китая» (частью которого японцы Маньчжурию не считали). Китай должен сотрудничать с Японией, иначе его придется заставить силой. Сиратори утверждал, что Китай «не понимает своего счастья», ориентируясь на США и Англию, а не на Японию, которая единственная может освободить его от гнета «белого империализма»,

хотя и не вполне бескорыстно. В результате на Дальнем Востоке воцарится мир, которого жаждут все стороны.

Переходя к «русскому вопросу», Сиратори назвал СССР не только главным препятствием на пути реализации японской политики в Маньчжурии и Китае и «силой, которую, бесспорно, надо устранить в первую очередь», но даже единственным государством, которое реально угрожает Японии. Он был уверен, что Сталин не отказался от ленинской концепции мировой революции, которая на самом деле не основывается на идеологических принципах, а только прикрывается ими. Иными словами, советская дипломатия продолжает экспансионистскую политику царской России. Того же мнения придерживалось тогда и большинство зарубежных аналитиков.

Сиратори полагал, что в настоящий момент Советскому Союзу для полномасштабного осуществления внешней экспансии не хватает сил, но не желания. Поэтому его более всего занимала оценка военного, политического и экономического потенциала СССР как противника в будущем противостоянии, а возможно, и войне, к мысли о неизбежности которой он склонялся все больше. Япония должна как можно скорее покончить с влиянием СССР на Дальнем Востоке, не упуская момент и проявляя инициативу. Он считал, что Советский Союз пока слаб и не способен к эффективной войне против Японии, но время работает на Россию с учетом ее колоссальных ресурсов и успехов первой и второй пятилеток. Поскольку Москва заинтересована в мирных отношениях с соседями, а для Японии война не является самоцелью, Сиратори предлагал приступить к немедленным переговорам, но считал нужным вести их с позиции силы.

Потенциальные требования и условия Японии представлялись ему так: демилитаризация Владивостока, Забайкалья и Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики), уступки в вопросах рыболовства, лесных концессий и т.д. В число первоочередных требований он включил также покупку «по умеренной цене» Северного Сахалина с последующими переговорами о покупке Приморья, о чем не раз заговаривал с советскими дипломатами и журналистами в Токио еще в начале тридцатых. Кроме того, Сиратори предупреждал, что позиция Японии должна быть заявлена жестко и определенно: переговоры не дадут желаемых результатов, если вести их «мягкотелом», как во время покупки КВЖД. Под это он попытался подвести теоретическую базу, заявив, что славяне и «раса Ямато» неизбежно столкнутся в борьбе за господство на Дальнем Востоке и на Азиатском континенте в целом.

В России он видел геополитического противника Японии, которая, находясь в тот момент в более выгодном положении, должна принять все возможные меры к ослаблению Советского государства. Однако он не агитировал непременно за войну, как трибун милитаристов генерал Араки, а считал ее лишь крайним средством разрешения сложившегося противостояния. Надо готовиться к войне и не отказываться от нее на тот случай, если переговоры по предлагающемуся сценарию не увенчаются успехом, — вот основной вывод письма.

В поисках союзников Сиратори обращал взоры к Германии и Польше, исходя из их враждебности к России. Рассчитывал ли он на тройственный антисоветский союз Токио, Берлина и Варшавы? Возможно. Но в таком случае он явно недооценивал непримиримый антагонизм Германии и Польши. Первая так и не признала официально своих восточных границ, определенных Версальским договором. Вторая еще в 1933 г. вынашивала планы превентивной войны против западного соседа в союзе с Францией. Интересно, что позиция Гитлера по отношению к Польше была мягче, чем у лидеров Веймарской Германии, не оставлявших надежд на реванш и ориентировавшихся на союз с Советской Россией, у которой, в свою очередь, были территориальные претензии к Польше со времен войны 1920 г. Польский историк С. Дембски пишет: «Гитлер хотя и не отказывался от притязаний в отношении Польши, но, в противоположность своим предшественникам, не отвергал возможности решения германо-польских проблем путем переговоров, а не с помощью вооруженного конфликта. Он не стремился к безусловному уничтожению Польши и по этой причине считался в Варшаве (в середине 1930-х гг. — *В.М.*) умеренным и рассудительным политиком»²⁰. Однако и сам маршал Пилсудский, и его наследники-«пилсудчики» во главе с министром иностранных дел полковником Беком были одержимы идеей «Великой Польши», способной одновременно противостоять и Германии, и России, в результате чего добились только вражды со стороны обоих соседей.

Увлекаясь нарисованной картиной, Сиратори потребовал даже разрыва с Россией, считая его насущной необходимостью, более важной, чем вопросы разоружения и проблемы Китая. Разрыв и демонстрация силы, по его мнению, могли бы раз и навсегда избавить Японию от опасности с севера. Настоящий момент он считал самым подходящим, поскольку, по его оценке — точнее, по оценке тех аналитиков, на чье мнение он опирался, — Советской России понадобится еще десять лет, чтобы

стать державой, с которой Япония не сможет справиться. Сиратори также полагал (возможно, исходя из опыта Германии и Франции), что Россия еще не компенсировала людские потери Первой мировой и Гражданской войн. Кроме того, он считал коммунистический режим слабым и лишенным массовой поддержки, хотя вовсе не исключал ее появления в будущем. Иными словами, Сиратори невысоко оценивал потенциал России на данный момент, но предвидел ее будущее усиление по всем направлениям. «В настоящий момент шансы хороши», — вот его вывод и главная мотивировка немедленных действий. Он хотел видеть Россию «слабой капиталистической республикой», ресурсы которой легко будет поставить под иностранный (читай: японский) контроль.

Данный им анализ, конечно, не во всем правилен. Но Сиратори брал информацию из вторых-третьих рук (хотя его источники были не худшими), разделяя воззрения и заблуждения своего времени. В отличие от большинства современников, он не страшился «коммунистической угрозы». Преимущественное внимание к геополитическим, а не идеологическим факторам помогает правильно понять и оценить дальнейшую эволюцию его отношения к СССР, к которой мы еще вернемся.

Арита не согласился со многими выводами письма: о возможности объединения с Германией и Польшей против Советского Союза, о быстром крахе сталинского режима в результате войны, о том, что славянам и японцам «роковым образом» суждена битва за Азию. Он счел утопическими предложения о демилитаризации части советской территории, но согласился, что от Москвы надо потребовать прекращения «подрывной деятельности» в Азии, прежде всего в Китае и Индии, где Япония могла бы выступить гарантом против «большевизации». Арита не считал войну с «Советами» неизбежной и не склонен был недооценивать их военный потенциал, а потому признавал необходимость поиска союзников и перевооружения Японии, чтобы иметь необходимый тыл для решительных переговоров с северным соседом. Хотя и не настолько «решительных», как предлагал Сиратори.

На обратном пути домой Арита заехал в Варшаву, где обсудил с японским посланником Ито Нобуфуми и военным атташе перспективы «советской угрозы», в реальность которой они свято верили. В Токио он показал записку Сиратори руководству МИД и некоторым политикам, но сам дистанцировался от нее, считая призывы неугомонного посланника авантюрными. Понимания воинственные идеи Сиратори не встретили, но об-

щее настроение японской элиты становилось все более и более антисоветским. Что и нашло свое выражение в Антикоминтерновском пакте.

Так что нарком иностранных дел Литвинов имел все основания говорить об антисоветском характере соглашения, издавая над неуклюжими оправданиями германских и японских дипломатов. Выступая на VIII Всесоюзном съезде Советов 28 ноября 1936 г., он обрушил на них всю силу своего знаменитого сарказма: «Люди сведущие отказываются верить, что для составления опубликованных двух куцых статей японо-германского соглашения необходимо было вести эти переговоры в течение пятнадцати месяцев, что вести эти переговоры надо было поручить с японской стороны генералу, а с германской — «сверхдипломату»... Все это свидетельствует о том, что «антикоминтерновский пакт» фактически является тайным соглашением, направленным против Советского Союза... Не выиграет также репутация искренности японского правительства, заверившего нас в своем стремлении к установлению мирных отношений с Советским Союзом»²¹. Верно писал его официальный биограф в том же году: «Глава советской дипломатии любит выражаться точно и направлять свои весьма яркие характеристики по весьма определенному адресу»²².

23 октября, в день парафирования пакта, Риббентроп направил Мусьякодзи дополнительную ноту к секретному протоколу, в которой заявлялось, что положения заключенных ранее Рапалльского (1922) и Берлинского (1926) советско-германских договоров не противоречат Антикоминтерновскому пакту. Германия не отказывалась от них, отделяя их от нового соглашения. Получив ноту, Мусьякодзи телеграфировал в Токио, что «дух этого пакта является единственной основой будущей германской политики в отношении Советского Союза» и что Риббентроп подтвердил правильность такого понимания. Япония ждала гарантий, опасаясь односторонних действий другой стороны по сближению с СССР, что тогда казалось невероятным, но как раз и случилось в августе 1939 г. Риббентроп гарантии дал, но предусмотрительно оставил Германии «запасной выход».

Подписание пакта сопровождалось специальными заявлениями сторон, разъяснявшими их цели и намерения. Сначала их сделали лично Риббентроп и Мусьякодзи, затем оба правительства. Сопоставим эти четыре документа²³. Риббентроп атаковал Седьмой конгресс Коминтерна и действия коммунистов в Испании, превознося значение нового соглашения: «Германия и Япония, будучи не в состоянии более терпеть

махиляции коммунистических агитаторов, перешли к активным действиям. Заключение Германией и Японией соглашения против Коммунистического Интернационала является эпохальным событием. Это поворотный пункт в борьбе всех чуждых законы, цивилизованных стран против сил разрушения... Все значение (пакта. — *В.М.*) будет оценено только грядущими поколениями». пышная риторика контрастировала со скромным содержанием опубликованного текста и наводила на мысль, что за ним скрывается нечто большее. Об СССР «сверхдипломат» не сказал ни слова, но призвал «другие цивилизованные страны» включиться в борьбу и присоединиться к соглашению. Краткое и более сдержанное заявление Мусьякодзи ограничилось констатацией фактов вмешательства Коминтерна во внутренние дела других стран и его особой враждебности к Германии и Японии. Посол ни словом не упомянул о Советском Союзе, но ничего не сказал и о возможном расширении пакта.

Заявление правительства Рейха имело подчеркнуто общий и вполне дипломатический характер: оно акцентировало внимание на оборонительной сущности соглашения и его направленности против Коминтерна как организации, не упоминая СССР. В заявлении японского правительства, более конкретном и агрессивном, говорилось о Седьмом конгрессе Коминтерна и гражданской войне в Испании, о китайских коммунистических армиях как угрозе Японии и о совместном сопротивлении коммунизму как основе пакта. За этим, однако, следовали специальные разъяснения, что пакт не направлен против какой-либо третьей страны, т.е. СССР. Несомненной дипломатической ошибкой было упоминание секретных соглашений, наличие которых в заявлении категорически отрицалось, хотя об их существовании знали заинтересованные лица за рубежом и не переставала твердить враждебно настроенная пресса. В общем, Япония снова подчеркивала политический характер соглашения, Германия — идеологический.

Дальнейшие действия Берлина были направлены на расширение пакта за счет привлечения третьих стран. «Адольф Гитлер рассматривал противоречие между национал-социализмом и коммунизмом как один из решающих факторов своей политики, — вспоминал Риббентроп. — Поэтому следовало проверить, каким способом можно найти путь к тому, чтобы привлечь и другие страны к противодействию коммунистическим стремлениям... В намерения Гитлера входило подтолкнуть к участию в антикоммунистическом фронте также и Британскую импе-

рию». Риббентроп безуспешно убеждал министра иностранных дел Идена в реальности коммунистической угрозы для Великобритании и необходимости совместной борьбы с нею. «Я хотел доказать ему значение этого идеологического сплочения для всего культурного мира. Когда Иден заявил мне, что в Англии подписание Антикоминтерновского пакта послом в Лондоне воспринято с неудовольствием, я со всей откровенностью растолковал ему смысл и цель пакта и его значение для всего некоммунистического мира... Но я натолкнулся на полное непонимание со стороны Идена, и даже позже мне никогда не доводилось услышать от английского правительства хоть что-то насчет этой инициативы»²⁴.

Есть все основания предполагать, что неуспех этой миссии стал мощным катализатором антибританских настроений будущего рейхсминистра. В разговоре со Сталиным в ночь с 23 на 24 августа 1939 г., после подписания исторического советско-германского договора, Риббентроп «заметил, что Антикоминтерновский пакт был в общем-то направлен не против Советского Союза, а против западных демократий. Он знал — и мог догадаться по тону русской прессы, что Советское Правительство осознает это полностью. Господин Сталин вставил, что Антикоминтерновский пакт испугал главным образом лондонское Сити и мелких английских торговцев. Имперский министр иностранных дел шутливо заметил, что господин Сталин конечно же напуган Антикоминтерновским пактом меньше, чем Лондонское Сити и мелкие английские торговцы»²⁵. Но до этого еще надо было дожить, а пока, подводя неутешительные итоги пребывания на посту посла в Лондоне, 2 января 1938 г. Риббентроп направил фюреру доклад, где делал вывод о бесперспективности дальнейших поисков союза с Великобританией и о необходимости иной коалиции. По существу это была программа нового курса внешней политики.

«По мере осознания того, что Германия не желает связывать себя сохранением status quo в Центральной Европе (Mitteleuropa, одно из ключевых понятий геополитики школы Хаусхофера. — В.М.) и рано или поздно возможно военное столкновение в Европе, надежда на понимание со стороны дружественных ей английских политиков (если только они в настоящее время не играют всего лишь предназначенную им роль) постепенно исчезает. Тем самым поставлен судьбоносный вопрос: не окажутся ли Англия и Германия в конечном счете поневоле в разных лагерях и не придется ли им однажды снова выступить друг против друга?»²⁶

Следует помнить, что доклад направлялся диктатору, который так до конца и не избавился от англофильских настроений. Одаренный и «пассионарный» австрийский аутодидакт, не получивший никакого фундаментального образования, Гитлер в политике руководствовался симпатиями и антипатиями своей юности, более иррациональными, чем рациональными, далеко не всегда основанными на жесткой идеологической системе (если не считать таковой очень общие расистские и пангерманские настроения) или на геополитическом расчете. С юности он мечтал — и мечтал всю жизнь — о союзе или партнерстве с Англией, о лишении Франции любых претензий на лидерство в Европе и о завоевании «жизненного пространства» на славянском Востоке. Фраза о стремлении Германии к мировому господству стала штампом, но «мир» для Гитлера ограничивался Mitteleuropa. Лежавшее за ее пределами его почти не волновало. Как бывший подданный Габсбургов, он находился еще и под влиянием «комплекса фольксдойче»: отсюда упорное стремление воссоединить Австрию с Германией и столь же упорная антипатия к чехам и полякам. Поколебать эти убеждения не могли никакие силы или события.

Риббентроп боготворил фюрера, хотя и не всегда соглашался с ним. Перечить ему в открытую он не решался, а потому прибегал к завуалированному изложению своих заветных мыслей: «Что касается Англии, то наша политика, как я считаю, должна и далее быть направлена на компромисс при полном соблюдении интересов наших друзей (Италии и Японии, союзнические отношения с которыми оформились в 1936—1937 гг. — В.М.). Нам следует и впредь укреплять у Англии понимание того, что компромисс и взаимопонимание между Германией и ею в конечном счете все же возможны... Если Англия с ее союзами окажется сильнее, чем Германия и ее друзья, она, по моему разумению, рано или поздно удар нанесет. Если, напротив, Германии удастся осуществить свою политику союзов так, что германская группировка будет сильнее или равноценна английской, Англия, возможно, все же попыталась бы еще достигнуть компромисса. Однако при застывших фронтах внезапный компромисс между ними при наличии весьма разноречивых интересов кажется мне немыслимым».

Даже в Нюрнберге, перед казнью, когда реализовался наихудший для Германии вариант, Риббентроп твердил: «Я по-прежнему непоколебимо верю: Адольф Гитлер при всех условиях соблюдал бы заключенный с Англией союз. Только растущая антигерманская позиция Лондона и вечное английское стрем-

ление играть роль гувернера, как это называл Гитлер, толкнули его на путь, по которому он, по моему мнению, совсем идти не хотел, но по которому ему потом все же пришлось пойти, как он считал, в интересах своего народа»²⁷. Можно оспаривать эту оценку, но не следует забывать о двух вещах. Во-первых, о мирных предложениях, которые Гитлер неоднократно делал даже после объявления войны*. Во-вторых, о том, что он не только не реализовал операцию «Морской лев» (высадка сухопутных войск в Англии), но и не собирался ее осуществлять, видя в ней прежде всего средство психологического прессинга. Лондонское руководство, в том числе лично Черчилль, знало об этом, что убедительно доказал на основе германских и британских архивных документов в своем капитальном труде «Война Черчилля» выдающийся историк Дэвид Ирвинг.

События последующих двух лет показали, что Риббентроп был прав: Англия выступила, чувствуя за спиной мощь Соединенных Штатов и наличие незатухающего пожара войны в Китае, которая ограничивала участие Японии в любом глобальном конфликте, не говоря уже о локальной европейской войне. Он ошибся в конце августа 1939 г., думая, что советско-германский пакт о ненападении удержит Лондон и Париж от вступления в войну. Без участия США атлантистский блок, даже с учетом сил и возможностей всей Британской империи и Китая, не смог бы нанести поражение единому фронту евразийских держав с участием СССР. Но этот единый фронт, на который надеялся Риббентроп, так никогда и не состоялся. А участие Соединенных Штатов в будущем глобальном столкновении при Рузвельте было предрешиено, даже если до поры до времени они формально числились нейтральными.

Риббентроп предлагал следующее: «Упорное создание в условиях полной секретности, без какой-либо огласки, союзнической группировки держав против Англии, т.е. практически укрепление нашей дружбы с Италией и Японией... У Англии, как и у Франции, не должно существовать никакого сомнения насчет того, что Италия и Япония твердо стоят на нашей стороне и в надлежащем случае совместные силы данной группировки будут незамедлительно введены в бой. Италия и Япония столь же серьезно заинтересованы в сильной Германии, как и мы — в сильной Италии и сильной Японии... Далее, при-

* Их тексты приведены в работе историка Фридриха Штиве «То, что отверг мир» (What the World Rejected), однако на русском языке почти ничего из них не публиковалось.

влечение на нашу сторону всех тех государств, интересы которых прямо или косвенно согласуются с нашими». Так — пожалуй, впервые в официальном документе — оформилась концепция Риббентропа, открывавшая путь не только к «треугольнику» Берлин—Рим—Токио, но и к более широкой евразийской комбинации держав, объединенных противостоянием атлантистскому блоку.

Первым практическим испытанием прочности или хотя бы пользы Антикоминтерновского пакта стал «Китайский инцидент». Случайная ночная перестрелка японских и китайских отрядов у моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) 7 июля 1937 г. стала началом войны, масштабы которой тогда вряд ли кто-то мог предвидеть. Не стремясь «обелять» японскую политику на континенте, скажу, что главной ее целью в тот момент было все-таки не завоевание новых территорий, а эксплуатация природных богатств Маньчжурии и создание там мощной индустриальной и аграрной базы, для чего требовалась военная и политическая стабильность. «Однако постепенно сложилось впечатление, что Китай был более искренен в стремлении к миру, чем Япония. Истинные — и весьма неясные — причины войны забылись, а их место занял миф о том, что ответственность за начало боевых действий лежит исключительно на Японии», — справедливо заметил современный британский историк Энтони Бест²⁸.

Симпатии европейских держав, США и СССР были на стороне Китая, хотя они поддерживали разные фракции антияпонского движения. Германия и после заключения Антикоминтерновского пакта продолжала поставлять Чан Кайши оружие и держать при нем военных советников, а позиция ее посла в Нанкине Оскара Траутмана была откровенно прокитайской. Желая выступить посредником в урегулировании конфликта, Берлин преследовал несколько целей, среди которых развитие политического и тем более военного сотрудничества с Японией было не главной. В условиях растущей международной изоляции Третьему рейху было важнее показать себя миротворцем, способным сделать то, чего не смогла добиться Лига Наций, и не лишиться при этом китайского сырья. Мирные инициативы Германии вызвали пристальное внимание британских и французских дипломатов, заподозривших в этих шагах отнюдь не проявление миролюбия, но стремление ослабить позиции своих стран в Китае.

Сегодня можно сказать со всей уверенностью: «инцидент» у моста Марко Поло руководством Японии — ни военным, ни

тем более гражданским — не планировался. С одной стороны, японо-китайские отношения к тому времени достигли определенного прогресса, особенно в области экономики; с другой — армия была занята долгосрочными мобилизационными и военно-экономическими планами. Длительная и дорогостоящая война, чреватая вступлением в нее СССР и дальнейшим усилением международной изоляции, в планы Японии не входила. Правительство хотело скорейшей локализации и прекращения конфликта, стремясь заняться решением внутренних, прежде всего экономических, проблем. Но отступать перед лицом непримиримой позиции Китая тоже не собиралось, а потому решилось на боевые действия. В ответ Мао Цзэдун выступил с «Десятью пунктами программы спасения родины», призывавшими к тотальной войне «до последней капли крови» и исключавшими любой компромисс. «Разгромить японский империализм» для него означало: «Порвать дипломатические отношения с Японией, изгнать японских должностных лиц, арестовать японских шпионов, конфисковать японское имущество в Китае, отказаться от наших долговых обязательств по отношению к Японии, аннулировать договоры, заключенные с Японией, отобрать все японские концессии»²⁹. Токио, разумеется, не мог на это согласиться. Но вряд ли согласились бы и другие державы, потому что завтра вместо японского империализма главным врагом мог быть объявлен империализм британский или американский.

Конфликт решался только убедительной победой одной из сторон, но война приобрела затяжной характер. Милитаристы настаивали на расширении экспансии и на отказе от переговоров с режимом Чан Кайши, которые были прерваны 11 января 1938 г. Япония добилась тактических успехов, включая взятие гоминьдановской столицы Нанкина, но не одержала стратегической победы, в то время как мировое общественное мнение становилось все более антияпонским. Пытаясь что-то изменить, премьер-министр принц Коноэ Фумимаро, возглавивший правительство всего за месяц до начала конфликта, 26 мая реорганизовал кабинет, поставив во главе МИД генерала-атлантиста Угаки Кацусигэ, бывшего военного министра. Опыта дипломатической работы тот не имел, зато на первой же встрече с послами назвал главной целью восстановление «традиционных отношений дружбы» с Великобританией и Францией.

Угаки недолго продержался на посту и в конце сентября подал в отставку, устроив на прощание перетасовку дипломатических кадров. Будущий министр иностранных дел, евразиец

Того Сигэнори был переведен из Германии в СССР, к чему давно стремился. Атлантист Сигэмицу Мамору покинул Москву, где из-за своего поведения во время конфликта на озере Хасан летом 1938 г. стал явно нежелательной персоной, и отправился в Лондон. Еще до этого Литвинов писал полпреду в Токио Михаилу Славуцкому: «Хорошо бы как-нибудь деликатным образом намекнуть, что Сигэмицу лично отнюдь не способствует улучшению отношений, но, повторяю, это надо сделать очень тонко»³⁰. Военный атташе в Берлине генерал-лейтенант Осима был назначен послом в Германии, а его коллега в Токио генерал-майор Отт сменил заболевшего Дирксена на посту посла еще в конце апреля того же года. Сиратори получил назначение в Рим. Все это было призвано содействовать «укреплению» не только дипломатии Японии, но и ее международных позиций, страдавших от затягивания конфликта.

6 ноября 1937 г. — «подарок» Сталину к годовщине Октября — в Риме Риббентроп, министр иностранных дел Чиано и японский посол Хотта подписали протокол о присоединении Италии к Антикоминтерновскому пакту. Япония заявила, что в случае конфликта в Европе будет придерживаться «максимально благоприятного нейтралитета». Связанная «Китайским инцидентом», она не спешила брать на себя конкретные обязательства, хотя и соглашалась на развитие сотрудничества в военной области. Небезынтересно, что Италия присоединилась лишь к «официальной части» пакта, без секретного соглашения.

Сразу после этого начались толки о необходимости «укрепления» пакта. Поэтому мы вправе задать вопрос: если это действительно был тайный военный союз стран-агрессоров, то чем же он их не устраивал и зачем его надо было дополнительно «укреплять»?

8 октября 1937 г. Рихард Зорге сообщал из Токио о беседах с Альбрехтом Хаусхофером, «специальным информатором Риббентропа, который провел здесь два месяца, имея прекрасные связи со всеми руководящими лицами». Хаусхофер-младший поведал Зорге, что «во второй половине ноября ожидается важное решение относительно развития японо-германского сотрудничества. Он будет советовать Риббентропу усилить тесное сотрудничество, но избегать немедленных совместных действий до тех пор, пока слабость Японии не будет совсем преодолена или по крайней мере уменьшена при содействии Германии»³¹. Месяцем позже Осима предложил заключить двустороннее соглашение о консультациях и обмене информацией — не ограничиваясь Советским Союзом! — в качестве первого шага к со-

зданию военного альянса. Ответа пришлось ждать до весны, но тогда Германия выразила желание расширить сотрудничество за рамки предлагаемого соглашения. Инициативу взял на себя Риббентроп. Став в феврале 1938 г. министром иностранных дел, он сразу же выдвинул идею пакта о взаимопомощи с Японией, направленного против СССР и содержащего конкретные взаимные обязательства политического и военного характера. Видимо, тогда и возникла формула «укрепление Антикоминтерновского пакта»³².

Уже начало обширной дипломатической переписки между столицами стран будущего блока выявило принципиальную разницу в подходах к проблеме. В Токио министерство иностранных дел, министерства и генеральные штабы армии и флота составляли бесконечные проекты, тратя огромное количество времени на согласование их друг с другом, поскольку никакого единодушия между инстанциями не было. Не было и единого центра власти, диктатора, способного принять решение и добиться его немедленного исполнения, чего никак не могли понять в Берлине и Риме. Послы Осима и Сиратори, проникаясь духом европейских диктатур, тоже тяготились проволочками, мастером которых показал себя их начальник Арита, вернувшийся в кресло министра после отставки Уаки.

К весне 1938 г. Риббентроп окончательно определил свою цель — пакт о взаимопомощи, прямо направленный против СССР, косвенно против Франции и Великобритании, на дружественные отношения с которыми Германия уже не могла рассчитывать. Его проект предусматривал: а) консультации в случае «дипломатических затруднений» с третьей страной; б) взаимную политическую и дипломатическую помощь в случае «угрозы»; в) взаимную военную помощь в случае нападения третьей страны. Осима ответил, что Япония пока не готова давать обязательства о военном сотрудничестве и не хочет осложнять отношения с Лондоном, но предложил продолжать работу.

Сторонником военно-политического союза с Германией и расширения сотрудничества с Италией был военный министр генерал-лейтенант Итагаки Сэйсиро, который добился включения требования об «укреплении» пакта в «Пожелания армии относительно текущей внешней политики» (3 июля 1938 г.). Союз с Германией и решительные действия для достижения скорой победы в Китае должны были поднять престиж Японии в мире и заставить атлантистские державы и Советский Союз воздержаться от дальнейшей экспансии в Азии. Конкретные предложения предусматривали заключение отдельных секретных

военных соглашений с Германией (превращение пакта в союз против СССР) и Италией (против Англии). Кроме того, рекомендовалось привлечь к участию в существующем Антикоминтерновском пакте Польшу и Румынию. Категорически отвергся советско-японский пакт о ненападении.

19 июля конференция пяти министров в Токио приняла «Проект мер по укреплению политических связей с Германией и Италией». 26 июля военное министерство составило новый меморандум «Об укреплении японо-германского Антикоминтерновского пакта». Он был нацелен на оказание взаимной военной и политической помощи в случае вооруженного конфликта одной из сторон с СССР (вызванного, конечно, «советской угрозой») и предусматривал участие второго партнера в военных действиях (пока без конкретных деталей), а также обязательство не заключать сепаратный мир и соглашения, противоречащие данному, без предварительного информирования другой стороны. Однако 12 августа Угаки представил альтернативную разработку МИД, направленную только против СССР. Согласно этому откровенно атлантистскому проекту, в случае войны в Европе без участия Советского Союза Япония абсолютно свободна в выборе своей политики, по крайней мере до тех пор, пока СССР не вступит в войну. Ни о каком участии в военных действиях не говорилось — речь шла только о неопределенных «мерах» и «возможной помощи», относительно характера и масштабов которой Япония также не принимала на себя никаких обязательств. С Германией предлагалось заключить договор о взаимопомощи, с Италией — о нейтралитете и консультациях. Оба пакта предполагалось предать гласности в полном объеме, в то время как армейские проекты предусматривали наличие секретных соглашений или протоколов.

26 августа конференция одобрила новый проект МИД, преамбула которого квалифицировала договор как продолжение Антикоминтерновского пакта, т.е. как политическое, а не военное соглашение. Пакт вступал в действие только в случае «неспровоцированной» атаки и ограничивал сотрудничество сторон сферой политики и экономики; в военной области предполагались лишь «консультации». Наконец, было решено придать переговорам официальный статус, отметив, что ранее предложения другой стороны только «принимались к сведению». Военному и морскому атташе в Берлине разрешалось сообщить германским коллегам о согласии с их предложениями, но ведение переговоров поручалось дипломатам во главе с послом Того, пока еще не переведенным в Москву. Кроме того,

было заявлено о необходимости тщательной доработки текста и специальных консультаций по оглашению или неоглашению отдельных статей. Скорого решения вопроса все это не предвещало.

Однако инструкции в адрес Того и Осима содержали компромиссный вариант и отступали от проекта МИД, что было сделано под давлением военных. Послу и военному атташе было предписано официально вступить в переговоры и содействовать скорейшему подписанию соглашения. Осима заключил, что за основу был принят армейский проект, и с легким сердцем принялся за дело. Министры Угаки и Итагаки по-разному, в соответствии с собственными идеями и целями, восприняли или, по крайней мере, интерпретировали решение от 26 августа, что стало причиной будущих «нестыковок». Постепенно выявился главный пункт разногласий: обратить пакт против СССР (МИД), против СССР и Великобритании (армия) или преимущественно против Великобритании (флот).

С наступлением нового 1939 года события стали развиваться с кинематографической быстротой. 1 января Муссолини сообщил своему зятю Чиано, что принимает предложение Риббентропа о превращении Антикоминтерновского пакта в трехсторонний военный альянс и готов подписать новый пакт в последней декаде января. Чиано составил ответ, который был одобрен дуче и на следующий день отправлен в Берлин. Довольный Риббентроп сообщил, что к концу месяца будут готовы и немцы, и японцы.

В последнем его, очевидно, уверил Осима, но без каких-либо на то оснований. 4 января кабинет Коноэ подал в отставку, не справившись с ситуацией в Китае. Новым премьером стал председатель Тайного совета барон Хиранума Киитиро, влиятельный консерватор и националист. Коноэ занял его прежний пост, так что произошла своего рода рокировка. Ключевые министры остались на своих местах. Хиранума поддерживал идею оборонительного соглашения против СССР, но опасался портить отношения с Великобританией и США и не хотел форсировать события.

6 января из Берлина в Рим был доставлен окончательный текст пакта. Цель — борьба с «коммунистической угрозой» (преамбула). Меры — консультации об общих действиях в случае «трудностей» (статья 1); экономическая и политическая помощь в случае угрозы (статья 2); помощь и поддержка в случае «неспровоцированной агрессии» с обязательством немедленно конкретизировать меры этой помощи (статья 3); обязательство не

заключать сепаратного мира (статья 4); скорейшая ратификация (статья 5). Секретный дополнительный протокол предусматривал создание трехсторонних комиссий министерств иностранных дел для постоянного изучения ситуации и обмена информацией. Из проекта исчезло обязательство не заключать соглашения, противоречащие данному, — положение, действующее прежде всего в мирное время. Интересно, кто был инициатором этой поправки, четко обозначившей отличие нового пакта от прежнего? Теперь он выглядел предупреждением западным демократиям и Советскому Союзу, но оставлял лазейку для соглашения с ними до начала военных действий. Его можно назвать документом «предвоенного» времени, еще не делающим войну фатально неизбежной.

8 января дуче одобрил присланные тексты, немного исправив преамбулу*. Дело было за Японией. Арита пришлось согласиться с включением в число потенциальных противников Великобритании и Франции, но, стремясь сбалансировать ситуацию, он предложил ограничить действия Японии против них политической и экономической, а не военной помощью. Кроме того, указывал он, раз договор является развитием Анतिकоминтерновского пакта, акцент должен делаться на его политическом, а не на военном характере. 19 января конференция пяти министров приняла это предложение. Арита поспешил доложить императору: «сейчас или в ближайшем будущем» Япония окажет военную помощь Германии и Италии только в случае войны с Россией. Однако до подписания было еще далеко. 25 января министры только утвердили инструкции по заключению «Договора о консультациях и взаимной помощи» и постановили направить в Рим и Берлин специальную миссию во главе с посланником Ито.

Арита продолжал трактовать все решения и формулировки по-своему. Он все равно обозначил в качестве главного противника Советский Союз и предостерег от придания договору формы полномасштабного альянса, что может быть выгодно Германии и Италии для их маневров в Европе, но совершенно не требуется Японии. Что касается положения об оказании Японией военной помощи *только в случае войны с СССР*, министр назвал его «самой важной для Японии статьей».

* В дневниковой записи за этот день Чиано утверждал, что в преамбуле проекта Риббентропа была фраза об «угрозе большевистской гангрены» как причине пакта и что Муссолини исправил ее; однако ни в одном из известных нам документов таких слов нет.

Пока Ито и его спутники плыли в Европу, а подписание договора откладывалось на неопределенный срок, слухи о нем упорно циркулировали в европейских столицах и занимали первые полосы газет. Наибольший переполох вызвала статья лондонской «Ньюс кроникл» 17 января. Оказывается, договоренность о заключении пакта трех «тоталитарных» держав уже достигнута, но Италия решила отложить его формальное подписание до завершения переговоров с Великобританией. 11—12 января премьер Невиль Чемберлен и министр иностранных дел лорд Галифакс посетили Рим с официальным визитом, но так ни до чего и не договорились, что укрепило решимость Муссолини поскорее заключить союз с Германией и Японией. Статья «Ньюс кроникл» явно пыталась вбить клин между партнерами и оторвать Италию от будущего союза в соответствии с расчетами «Форин оффис». Однако сказанное имело под собой некоторые основания.

Опираясь на информацию НКВД и, вероятно, разведки, Литвинов так комментировал события полпреду в Лондоне Ивану Майскому: «Италия до последнего времени уклонялась от подписания намеченного японо-германо-итальянского союзного договора, опасаясь срыва поездки Чемберлена в Рим. Однако, как только поездка была окончательно решена, Чиано и Муссолини стали торопить вновь приехавшего японского посла (Сиратори. — В.М.), настаивая на подписании договора в течение января. Эту торопливость они объясняли желанием нейтрализовать в общественном мнении впечатление от визита Чемберлена, которому придается преувеличенное значение, и подтвердить прочность «оси». По словам наркома, Муссолини якобы предлагал распространить действие пакта и на США. Американский посол в Риме Уильям Филлипс, находившийся в полном неведении, встревожился и поспешил за разъяснениями к Сиратори и Чиано. Из разговора с первым он понял, что правительство Японии еще не приняло окончательного решения, а второй вообще заявил, что ввиду очевидной близости трех держав заключение специального пакта не является делом ближайшего будущего. Однако Литвинов, сообщая полпреду в Италии Борису Штейну «точные данные» о будущем договоре, указал: «Можете поделиться ими с Филлипсом», — видимо, зная о беспокойстве последнего и желая его усугубить. Штейн не замедлил исполнить поручение и передал информацию послу, который «очень благодарил и сказал, что вопрос его исключительно интересует».

25 февраля миссия Ито наконец-то прибыла в Италию. Оз

накомившись с проектом договора, Сиратори с ходу отверг его как бесперспективный и неприемлемый для потенциальных союзников. После двухдневного осмотра достопримечательностей японские дипломаты отправились в Берлин, где и происходили главные события. Реакция Осима была не менее резкой. Посоветовавшись наедине, послы пришли к единому мнению, что проект Хиранума—Арита несовместим с согласованным германо-итальянским проектом, и решительно выступили против него. Поначалу Осима вообще отказался передавать документы Риббентропу (неслыханный для посла шаг!), что вызвало его конфликт с Ито, который строго придерживался традиционных представлений не только о дипломатии, но и о субординации.

Как и ожидалось, камнем преткновения стал вопрос о направленности договора исключительно против СССР и об ограниченности японской военной помощи. Позже Риббентроп писал Отту о берлинских переговорах: «Кабинет в Токио обосновывал необходимость подобного ограниченного толкования пакта тем, что Япония в данный момент по политическим и особенно по экономическим соображениям еще не в состоянии открыто выступить в качестве противника трех демократий. Осима и Сиратори сообщили в Токио о невозможности осуществления также и этого пожелания японского правительства и информировали меня и Чиано, опять-таки в строго конфиденциальном порядке, о развитии этого вопроса. Как Чиано, так и я не оставили никакого сомнения в том, что нас не устраивает заключение договора с такой интерпретацией, прямо противоречащей его тексту».

Осима сообщил Арита о негативной реакции партнеров на присланный проект, дав понять, что сам он солидаризируется с ними, а не со своим начальником. Затем он перешел к более решительным действиям: созвал на совещание в Берлин японских послов в европейских странах, запросив у Арита разрешения, но не дожидаясь ответа. Интересный рассказ об этом оставил Того, уже работавший в СССР: «Я подозревал, что предлагаемая встреча является попыткой создать единый фронт для давления на министерство иностранных дел в этом вопросе. Сам я был против такого союза и считал, что, если дело пустить на самотек, Японии будет нанесен серьезный ущерб. Поэтому я решил ехать в Берлин. Поскольку даже на самую быструю поездку из Москвы в Берлин требовалось два дня, я подумал, что не успею на берлинскую встречу, если буду ждать ответа из Токио (т.е. разрешения на поездку. — В.М.). А посему просто направил в министерство иностранных дел телеграмму с сообщением о

своем отъезде в Берлин в связи с предложением посла Осима. Как я выяснил по прибытии в Берлин, министерство иностранных дел не одобрило эту встречу, и кроме меня на ней присутствовал только посол в Италии Сиратори. В тот вечер на приеме в японском посольстве я выразил твердую убежденность в отсутствии необходимости в Трехстороннем союзе, но, разумеется, достичь единства мнений присутствующим не удалось. На следующий день рано утром я посетил министра-посланника Ито и сказал ему, что, вопреки расчетам сторонников Трехстороннего союза, он не будет способствовать урегулированию «Китайского инцидента», а скорее втянет Японию в какой-нибудь европейский конфликт... Я настойчиво призывал его немедленно вернуться в Токио и противодействовать заключению союза. На следующий день я выехал из Берлина в Москву»³³.

Ито не собирался отступать от полученных инструкций. Арита был встревожен самоуправством подчиненных и решил приструнить их, но имел в распоряжении немного средств для этого. Осима продолжал обнадеживать Риббентропа, который не терял надежды на привлечение Японии в союз. Рим все больше склонялся к «союзу двух», который в итоге и был заключен 22 мая 1939 г. под пышным названием «Стального пакта».

6 марта ситуация прояснилась, когда Чиано получил доклад от своего посла из Берлина. Осима подтвердил, что Япония в принципе согласна присоединиться к пакту, но уклончиво сказал, что полученные инструкции требуют уточнений и вопрос еще не решен. По мнению Сиратори, пакт с конкретными политическими и военными обязательствами необходим, но в нынешних условиях ни одно японское правительство не решится на такой альянс. В любом случае, добавил он, теперешний кабинет не сможет заключить его.

Сиратори подчеркнул, что он не одобряет союза, направленного только против СССР, поскольку конфликт трех держав с Москвой — всего один из возможных вариантов развития событий. Затем он не без грусти заметил, что механизм и темпы принятия решений в Японии отличаются от существующих в Европе, особенно в авторитарных условиях Германии и Италии, где все вопросы могут быть решены за несколько часов по телефону. Риббентроп предложил Осима немедленно лететь в Токио на немецком самолете, а потом был готов уже и сам отправиться туда. Получив доклад из Берлина, Чиано записал: «Возможно ли на самом деле как следует вовлечь далекую Японию в европейскую политическую жизнь, в жизнь, которая становится все более сложной и непредсказуемой, которая может в лю-

бую минуту измениться в результате простого телефонного звонка?» И двумя днями позже: «Задержки и вся японская манера вести дела заставляют меня скептически относиться к самой возможности сотрудничества между фашистским и нацистским динамизмом и флегматичной медлительностью Японии».

Осима и Сиратори настойчиво внушали Арита, что ситуация требует пойти на предлагаемый альянс. Во-первых, Муссолини и Гитлер полны решимости окончательно оформить свои союзнические отношения и взаимные обязательства. Во-вторых, как раз с этого времени в отношении Чемберлена и Галифакса к полпреду Майскому началось явное «потепление». В-третьих, СССР по-прежнему угрожает позициям Японии в Маньчжурии, а западные демократии не помогут ей в урегулировании «Китайского инцидента». Но Арита остался глух к этим призывам и раздраженно бросил по поводу очередной телеграммы из Берлина: «Непонятно вообще, чей Осима посол — японский или германский».

«Берлинский раунд» закончился ничем, но затянувшееся пребывание миссии Ито в столице Рейха будоражило воображение. В Риме полпред Штейн и его советник Гельфанд продолжали смущать американского посла «абсолютно достоверными» известиями о грядущем пакте, которые Чиано в ответ на вопросы Филлипса нервно опровергал. Английский военный атташе в Третьем рейхе полковник Мэйсон-Макфарлейн выдал еще более интригующую информацию: «Польское правительство имеет точные сведения о соглашении, достигнутом в прошлом году между Германией и Японией, по которому Германия признает «право Японии на экспансию на запад вплоть до озера Байкал взамен признания права Германии на экспансию вплоть до Кавказа»*. Столь же фантастические сведения распространял в Токио польский посол Тадеуш Ромер.

Риббентроп утешал итальянского посла Аттолико: Осима и Сиратори добьются требуемого решения, потому что это «дело их чести». Он сослался на речь Арита в парламенте 21 февраля, в которой министр назвал отношения трех держав в рамках Антикоминтерновского пакта «осью» внешней политики Японии... и тут же повторил весь набор ритуальных фраз о важности хороших отношений с Вашингтоном и Лондоном. В той же беседе 9 марта рейхсминистр — впервые в разговоре с итальянцами —

* Составители официальных изданий «Документы британской внешней политики» (МИД Великобритании) и «Год кризиса» (МИД СССР), публикуя записку, не указали, что это дезинформация.

упомянул о возможности пакта о ненападении с Москвой, но ни Аттолико, ни Чиано не придали этому значения. Все были уверены, что «торговец шампанским» блефует.

Пока в Токио шло согласование бесконечных поправок, с карты Европы исчезла Чехо-Словакия (так официально называлась эта страна после Мюнхенского соглашения), а на ее месте появились «независимая» Словакия и подчиненный Рейху «протекторат Богемия и Моравия». Новый японский ответ был вручен Риббентропу и Чиано 2 апреля. Используя обтекаемые формулировки полученного текста, Сиратори и Осима официально заверили, что в случае войны Германии и Италии против Великобритании и Франции Япония окажет им помощь по мере возможности. Однако Арита потребовал аннулировать это заявление, а 14 апреля предложил вообще прервать переговоры до тех пор, пока не будет достигнуто единство мнений. Неделию спустя «хамелеон», как прозвали в Токио любителя «разведенной туши», выдвинул новую идею: премьер Хиранума должен обратиться к Гитлеру и Муссолини и изложить им позицию Японии, что скорее даст конкретный результат, чем переговоры через послов. Министры согласились, но когда 23 апреля Арита представил им проект послания, Хиранума не проявил к нему интереса, а Итагаки решительно выступил против. Идея была отвергнута, и Арита умыл руки.

19 и 20 апреля Берлин пышно праздновал пятидесятилетие «обожаемого фюрера», находившегося в расцвете сил и зените славы. Вечером первого дня в отеле «Адлон» состоялся торжественный прием, после которого Риббентроп уединился с японскими послами. Посетовав, что согласие Токио на предложения о заключении союза до сих пор не получено, он многозначительно заметил, что у Гитлера остался единственный выход — нормализовать отношения с Москвой. Министр пояснил, что Англия и Франция пытаются создать общий фронт против Германии и Италии с участием СССР и что Рейху ничего не остается, как сорвать этот план, сделав вчерашнего врага союзником. Затем он поделился с собеседниками заветной идеей континентального блока «от Гибралтара до Иокогамы», что, разумеется, было невозможно без советского участия.

Сиратори вернулся со встречи взволнованным. В ответ на слова Осима: «Пойдем-ка выпьем», — он задумчиво проговорил: «Выпивать сейчас не время». Был уже четвертый час утра, но японские дипломаты собрались в номере у Сиратори. Хозяин сказал: «Предупреждение Риббентропа о германо-советском сближении полностью соответствует моим давним предполо-

жениям. Это несомненная правда, надо немедленно сообщить домой». Осима отмахнулся от сказанного, посчитав это блефом, не стоящим внимания, на что Сиратори заметил: «Ты — сын военного министра, тебе этого не понять. Ая — сын крестьянина из Тиба». Утром в Токио полетел итоговый доклад³⁴.

Сын крестьянина (точнее, состоятельного фермера самурайских кровей) из префектуры Тиба оказался прав: Риббентроп не блефовал, но хотел подстегнуть медлительных партнеров. Однако Арита сообщение послов проигнорировал, как будто его и не было; умолчал он о нем и в мемуарах. Министр открыто саботировал оформление отношений трех держав в виде военно-политического союза с конкретными взаимными обязательствами, в чем премьер Хиранума несколько ему не препятствовал. Непонятно только, на что они рассчитывали, оттягивая принятие решения. Во всяком случае, в Токио не предвидели главного: советско-германского сближения — на первый взгляд неожиданного, но вполне логичного поворота событий. Там думали, что Кремль и Третий рейх, Коминтерн и Антикоминтерн никогда не придут к согласию. Видимо, просто не представляли себе, что творилось в Кремле и в Коминтерне.

А там на протяжении всех лет существования Антикоминтерновского пакта происходили интересные, но тщательно скрытые от посторонних глаз события.

ГЛАВА 4

От «авангарда» к «лавочке»: коминтерновский трагифарс

«Русские — простодушный и открытый народ, — писал в 1920 г. отставной генерал Сато Кодзиро. — С ними сравнительно легко поддерживать мирные отношения. Япония не будет вмешиваться в вопросы внутренней политики России. Некоторые люди боятся большевистской Сибири. Но на идею можно ответить идеей... Умы японцев полны старых идей относительно Японии, и там нет места для новых веяний»¹. Социалистические и коммунистические идеи действительно занимали немалое место в умах японцев двадцатых и тридцатых годов. Но не совсем так, как этого хотелось «авангарду мировой революции» в Москве и его филиалам на местах.

Ситуация складывалась необычная.

С одной стороны — признание японскими интеллектуалами марксизма одним из высших достижений западной мысли, мода на анархизм и синдикализм, популярность сочинений не только Маркса и Энгельса (в 1927 г. начало выходить собрание их сочинений в 32 томах!), Бакунина и Кропоткина, но и Ленина, Бухарина и Сталина, которые легально издавались в Японии до середины тридцатых, хотя периодически попадали под цензурные запреты. Почетный профессор Осаки Хикосаку, 1917 г. рождения, рассказывал автору этой книги, как даже во второй половине тридцатых он и его друзья читали собрание сочинений Сталина и Бухарина, известное в студенческом обиходе под полуконспиративным названием «Ста-Буха».

С другой стороны — фатальная слабость Коммунистической партии Японии, так и не сумевшей создать себе никакой реальной социальной базы ни среди рабочих, ни среди крестьян, ни в профсоюзах. Отрицание или недооценка легальных методов борьбы в условиях диктатуры неизбежно выводили коммунистическое движение за пределы поля политической актив-

ности в сторону конспиративной антигосударственной деятельности, порой граничившей с уголовщиной.

С одной стороны, готовность коммунистов и сочувствующих ежедневно подвергать себя опасности, идти на риск избиений, пыток, долгих лет в тюрьме и социального ostracизма. С другой — «переход» (*тэнко*) коммунистов и левых на национально-социалистические и националистические позиции². Вскоре после войны японские коммунистические историки писали: «По данным расследования, проведенного уголовным департаментом министерства юстиции, через месяц после заявления Сано и Набэяма (в июле 1933 г.; о нем подробнее ниже. — В.М.) от прогрессивного движения отошли или изменили ему 415 человек из 1370 подследственных и 133 человека из 393 осужденных на основании закона «О поддержании общественного спокойствия». Многочисленные случаи отхода от движения объяснялись нестойкостью людей, которые не вынесли жестоких пыток и длительного тюремного заключения. У слабовольных людей имели успех такие доводы, как состояние здоровья, чувство долга перед семьей, тяжесть жизни... Таким образом слились воедино все виды и степени измены — от сознательного предательства до вынужденного отхода от практической деятельности. Так, доктор наук Каваками Хадзимэ, *не решаясь на открытое предательство* (выделено мной. — В.М.), вынужден был заявить о своем уходе с фронта классовой борьбы и прекращении практической деятельности. Заявление Каваками явилось ударом для многих людей, убеждая их в том, что отступление тех, кто не мог пойти на открытую измену, неизбежно. В этом отношении оно сыграло отрицательную роль»³. Добавлю, что в последних фразах речь идет об одном из наиболее почитаемых пионеров японского марксизма: полицейские репрессии в сочетании с возрастом (Каваками было почти шестьдесят) и состоянием здоровья побудили его к тому, чтобы ценой уступок избежать тюрьмы. Однако своим взглядам он не изменил.

Покаяние, кстати, вовсе не означало немедленного освобождения из тюрьмы и возвращения в общество в качестве благополучно прощенного гражданина, хотя кому-то оно действительно сократило сроки заключения. Стойкость и мужество многих японских коммунистов перед лицом репрессий несомненны. Но можно ли объяснять поступки «перешедших» только трусостью и предательством? В чем они каялись? От чего отказывались? И что вообще происходило в этой среде?

В марте 1931 г. в Москву, на помощь пожилому Катаяма перебирается Носака Сандзо, известный в те годы под именем

Окано Сусуму. Уехал он вовремя — в июне в Токио начался публичный судебный процесс над 280 членами КПЯ, арестованными в разное время. Выступления подсудимых, освещавшиеся прессой, послужили пропаганде коммунистических идей куда больше любых брошюр и листовок. Процесс продолжался больше года — 117 заседаний, 408 томов стенографического отчета, более 300 тысяч страниц материалов и показаний. Шесть человек умерли во время суда. 29 октября 1932 г. был оглашен приговор. Четверо членов Центрального комитета — Итикава Сёити (член ИККИ), Сано Гаку (член ИККИ), Набэяма Садатика и Митамура Сиро — были приговорены к пожизненной каторге, хотя прокурор требовал для них смертной казни. Остальные (181 человек) получили от 2 до 15 лет каторжных работ, в общей сложности 777 лет.

Пространная речь Итикава, интеллектуала и хорошего оратора, — он давал показания восемь дней — на процессе стала первой официальной историей компартии Японии⁴. Итикава умер в тюрьме в марте 1945 г., немного не дожив до освобождения, и до сих пор остается одной из главных фигур пантеона японских коммунистов.

Принимать участие в политической борьбе внутри страны, как раз в это время развернувшей экспансию в Маньчжурии, становилось все труднее, но коммунисты совершили мощный прорыв в области литературы, журналистики и театра. Здесь легче отбиваться от властей. Здесь можно вполне легально контактировать с советскими дипломатами или работниками искусства по линии культурного сотрудничества. А Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) занималось не только ими.

В октябре 1931 г. Всеяпонский союз работников пролетарского искусства (НАПП, позднее Синнаппу) — местный РАПП* во главе с «японским Авербахом», критиком Курахара Корэхито — был реорганизован в Японский пролетарский культурный союз (Каппу), куда вошли 12 различных организаций. Его поддерживали профсоюзы и легальные пролетарские партии, но ортодоксы из КПЯ относились ко многим из них с подозрени-

* Российская ассоциация пролетарских писателей — самое мощное ортодоксальное литературное объединение СССР, претендовавшее на идеологическую монополию в области культуры (руководители — Л.Л. Авербах, В.В. Ермилов, А.А. Фадеев и др.). Вместе с другими литературными объединениями и группировками распущена постановлением ЦК ВКП(б) от 15 мая 1932 г.

ем. НАПП и близкие к нему организации контролировали с полдюжины журналов, регулярно проводили выставки, кинопоказы, собрания и диспуты, стремясь направлять или хотя бы координировать деятельность коммунистов и сочувствующих в области культуры, попутно пропагандируя советский опыт. Они активно брали количеством. Неудивительно, что власти увидели в пролетарской культуре опасность и с марта 1932 г. начали гонения на нее. Часть лидеров союза оказалась в заключении, другие перешли на нелегальное положение. «В течение последующих трех лет всякая деятельность пролетарского фронта культуры фактически замерла, хотя формального запрещения этой деятельности и не было»⁵.

Судьба наиболее яркого представителя японской пролетарской литературы прозаика Кобаяси Такидзи была трагична — в 1933 г. его убили в полицейском участке. Двадцатый век не был добр к мастерам слова. Николай Гумилев, Федерико Гарсиа Лорка и Робер Бразийак были расстреляны. Осип Мандельштам, Курт Тухольский и Шарль Моррас умерли в заключении. Сергей Есенин, Марина Цветаева и Пьер Дриё Ля Рошель добровольно ушли из жизни, в которой им не было места. Сколько было изгнано из родных стран, не счесть. Жизнь и смерть Кобаяси заслуживают уважения, но его «Краболов» и «Снегозащитная роща» — это далекое прошлое, несмотря на переиздания. Кстати, в Советском Союзе японских пролетарских писателей стали активно издавать только с начала тридцатых, когда отношения между странами испортились. До того печатали больше «буржуазных» вроде Акутагава Рюноске или Танидаки Дзюньитиро, которых российский читатель любит до сих пор.

В начале тридцатых японское коммунистическое движение трясло та же лихорадка, что и ВКП(б). В ноябре 1930 г. коминтерновский аналитик Яков Волк (он стал профессором Коммунистического университета трудящихся Востока еще до того, как поступил в другой Коммунистический университет — имени Свердлова) подготовил аналитический материал «Основные ошибки тезисов о Японии 1927 г.» (с. 495—498). Тезисы, написанные до начала мирового экономического кризиса, к тому времени, разумеется, уже устарели. Но мы не поймем всей интриги, если забудем, что их основным автором и вдохновителем был попавший ныне в опалу «правый уклонист» Бухарин. Через несколько месяцев пространный проект новых тезисов «Современный кризис японского капитализма и характер грядущей революции в Японии» написал Георгий Сафаров, один из организаторов убийства царской семьи, бывший протеже Зиновье-

ва, а ныне специалист по Востоку (с. 499—509). «Объявив смертельную войну ликвидаторскому полицейско-монархическому социал-фашизму («Какая, например, нелепость: «социал-фашизм», — писал Чичерин Молотову в конце 1929 г. — *В.М.*), а также отбросив вспышкопускательский левый авантюризм*, партия должна развернуть перед массами программу социалистической революции». Далее следовала сама программа:

а) Революционное свержение монархий микадо (этот опереточный «термин» для обозначения японского императора был в большом ходу в советской пропаганде тех лет. — *В.М.*) и диктатуры финансового капитала в целом, установление диктатуры пролетариата, опирающегося на союз с основными массами крестьянства — в форме рабоче-крестьянского правительства.

б) Конфискация всех владений землевладельцев, не обрабатывающих землю своим трудом и живущих сдачей ее в аренду в качестве паразитов-землевладельцев, а также всех земель микадо, храмов, уделов и других привилегированных собственников и безвозмездная передача всей конфискованной земли безземельным и малоземельным крестьянам.

в) Пролетарская национализация всей крупной промышленности, банков и транспорта и социалистическая индустриализация страны на основе коренного улучшения положения рабочего класса и трудящихся масс крестьянства. 7-часовой рабочий день.

г) Полная независимость Формозы и Кореи, полная независимость Китая, вывод японских войск из всех оккупированных областей и передача империалистических предприятий в колониях ныне угнетенным народам.

д) Защита СССР и боевой союз с ним, со всеми революционными народами Востока в интересах мировой пролетарской революции».

Смотришь сегодня на эти химеры, чтобы не сказать крепче, и диву даешься, насколько же плохо представляли себе коминтерновские «умники и умницы» реальное положение вещей. Не говорю даже о том, что во всей Японии не нашлось бы и тысячи сторонников насильственного свержения монархии, если бы их действительно позвали к оружию (болтать в кружках и кафе все-таки более безопасно). Предложенная «экономистом» Сафаровым программа ввергла бы в безнадежный хаос и сельское хозяйство, без того находившееся в кризисе, и промышленность,

* Имеется в виду «вооруженный Первомай» 1930 г. — демонстрация, в которой участвовало несколько сот человек с бамбуковыми пиками.

продукция которой была конкурентоспособна прежде всего за счет «азиатской» дешевизны рабочей силы в сочетании с ее «европейской» квалификацией и производительностью. Японская экономика во многих отраслях работала на пределе, обеспечивая, между прочим, не только «буржуев», но и рабочих. Предложенный Коминтерном вариант «отобрать и поделить» на какое-то время дал бы возможность вчерашним угнетенным пожить за счет вчерашних угнетателей, но не содержал никакого позитива в отношении дальнейшего развития страны, кроме неопределенной «социалистической индустриализации». Если имелся в виду советский опыт «штурмовщины», то у японцев его хватало и так.

Нереальной была идея классовой солидарности японцев с населением их колоний. Акамацу Кацумаро, один из лидеров компартии «первого призыва», перешедший после ее самороспуска в 1924 г. сначала на социал-демократические, а затем на национально-социалистические позиции, в 1932 г. говорил французской журналистке: «Разумеется, я враг империалистических войн, но я убежден, что Маньчжурия незаменима для экономического будущего японских трудящихся; агитационная поездка по деревням полностью убедила меня, что маньчжурский вопрос поднимает энтузиазм у самых забытых крестьян... Я полностью доверяю антикапиталистическому движению молодых офицеров и полагаю, что именно с их помощью мы придем к созданию социалистического государства в Японии и в Маньчжурии»⁶. Главной идеей Акамацу было то, что долг социалистов всех стран — защищать прежде всего собственный рабочий класс.

В Японии идеи интернационализма, тем более пролетарского, в то время популярностью не пользовались. Разделяла их только часть интеллигенции, не желавшая «ни фашизма, ни коммунизма», но вовсе не рабочий класс, за исключением горстки распропагандированных. Однако, во-первых, свергать «микадо» вооруженным путем интеллигенция не собиралась, дистанцируясь от насильственных методов радикалов из КПЯ. А во-вторых, тогдашняя линия Коминтерна на непримиримую борьбу с «социал-фашизмом», т.е. с социалистами и социал-демократами, как в Европе, так и в Азии начисто лишала коммунистов единственных потенциальных союзников, притом куда более многочисленных и популярных, чем они сами. На коминтерновских заседаниях Носака и Катаяма страстно клеймили Акамацу и чуть менее страстно — социал-демократов интернационалистской ориентации Абэ Исоо и Асо Хисаси. «Трудно

установить демаркационную линию между социал-демократическими лидерами и фашистами, — вещал «товарищ Окано» на XIII пленуме ИККИ в 1933 г. — ...Единственное различие сводится к тому, что социал-демократические вожди менее пользуются националистической демагогией, чем фашисты... Японская социал-демократия всецело подчинена своим хозяевам, японским империалистам. Открытая позорная капитуляция социал-демократии ясно показывает, что она усердно расчищает путь для превращения своих организаций в органы империалистического правительства, в органы массовой поддержки реакционной войны»⁷. Однако большинство рабочих, участвовавших в политической борьбе, шло за ними, а не за московскими краснобоями-«теоретиками» и их японскими последователями. В том же докладе Носака признавал, что японская социал-демократия держит под своим влиянием 85% всего организованного пролетариата. Думаю, на деле этот показатель был еще больше.

Тезисы Сафарова были подвергнуты внутрикоминтерновской критике, но не за нереальность и авантюризм, а за то, что «нет никакой необходимости пересматривать данное в тезисах (1927 г. — В.М.) определение характера грядущей революции в Японии» (с. 510). Всего-то! Разработку нового проекта поручили Волку. Представленные им еще более многословные тезисы содержали все основные положения Сафарова, а в придачу к ним «образование явочным порядком фабзавкомов на всех предприятиях», «организацию пролетарской самообороны», «уничтожение полиции и замену ее милицией трудящихся», «уничтожение постоянной армии и вооружение рабочих и крестьян» (с. 510—524). Ни дать ни взять октябрь семнадцатого, когда «промедление в восстании смерти подобно»!

Потом тезисы правил секретарь Исполкома Коминтерна Отто Куусинен, ставший главным теоретиком революции для Японии (с. 538—550). Катаяма и Носака пришли в восторг от его правки. 2 марта после бурных прений с участием главного «воинствующего безбожника», будущего академика Емельяна Ярославского и будущего замнаркома иностранных дел Соломона Лозовского тезисы были приняты (с. 560—576). С каждым вариантом они становились все длиннее и длиннее, но, надо признать, и конкретнее. В окончательном виде они предусматривали также «превращение войны империалистической (в Китае. — В.М.) в войну гражданскую», «разжигание и организацию крестьянской борьбы против помещиков», «аннулирование всей задолженности крестьян помещикам, ростовщикам

и банкам» и установление «власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».

Не только Сафаров и Волк, но и все люди с Воздвиженки ничего не забыли. Но так ничему и не научились. ЦК КПЯ радостно откликнулся на новые тезисы специальным обращением, которое, впрочем, тоже могло быть составлено в Москве. Послевоенные официальные истории компартии называли тезисы «путеводной звездой партии и рабочего класса вплоть до поражения японского империализма во Второй мировой войне»⁸. С поправкой на «эффективность» деятельности японских коммунистов в эти годы звучит весьма двусмысленно...

Что касается вооруженного восстания, то коминтерновские теоретики не очень ошиблись. Вооруженное восстание в Японии произошло всего через два с половиной месяца после утверждения тезисов — 15 мая 1932 г. Только вот восстали совсем «не те».

Об этом военном мятеже, известном как «инцидент 15 мая», написано очень много, в том числе и по-русски. Прямого отношения к нашей теме он вроде бы не имеет, но обойти его вниманием нельзя. Москва очень пристально следила за происходящим, пытаясь оценить подлинную силу и слабость японского правительства и японской армии, которая как раз в это время, захватив Маньчжурию, организовывала там государство Маньчжоу-го и давала понять всему миру, что назад оттуда не уйдет. Правительство и МИД пошли у армии на поводу, потому что единства мнений не было ни там, ни там.

В это время в Токио находился Борис Пильняк, один из популярнейших советских прозаиков двадцатых—тридцатых годов, хорошо известный и в Японии. После первой поездки туда в 1926 г. он написал великолепную книгу «Корни японского солнца» (1927), вышедшую несколькими изданиями при жизни автора, а в наши дни полностью опубликованную журналом «Знакомьтесь — Япония» (с экземпляра из собрания автора этих строк). После второй поездки Пильняк издал новую книгу «Камни и корни» (1935), в которой, почти полностью перепечатав прежнюю... объявил ту целиком неверной, немарксистской и эстетской, дополнив покаяние обильными выписками из японских газет и статистических изданий. Интересного нового текста во второй книге мало, но страницы об «инциденте 15 мая» как раз заслуживают прочтения.

События описаны в чисто пильняковской, «рваной» и «разбросанной» манере, но здесь она оказалась вполне подходящей для передачи того хаоса и смятения, в которые на несколько дней

погрузилась японская столица. Историки этим описанием пренебрегают, а зря. Вот эта «картинка» с небольшими сокращениями:

«День, воскресный день, прошел в воздухе, пространствах и прозрачности. В Токио вернулись затемно. И город встретил необыкновенными прожекторными огнями. На перекрестках стояли полицейские машины и кучи господ амовари (правильно: *омавари*, патрульный полицейский или, по словам Пильняка, «ни дать ни взять российский XIX века классический будочник». — *В.М.*). Полицейские автомобили вспыхивали прожекторами, слепя глаза встречных шоферов, и амовари грабили глазами пассажиров. Из-за этих прожекторов, из-за автомобильного бега казалось, что вдруг по улицам, по толпе пронеслся ветер, хотя ветра не было. Мы приехали в полпредство... Один из спутников, говорящий и читающий по-японски, с листком «гогая» — экстренного газетного выпуска — прошел быстро к внутреннему телефону и позвонил полпреду (Трояновскому. — *В.М.*):

— Александр Антонович, только что вышел экстренный «Нити» (видимо, «Токио нити-нити». — *В.М.*). В министерскую квартиру премьер-министра, сняв с пути полицейскую охрану, вошли четверо неизвестных в военной и военно-морской форме. У господина министра были посетители. Молодые офицеры ворвались в кабинет. Господин Инукаи просил их обождать. Офицеры стреляли в упор. Пули попали в правый висок и в нос премьера. Новости передают по радио. Включите радио...

Это была страшная ночь. Гогаи выходили каждую минуту... Всю ночь сыпались новости:

— Покушение, бомбы, револьверы.

— Юнкера и мичманы, офицеры армии и флота.

— В пять часов дня двадцать минут были совершены покушения на премьер-министра Инукаи. В пять двадцать была брошена бомба, ранившая полицейского, в министра двора Икки. В пять двадцать — в хранителя государственной печати лорда Макино. В пять двадцать... В пять двадцать...

— Бомбы были кинуты в здание главного полицейского управления, в здание исполкома Сэйюкай...

Мы поехали по городу посмотреть улицы. Город притих, засыпанный метелью гогаев. Радио на перекрестке прохрипело:

— ...осадное положение...

Улицы убрали с себя автомобили. Мчались лишь прожектора полицейских машин да ползли машины с дипломатическими флажками. Перекрестки щетинились полицией.

Правительственные здания погасили огни и щетинились штыками.

Радио прохрипело в уши проходившего автомобиля:

— ...в одиннадцать часов тридцать пять минут его превосходительство господин премьер-министр Инукаи Цуёси скончался от тяжелых ранений...

Возвращались в полпредство. Опять ездили по городу. Город не спал той ночью. Новости гогаями и радио рождались каждые пять минут. И потому, что новости рождались каждые пять минут, казалось, что вот в эту самую минуту где-то взрывается бомба, куда-то врываються люди, где-то люди умирают.

— Захвачены электротрансформаторы в Табата, дающие энергию для Токио. Неизвестные в форме пытались погрузить Токио во мрак. Обнаружено повреждение трансформатора Иодобаси...

— Брошена бомба в здание банка Мицубиси...

— Радио из префектуры Сайтама — разрушена высоковольтная...

— Брошена бомба в главного камергера двора адмирала Судзуки*.

— В час двадцать минут ночи на квартиру военного министра его превосходительства генерала Араки явилась группа офицеров, но не застала его дома, так как господин министр выехал во дворец к императору.

Так прошла ночь...

16-е продолжало звонки гогаев, бессонницу прошлой ночи. Заседал тайный совет. Кабинет министров «принял решение» и обратился к императору с ходатайством об отставке...

И целая неделя прошла в смятении.

— Это было восстание? — Нет. Восставшие не убивают министров, но арестовывают их. Эти не умели даже перерезать электрических проводов...

— В таких-то, таких-то, таких-то районах люди в военной форме, разъезжая на автомобилях, разбрасывали прокламации, подписанные «офицерами армии и флота, друзьями рабочих и крестьян»⁹.

Здесь мы прервем взволнованное описание Бориса Андреевича и дадим слово документу. Чего же хотели эти «друзья народа» в военной форме, застрелившие почтенного премьера-либе-

* Он был тяжело ранен, но остался жив. В апреле 1945 г. он станет главой кабинета, которому придется принимать решение о капитуляции Японии.

рала? Вот их воззвание, приведенное в «известинской» статье Карла Радека «Динамит на Дальнем Востоке», написанной по поводу затянувшегося судебного процесса над убийцами Инукаи:

«Японский народ! В политике, дипломатии, экономике, народном образовании, идеях, военном деле — где имеется облик священной Японии?»

Япония мучается из-за того, что политические партии поглощены всецело вопросами политической власти и партийных интересов, что плутократы в союзе с ними выжимают пот и кровь из народа, что власти поддерживают их и с каждым днем увеличивают репрессии, что внешняя политика слаба, что народное образование находится в упадке и что имеется идейное разложение.

Япония уже сейчас готова низвергнуться в пучину падения. Если сейчас не наступит момент реформы, то Япония погибнет. Народ! Бери оружие и поднимайся. Сейчас единственным путем к избавлению являются «*прямые действия*». Другого пути нет. Народ! Именем императора умершвляй дурных чиновников из императорского двора, убивай плутократов и ныне существующие политические партии, которые являются врагами народа. Карай совершающие злоупотребления власти, убивай предательский привилегированный класс!

Крестьяне, рабочие, весь народ, защищай свое отечество — Японию. Вернись к духу строительства государства под эгидой императора. Определяй на государственные должности людей, проникнутых великим национальным духом, строй светлую, возрожденную Японию!

Народ! Думай об этом строительстве. Сперва разрушай. Круши гнусные ныне существующие партии. Перед великим строительством необходима коренная ломка. Рискую нынешним положением Японии, мы хотим возжечь свет реставрации Сёва. Конечно, мы не склонимся ни в сторону правых, ни в сторону левых ныне существующих организаций. Расцвет или падение Японии не находится в зависимости от наших (авангарда нации) осуществлений; он зависит от ваших действий — народа, исполненного нашим духом. Поднимайтесь, вставайте, создадим истинную Японию!

Единомышленники крестьяне и молодые офицеры армии и флота».

Чем не революционная программа? Но Радек объяснил: «Когда убийцы Инукаи кричат о крестьянстве, то они думают в первую очередь о своих отцах — помещиках... Мелкий помещик кланчит субсидии у правительства и требует захватничес-

кой политики, которая позволила бы ему в качестве военного и чиновника эксплуатировать крестьянство других стран... Для помещика война открывает путь к выходу из их личного кризиса... Другая часть военно-фашистской молодежи выражает настроения разоренной мелкой буржуазии»¹⁰. В общем, «не наши». Насчет помещиков Карл Бернгардович, правда, слукавил: большая часть мятежников происходила из семей мелких землевладельцев, которые хоть и использовали наемную силу, но сами работали на земле, зная о тяготах крестьянской жизни не понаслышке. В зависимости от случая советская пропаганда относилась к ним то к «паразитам», то к «угнетенным». Тот же Пильняк признавал, что положение таких «помещиков» не лучше, чем у арендаторов.

«Предполагалось потушить в Токио свет, — суммировал Пильняк новости и толки этих дней, — перестрелять министров, взорвать банки, партию и полицию... Пильняку довелось говорить с одним из профессоров академии генерального штаба. Несколько участников (событий. — В.М.) 15 мая учились у профессора. Профессор говорил, что эти юноши были лучшими учениками, достойными экзальтированными юношами, джентльменами и верными учениками бусидо, эти «офицеры армии и флота, друзья рабочих и крестьян». Они хотели бороться с мракобесием партийного продажничества, лорда Макино, фирм Мицуи и Мицубиси. Они были верными слугами императора и огненными поклонниками империи. Так же писалось и в газетах».

Убийцы Инукаи вызывали у «широких масс» явно большие симпатии, чем их действительные и предполагаемые жертвы, даже несмотря на самурайское хладнокровие старого премьера, спокойно сказавшего непрошеным гостям: «Садитесь, давайте поговорим. Чего вы хотите? Если скажете — пойму». Прокричав что-то вроде «Старик нас заговорит», нападавшие открыли стрельбу. Похороны Инукаи никакого интереса не вызвали. Иностранцев удивило то, что на них появился патриарх японского радикального национализма Тояма Мицуру, связанный с покойным давней дружбой, но... считавшийся одним из главных вдохновителей мятежа и предупреждавший Инукаи, что тому не стоит принимать пост главы правительства в такое «неспокойное» время. Именитые адвокаты соревновались за право защищать инсургентов в суде. Обращения военного и морского министерств были выдержаны в тональности скорее «сожаления», нежели «осуждения». Публика и пресса жалели заблудших молодых патриотов и не сомневались в благородно-

сти и бескорыстии их мотивов. Руководители мятежа — в том числе лидер и идеолог национальных социалистов Окава Сюмэй — получили возможность в полной мере выговориться на затянувшемся процессе, а затем были приговорены к небольшим срокам тюремного заключения, которое к тому же отбыли не полностью. Молот репрессий, как мы видели, обрушился на радикалов другого фланга.

14 июля 1932 г., когда в Токио завершался процесс коммунистов, Сано Гаку, приговоренный к пожизненной каторге, произнес от имени всех обвиняемых пламенную речь: «Долг каждого пролетария — бороться до конца против реакционного насилия». В апреле 1933 г. ее перепечатал журнал «Коммунистический Интернационал». 7 июня того же года находившиеся в тюрьме Итигая Сано и Набэяма выступили с сенсационным заявлением об «изменении убеждений» и отказе от прежних взглядов. Вскоре их поддержали Митамура Сиро, Такахаси Садаки (выпускник КУТВ), Накао Кацуо (кандидат в члены ЦК), Кадзама Дзёкити (генеральный секретарь в 1931 г.), Танака Сэйгэн (глава Центрального бюро КПЯ в 1929—1930 гг. и организатор «вооруженного Первомая»). Совершили «переход» и многие другие коммунисты, что стало серьезным ударом по авторитету партии.

Как же мотивировали Сано и Набэяма свое решение, от чего отказывались и к чему призывали? Приведу текст их обращения, как он сохранился в коминтерновских архивах. Хотя это не полный перевод, а близкое к тексту и несколько сокращенное изложение, но именно его читали на Воздвиженке. И делали выводы.

«1. Мы требуем разрыва с Коммунистическим Интернационалом по следующим трем основным причинам: во-первых, потому что теперешние коммунистические партии перестают быть партиями рабочего класса и потому что они стоят в стороне от действительных интересов и борьбы рабочих; во-вторых, потому что Коммунистический Интернационал не занимается больше вопросами жизни и борьбы рабочего класса других стран и его интернационализм потерпел крушение; в-третьих, потому что та пораженческая политика, которую в связи с приближающейся войной Коммунистический Интернационал навязывает японской партии, является вредной для японской нации и для японских рабочих.

2. Несмотря на то что внутреннее и внешнее положение Японии резко обострилось, Коммунистическая партия Японии совершила ту ошибку, что отошла от повседневной жизни ра-

бочего класса и его борьбы и превратилась в радикальную мелкобуржуазную организацию. Несмотря на самоотверженную и героическую борьбу отдельных товарищей, партия превращается в жалкую секту. Основной причиной этого является не только неправильное руководство Коминтерна, но также и то, что партия входит в Коммунистический Интернационал.

3. Коммунистический Интернационал утратил свою прежнюю жизненную свежесть, его централизм заражен бюрократизмом. Не учитывая ни времени, ни положения на местах, Коммунистический Интернационал попросту насаждает методы русской революции; интернационализм Коминтерна механизировался, и Коммунистический Интернационал превратился в аппарат Советского Союза. Рабочие различных стран ведут самостоятельную борьбу, независимо от Коминтерна, против своей буржуазии. Когда вспыхнет мировая война, Коминтерн неизбежно, из-за имеющихся внутри него противоречий, потерпит сильный крах.

4. Мы ведем борьбу против анархического пораженчества КИ по отношению к войне. Япония ведет успешную войну против китайских милитаристов и американского капитала. Изменение внутреннего положения в стране неизбежно связано с войной. Рабочий класс должен на основе рабочего контроля над производством и на основе вооружения народа, что в случае войны обязательно будет иметь место, активно участвовать в войне. Мы утверждаем, что мы обязательно выйдем из войны победителями. Так как новая мировая война будет главным образом иметь своим содержанием борьбу мирового капитализма против азиатских народов, японский рабочий обязан стать во время этой войны во главе трудящихся народов Азии.

5. Мы не должны стоять на точке зрения абстрактного интернационализма, а должны стремиться к тому, чтобы осуществить установление социализма в одной стране, а такой основной страной является Япония. Главная тенденция мировой истории показывает, что внутри отдельных больших хозяйственных систем социализм неизбежно будет устанавливаться в отдельных странах. Мы твердо уверены, что японская нация способна оригинальным образом построить блестящий социализм, потому что она обладает такими замечательными качествами, как дисциплина, воспитанная в ней сплоченной единой национально-государственной жизнью, как исключительно высокая производительность труда рабочих, как накопление, созданное азиатской цивилизацией, более высокое экономическое и культурное развитие, и затем здесь будет играть

роль то обстоятельство, что до сего времени японская нация никогда не находилась в рабском состоянии, и т.д.

6. Мы считаем неправильным, что партия ведет борьбу против монархии, сравнивая японскую монархию с русским царизмом. Японская монархия способствует национальному единству. Мы должны считаться с естественным чувством народа по отношению к монарху. Национальное единство Японии является самой надежной гарантией для захвата власти народом снизу, и японские рабочие не верят в то, что народная власть должна прийти в столкновение с монархией, как это было в царской России.

7. Политика Коминтерна в вопросе об отделении колоний неправильна.

8. Все левое рабочее движение должно высвободиться организационно из-под влияния Коминтерна, ликвидировать засоренность своих рядов мелкобуржуазными элементами и реорганизоваться таким образом, чтобы поставить перед собой ясную цель создания социализма в отдельных странах с Японией в центре. Японская коммунистическая партия должна отказаться от своей антинациональной программы, должна решительно порвать с Коминтерном и должна поставить перед собой задачу объединить пролетарский авангард Японии, Маньчжурии, Кореи и Формозы. Основной задачей в настоящее время является разрешение аграрного и военного вопроса. С нашими новыми взглядами мы обращаемся к рабочему классу и прежде всего к теперешним товарищам по партии и коллегам из Дзэнкё*» (с. 588—590).

Как оценить этот документ и поступок его авторов?

Раньше все было просто. «По указанию тайной полиции они сочинили и опубликовали в середине 1933 г. письмо к членам партии, содержащее грубые нападки на Коминтерн и КПЯ... Эта писанина классовых изменников была рассчитана на то, чтобы внести раскол в ряды Коммунистической партии Японии, отколоть от нее неустойчивые элементы»¹¹. Ну и так далее. В Москве Катаяма, Носака и третий видный коммунист «московской группы» Ямамото Кэндзо, работавший под псевдонимом «Танака», уже 28 июня предложили исключить Сано из членов Исполкома Коминтерна и написать «обращение к членам КП Японии, рабочим и крестьянам Японии в связи с предательством». 3 июля Политкомиссия Политсекретариата ИККИ уже утвердила решение КПЯ об исключении Сано и Набэяма из партии —

* Сокращенное название Всеяпонского совета профсоюзов, руководимого коммунистами.

прямо чудеса скоростной связи с Токио! Полагаю, что и это решение было принято в Москве, потому что Катаяма со товарищи еще даже не написали обещанного обращения — оно впервые появилось в печати только через месяц (с. 593—594).

24 августа Сано выступил с развернутым изложением своих новых взглядов в еженедельнике «Джапен Уикли Кроникл». Этот материал тоже немедленно перевели в Москве (с. 594—601). Из открытых писем Сано, опубликованных в журнале «Кайдзо», замечает еженедельник, «не видно, чтобы четыре года тюремного заключения сломили его дух или что он утратил свою веру в коммунизм». В дополнение к сказанному в первом обращении Сано отметил слабость Коминтерна, допустившего к власти Гитлера и не сумевшего воспользоваться ситуацией в Испании после свержения диктатора Примо ди Ривера, а затем и короля Альфонса XIII. Он выступил против характеристики японского капитализма как «агрессивного» и «разбойничьего», заметив, что он принципиально не отличается от капитализма других держав: «Подобно тому, как литвиновская дипломатия Советской России похожа на политику буржуазных держав в Лиге Наций в отношении Японии и Китая, так и вожди Коминтерна, подобно европейским либералам, сильно возбуждены в связи с поведением Японии со времени маньчжурского конфликта». Замечание, прямо скажем, не в бровь, а в глаз.

Сано более подробно разъяснил свое несогласие с линией Коминтерна в вопросе о колониях: «Мы протестуем против капиталистической эксплуатации и угнетения жителей Кореи и Формозы как против величайшей несправедливости японской нации. Мы боремся за полное равенство прав японцев, корейцев и формозцев. Однако конкретное осуществление равенства прав не означает обязательно формального отделения колоний от метрополии. Наоборот, гораздо удобнее для рабочих масс среди народов, связанных между собой экономически, культурно и исторически, объединиться в одну крупную нацию и работать над строительством социализма, будучи тесно спаянными друг с другом, народ с народом, класс с классом... Мы можем надеяться в будущем на организацию огромного социалистического государства, включающего в себя не только Японию, Корею и Формозу, но также и Маньчжурию и Центральный Китай».

Сравнивая тезисы 1932 г. и их критику, видишь, что Сано и Набэяма во многом были правы. Коминтерн действительно жестко навязывал компартии Японии, как и всем другим, опыт большевистской революции как руководство к действию, нисколько не считаясь с национальными особенностями, и требо-

вал слепого повиновения. Можно, конечно, подвергнуть сомнению справедливость утверждений Сано и Набэяма, что «японская монархия способствует национальному единству», и их искренность — сама же японская пресса замечала, что это понравится даже генералу Араки. Но несомненно другое. «Кроме компартии в Японии нет другой антимонархической партии. Даже во время послевоенного массового движения за всеобщее избирательное право кроме компартии не было ни одной партии, которая заикнулась бы об ограничении прав монархии. Социал-демократы, вплоть до самых левых, также поддерживают монархический режим»¹². Так писал в конце 1933 г. не кто иной, как Яков Волк. Понимал, выходит, что против монархии только кучка радикалов, — вот уж не сравнить с ситуацией в России перед Февральской революцией! — и тем не менее исправно вписывал в тезисы требование ее свержения как реальный политический лозунг. Вторая цитата тоже из советского автора тех лет — Пильняка, описывающего события весны 1932 г. и все еще согласного со сказанным три года спустя: «Император, который катастрофически популярен именно потому, что у него нет и никогда не было власти»¹³.

Коминтерновские теоретики и в двадцатые, и в тридцатые годы предпочитали оперировать лозунгами и схемами, не думая о людях, которых обрекали на мучения и смерть в заведомо проигрышной ситуации. Известный американский журналист Георг Фирек, побывавший в Москве во второй половине 1929 г., нелестно отозвался о «кремлевских мечтателях»: «Даже явный мерзавец, даже отпетый дурак предпочтительнее, чем интеллект-уал-фанатик, которого свои формулы интересуют больше, чем человеческая жизнь. Вы можете урезонить мерзавца или подкупить его; вы можете обвести дурака вокруг пальца, но доктринеры, напичканные извращенной логикой, не поддаются человеческому убеждению. Таково правительство Советской России, находящееся в руках псевдоинтеллектуалов, лишенных человечности и юмора»¹⁴. Странно, даже Карахан, с которым он встречался, не смог его обаять...

Сидевшие в тех же теплых кабинетах японские «москвичи» только поддакивали, либо давно оторвавшись от действительности, как Катаяма, который с 1914 г. не был в Японии*, либо

* На VI конгрессе Коминтерна (август 1928 г.) все японские делегаты с решающим голосом, кроме самого Катаяма, открыто выразили ему политическое недоверие и протестовали против его избрания в Исполком Коминтерна. В их числе были Итикава, Сано и Ямамото. Однако их протест был проигнорирован (с. 469—470).

сознательно закрывая глаза на происходящее ради сохранения своего лидерства, как Носака. Читая его статьи и доклады 1932—1934 гг. о революционном подъеме, замечаешь, что главным доказательством успехов КПЯ являются... постоянные репрессии и рост числа арестованных. По-моему, довольно странно гордиться количеством соратников, отправленных за решетку, на пытки и смерть.

В итоге «москвичи» оказались генералами без армии. Очередной председатель ЦК Ямамото Масами в 1933 г. был арестован и тоже совершил «переход». В ноябре того же года был схвачен последний оставшийся на свободе член Политбюро экономист-марксист Норо Эйтаро, вскоре скончавшийся в застенках. Оставшиеся на свободе руководители, включая будущего главу КПЯ Миямото Кэндзи и изгнанного из ее рядов в 1977 г. Хакамада Сатоми (дядя Ирины Хакамады), принялись «разбираться» с потенциальными провокаторами в рядах партии, которых даже по ее официальным данным оказалось чуть ли не столько же, сколько героев. Так возникло нашумевшее «дело красного линча», закончившееся смертью заведующего финансовым отделом ЦК Обата Тацуо, которого заподозрили в предательстве. Обата ни в чем не сознался и умер во время допроса, учиненного товарищами по партии. Полиция и пресса обвинили коммунистов в убийстве, что те публично отрицали, но в коминтерновских документах «для внутреннего пользования» не раз говорится о «казни». Заведующий организационным отделом Оидзуми Кэндзо сознался, что был агентом полиции с 1929 г., дал показания против Обата, а затем бежал и попросил защиты у полиции, в итоге получив... пять лет тюрьмы за участие в коммунистическом движении. Кстати, покаяние Сано и Набэяма немедленной свободы им не принесло: их освободили только в 1943 г. «Дело красного линча», обстоятельства которого бурно обсуждались и много лет спустя, приобрело уголовный характер и закончилось арестом Миямото, а затем и Хакамада, последнего находившегося на свободе члена ЦК. Оба пребывали в заключении до конца войны¹⁵.

Но и в небольшой горстке коммунистов, оставшихся вне тюремных стен, не было единства (кстати, та же фатальная разобщенность отличала и правых радикалов). В феврале 1934 г. образовалась «фракция большинства», выступавшая за легальные методы борьбы и поиск союзников среди социал-демократов. Она попыталась установить контакт с ИККИ и направила в Москву свои материалы и издания, но там их решительно отвергли. На VII конгрессе Коминтерна летом 1935 г. Носака рез-

ко осудил их, после чего фракция объявила о самороспуске. 20 февраля 1935 г. вышел последний номер партийного «центрального органа» «Сэки» («Красное знамя»), преемником которого является нынешняя «Акахата».

Носака и Ямамото продолжали руководить фактически несуществующей партией, как будто ничего не произошло. В феврале—марте они обратились к японским коммунистам с ве-леречивым письмом о решениях VII конгресса Коминтерна, провозгласившего тактику «антифашистского народного фронта», союза с теми, кого еще вчера называли «социал-фашистами» (с. 646—655). В Европе тактика имела определенный успех и содействовала приходу к власти социалистических правительств Блюма во Франции и Асанья-Кабальеро в Испании в 1936 г. В Японии было уже поздно. Социалистическая массовая партия (Сякай тайсюто), которую еще вчера гневно клеймила Москва, хоть и имела свою парламентскую фракцию, но ни на что больше «трибуны» рассчитывать не могла. Да и ни на какое сотрудничество с дискредитированными коммунистами она бы не пошла. Так что все эти московские речи, резолюции и письма, каким бы замечательным ни было их содержание, никакого реального значения не имели. После войны официальные историографы КПЯ много писали о героической деятельности «отдельных глубоко законспирированных групп», которые с печальной регулярностью громились полицией, но надо признать, что никакого политического и даже морального влияния внутри Японии эти группы не имели. Рабочее и профсоюзное движение, действительно не замиравшее до начала войны на Тихом океане, оказалось под контролем «социал-фашистов», которые постепенно эволюционировали в сторону соглашения с режимом и, наконец, влились в «новую политическую структуру» во второй половине 1940 г.

К концу тридцатых деятельность японских «москвичей», равно как и эмигрантов из других «фашистских» стран, окончательно потерявших связь с родиной, все больше напоминала «бурю в стакане воды». Сталин понял, что никаким влиянием они не обладают, и все чаще называл Коминтерн «лавочкой». Под влиянием захлестнувшего страну террора и сопровождавшей его истерии всеобщей подозрительности в узком кругу революционеров, страшно далеких от народа, начались свои разборки. Не миновали они и японцев, а также работавших с ними русских и прочих коминтерновцев.

3 сентября 1937 г. Павел Миф, один из «выдвиженцев», прихода которых на работу в НКВД так страшился Чичерин, на-

правил совершенно секретное письмо в отдел кадров ИККИ. С января 1937 г. Миф возглавлял Научно-исследовательский институт национально-колониальных проблем (НИИНКП), а до того работал в аппарате Коминтерна и был ректором КУТВ. Еще 7 июля он говорил кому-то из «соседей» (этот документ, к сожалению, не опубликован), что представитель КПЯ в Коминтерне Танака (Ямамото Кэндзо) явно ненадежен. Теперь он изложил свои соображения на бумаге. То есть, проще говоря, написал на товарища донос:

«Работающий в качестве представителя КП Японии Танака внушает, по моему мнению, серьезные подозрения.

Еще в 1931 г. Танака обратился ко мне с просьбой помочь в получении и переброске десятка револьверов на японскую часть Сахалина. Это оружие, по словам Танака, необходимо было для работы наших японских товарищей. Я, конечно, категорически отказался удовлетворить тогда просьбу Танаки и о самом этом факте, вызвавшем у меня известное сомнение, сообщил работникам секретной части и НКВД.

Второе, на что следует обратить внимание, это постоянное попечительство со стороны Танаки над подозрительными и явно враждебными нам элементами. Так, например, Танака всегда прекрасно отзывался и всячески покровительствовал таким людям, как: 1) высланным из СССР Сэки Сано, Хидзиката; 2) арестованному японцу Кандзё; 3) уволенному из НИИНКП Симидзу и др., фамилии которых не могу сейчас вспомнить.

В КУТВ, по настоянию Танаки, были приняты японцы Бадмаев и Базарон, вызывающие серьезные сомнения. Во всяком случае (по наблюдению наших товарищей) Базарон является интеллигентом, а не рабочим (как утверждает Танака) и приехал в СССР со знанием русского языка, что он усиленно скрывает.

Следует также проверить связь Танака с арестованным ныне Волком» (с. 667).

Составители сборника документов «ВКП(б), Коминтерн и Япония», где впервые увидел свет этот текст, подробно прокомментировали его, чем мы и воспользуемся. Лидеры КПЯ носили с собой оружие для самообороны и не видели в этом ничего предосудительного: в 1928 г. на Тайване генеральный секретарь партии Ватанабэ при аресте застрелил полицейского (советские издания предпочитали об этом умалчивать), а потом застрелился сам. Сано Сэки (племянник «ренегата» Сано) и «красный виконт» Хидзиката Ёси, видные деятели пролетарского театра, в 1933 г. решили обосноваться в СССР, спасаясь от

преследований на родине. В июле 1937 г., в ходе кампании по очищению страны от «нежелательных иностранцев», им было отказано в визе и предписано немедленно покинуть пределы СССР. Выпускники КУТВ Маэсима Такэо (Кандзё), Мацумото Кэн (Тека Бадмаев) и Тэрасима Гидзо (Даша Базарон)* были репрессированы. Выжил только последний: после 17 лет лагерей он остался в СССР и до недавнего времени жил в Туапсе, а в 1993 г. выпустил в Токио книгу мемуаров «Записки о длинном пути». Хориути Тэцудзи (Симидзу) был уволен из НИИНКП, но еще в 1940 г. был на свободе; дальнейшая судьба его неизвестна. Что касается Волка, то его фамилия уже не раз встречалась на этих страницах.

Что двигало Мифом? Рискну предположить, что не только пролетарская бдительность. Возможно, в этот момент кто-то писал донос уже и на него. 28 ноября того же года он направил в партком НИИНКП письмо, в котором перечислял свои заслуги в деле «разоблачения врагов народа», начиная с Сафарова (знакомые все лица!) и кончая длинным списком иностранных коммунистов. Но и это не спасло Мифа от ареста и расстрела. Вот и думай после этого, кто он — палач или жертва.

Неарестованных японцев в тот момент в Москве было мало, поэтому «соседи» сразу же взялись за них. Одними из первых под подозрением оказались жена Ямамото Андо Юки и жена Носака — Носака Рё, она же Ким Сян (ее муж в то время находился в командировке в США). Носака Рё была членом ВКП(б) с 1932 г. (парторганизация ИККИ), откуда ее моментально исключили «за связь с врагами партии и народа и как не оправдавшую доверие партии» (с. 670). Она дала подробные показания о своем знакомстве с Ямамото, но осторожно высказала сомнения в том, что он «не наш»: «Мне очень тяжело узнать, что он был предателем СССР и агентом фашизма, потому что я знал (так в документе, перевод которого ошибочно выполнен в мужском роде. — *В.М.*) его прошлое и его работу за последние 15 лет... Я должен откровенно сказать, что до сегодняшнего утра я доверял Танака (Ямамото. — *В.М.*) почти как самому себе, среди всех японцев, живущих в Москве. Конечно, у него есть личные недостатки, но, к сожалению, у меня не было никаких сомнений в его вере в дело пролетариата».

Письмо заканчивалось, как и полагалось в то время: «Я глубоко сознаю мою ошибку, небрежность и отсутствие бдитель-

* Японские и китайские коммунисты, учившиеся в СССР, в рутинном порядке получали русские, бурятские, корейские и т.д. псевдонимы.

ности как члена партии, потому что я не мог разоблачить его раньше перед партией, и я прошу партию принять решение на мой счет» (с. 669). Вот и приняли. Интересно, что жену Носака арестовали (правда, вскоре выпустили), а жена арестованного Ямамото оставалась на свободе. Но дальнейшая ее судьба оказалась очень печальной. «С началом Великой Отечественной войны она была отправлена в Уфу вместе со всем аппаратом Комитерна, где работала уборщицей. В 1944 г. ее арестовали за мелкую кражу (крупы. — *В.М.*) и осудили на пять лет лагерей, а в 1949 г. выслали в Красноярский край; разрешения на выезд в Японию советские власти ей так и не дали»¹⁶ до самой смерти в 1968 г.

Известный японский историк Вада Харуки, специально исследовавший это «дело», приводит еще более интересные подробности. В отличие от многих нестигаемых борцов, включая членов Политбюро, которые моментально отреклись от арестованных родственников, Носака немедленно выступил в защиту жены. В дело вмешался глава Коминтерна Георгий Димитров. 31 марта 1938 г. ее освободили, поскольку «произведенным расследованием фактов шпионской деятельности со стороны Ким Сян (она тоже фигурировала во всех документах под псевдонимом. — *В.М.*) не установлено».

В августе тридцать восьмого Носака вернулся в Москву. Ямамото уже девять месяцев находился в тюрьме НКВД, но Носака не спешил от него отступать. Через свою жену он передавал деньги его супруге (личных встреч избегал) и говорил, что Ямамото — «мой лучший друг, товарищ, с которым мы всегда работали вместе». Эти разговоры фиксировались в справках НКВД и ИККИ, где считали, что Носака «не по-партийному подошел» к случившемуся и «не проявил должной бдительности». Нетрудно догадаться, что долго такая ситуация сохраняться не могла.

Сэки Мацу, жену Ямамото, продолжали вызывать в Интернациональную контрольную комиссию (ИКК) для дачи показаний. Задавали вопросы и Носака. «Он уведомил ИКК, — сообщает на основании архивных документов Х. Вада, — что в автобиографии Сэки сообщила о себе ложные сведения: на самом деле она была проституткой (как деликатно говорится в некоторых документах, «официанткой») во Владивостоке, где познакомилась с Ямамото и в 1923 г. вышла за него замуж. Поскольку Ямамото скрывал прошлое своей жены, начальный период ее пребывания в России окутан мраком. Раскрытие этой тайны вызвало гнев Сэки против Носака. Однако в эпоху, когда

обвинение в шпионаже в пользу иностранных разведок вело к смерти, акцентирование внимания на простом сообщении ложных сведений в автобиографии могло быть уловкой, попыткой облегчить неизбежную участь».

В итоге Сэки сломалась. На беседе в ИКК 26 ноября 1938 г., последовавшей за заявлением Носака, она согласилась с тем, что ее муж — шпион, и в свою очередь «заложила» Носака и Катаяма Ясу, жившую в Москве дочь Катаяма Сэн. Первому она ставила в вину подозрительные обстоятельства его освобождения из тюрьмы по болезни в конце 1930 г. и его беспрепятственный отъезд в СССР. Вторую обвинила в том, что та «не знаю в каком году писала в буржуазном журнале статью против ее отца — Сэн Катаяма и против СССР. Это знает т. Окано (Носака. — В.М.). Это я еще слышала, когда была в Японии. Мне эту статью прочел студент КУТВ» (с. 671—675). Никто из них не пострадал, хотя Ито Масаносукэ (он же Такэути), муж Катаяма Ясу, был арестован еще в 1936 г. и годом позже расстрелян. 31 декабря Сэки Мацу была исключена из КПЯ «за полное притупление партийной бдительности, за неискренность и обман ИКК».

22 февраля 1939 г. Носака написал пространное совершенно секретное письмо Димитрову относительно Ямамото. Вот этим-то документом из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) был вызван один из самых громких политических скандалов Страны восходящего солнца в последнем десятилетии уходящего века. Но сначала о делах современных.

Когда в начале 1990-х гг. были открыты архивы КПСС и Коминтерна, туда наряду с представителями академической науки ринулись журналисты, использовавшие полученные материалы не только в научных, но и в политических целях. Одним из наиболее ярких примеров стало «дело Носака». 3 сентября 1992 г. популярный японский еженедельник «Сюкан бунсюн» опубликовал упомянутое письмо. Столетний, но все еще находящийся в добром здравии, Носака в то время занимал пост почетного председателя КПЯ и работал над очередным томом мемуаров. Вырванное из исторического контекста, письмо было подано как донос и использовано для кампании против коммунистического корифея и партии в целом. Через неделю Носака был снят с поста почетного председателя по обвинению в том, что знал правду о причинах смерти Ямамото и скрыл ее от партии. Вскоре в печати появились документы о том, что Носака обличил Сэки Мацу, а позже всеми силами препятствовал ее возвращению на родину из-за боязни разоблачения. Это было

смертельным ударом. 27 декабря Носака был с позором исключен из партии и вскоре умер. Post factum нынешнее руководство КПЯ объявило Носака и уже покойного Хакамада лидерами группы «предателей», созданной КПСС в 1962 г. с помощью советского посольства в Токио с целью развалить компартию изнутри.

Однако у этой скандальной истории была и положительная сторона: «дело Носака» вызвало массовый интерес к «тайнам советских архивов». Поскольку там работали не только любители сенсаций, но и серьезные ученые, результаты их работы не заставили себя долго ждать. Уже в 1996 г. профессор Вада выпустил книгу «Носака Сандзо. История», где, оперируя всем корпусом относящихся к делу документов, показал, что пресловутое письмо вряд ли справедливо считать доносом. Обращая внимание на мелкие «прегрешения» Ямамото, Носака фактически отводил от него главные обвинения. Этот же вывод, с дополнительными уточнениями, он повторил в статье «Судьба коммуниста: Носака Сандзо», опубликованной в 2003 г. в Москве на русском языке. Как рассказывал мне профессор Вада, КПЯ на его работы не отреагировала.

Но пора обратиться к самому письму. Не буду приводить его полный текст — он подробен и скучен, а заинтересованный читатель легко найдет его в сборнике «ВКП(б), Коминтерн и Япония». Только главное:

«Я впервые услышал имя Танака в 1913 г., — восстанавливал Носака историю их знакомства. — ...Моя настоящая связь с ним началась в 1922 г., когда мы организовали коммунистическую группу в профсоюзах и послали его в Профинтерн в качестве нашего представителя... Можно сказать, что я являюсь одним из старейших работников, работавших с Танака. В течение всего периода моей связи с Танака я никогда не подозревал его серьезно». Но далее в письме говорилось следующее: «Когда я узнал в 1937 г. о преступной деятельности троцкистов, бухаринцев, японских шпионов и т.п. (т.е., надо полагать, об аресте Танака-Ямамото в том числе. — *В.М.*), я почувствовал, что моим долгом было сообщить Вам о всех фактах, которые в большей или меньшей мере вызывали подозрение относительно Танака, так как я думал, что это могло бы помочь Вам в деле проверки всех кадров и очистить аппарат ИККИ от всех сомнительных элементов». Он утверждал, что через секретаря компартии США Эрла Браудера (напомню, в то время Носака находился в Америке) в ноябре 1937 г. просил вызвать его в Москву, «не упоминая Танака», но не получил ответа. Встретившись в феврале

1938 г. с вернувшимся из СССР Браудером, Носака написал в Коминтерн письмо о Танака. Однако Димитров утверждал, что такого письма не получал, и разыскать его в архивах не удалось. Ни тогда, ни сейчас. Новое письмо Носака было, как он указывал, дополненным вариантом прежнего.

Подозрения в отношении Ямамото были сгруппированы в девять пунктов. Семь из них по большому счету незначительны: ловкий уход от полиции — мужество или провокация?; не был арестован по болезни и смог бежать в СССР (почти то же самое, что жена Ямамото ставила в вину Носака); потеря 2000 рублей и т.д. Единственно серьезными были обвинения в возможной, но опять-таки ничем не доказанной причастности Ямамото к аресту двух коммунистов, тайно направленных в Японию из Москвы в 1934 и 1936 гг. В первом случае подвел канал, который ранее, по уверению Носака, исправно действовал, но дело не было расследовано с должной тщательностью. Второй провал вызвал у автора «более серьезное подозрение относительно Танака», хотя Носака отметил, что поездки организовывал не один Ямамото.

К сказанному он добавил «некоторые общие замечания», которые я приведу целиком:

«1. Необходимо отметить, что Танака не имел ответственных постов в партии за все время пребывания в партии, ибо партия считала его открытым агитатором или руководителем левого профсоюзного движения, но не руководителем партии. Он был теоретически слаб, тем не менее я считал*, что он приобрел большое политическое развитие за время пребывания в СССР с 1928 г.

2. Насколько мне известно, он не сделал какой-либо серьезной политической ошибки. Он был таким человеком, который умел приспосабливаться к руководящей линии.

3. Танака был популярен среди левых рабочих и до сих пор пользуется влиянием среди них. Его знали как одного из старейших работников профсоюзов, как бесстрашного борца, как хорошего оратора и т.п.».

Трудно не согласиться с Х. Вада, что на фоне обвинений в шпионаже и измене все сказанное больше похоже на защиту, нежели на обвинение.

Носака должен был обозначить и свою позицию. Сделал он

* Здесь переводчик Коминтерна пропустил слово «with amaze». С учетом пропущенного текст читается так: «я узнал с изумлением». (Прим. сост. б. «ВКП(б), Коминтерн и Япония».)

это весьма деликатно, чтобы не сказать двусмысленно: «За все долгое время моей связи с Танака я не имел серьезных подозрений против него, но чувствовал какую-то «неточность» (может быть, «неуверенность» или «неясность». — В.М.) в некоторых случаях с ним. В этом моя ошибка, что я не принимал все это более серьезно, независимо от того, было ли это беспричинно или нет». Единственное, что можно поставить Носака в вину, это содержащийся в постскрипуме совет допросить жену Ямамото в НКВД (с. 674—677).

Письмо написано 22 февраля 1939 г. 10 марта того же года Военной коллегией Верховного Суда СССР Ямамото был «признан виновным в том, что с 1924 г. являлся агентом японской разведки и по заданию последней до дня своего ареста занимался провокаторской и шпионской деятельностью», а также «имел антисоветскую связь с участниками антисоветской правотроцкистской организации в Коминтерне». Он был приговорен к смерти и в тот же день расстрелян. 23 мая 1956 г. Верховный Суд отменил приговор и прекратил дело за отсутствием состава преступления (с. 678—679).

Таким образом, практически все японские коммунисты были расстреляны или оказались в тюрьмах — кто в японских, кто в советских. В начале 1938 г. произошла еще одна драматическая история, о которой уже неоднократно писалось в нашей стране. 3 января молодой театральный режиссер, член КПЯ Сугимото Рёкити и его подруга-кинозвезда, «японская Любовь Орлова» Окада Ёсико перешли границу на Сахалине, стремясь укрыться в цитадели коммунизма и антифашизма от полицейских репрессий. Но надежды молодых романтиков не оправдались — их немедленно арестовали сотрудники НКВД. 10 января они признали себя шпионами. Сугимото был известен как последователь и поклонник Мейерхольда, над которым уже сгустились тучи. Из него выбили показания против мэтра, которого через полтора года арестовали как «японского шпиона». 27 сентября 1939 г. Сугимото, отрицавший данные на следствии показания, был приговорен к расстрелу. Окада получила 10 лет лагерей... Выжила, после освобождения работала на Московском радио вместе с Катаяма Ясу, окончила в 55 лет (!) ГИТИС и стала режиссером. В 1972 г. впервые после долгого перерыва побывала на родине, приезжала туда много раз и надолго, обретая новую аудиторию, но окончательно не вернулась. Умерла в феврале 1992 г. в Москве, немного не дожив до девяноста лет. Вот такая судьба. Сейчас о ней пишут пьесы и собираются снимать кино...¹⁷

Тем не менее в сентябре 1938 г. Исполком Коминтерна снова обсуждал «японский вопрос» по докладной записке Носака. Постановили... перенести основную работу в США и Китай (с. 681—687). 5 ноября 1939 г. появилось постановление Секретариата ИККИ «Некоторые указания для усиления работы японских коммунистов»: «В оценке положения и перспектив японские товарищи имеют все основания предполагать, что условия для массовой работы коммунистов в Японии теперь становятся более благоприятными, чем было до сих пор» — но все практические предложения опять сводились к работе за границей (с. 690—694). В феврале 1940 г. Носака отправился в Яньань, коммунистический «особый район Китая», где создал и возглавил Японскую рабоче-крестьянскую школу для «хороших японских пленных» (его собственное выражение). Здесь он чувствовал себя явно в большей безопасности, нежели в Москве. В Яньани Носака также создал на коминтерновские деньги типографию для печатания агитационной литературы и пытался наладить радиовещание на японском языке. 23 июня 1942 г. он организовал Союз японских коммунистов в Китае.

Однако весной 1943 г. Сталин решил наконец «закрыть лавочку» и распустил Коминтерн.

ГЛАВА 5

Евразийский соблазн: Советский Союз и «континентальный блок»

*Если бы «союз четырех» состоялся, это был бы мощный блок,
который охватил бы весь евразийский континент.
При наибольшей эффективности он вполне мог бы
противостоять Америке. Как замысел это было неплохо.*

*Хата Икухико, японский историк,
2000 г.*

Идея создания континентального блока на пространствах Евразии с Германией, Россией и Японией в качестве главных участников давно занимала геополитически мыслящих людей во всех трех государствах. Карл Хаусхофер вспоминал, что в его бытность баварским военным атташе в Токио в 1908—1911 гг. такие мысли часто высказывал Гото Симпэй, министр путей сообщения второго кабинета Кацура и «правая рука» премьера, которого он сумел убедить в необходимости поворота к России. Однако в то время подобный проект был неосуществим. Анти-японски настроенный кайзер Вильгельм II без малейшего воодушевления смотрел на нормализацию отношений между Петербургом и Токио и подталкивал русскую экспансию на Восток, дабы отвратить ее от Запада. Япония, в свою очередь, оставалась союзником Великобритании, которая все более активно втягивала ее в антигерманское «сердечное согласие». Мировая война окончательно похоронила такую возможность, хотя призрак «мощной прогерманской партии» в Токио во главе с Гото пугал союзников почти до самого перемирия.

После большевистской революции кошмар континентального блока приобрел иные контуры. Уже первые внешнеполитические акции Советской власти поставили Россию вне Антанты. Мир с Германией означал, что у той становится, во-первых, на один фронт меньше, а во-вторых, на одну сырьевую базу

больше. Войска с Восточного фронта могли быть переброшены на Западный, а контроль над житницами Украины сводил на нет морскую блокаду. Поэтому первой мыслью союзников было взять под охрану имеющиеся в России склады боеприпасов, снаряжения и продовольствия. Вооружать и снабжать кайзера Антанта не собиралась. Уже 1 декабря 1917 г. Жорж Клемансо, только что ставший главой французского правительства, обсуждал перспективы вооруженной интервенции в Россию с эмиссаром президента Вильсона Эдвардом Хаузом: премьер предлагал осуществить ее силами японской армии, не задействованной в европейской войне.

28 января 1918 г. британское посольство в Вашингтоне передало Госдепартаменту меморандум, в котором говорилось: «Пока война продолжается, германизированная Россия будет служить источником снабжения, который полностью нейтрализует воздействие блокады союзников. Когда война закончится, германизированная Россия будет угрозой для всего мира»¹. Год спустя, 12 февраля 1919 г., выступая на заседании британского кабинета, военный министр Уинстон Черчилль нарисовал еще более пугающую картину: «Если союзники не помогут России, Япония (между прочим, еще участник Антанты! — *В.М.*) и Германия непременно сделают это, и через несколько лет мы увидим Германскую республику, объединившуюся с большевиками в России и с японцами на Дальнем Востоке в один из самых могущественных союзов, которые мир когда-либо видел»².

Новые перспективы сотрудничества евразийских держав возникли в начале двадцатых. Германия была побеждена, но полна решимости восстать из пепла. Советская Россия стала изгоем европейской политики, но, энергично принявшись за восстановление и повернувшись лицом к Азии, показала, что с ней надо считаться. Япония не получила по итогам войны того, на что претендовала, лишилась союза с Англией и переживала внутривнутриполитическую нестабильность.

Волну тревог вызвал советско-германский Рапалльский договор, заключенный в апреле 1922 г. во время Генуэзской конференции по экономическим проблемам. Главных вопросов было два: взыскание репараций с Германии и долгов царского и Временного правительств с России. Разумеется, не менее важными были и политические цели — поставить обе страны под контроль победителей в случае невыполнения ими предъявленных требований. Объединение или хотя бы согласие между Берлином и Москвой стало для победителей неприятным сюрпризом, хотя, исходя из геополитической логики, его нетрудно было

предвидеть. Рапалльский договор не мог «отменить» Версальский, но укрепил позиции сторон в торге с противниками-кредиторами. Это был первый удар по атлантистской политике «разделяй и властвуй» и первый шаг в сторону «континентального блока».

Главы делегаций Ллойд Джордж, Барту, Исии, Факта, Бенеш — атлантисты, как на подбор — немедленно направили гневное письмо канцлеру Вирту: «Приглашая Германию явиться в Геную... приглашающие державы засвидетельствовали свою готовность устранить все воспоминания о войне и дали Германии возможность честного сотрудничества со своими бывшими врагами... На это предложение, внушенное духом благожелательности и солидарности, Германия ответила актом, уничтожающим дух взаимного доверия, необходимый для международного сотрудничества, установить который было главной целью данной конференции... Немецкие представители... заключили тайно, за спиной своих коллег, договор с Россией и притом по тем самым вопросам, рассмотрением которых они были заняты в честном сотрудничестве с представителями других наций»³.

Скоро стало ясно, что бояться нечего: и Россия, и Германия слишком заняты внутренними делами. Но страхи не проходили. Восстановленные в 1925 г. дипломатические отношения между СССР и Японией тоже развивались успешно — и в том же году журналист Э. Гаррисон выпустил в Лондоне роман «Красная камарилья» о будущем сговоре Берлина, Москвы и Токио. Еще в 1921 г. военно-морской аналитик Гектор Байуотер, популярный по обе стороны Атлантического океана, предупреждал: «Некоторые из них (японских военных. — В.М.) зашли настолько далеко, что выступили за германо-русско-японский союз, который, они считают, может господствовать над миром. И они продолжали выступать в защиту этой идеи даже после революции и отпадения России (от Антанты. — В.М.)»⁴. Наконец, в марте 1935 г. один британский дипломат писал в служебном меморандуме: «К счастью, сейчас нет никаких шансов, что русские и немцы объединятся, но если только на смену Гитлеру придет некто с бисмарковским взглядом на добрые отношения с Россией любой ценой — *единственно верная политика с германской точки зрения*, — ситуация может измениться моментально, и Западной Европе будет противостоять *германо-русско-японская комбинация, самая впечатляющая из всех, с которыми ей когда-либо доводилось сталкиваться*. У нас есть все основания благословлять слепоту Гитлера и большевизм, которые де-

лают это невозможным в настоящее время. Да продлит Господь дни их обоих! (выделено везде мной. — В.М.)»⁵.

Так что Карл Хаусхофер был прав: «Всякий изумится, узнав, что первыми, кто увидел забрезжившую угрозу такого континентального блока для англосаксонского мирового господства, были авторитетные англичане и американцы, в то время как мы сами, даже во Второй империи (1871—1918 гг. — В.М.), еще долго не имели представления о том, какие возможности могли бы возникнуть на основе связей Центральной Европы с ведущей державой Восточной Азии через необъятную Евразию»⁶.

Поездка крупного японского промышленника Кухара Фусаносукэ в Берлин и Москву осенью 1927 г. во главе официальной экономической делегации вызвала очередную волну толков о готовящемся союзе. Вслед за ним по тому же маршруту намеревался отправиться Гото Симпэй, но чтобы «не дразнить гусей», ему пришлось ограничиться Москвой (об этом подробно в книге «Россия и Япония: поверх барьеров»). Гото выдвинул идею континентального союза с участием также и Китая, к которой большевистское руководство хотя бы внешне проявило интерес. Однако в Берлине, куда информация тоже дошла, его планы никакого отклика не вызвали. Со смертью Гото в апреле 1929 г. евразийские круги в Токио лишились наиболее влиятельной фигуры.

Идею подхватил японский посол в Москве Хирота Коки. В мае 1932 г. он говорил своему германскому коллеге Дирксену о желательности сотрудничества их стран с непременным привлечением СССР. Дирксен в принципе одобрил идею, но указал на растущую напряженность между Советским Союзом и Японией, которая делает этот план неосуществимым — по крайней мере, в настоящих условиях. Он сразу же сообщил о разговоре статс-секретарю МИД фон Бюлову, но тот отнесся к сказанному еще более скептически. В ответном письме он заметил, что Япония скорее будет искать союза с Англией и Францией, учитывая традиции ее дипломатии, а Германии невыгоден союз с такой «второстепенной» державой, как Япония⁷. Мыслил он явно устаревшими категориями...

Хирота продолжал агитировать за партнерство с СССР и Германией и после возвращения в Токио осенью 1932 г., но к его мнению не прислушались⁸. В качестве министра иностранных дел в кабинетах Сайто и Окада (сентябрь 1933 — февраль 1936 г.) он старался не осложнять отношения ни с кем, в том числе с Советским Союзом, успешно проведя трудные переговоры о

покупке КВЖД. Подобно большинству японской правящей элиты, он не испытывал никакого воодушевления относительно нового нацистского режима в Берлине⁹. Однако маховик нарастающего противостояния раскручивали со всех сторон, что и привело, как мы видели, к заключению Антикоминтерновского пакта.

Думаю, в момент его подписания предвидеть дальнейший ход событий было не то что непросто, а невозможно. В 1938—1939 гг. японское правительство затянуло задуманное «укрепление» этого договора до такой степени, что сначала Гитлер и Муссолини заключили в мае 1939 г. «Стальной пакт», потом Риббентроп и Молотов в августе того же года — пакт о ненападении и в сентябре договор о дружбе и границе. Увязнув в авантюре на Халхин-Голе, политическое и военное руководство Японии осталось без союзников, на все лады проклиная «предательство» Берлина, хотя проклинать стоило собственное невнимание к предупреждениям из Европы*. Когда весть о «московском Тильзите» дошла до Токио, министр иностранных дел Арита холодно объявил германскому послу о прекращении переговоров и поручил послу Осима вручить в Берлине официальный протест. Генерал-посол делать этого не стал, продемонстрировав начальнику отношение настоящего самурая к «штафирке». Протест он вручил только через месяц, по окончании польской кампании, когда пришел поздравить с победой своего друга Риббентропа.

Через несколько дней после «пакта Молотова—Риббентропа» кабинет Хиранума подал в отставку: формально сославшись на «сложную и запутанную обстановку в Европе», фактически расписавшись в собственном бессилии и беспомощности. Правительства его преемников генерала Абэ Нобуюки и адмирала Ёнаи Мицумаса, продержавшиеся у власти всего по несколько месяцев, не смогли выработать эффективной и целенаправленной внешней политики, шарахаясь из стороны в сторону, хотя Риббентроп уже осенью 1939 г. предлагал и Москве, и Токио свои посреднические услуги для нормализации отношений. Определенность появилась только с приходом к власти в июле 1940 г. принца Коноэ Фумимаро. Внешнюю политику новый премьер доверил Мацуока Ёсукэ, который сразу же возобновил переговоры с Берлином и Римом и завершил их подписанием Трой-

* Летом 1939 г. слухи о предстоящем советско-германском сближении усилились в связи с публикацией мемуаров бывшего советского разведчика, перебежчика Вальтера Кривицкого, открыто предупреждавшего об этом.

ственного пакта 27 сентября 1940 г. в столице Третьего рейха.

Но это было только начало пути. Пакт приобретал смысл лишь при участии в нем СССР, хотя бы в силу географических причин. Поэтому наиболее дальновидные его сторонники стали призывать к расширению будущего союза на всю территорию Евразии уже осенью 1939 г., когда примирить и тем более подружить Токио с Москвой казалось нереальным.

Сиратори Тосио, оставивший пост посла в Риме в сентябре 1939 г., сразу же по возвращении на родину начал агитировать за нормализацию отношений с Советским Союзом по аналогии с тем, как это только что сделал Гитлер. Разумеется, не он один думал об этом. Откликаясь на новости из Москвы, праворадикальный политик и публицист Накано Сэйго заявил: «Престарелые руководители японского правительства беззастенчиво критикуют Германию за заключение пакта о ненападении с СССР. Стоит напомнить этим старцам, что виноваты именно они, упустив из-за собственной нерешительности шанс заключить трехсторонний союз»¹⁰.

«Совершенно естественно, — писал Сиратори, — что три недовольных европейских страны — Германия, Италия и Советский Союз — будут сотрудничать, чтобы добиться пересмотра положения, сложившегося в результате Версальского договора. Сотрудничая с Италией, Германия смогла вернуть большую часть того, что утратила в результате Версальского договора, а теперь, пожимая руку Советскому Союзу, возвращает остальное... Если нынешняя европейская война связана в основном с исправлением односторонних выгод, порожденных Версальским договором, то она не имеет большого значения для Японии. Если же она означает создание нового порядка в Европе вместо старого, то ее значение огромно — в свете того, что Япония в настоящее время делает в Восточной Азии. В этом отношении для Японии самое важное — иметь в друзьях ту державу или державы, которые понимают ее глобальную задачу»¹¹. Обратим внимание на вывод о *единстве интересов* Германии, Италии и Советского Союза в европейской войне, который Сиратори делал неоднократно. «Лично я не думаю, что судьба непременно вынуждает Японию и Россию воевать»¹², — говорил он в апреле 1940 г. Это писал тот же самый человек, который пять лет назад утверждал, что грядущая схватка «расы Ямато» и славян за господство в Азии предопределена именно судьбой.

Карл Хаусхофер, влияние которого усматривали в решении Берлина о союзе с большевиками, месяцем позже писал в «Цайтшрифт фюр геополитик»: «Если страны Восходящего Солнца

и Серпа и Молота смогут покончить с взаимным недоверием, они будут непобедимы в прилегающих морях (т.е. в войне с атлантистским блоком. — *В.М.*)... Чем меньше напряженности будет в отношениях между Японией и Россией, тем меньше шансов будет у англо-саксов и Китая навязывать политику «разделяй и властвуй». Объединившись, Япония и Россия станут непобедимы в Восточной Азии. Монголия, руководимая Россией, Южная Маньчжурия, руководимая Японией, и буферное пространство между ними... могут стать более прочным образованием, нежели все конструкции Версаля»¹³. Понимали это и в Западном полушарии. Одновременно с Хаусхофером американский аналитик Лоуренс Деннис в книге «Динамика войны и революции» убедительно показал невозможность победы атлантистского блока, даже с участием США, над евразийским блоком с участием СССР.

История несостоявшегося, но, как показывают факты, вполне вероятного политического, экономического, а возможно, и военного сотрудничества Москвы с державами Тройственного пакта уже как с единым целым начинается с его заключения — с момента окончательного оформления союза, складывавшегося, хотя и не без труда, на протяжении нескольких лет.

Официально Москва была оповещена об этом только 26 сентября 1940 г. Германский поверенный в делах Типпельскирх (посол был в отъезде) сделал от имени своего министра заявление Молотову о предстоящем на следующий день подписании договора и о его целях. Запоздалое информирование было вызвано отнюдь не коварством Берлина, но тем, что переговоры, которые в Токио вели Мацуока и специальный эмиссар Риббентропа Генрих Штамер при участии посла Отта, проходили негладко, и окончательное согласие было достигнуто буквально за сутки до этого.

Рейхсминистр уже с осени 1939 г. был преисполнен решимости сделать Москву участником «континентального блока», задуманного им под влиянием Хаусхофера, а с весны 1940 г. упорно убеждал в пользе такого варианта Муссолини и Чиано. Они были настроены скептически, поскольку «зимняя война» с Финляндией сильно испортила советско-итальянские отношения. Несмотря на сопротивление антисоветски и проатлантистски настроенного Чиано, дуче согласился на нормализацию отношений с Москвой, видя решительность германской позиции. Отмечу, что обо всех этих разговорах Риббентроп исправно информировал советского полпреда Шкварцева в Берлине, а посол Шуленбург — Молотова в Москве.

Типпельскирх явился к Молотову, вооруженный подробной инструкцией шефа, которая начиналась так: «Ввиду сердечных отношений, существующих между Германией и Советским Союзом, я хотел бы заранее, строго конфиденциально, информировать его (Молотова. — *В.М.*) о следующем». Вот что прочитал нарком:

«1. Происходящая в демократических странах кампания поджигания войны, ищущая в настоящей стадии окончательного покорения Англии последний исход в расширении и удлинении войны, повела к переговорам между Германией и Италией, с одной стороны, и Японией — с другой. Эти переговоры, вероятно, в ближайшие дни приведут к подписанию военного союза между этими тремя державами.

2. Этот союз, соответственно с причиной своего происхождения, направлен исключительно против демократических поджигателей войны. Хотя это в договоре, согласно обычаю, не будет прямо сказано, однако это вытекает с полной ясностью из его формулировки.

3. Само собой разумеется, что этот договор не преследует никаких наступательных целей. Его исключительная цель направлена к тому, чтобы образумить элементы, стремящиеся к удлинению и расширению войны, доказав им воочию, что при вступлении в происходящую в настоящее время войну они автоматически будут иметь против себя прежде всего эти три великие державы.

4. Между договаривающимися державами с самого начала переговоров существовало полное единомыслие в том, что их союз никоим образом не затронет отношений, которые каждая из них имеет с Советским Союзом. Для того, чтобы на этот счет и вовсе устранить всякие сомнения, в договор включена особая статья, говорящая о том, что политический статус, существующий между каждой из трех договаривающихся держав и Советским Союзом, этим договором не затрагивается. Это постановление означает, что не только договоры, заключенные этими тремя державами с Советским Союзом, в частности германо-советские договоры, подписанные осенью 1939 года, в полном объеме сохраняют свою силу, но что это вообще относится и к совокупности их политических отношений с Советским Союзом.

5. Следует думать, что договор окажет укрощающее влияние на поджигателей войны в демократических странах, что он будет противодействовать дальнейшему расширению настоящей войны и в этом смысле, может быть, послужит восстановлению всеобщего мира».

В заключение разговора поверенный сообщил, что в ближайшее время Риббентроп обратится с личным письмом к Сталину, чтобы «откровенно и конфиденциально изложить германскую точку зрения на нынешнюю политическую ситуацию».

Молотов «выслушал сообщение очень внимательно» и поблагодарил поверенного. Однако советская запись беседы показывает недовольство наркома. Он несколько раз повторил, что «если бы Советский Союз заключил подобный договор, то Советское правительство проинформировало бы об этом Германское правительство», и «выразил пожелание ознакомиться с текстом самого договора и дополнительными секретными статьями его, если таковые имеются», «так как при этом возможно еще внести свои поправки». Да, Молотов был недоволен, но четко выстраивал беседу с Типпельскирхом именно как с представителем *союзной* страны.

Официальный комментарий «Правды» от 30 сентября был подчеркнуто кратким и ограничивался пересказом содержания договора. «Пакт не является для Советского Союза чем-либо особенно неожиданным... — писал «центральный орган», — потому что советское правительство было информировано германским правительством о предстоящем заключении тройственного пакта еще до его опубликования». Действительно, Типпельскирх доставил Молотову мало новых сведений, поскольку до него это сделал Зорге. В его сообщении от 21 сентября 1940 г. прямо говорилось: «немцы будут пытаться привлечь к этому пакту Советский Союз»¹⁴.

13 октября Риббентроп написал Сталину пространное письмо, немедленно переданное в Москву. Приведу основные фрагменты этого программного документа евразийской геополитики, опуская то, что относится к войне в Европе:

«Дорогой господин Сталин!

Более года назад по Вашему и Фюрера решению были рассмотрены и поставлены на абсолютно новую основу отношения между Германией и Советской Россией. Я полагаю, что это решение найти общий язык принесло выгоду обеим сторонам — начиная с признания того, что наши жизненные пространства могут соседствовать без претензий друг к другу, и кончая практическим разграничением сфер влияния, что привело к германо-советскому Пакту о дружбе и границе. Я убежден, что последовательное продолжение политики добрососедских отношений и дальнейшее укрепление политического и экономического сотрудничества будут способствовать в будущем все большим и большим выгодам двух великих народов. Германия, по крайней мере, готова и полна решимости работать в этом направлении...

После принятия мер по охране позиций Оси в Европе основной интерес Имперского правительства и Итальянского правительства сосредоточился в последние несколько недель на предотвращении распространения военных действий за пределы Европы и превращения их в мировой пожар. Так как надежды англичан найти себе союзников в Европе поблекли, английское правительство усилило поддержку тех кругов заокеанских демократий, которые стремятся к вступлению в войну против Германии и Италии на стороне Англии. Их интересы, в противоречии с интересами народов, столь же жаждущих Нового порядка в мире, как и конца окостеневших демократий, — эти их интересы грозят превратить европейскую войну в мировой пожар.

Это особенно относится к Японии. Поэтому некоторое время назад по приказу Фюрера я послал в Токио эмиссара для выяснения в неофициальном порядке, не могут ли наши общие интересы быть выражены в форме пакта, направленного против дальнейшего распространения войны на другие народы. Последовавший вскоре обмен мнениями привел Берлин, Рим и Токио к полному единодушию в том смысле, что в интересах скорейшего восстановления мира должно быть предотвращено какое-либо дальнейшее распространение войны и что лучшим средством противодействовать международной клике поджигателей войны будет военный союз Трех Держав. Таким образом, вопреки всем интригам Британии, Берлинский договор был заключен с удивительной быстротой, о чем я и уведомил Вас через посольство за день до его подписания, как только было достигнуто окончательное согласие...

Что касается вопроса о позиции трех участников этого союза в отношении Советской России, то мне хотелось бы сказать сразу, что с самого начала обмена мнениями все Три Державы в одинаковой степени придерживались того мнения, что этот пакт ни в коем случае не нацелен против Советского Союза, что, напротив, дружеские отношения Трех Держав и их договоры с СССР ни в коем случае не должны быть этим соглашением затронуты. Эта точка зрения, кстати говоря, нашла свое формальное выражение в тексте Берлинского договора. Что касается Германии, то заключение этого пакта является логическим результатом ее внешнеполитической линии, которой Имперское правительство придерживалось давно и согласно которой как дружеское германо-японское сотрудничество, так и дружеское германо-советское сотрудничество мирно сосуществуют. Дружеские отношения между Германией и Советской Россией, так же как и дружеские отношения между Советской

Россией и Японией и дружеские отношения между державами Оси и Японией являются логическими составными частями естественной политической коалиции, которая крайне выгодна всем заинтересованным державам. Как Вы помните, я во время моего первого визита в Москву совершенно откровенно обсуждал с Вами схожие идеи, и тогда же я предложил свои добрые услуги для урегулирования советско-японских расхождений. С тех пор я продолжаю работать в этом направлении, и я был бы рад, если бы обоюдное желание достичь взаимопонимания — а со стороны Японии оно все более очевидно — получило логическое завершение.

В заключение я хотел бы заявить, в полном соответствии с мнением Фюрера, что историческая задача Четырех Держав заключается в том, чтобы согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов (выделено в оригинале. — В.М.)...

С наилучшими пожеланиями, преданный Вам Риббентроп».

В письме также содержалось приглашение Молотову посетить Берлин с официальным визитом. ✦

Историк Г. Городецкий точно охарактеризовал драматическую ситуацию, в которой оказался рейхсминистр: «Ни Риббентропу, ни министерству не было известно о шедших полным ходом военных приготовлениях Германии, не говоря уже о директивах по плану «Барбаросса»... Пакт с Россией, заключенный в августе 1939 г., стал для Риббентропа его наивысшим дипломатическим успехом. Теперь он надеялся вознестись на такую же высоту вновь, введя Россию в Тройственный пакт и переключив ее устремления к югу, против Британской империи. Этих взглядов Риббентроп придерживался вплоть до ранней весны 1941 г., то с возрастающим, то с уменьшавшимся упорством... Непрекращающиеся обращения Риббентропа, его вмешательство лишь усилили скрытность Гитлера, и он стал обманывать Риббентропа, заставив того поверить в возможность компромисса»¹⁵. В тюремной камере тот вспоминал: «В течение зимы и весны 1941 г. при всех моих докладах по русскому вопросу Адольф Гитлер постоянно занимал все более отрицательную позицию... У меня уже тогда было такое чувство, что в своей русской политике я одинок»¹⁶.

Как и в августе 1939 г., Сталин все решил быстро. 19 октября Молотов известил Шуленбурга, что приглашение принято, а письменный ответ будет дан 21 октября. Письмо, врученное послу в указанный срок, было недвусмысленным, кратким и

деловым. Помимо благодарности за приглашение в нем говорилось:

«Многоуважаемый господин Риббентроп!

Ваше письмо получил. Искренне благодарю Вас за доверие, так же как за поучительный анализ последних событий, данный в Вашем письме.

Я согласен с Вами, что вполне возможно дальнейшее улучшение отношений между нашими государствами, опирающееся на прочную базу разграничения своих отношений на длительный срок...

Что касается совместного обсуждения некоторых вопросов с участием представителей Японии и Италии, то, не возражая в принципе против такой идеи, мне кажется, что этот вопрос следовало бы подвергнуть предварительному обсуждению.

С глубоким уважением, готовый к услугам И. Сталин».

Берлинский визит Молотова 12—14 ноября 1940 г. долгое время оставался табу для отечественных историков. Теперь нам доступны не только германские, но и советские документы, по которым можно составить полную и объективную картину событий. Это необходимо для правильного понимания отношений не только между СССР и Германией, но и всей мировой — в первую очередь евразийской — политики в целом. Происходившее в Берлине прямо относилось к Японии и будущему советско-японских отношений даже тогда, когда собеседники говорили на совсем другие темы.

Молотов был готов к конкретному деловому разговору, что видно из его записей «Некоторые директивы к берлинской поездке», сделанных «для памяти» по указанию Сталина, если не непосредственно под его диктовку*.

Итак, «цель поездки»:

«а) *Разузнать* действительные намерения Германии и всех участников Пакта 3-х (Германия, Италия, Япония) в осуществлении плана создания «Новой Европы», а также «Великого Во-

* Неубедительными выглядят утверждения, что «дело было не в «диктовке» и что в обсуждении директив принимали участие и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б). Представляется, что процесс подготовки к поездке Молотова в Берлин мог быть несколько иным. Молотов, естественно, не считал возможным отправляться в Берлин, заранее не согласовав с другими членами Политбюро своей позиции в предстоящих важнейших переговорах» (Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939—1941. М., 1997. С. 263—264). Интересно, кто кроме Сталина мог на практике принимать подобные решения и с кем кроме него их надо было согласовывать?!

сточно-Азиатского Пространства»; *границы* «Новой Европы» и «Восточно-Азиатского Пространства»; *характер* государственной структуры и отношения отдельных европейских государств в «Новой Европе» и в «Восточной Азии»; *этапы и сроки* осуществления этих планов и, по крайней мере, ближайшие из них; перспективы присоединения других стран к Пакту 3-х; *место СССР* в этих планах в данный момент и в дальнейшем.

б) *Подготовить* первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в Ближней и Средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Германией (а также с Италией), но не заключать какого-либо соглашения с Германией и Италией на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риббентроп в ближайшее время»*.

Относительно намерений Германии и ее союзников сомнений у Сталина и Молотова не было — Советской России предлагался политический, а возможно, и военный союз. При наличии изрядно обескровленной, но полностью сохранившей колониальную империю и лояльность доминионов Великобритании и совершенно не затронутых войной Соединенных Штатов это было рискованное предложение, принимать которое имело смысл только при наличии значительных выгод и гарантий собственной безопасности.

Далее по пунктам шли требования и вопросы, свидетельствовавшие о серьезности подхода к проблеме. Финляндию, Дунай (в части Морского Дуная) и Болгарию предлагалось признать сферой влияния СССР; «вопросы» о Турции, Румынии, Венгрии и Иране решать с участием Москвы; обеспечить свободный проход советских судов через Балтику и работу угольной концессии на Шпицбергене. Вождя интересовали планы «оси» в Греции, Югославии и Швеции, границы «Великого Восточно-Азиатского Пространства» и судьба Польши — остаются ли в силе прежние соглашения. «Относительно *Китая* в секретном протоколе, в качестве одного из пунктов этого протокола; сказать о необходимости добиваться почетного мира для Китая (Чан-Кайши), в чем СССР, может быть, с участием Германии и Италии, готов взять на себя посредничество, причем мы не возражаем, чтобы Индонезия была признана сферой вли-

* Впервые опубликованы в 1995 г. в журнале «Новая и новейшая история». Для удобства читателя раскрываю без дополнительных обозначений сокращения, расшифровка которых не вызывает сомнений; подчеркнутое Молотовым в оригинале выделено курсивом.

нения Японии (Маньчжоу-го остается за Японией)». Требования решительные, но с геополитической точки зрения вполне разумные — достаточно взглянуть на карту.

Истолковать эти инструкции можно только как приглашение к деловому, конкретному, партнерскому разговору. Молотову предстояло спрашивать и слушать. По некоторым позициям (отношения СССР с Турцией, Англией и США) говорить только, «если спросят». Козырные карты: «*Транзит* Германия—Япония — наша могучая позиция, что надо иметь в виду»; «На возможный вопрос о наших отношениях с *США* ответить, что *США* также спрашивают нас: не можем ли мы оказать поддержку Турции и Ирану в случае возникновения опасности для них (т.е. поучаствовать в акции по предотвращению их оккупации странами «оси». — *В.М.*)».

Предписывая не заключать во время визита никакого соглашения, Сталин, очевидно, задумал еще раз сыграть в свою любимую игру на выжидание. Но от перспектив союза не отказывался, поскольку о последующем, притом скором, визите Риббентропа в Москву говорится как о решенном деле. Первый публикатор «Директив» Л.А. Безыменский заметил: «Этот ход значительно облегчал задачу Молотова, поскольку любые предварительные договоренности можно было бы уточнить (или отменить) на следующем этапе, участником и хозяином которого, естественно, должен был стать сам Сталин. В своих воспоминаниях дипломат В.М. Бережков, который как переводчик присутствовал в Берлине под фамилией Богданов, счел нужным обратить особое внимание на то, что Сталин хотел увенчать своим присутствием заключительный этап оформления новой стадии советско-германских отношений»¹⁷.

Чтобы визит в любом случае казался результативным и не разочаровал хозяев, предполагалось следующее:

«Предложить сделать *мирную акцию* в виде открытой декларации 4-х держав (*если* выяснится благоприятный ход основных переговоров: Болгария, Турция и др.) на условиях сохранения Великобританской Империи (*без* подмандатных территорий) со всеми теми владениями, которыми Англия *теперь* владеет, и при условии невмешательства в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта, а также с обязательством немедленного возврата Германии ее прежних колоний и немедленного предоставления Индии прав доминиона» (последний пункт был вычеркнут Молотовым в Берлине по дополнительному указанию Сталина).

Молотов ехал в Берлин готовый к конкретному разговору, что однозначно свидетельствует о серьезности намерений Москвы.

В противном случае его совершенно секретные записи, сделанные для себя и только для себя, а не «для истории», были бы совершенно иными. Как показал визит, запросы Сталина превышали степень компромисса, на который был готов Гитлер, но советский вождь мог сознательно завысить цену, чтобы иметь возможность красиво «уступить» в критический момент. «Сталин и Молотов, — пишет Безыменский, — считали себя диктующими правила игры, какими они были в августе—сентябре 1939 г. И это был их решающий просчет»¹⁸. Однако полностью принять это утверждение нельзя. Документы показывают, что именно Гитлер не был готов к трудному диалогу — а какой диалог с большевиками, да еще в таких условиях, мог быть легким! Фюрер рассчитывал на действие принципа «все или ничего». Чем обернулось итоговое «ничего», слишком хорошо известно...

4 ноября Риббентроп встретился с Чиано, чтобы «сверить часы». Вот интересующая нас часть их беседы в записи итальянского министра:

«Первоочередной проблемой, как по времени, так и по важности, являются отношения России с Осью и с Японией. Хотя работа в этом направлении только началась, г-н фон Риббентроп считает возможным вести переговоры о соглашении между державами Тройственного пакта и Россией после визита Молотова в Берлин, который состоится 11 числа этого месяца. Во время переговоров он (Риббентроп. — *В.М.*) будет находиться в тесном контакте с итальянским и японским правительствами. Поскольку возможность достижения военного соглашения с Россией исключена, Риббентроп считает, что политический и экономический договор должен быть основан прежде всего на взаимном признании территориальной ситуации (т.е. сфер влияния. — *В.М.*), на обязательствах каждой из сторон ни в коем случае не оказывать помощи врагам другой и, наконец, на положении о широкомасштабном сотрудничестве и дружбе. К договору должны быть приложены два секретных протокола (далее излагается проект, который будет приведен ниже. — *В.М.*)... По его (Риббентропа. — *В.М.*) мнению, если не произойдет ничего нового, Московский пакт может быть заключен в течение несколько недель»¹⁹.

Однако этого не случилось. Реальных результатов визит Молотова не дал, что в сложившейся ситуации было равносильно неудаче. Причем не личной неудаче наркома, а поражению «евразийского лобби» во всех трех столицах сразу. Это был роковой удар по «континентальному блоку». Поэтому я решил подробно рассказать о берлинских переговорах Молотова даже в той их части, которая непосредственно не относилась к Японии.

Диалог оказался куда более сложным и напряженным, чем предполагали обе стороны. Сталин и Молотов думали, что Гитлер и Риббентроп хотят согласия и готовы «торговаться». Риббентроп был готов, Гитлер — нет. Он вообще не привык обсуждать какие-либо варианты, отличные от его собственных. Фюрер был мил и любезен, когда с ним соглашались сразу, — так было с Муссолини или венгерским регентом адмиралом Хорти. Он был гневен, когда с ним не соглашались, — так было с австрийским канцлером Шушнигом, за разговором с которым немедленно последовало решение об аншлюсе Австрии. Он менял гнев на милость, когда гнев производил должное впечатление, — так было с Чемберленом накануне Мюнхенского соглашения. Он спокойно и величественно принимал покорность — так было с правителями вассальных стран. Он даже мог демонстрировать уважение к старшим и благородство к побежденным — так было с маршалом Петэном в Монтуре. И неизменно добивался своего — кроме случая с лстивым, но хитрым испанским каудильо Франко, который всем был обязан Гитлеру и Муссолини, но так и не помог им в решающий момент. На сей раз все было по-иному.

Предварительная информация о визите появилась в печати 10 ноября в виде краткого коммюнике: Молотов посетит Берлин, «чтобы в рамках дружественных отношений, существующих между обеими странами, путем возобновления личного контакта продолжить и углубить текущий обмен мнениями».

Визит был обставлен с большой пышностью. Советская делегация насчитывала 60 человек, не считая охраны и obsługi. Молотова сопровождали его новый заместитель, бывший чекист В.Г. Деканозов, нарком черной металлургии И.Ф. Тевосян, заместитель наркома внутренних дел В.Н. Меркулов, заместитель наркома внешней торговли А.Д. Крутиков, заместитель наркома авиационной промышленности конструктор А.С. Яковлев, шеф протокола НКВД В.Н. Барков, группа дипломатов и военных экспертов, а также послы Шуленбург и Шварцев. 12 ноября в 10.45 утра на вокзале Ангальтер в Берлине кроме Риббентропа делегацию встречали Гиммлер, Кейтель и Лей (Гейбельс и Розенберг от этой церемонии уклонились; ждали Гейтинга, но он не появился). Торжественное исполнение «Интернационала», остававшегося до конца 1943 г. государственным гимном СССР, — вероятно, первое в Берлине после прихода нацистов к власти. Когда в германском МИД обсуждался протокол встречи, переводчик Пауль Шмидт пошутил, что многие немцы, наверное, будут подпевать, так как еще не забыли слова, — и моментально поймал на себе сердитый взгляд Риббентропа. Но ничего — гимн играл, дипломаты стояли

навытяжку, генералы отдавали честь. Министры обошли строй почетного караула, а затем гости отправились в отведенный им бывший кайзеровский дворец Бельвю.

График переговоров был насыщенным. После краткого отдыха Молотов встретился с Риббентропом. Готовя гостя к беседе с фюрером, хозяин обрисовал ему стратегическую ситуацию, какой ее видели из Берлина, и по обыкновению говорил долго. Нарком ждал, когда сможет задать вопросы. «Разумеется, у него, Молотова, как у представителя государства, не участвовавшего в подготовке этого (Тройственного. — *В.М.*) пакта, имеется потребность получить ряд разъяснений по этому вопросу. Пакт говорит о новом порядке в Европе и в великом восточноазиатском пространстве. Желательно, прежде всего, знать границы этих сфер влияния... Что касается предположений о тех или иных акциях, в которых СССР мог бы участвовать вместе с другими державами, — то это заслуживает обсуждения и их следовало бы предварительно обсудить здесь, потом в Москве, о чем было в общей форме договорено при обмене письмами». Риббентроп, однако, ограничился разъяснением, что «понятие «великое восточноазиатское пространство» не имеет ничего общего с жизненно важными сферами интересов СССР».

Затем нарком встретился с Гитлером, который приветствовал его очень дружелюбно. Фюрер тоже начал с пространного монолога. Молотов периодически выражал согласие и ждал, когда сможет вставить хоть слово. Гитлер сразу перешел к глобальным перспективам:

«Тенденцию развития на будущее время очень трудно установить. Вопросы будущих конфликтов зависят от личных факторов, которые являются решающими в политической жизни. Несмотря на это, он хочет попробовать, поскольку это возможно и доступно человеческому разумению, определить на длительный срок будущее наций, чтобы были устранены трения и исключены конфликты. Он думает, что это особенно возможно, когда во главе двух основных наций стоят люди, которые пользуются абсолютным авторитетом и могут решать на долгие сроки вперед. Это имеет место в настоящее время в России и в Германии. Речь идет о двух больших нациях, которые от природы не должны иметь противоречий, если одна нация поймет, что другой требуется обеспечение определенных жизненных интересов, без которых невозможно ее существование. Он уверен, что сегодня в обеих странах такой режим, который не хочет вести войну и которому необходим мир для внутреннего строительства. Поэтому возможно при учете обоюдных интересов — в особенности эко-

номических — найти такое решение, которое оставалось бы в силе на период жизни настоящих руководителей и обеспечило бы на будущее мирную совместную работу.

Тов. Молотов приветствует это заявление рейхсканцлера».

Читая эту запись Павлова и Бережкова-«Богданова», понимаешь, почему она до 1993 г. оставалась под запретом. Гитлер говорил в общем-то совершенно очевидные и вполне «правильные» вещи, но любое согласие главы советской дипломатии с любым высказыванием «преступника номер один» казалось немыслимым, особенно если оно касалось сходства между режимами двух стран...

Советский гость основательно запасася терпением. Произносить красивые фразы, сопровождая их, смотря по ситуации, велеречивой риторикой или жестким сарказмом, он умел не хуже. Но он ждал делового разговора. А Гитлер все заливался соловьем на любимую тему — о тотальном поражении Великобритании и послевоенном переустройстве мира:

«Германия нуждалась в территории, но в результате войны она полностью обеспечена территорией более чем на сто лет. Германии нужны колониальные дополнения, и она их получит в Средней Африке, т.е. в областях, не интересующих СССР... Нужно сразу отметить, что в Азии Германия не имеет никаких интересов. Причины этого в том, что в силу соображений о национальных интересах будущее там остается за Японией...» И так далее.

Молотов, похоже, чувствовал, что тонет в словесном море. Риббентропа он только слушал, понимая, «кто в доме хозяин» (сам был в таком же положении). Гитлера уже надо было спрашивать. Пытаясь перевести разговор «на деловую почву», нарком напомнил о прошлогодних соглашениях по поводу Польши и Финляндии, а потом задал главный вопрос: «Если говорить о взаимоотношениях на будущее, то нельзя не упомянуть о тройственном пакте... Молотов хотел бы знать, что этот пакт собой представляет, что он означает для Советского Союза».

Ключевые слова были произнесены, и фюрер сразу же заявил, что «предлагает Советскому Союзу участвовать как четвертому партнеру в этом пакте».

До сих пор я цитировал советскую запись. Германская ограничивается экивоками: «Без содействия Советской России соглашение во всех случаях не может быть достигнуто». И все! Но Молотов явно не ослышался, потому что повторил слова «приглашает участвовать СССР в тройственном пакте в качестве четвертого партнера» в телеграмме, отправленной в Кремль после встречи.

Приглашение было. Был и ответ Молотова на него.

Положительный:

«Советский Союз может принять участие в широком соглашении четырех держав, но только как партнер, а не как объект (а между тем только в качестве такого объекта СССР упоминается в тройственном пакте), и готов принять участие в некоторых акциях совместно с Германией, Италией и Японией, но для этого необходимо внести ясность в некоторые вопросы» (советская запись).

«Участие России в Тройственном пакте представляется ему (Молотову. — *В.М.*) в принципе абсолютно приемлемым при условии, что Россия является партнером, а не объектом. В этом случае он не видит никаких сложностей в деле участия Советского Союза в общих усилиях. Но сначала должны быть более точно определены цели и значение Пакта, особенно в связи с определением великого восточно-азиатского пространства» (германская запись).

Вот два варианта. Выбирайте любой.

После этих слов Гитлер «явно повеселел», как сказано в записи Павлова и Бережкова. Но... «ввиду возможной воздушной тревоги переговоры были прерваны на этом месте и перенесены на другой день». Вечером Риббентроп дал ужин в честь Молотова, но Гитлера там не было — как, впрочем, и на всех остальных светских мероприятиях. Первый день прошел во взаимном зондаже. «Наше предварительное обсуждение в Москве, — телеграфировал Молотов Сталину, — правильно осветило вопросы, с которыми я здесь столкнулся. Пока я стараюсь получить информацию и прощупать партнеров. Их ответы в разговоре не всегда ясны и требуют дальнейшего выяснения. Большой интерес Гитлера к тому, чтобы договориться и укрепить дружбу с СССР о сферах влияния, налицо». Сталин направил Молотову целую серию телеграмм по конкретным пунктам переговоров, демонстрируя готовность к диалогу. «Во всем остальном исходи из известных тебе директив, и если результаты дальнейшей беседы покажут, что ты в основном можешь договориться с немцами, а для Москвы останутся окончание и оформление дела, — то тем лучше».

Новая встреча с Гитлером состоялась 13 ноября. На этом основании я безусловно верю, что тринадцать — число несчастливое. По крайней мере, в Евразии и для Евразии.

«Главное время с Гитлером ушло на финский вопрос, — суммировал Молотов события дня в телеграмме Сталину. — ...Вторым вопросом, вызвавшим настороженность Гитлера, был вопрос о гарантиях Болгарии со стороны СССР». Переговоры зашли в тупик, который был невыгоден обеим сторонам. «Я считаю, — говорил фюрер, — что наши успехи будут больше, если мы будем стоять спиной к спине и бороться с внешними силами, чем если мы бу-

дем стоять друг против друга грудью и будем бороться друг против друга». «Но чтобы наши отношения были прочными, — парировал Молотов, — надо устранить недоразумения второстепенного характера, не имеющие большого значения, но осложняющие их дальнейшее развитие в положительном направлении».

Охоты торговаться у Гитлера не было. «Фюрер... хочет создать всемирную коалицию заинтересованных держав, в которую войдут Испания, Франция, Италия, Германия, Советская Россия и Япония и которая охватит пространство от Северной Африки до Восточной Азии. Она объединит всех тех, кто хочет получить выгоду за счет обанкротившегося британского хозяйства». Молотов сбивался в конкретику и упорно гнул свое. И, видимо, где-то перегнул. Он ведь тоже привык разговаривать с иностранцами с позиции силы...

Беседа продолжалась три с половиной часа, перескакивая от одного большого вопроса к другому. «Похвастаться нечем, — подытожил нарком в телеграмме Сталину, — но, по крайней мере, выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться». Фюрер как бы невзначай заметил, что «желал бы лично встретиться со Сталиным, так как это значительно облегчило бы ведение переговоров». «Гитлер сожалеет, что ему до сих пор не удалось встретиться с такой огромной исторической личностью, как Сталин. Тем более что он думает, что, может быть, и он сам попадет в историю. Он полагает, что Сталин едва ли покинет Москву для приезда в Германию, ему же, Гитлеру, во время войны уехать никак невозможно». В последних словах — явное раздражение, отказ авансом: тот же Львов был не намного дальше Монтюара, Хендайе или Бреннера, где совсем недавно были встречи с Петэном, Франко и Муссолини.

Нарком чувствовал, что дело идет негладко, хотя Гитлер заявил, что «в целом требования России относительно будущего ее положения в мире будут приняты во внимание». Стремясь подсластить пилюлю, Молотов добавил: «Что касается советско-японских отношений, то они хотя и медленно, но улучшаются в последнее время, теперь они, очевидно, должны развиваться быстрее. В этом Германия оказывает СССР свое содействие, и он за это признателен германскому правительству. Нужно найти компромиссный выход из того положения, которое создалось между Китаем и Японией, причем выход, почетный для Китая (т.е. для Чан Кайши — еще бы, столько лет поддерживали и вооружали! — *В.М.*); в этом отношении СССР и Германия могли бы сыграть важную роль».

Вечером в полпредстве состоялся прием. «Зная о прибытии Молотова в Берлин, английское командование собрало все на-

личные силы, чтобы ожесточенным налетом на столицу «третьего рейха» продемонстрировать, что у Британии есть еще порох в пороховницах. Потом Сталин шутя пожурит за это Черчилля: «Зачем вы бомбили моего Вячеслава?»²⁰ Молотову и Риббентропу пришлось разговаривать в бомбоубежище резиденции рейхсминистра, что не очень вязалось с предложениями хозяина немедленно приступить к дележу Британской империи.

При Гитлере Риббентроп только поддакивал, хотя собственные амбиции у него были. После пакта с Россией фюрер в восторге назвал его «вторым Бисмарком». Польстил, но рейхсминистр, похоже, поверил.

Чужая душа — потемки. Не заглянешь, особенно если человек давно в могиле. Думаю, что Риббентроп искренне хотел превратить Тройственный пакт в «пакт четырех», сделав из этого триумф германской дипломатии: часть лавров, конечно, Гитлеру, но главные — ему. Заключение такого соглашения было бы громадным достижением Рейха, а Гитлер не менее Риббентропа был чувствителен к успехам, пусть даже дипломатическим, а не военным. И рейхсминистр ринулся в бой, держа в кармане проект соглашения, с которым в этот вечер ознакомили Молотова.

В проведении внешней политики — по крайней мере, в общении с иностранными дипломатами и государственными деятелями — Риббентроп едва ли был самостоятельнее Молотова. Один все время ссылался на фюрера, другой, более неопределенно и демократично, на «правительство» или «товарищей», но суть дела от этого не менялась. Поэтому рейхсминистр начал с дипломатичной ремарки, что «хотел бы сделать некоторые дополнения и уточнения к тому, что сказал фюрер». В германской записи его позиция выглядит более независимой: «Имперский Министр иностранных дел начал беседу с заявления, что он хочет воспользоваться случаем и дополнить, а также точнее сформулировать то, что уже было обсуждено ранее. Он хочет изложить господину Молотову *свой* взгляд (выделено мной. — В.М.) на перспективы ведения в будущем Германией и Советским Союзом общей политики сотрудничества и перечислить те вопросы, которые в связи с этим уместно обсудить».

Претендуя лишь на уточнение и дополнение уже сказанного, рейхсминистр сразу же перешел к самому важному, о чем по-настоящему еще не говорилось. Он «хотел бы изложить «сырые мысли», как он их себе представляет, т.е. мысли, которые, может быть, в будущем могли бы быть реализованы. Эти мысли заключаются в сотрудничестве между государствами — участниками пакта трех и СССР. Риббентроп думает, что сначала надо найти путь, чтобы со-

вместно в широких чертах установить сферы интересов четырех государств, а затем особо договориться о проблеме Турции (которую страны Оси хотели полностью включить в свою орбиту. — *В.М.*). Проблемы разграничения сфер интересов касаются четырех государств, в то время как проблема Турции затрагивает только Германию, Италию и СССР. После того как Молотов переговорит со Сталиным и после того как Германия и СССР договорятся по этому комплексу вопросов, министр думает, что Германия и СССР вступят в контакт с Японией и Италией с целью выяснения возможностей приведения их интересов к одной формуле».

В германской записи этот фрагмент изложен несколько по-иному: «Вслед за тем Имперский Министр иностранных дел вступит в переговоры с Италией и Японией, чтобы узнать, как вернее могут быть учтены их интересы при разграничении сфер влияния». Согласно этому варианту, Риббентроп предпочитал лично контролировать политику *всех* стран-участниц Тройственного пакта в отношении СССР, ставя залогом их сотрудничества достижение согласия между Берлином и Москвой.

Вернемся к советской записи беседы министров в бомбоубежище: «Если можно будет привести к одному знаменателю интересы этих стран, что Риббентроп считает не невозможным и выгодным для заинтересованных сторон, тогда можно было бы зафиксировать эти оба комплекса в доверительных документах между ними, если СССР разделяет взгляды Германии о воспрепятствовании расширению войны и стоит на точке зрения ее окончания... Я (Риббентроп. — *В.М.*) представляю себе, что конечной целью... должно быть заключение соглашения между участниками пакта трех с одной стороны и СССР — с другой стороны о сотрудничестве четырех держав в этом смысле. Чтобы рассмотреть эти дела более конкретно, он набросал несколько пунктов, из которых, по его мнению, должно состоять это соглашение. Он хотел бы подчеркнуть, что в такой конкретной форме он, Риббентроп, не говорил ни с Японией, ни с Италией*. Он думал, что эти мысли должны быть в первую очередь выяснены между СССР и Германией. Разумеется, в общих чертах он обсудил эти мысли с Японией (когда, где и с кем? — *В.М.*) и с Италией... Он просит переговорить со Сталиным о возможности такого соглашения. Следующим этапом должны быть переговоры с Италией и Японией. Все это будет иметь смысл тогда, когда будет достигнута ясность в этих вопросах».

* Риббентроп слукавил, потому что идентичный план он уже излагал Чиано 4 ноября.

Послевоенные мемуаристы, германские и иностранные, стремились перешеголять друг друга, изображая Риббентропа самовлюбленным идиотом, не имеющим ни представления о мировой политике, ни оригинальных идей, а только способным произносить бессодержательные, но напыщенные речи. Сравнивая советскую и германскую записи его беседы с Молотовым, я ничего подобного не вижу. Рейхсминистр здраво и дипломатично изложил свой подход к союзу стран, связанных общими геополитическими интересами.

Изучив все доступные материалы, я прихожу к выводу, что он искренне хотел договориться с Москвой, потому что видел в этом наилучший геополитический вариант для Германии и возможность грандиозного успеха для себя лично. Именно поэтому, а не из чрезмерной осторожности, он хотел сначала договориться с СССР и лишь потом привлекать к переговорам Италию и Японию. С Молотовым он еще мог поделиться лаврами — но не с Чиано, которого не любил, и не с Мацуока, которого просто не знал.

Но почему самоуверенный Риббентроп называет тщательно проработанные предложения всего лишь «сырыми мыслями»? И почему их делает он, а не фюрер? Гитлер в это время уже принял стратегическое и был готов к принятию политического решения о нападении на СССР, но его министр иностранных дел об этом не знал. Полагаю, логика Риббентропа была примерно такой. Если предложения будут приняты и соглашение достигнуто, то результатом станет дипломатический и геополитический триумф, который Гитлер примет, пусть хотя бы на время. Если же предложения будут отклонены, то исходили они не от Гитлера, который на эту тему ничего конкретного вообще не говорил. Сам же Риббентроп «спасал лицо» оговоркой, что это просто наброски, наметки. Итак, вот они.

«Соглашение между государствами Тройственного пакта: Германией, Италией и Японией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой стороны

Правительства государств Тройственного пакта: Германии, Италии и Японии, с одной стороны, и Правительство СССР — с другой стороны, руководствуясь желанием установить в своих естественных сферах интересов в Европе, Азии и Африке новый, содействующий благосостоянию всех заинтересованных народов порядок и создать твердую и прочную основу для их сотрудничества, направленного на достижение этой цели, согласились в следующем:

Статья 1. Согласно пакту трех держав, Германия, Япония и Италия пришли к соглашению, что нужно воспрепятствовать расширению войны в мировой конфликт и что необходимо со-

вместно работать для установления мира. Они объявили о своем желании привлечь к сотрудничеству с ними другие народы в других частях мира, поскольку эти народы согласны дать своим стремлениям то же направление. СССР заявляет о своей солидарности с этими целеустремлениями и решил со своей стороны политически сотрудничать с участниками пакта трех.

Статья 2. Германия, Италия, Япония и Советский Союз обязуются уважать сферы своих взаимных интересов. Постольку, поскольку сферы этих интересов соприкасаются, они будут в дружественном духе договариваться по всем возникающим из этого факта вопросам. Германия, Италия и Япония со своей стороны заявляют, что они признают настоящие границы Советского Союза и что они будут их уважать.

Статья 3. Германия, Италия, Япония и Советский Союз обязуются не присоединяться ни к каким группировкам государств и не поддерживать группировок, направленных против одной из них. Четыре державы будут всячески поддерживать друг друга в экономическом отношении и будут дополнять и расширять существующие между ними соглашения.

Статья 4. Это Соглашение вступает в силу с момента подписания и действует в течение 10 лет. Правительства четырех держав заблаговременно, до истечения этого срока, договорятся по вопросу продления этого Соглашения.

Учинено в четырех оригиналах на немецком, итальянском, японском и русском языках.

Москва ... 1940 г.»

«Секретный протокол № 1

В связи с подписанием сегодня Соглашения, заключенного между ними, представители Германии, Италии, Японии и Советского Союза констатируют следующее:

1) Германия заявляет, что без учета тех территориальных ревизий, которые произойдут в Европе при заключении мира, центр тяжести ее территориальных aspirations лежит в Средней Африке.

2) Италия заявляет, что без учета тех территориальных ревизий, которые произойдут в Европе при заключении мира, центр тяжести ее территориальных aspirations лежит в Северной и Северо-Восточной Африке.

3) Япония заявляет, что центр тяжести ее территориальных aspirations лежит в восточно-азиатском пространстве к югу от Японских островов.

4) Советский Союз заявляет, что центр тяжести его территориальных aspirations лежит к югу от территории Советского Союза в направлении Индийского океана.

Четыре державы заявляют, что, сохраняя за собой право регулировать отдельные вопросы, они будут взаимно уважать территориальные aspirations друг друга и не будут создавать препятствий к их осуществлению.

Москва ... 1940 г.»

Второй секретный протокол касался Турции. К нашей теме он отношения не имеет, и Япония не должна была его подписывать.

Запись «сырых мыслей» Риббентроп Молотову не передал, но продиктовал их переводчику — возможно, желая подчеркнуть их «неофициальность». Затем начался диалог, который с Гитлером так и не получился. Молотов посетовал на неуступчивость и медлительность Японии, что тормозит прогресс двусторонних отношений. Затем он снова говорил о проливах, о Болгарии, которую Сталин хотел видеть исключительно советской сферой влияния, но собеседник не желал углубляться в мелочи. Риббентроп «хотел бы свести сегодняшний разговор к более крупным вопросам, он хотел бы поставить вопрос, готов ли СССР сотрудничать с ними. «По другим вопросам мы можем всегда договориться, если мы на основе наших прошлогодних соглашений расширим наши отношения», — говорит министр. Где лежат интересы Германии и СССР — это подлежит решению... Риббентроп хотел бы получить ответ, готов ли СССР изучить этот вопрос и сотрудничать с тремя державами. Из писем Сталина он вынес впечатление, что СССР склонен к этому. Вопросы, которые касаются Германии и СССР, всегда можно решить, важно, чтобы и Германия, и СССР имели общие линии в крупных чертах». Поэтому вопрос о Финляндии он отнес к второстепенным, а об ориентации территориальных aspirations Москвы в сторону Индийского океана — к первоочередным.

От Молотова ждали конкретного ответа. И Молотов его дал с максимальной конкретностью, какую ему позволял «поводок» сталинской системы: «Теперь к вопросу о совместной работе СССР, Японии, Германии и Италии. Он отвечает на этот вопрос положительно, но надо по этому вопросу договориться. Правильны ли предположения Германии по вопросу о разграничении сфер интересов? Трудно конкретно уже сегодня ответить на этот вопрос, ибо этот вопрос до сих пор Германия не ставила перед СССР и он является для советского правительства новым. Он пока не знает мнения И.В. Сталина и других советских руководителей на этот счет, но ответ СССР вытекает из того, что им уже говорилось. Эти большие вопросы завтрашнего дня, с его точки зрения, не следует отрывать от вопросов сегодняшнего дня. И если их правильно увязать, то будет най-

дено нужное решение. То, что ему пришлось иметь ряд бесед с министром и с рейхсканцлером, — это большой шаг вперед в деле выяснения важных вопросов. Как дальше пойти по этому пути, Молотов предоставляет решать Риббентропу».

Сразу по возвращении нарком направил итоговую телеграмму Сталину о том, что «обе беседы не дали желательных результатов». В отношении Гитлера он был прав, в отношении Риббентропа — нет. Видимо, не осознал важности его предложений, суть которых в телеграмме изложена очень «смазанно». Утром Молотов со свитой отбыл в Москву. Из нотаблей на вокзале его провожал только Риббентроп, что говорило о недовольстве Гитлера результатами переговоров.

Коммюнике по итогам визита, предложенное Сталиным, было принято германской стороной дословно. В нем скупое, но выразительно говорилось: «Обмен мнений протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию». О существующих разногласиях не должны были догадываться ни друзья, ни враги. В том же духе была выдержана циркулярная телеграмма статс-секретаря МИД Вайцзеккера в германские дипломатические миссии за рубежом, включая Токио:

«Беседы между германским и советским правительствами по случаю нахождения в Берлине Молотова велись на базе договоров, заключенных в прошлом году, и завершились окончательным согласием обеих стран твердо и решительно продолжать в будущем политику, начало которой положили эти договоры. Кроме того, беседы послужили целям координации политики Советского Союза и стран Тройственного пакта. Как уже отмечалось в заключительном коммюнике о визите Молотова, обмен мнениями происходил в атмосфере взаимной доверительности и имел своим результатом согласование мнений обеих сторон по всем важнейшим вопросам, интересующим Германию и Советский Союз. Это ясно доказывает, что все предположения относительно мнимого германо-русского конфликта являются плодами фантазии и что все спекуляции врагов об ухудшении доверительных и дружественных германо-русских отношений основаны на самообмане. Дружественный визит Молотова в Берлин вновь продемонстрировал это». Последнюю фразу Риббентроп вписал собственноручно.

Какова была реакция Сталина на предложения из Берлина? Вот ответ, который Молотов передал Шуленбургу 25 ноября. Ввиду исключительной важности приведу его полностью:

«СССР согласен принять в основном проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической

взаимопомощи, изложенный г. Риббентропом в его беседе с В.М. Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 года и состоящий из 4 пунктов при следующих условиях:

1. Если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии, представляющей сферу влияния СССР, согласно советско-германскому соглашению 1939 года, причем СССР обязывается обеспечить мирные отношения с Финляндией, а также экономические интересы Германии в Финляндии (вывоз леса, никеля).

2. Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды.

3. Если центром тяжести аспираций СССР будет признан район к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

4. Если Япония откажется от своих концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

Сообразно с изложенным должен быть изменен проект протокола к Договору 4 держав, представленный г-ном Риббентропом, о разграничении сфер влияния в духе определения центра тяжести аспираций СССР на юге от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

Точно так же должен быть изменен изложенный г-ном Риббентропом проект протокола — Соглашения между Германией, Италией и СССР о Турции в духе обеспечения военной и военно-морской базы СССР у Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды с гарантией 3 держав независимости территории Турции в случае, если Турция согласится присоединиться к четырем державам.

В этом протоколе должно быть предусмотрено, что в случае отказа Турции присоединиться к четырем державам Германия, Италия и СССР договариваются выработать и провести в жизнь необходимые военные и дипломатические меры, о чем должно быть заключено специальное соглашение.

Равным образом должны быть приняты: третий секретный протокол между СССР и Германией о Финляндии; четвертый секретный протокол между СССР и Японией об отказе Японии от угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине; пятый секретный протокол между СССР, Германией и Италией с признанием того, что Болгария, ввиду ее географического положения, находится в сфере безопасности черноморских гра-

ниц СССР, в связи с чем считается политически необходимым заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Болгарией, что ни в какой мере не должно затрагивать ни внутреннего режима Болгарии, ни ее суверенитета и независимости».

«Мы надеемся на скорый ответ германского правительства», — так запомнились заключительные слова Молотова переводившему беседу Бережкову²¹. Советская сторона отреагировала конкретно и оперативно. Сталин действовал как настоящий представитель Realpolitik, который, предлагая непростые, но продуманные и аргументированные условия (впрочем, насчет баз в проливах он явно переборщил), если и не надеялся на их полное и немедленное принятие, то, несомненно, рассчитывал на продолжение диалога.

Казалось бы, все ясно. Гитлер и Риббентроп предложили союз на определенных условиях — причем уже не «союз двух», как в августе—сентябре 1939 г., но «союз четырех». Сталин и Молотов его приняли, дополнив свой ответ контрпредложениями. Однако до сих пор не перевелись охотники утверждать, что Сталин от германских предложений отказался, сразу же похоронив таким образом идею «континентального блока». Такова была официальная советская линия; я сам попался на эту удочку в своей первой статье об «оси» десять лет назад. Официальная публикация советских документов в первой половине 1990-х гг. вопрос исчерпала.

Тем не менее даже в 1997 г. В.Я. Сиполс уверенно писал: «Ни Германия, ни Италия, ни Япония не имели в виду заключать военный союз с СССР; напротив, тройственный военный союз был заключен ими, в частности, для совместной войны против СССР. Главное тут все же не в том, что именно предлагали Гитлер и Риббентроп, а зачем они вообще делали такие предложения. А делались они, во-первых, в целях дезинформации СССР о действительных планах Германии в отношении СССР и, во-вторых, в целях осложнения отношений СССР с Англией путем организации «утечки» сведений о переговорах по этим вопросам... На самом же деле никакого соглашения с СССР Гитлер и Риббентроп заключать не собирались. Их предложения о договоре были чистойшей демагогией»²². Доказательствами этот автор себя не затруднил.

Но утверждая, что Молотов (еще не Сталин!) отверг германские предложения, Сиполс приводит сенсационное «документальное свидетельство»:

«Вечером 15 ноября состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором Молотов подробно доложил о переговорах. Присутствовал, в частности, управляющий делами СНК СССР Я.Е. Чадаев. Владея стенографией, он сделал во время заседания подробные записи. Зафиксированные им высказы-

вания Молотова, по существу, совпадают с тем, что содержится в изложенных выше записях переговоров (по тем же источникам, что и у нас, только Сиполс пренебрежительно оценивает советские записи. — *В.М.*). Можно лишь добавить, что излагавшиеся Гитлером и Риббентропом планы определения сфер интересов четырех держав он охарактеризовал на заседании как «сумасбродные». Закончив доклад о ходе переговоров, Молотов сделал выводы: «Итак, встречи с Гитлером и Риббентропом ни к чему не привели... Покидая фашистскую Германию, все мы, члены советской делегации, были убеждены: затеянная по инициативе фашистской стороны встреча явилась лишь показной демонстрацией. Главные события лежат впереди. Сорвав попытку поставить СССР в условия, которые связывали бы нас на международной арене, изолировали бы от Запада и развязали бы действия Германии для заключения перемирия с Англией, наша делегация сделала максимум возможного. Общей для всех членов делегации явилась также уверенность в том, что неизбежность агрессии Германии неимоверно возросла, причем в недалеком будущем. Соответствующие выводы должны сделать из этого и наши Вооруженные Силы». По ходу выступления Молотова Сталин несколько раз подавал реплики. Когда Молотов отметил, что он отклонил германское предложение о сотрудничестве, Сталин заявил: «И правильно!» Далее следует пространная цитата из заключительного слова Сталина о том, что договорам с Гитлером верить нельзя и что благодаря пакту о ненападении «мы уже выиграли больше года для подготовки решительной и смертельной борьбы с гитлеризмом»²³.

Можно ли этому верить?

Давайте поразмышляем вместе.

Л.А. Безыменский уже дал аргументированную критику этого «источника». Во-первых, «сам факт обсуждения (итоги визита. — *В.М.*) в протоколах Политбюро не отмечен, а дневник посетителей И.В. Сталина (источник очень точный и надежный. — *В.М.*) не фиксирует подобного заседания». Во-вторых, Сталин вернулся в Москву только вечером 15 ноября, и возможность проведения заседания в этот день вызывает сомнения. В-третьих, «дневник посетителей вообще не фиксирует присутствия Я. Чадаева у Сталина» в этот или ближайшие к нему дни. В-четвертых, «известно, что на заседании Политбюро делать записи вообще не разрешалось»²⁴. Наконец, главное: даже если такое заседание было — а было оно, видимо, суперзасекреченным, раз нет ни протоколов, ни резолюций, — кто бы пустил на него (да, впрочем, и на обычное заседание Политбюро) никому

сше не известного (назначен в этом же году), малозначительно-го чиновника, обязанности которого никак не связаны с повесткой дня, к тому же позволив ему делать «подробные записи». И еще: почему Чадаев зафиксировал именно это заседание? Может, впереди другие сенсации того же происхождения?!

В.Я. Сиполса такие сомнения, похоже, не тревожат, потому что очень хочется поверить «источнику». У меня это не получается. Не говорю уже о том, что содержание зафиксированных в нем высказываний Молотова и Сталина полностью противоречит всем остальным документам (включая секретные) по тем же вопросам, а их аутентичность несомненна. Таким образом, перед нами очевидная фальшивка, составленная задним числом. Когда и зачем она сделана, не знаю. Да это не так уж и важно.

Есть еще один документ, на который ссылается Сиполс в подтверждение своей версии об отказе СССР обсуждать любые предложения о сотрудничестве с «осью». Это совершенно секретная телеграмма Молотова полпреду в Лондоне Майскому от 17 ноября 1940 г. Подлинность ее сомнений не вызывает. Вот *полный* текст телеграммы, хотя к нашей теме она тоже относится лишь косвенно:

«Для Вашей ориентировки даю краткую информацию о берлинских беседах:

1. Моя поездка в Берлин имела характер ответного визита на две прошлогодние поездки Риббентропа и произошла по приглашению германского правительства.

2. Вопреки некоторым неправильным сообщениям иностранной печати, берлинские беседы касались главным образом вопросов советско-германских отношений, выполнения заключенных в прошлом году соглашений и выяснения возможностей дальнейшего развития советско-германских отношений. Вопросы о разграничении сфер интересов между СССР, Германией и другими странами, а также вопросы о присоединении к пакту трех держав в Берлине не решались в этих беседах.

3. Никакого договора в Берлине не было подписано и не предполагалось этого делать. Дело в Берлине ограничилось, как это и вытекает из известного коммюнике от 10 ноября, обменом мнениями.

4. В дальнейшем возможно рассмотрение в обычном дипломатическом порядке ряда вопросов, по которым был обмен мнениями в Берлине.

5. Как выяснилось из бесед, немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра конвен-

ции в Монтрё в нашу пользу, причем предлагают нам помочь им в этом деле. Мы не дали на это согласия, так как считаем, что, во-первых, Турция должна остаться независимой, а во-вторых, режим в проливах может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за спиной Турции.

6. Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными».

Два последних пункта действительно создают впечатление крайне антигерманской настроенности наркома (и, надо полагать, Сталина), в том числе за счет таких недипломатических выражений, как «прибавить к рукам», «смазать губы», «толкнуть». Содержание первых четырех пунктов в целом соответствует истине, хотя Молотов явно стремился отвлечь внимание от «вопросов о разграничении сфер интересов», которые хоть и не решались, но усиленно обсуждались. Никакого решения пока нет — чего зря разговоры разговаривать. А вот окончание телеграммы — «случай так называемого вранья», как говорил классик.

Первое. Сталин не только согласился на пересмотр конвенции Монтрё о Босфоре и Дарданеллах, но потребовал военных баз в проливах и предложил прибегнуть к совместному политическому и военному давлению на Турцию, если та заартачится. С беспокойством о сохранении ее независимости это как-то не вяжется. Второе. Сталин не только согласился рассматривать вопрос о «южном» направлении советской экспансии, но и сам решил «толкнуть» СССР в сторону Персидского залива: немцы ему этого не предлагали. Можно сослаться на то, что окончательное решение было сообщено Шуленбургу 25 ноября, а телеграмма составлена неделей раньше, но уже записи берлинских переговоров противоречат ее содержанию.

Вывод один: Молотов Майского обманывал. Причем сознательно.

Читатели документов, особенно увлеченные их содержанием, редко обращают внимание на подстрочные примечания. В данном случае — зря. Потому что из подстрочного примечания к этой телеграмме в «Документах внешней политики» (и в более ранних публикациях тоже) можно узнать, что «аналогичные по пп. 1—4 телеграммы направлены также полпредам в Болгарии, Румынии, Югославии, Италии, Греции, Франции, США, Японии, Китае, Швеции, Финляндии, Венгрии». То есть первые четыре пункта — достоверная часть сообщения — содержали официальное «руководство к действию» для основных со-

ветских дипломатических представительств, за значимым исключением Турции (телеграммы в Стамбул по данному вопросу в печати не известны). Последние два пункта — недостоверная, как мы могли убедиться, часть — предназначались только Майскому. Он «узнал» от наркома больше всех своих коллег. Но из-за бытком доверия это считать трудно.

Попробуем посмотреть на Майского глазами Молотова. Во-первых, это бывший меньшевик. Во-вторых, «человек Литвинова» и «гнилой интеллигент». В-третьих, он уже восемь лет был полпредом и запросто общался со всей английской «буржуазной» верхушкой. Наконец, Майский был известен как принципиальный противник любого сближения с Германией, что очевидно из его официальной дипломатической переписки как до «московского Тильзита» августа 1939 г., так и после.

Полагаю, Молотов Майскому не доверял или доверял не полностью. Но не спешил отзываться его из Лондона, ценя опыт и знания, а главное — связи. Советскому послу в Лондоне верили больше, чем кому бы то ни было из русских. Так что содержание двух последних пунктов телеграммы явно предназначалось англичанам. Вот и «утечка информации», о которой писал В.Я. Сиполс. Только утекала она не оттуда...

Сталин и Молотов ждали реакции Берлина. Гитлер ответил утверждением плана «Барбаросса», о чем далеко не сразу проинформировал своего «сверхдипломата». Внимание Риббентропа и Шуленбурга усыплялось ничего не значащими и ни к чему не обязывающими полумерами вроде «ответа», который 23 января 1941 г. посол вручил Молотову:

«Германское правительство продолжает придерживаться тех идей, которые были изложены Председателю Совета Народных Комиссаров Союза ССР г-ну Молотову во время его пребывания в Берлине. Советское правительство по этому поводу в конце ноября прошлого года сделало некоторые контрпредложения. Германское правительство в настоящее время по всем этим вопросам состоит в контакте с Правительствами союзных с ним государств Италии и Японии и надеется, по мере дальнейшего выяснения совокупности этих вопросов, в недалеком будущем возобновить о них политические переговоры с правительством Союза ССР».

Переговоры так и не были возобновлены, несмотря на попытки Риббентропа отговорить Гитлера от самоубийственного нападения на Россию, о планах которого узнал только после югославской кампании. «Сам я желал во что бы то ни стало дипломатического выяснения вопросов с Москвой. Но Гитлер те-

перь отклонял любой подобный шаг и запретил мне говорить с кем-либо об этом деле: все дипломаты, вместе взятые, не смогут изменить ставшей ему известной русской позиции, но они могут лишить его при нападении важнейшего тактического момента внезапности. Фюрер просил меня занять для внешнего мира более четкую позицию в его духе»²⁵. Из последних слов со всей очевидностью ясно, почему «континентальный блок» в итоге не состоялся и кто в этом виноват. Робкие авансы германского посла Шуленбурга в мае 1941 г. были положительно встречены Москвой, но Берлин немедленно потребовал прекратить самоуправство.

Последний эпизод истории несостоявшегося блока произошел рано утром 22 июня 1941 г., когда Риббентроп в Берлине делал официальное заявление Деканозову о начале войны. По воспоминаниям переводившего разговор В.М. Бережкова, произошло следующее:

«Рейхсминистр перед объявлением об этом гибельном для нацистского рейха шаге выпил, видимо, для храбрости... Лицо его пошло красными пятнами, руки дрожали. Выслушав заявление Риббентропа о том, что два часа назад германские войска пересекли советскую границу, посол резко поднялся и сказал, что германские руководители совершают преступную агрессию, за которую будут жестоко наказаны. Повернувшись спиной и не прощаясь, Деканозов направился к выходу. Я последовал за ним. И тут произошло неожиданное: Риббентроп поспешил за нами, стал шепотом уверять, будто лично был против решения фюрера о войне с Россией, даже отговаривал Гитлера от этого безумия, но тот не хотел слушать. «Передайте в Москве, что я был против нападения», — донеслись до меня последние слова Риббентропа, когда, миновав коридор, я уже спускался вслед за послом с лестницы»²⁶.

Трудно вообразить более странное поведение министра иностранных дел страны, только что совершившей внезапное для противника, тщательно подготовленное нападение, гарантировавшее быстрый и бесспорный успех. Трудно представить и тем более объяснить, если исходить из обычных идеологем, как пытался сделать это сам Бережков: «Почему он так нервничал, этот фашистский головорез, который так же, как и другие гитлеровские заправилы, был яростным врагом коммунизма и относился к нашей стране и к советским людям с патологической ненавистью?.. Конечно, он лгал, уверяя, будто отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Но все же что означали его последние слова? Тогда у нас не могло быть ответа. А

теперь, вспоминая обо всем этом, начинаешь думать, что у Риббентропа в тот роковой момент... возможно, шевельнулось какое-то мрачное предчувствие»²⁷.

Не верить свидетельству Бережкова оснований нет, равно как и нет оснований принимать его объяснение. Мы знаем, что Риббентроп сопротивлялся войне, которую считал губительной для «евразийского блока» и всей своей политики в целом. Поэтому и совершил столь странный и для этого случая, и для своего ранга поступок.

Нападение на СССР — «страшная братоубийственная война двух геополитически, духовно и метафизически близких, родственных народов, двух антиатлантистски ориентированных режимов» — стало «великой евразийской катастрофой», «надилом практической геополитики и концом Хаусхофера»²⁸.

Большая часть истории несостоявшегося «континентального блока» имела официальный, хотя и «совершенно секретный» характер. Была у нее еще и сторона неофициальная, тайная, о которой между Молотовым и Риббентропом речь не шла. Одной из ее главных фигур был Рихард Зорге.

ГЛАВА 6

Рихард Зорге: трагедия геополитика

А что пишет ваш немец из Токио?

И.В. Сталин — Ф.И. Голикову,

лето 1941 г.

Рихарда Зорге знает весь мир. В основном как разведчика, много меньше — как аналитика и игрока на политическом поле тридцатых, а кое в чем даже и двадцатых годов. Но в двадцатом веке были разведчики более удачливые, чем Зорге, аналитики более эрудированные и проницательные, агенты влияния более могущественные и эффективные. Тем не менее именно он стал культовой фигурой мирового масштаба, что особенно заметно сейчас. Рискну сравнить его с... Юрием Гагариным, Джоном Ленноном или принцессой Дианой, да не осудит меня читатель за такое сравнение.

Имя Рихарда Зорге — он же «Рамзай» — я знал с детства, и не только потому, что рано заинтересовался историей. О нем мне много рассказывала моя мама Эльгена Васильевна, историк-японист. Ей случалось бывать в Японии как раз в середине шестидесятых (я еще не родился), когда не только весь мир, но, наконец, и Советский Союз узнали о существовании великого разведчика — германского коммуниста Рихарда Зорге, работавшего в Китае и Японии под «крышей» нацистского журналиста, арестованного и казненного японцами в годы войны. А мой покойный отец, журналист Агентства печати «Новости» Элинарх Васильевич в свое время брал в ГДР интервью у Макса Клаузена, бывшего радиста группы Зорге, сыгравшего в судьбе своего шефа, мягко говоря, неоднозначную роль. Так что «ось

Берлин — Москва — Токио» как бы изначально заложена в моей судьбе.

Напомню, что имя Зорге стало знаменитым в 1952 г., после книги американского генерала-разведчика Чарльза Уиллоуби «Шанхайский заговор». Это произведение времен «холодной войны» не отличалось ни фактической аккуратностью, ни тем более стремлением к исторической объективности, но подняло мощную волну интереса к загадочному «агенту Коминтерна», относительно которого Советский Союз хранил ледяное молчание. Бывший германский посол в Токио — сам опытный генштабист и военный разведчик — генерал-майор Ойген Отт охотно вспоминал своего ближайшего друга Рихарда, но так, кажется, и не поверил, что тот был советским агентом. Успокаивая, прежде всего, самого себя, Отт говорил, что Зорге был настолько гениальным разведчиком, что сумел проникнуть в советские секретные службы, оставаясь подлинным патриотом фатерлянда.

Бывший секретарь германского посольства в Токио Ганс-Отто Мейснер в 1955 г. выпустил интересную книгу «Человек с тремя лицами» (вышла в СССР в 1965 г., но с тех пор, кажется, не переиздавалась). Под этой метафорой он имел в виду родину предков Зорге по отцу — Германию, его духовную или идейную родину — Советскую Россию и, наконец, Японию, где прошла самая важная и насыщенная событиями часть его жизни. Книга стала основой известного фильма французского режиссера Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?», где Мейснер сыграл самого себя. Именно этот фильм — удачный с точки зрения кинематографа и по тем временам вполне достоверный исторически — стал началом культа Зорге.

Он же сыграл если не решающую, то, несомненно, важную роль в реабилитации и последующей канонизации Зорге в нашей стране. Говорят, Хрущеву показали этот фильм — он заинтересовался и велел разобраться. Другая версия, которую автор этих строк в 1993 или 1994 г. слышал от одного из ветеранов нашей разведки в Японии, была такова: о Зорге узнал... Юрий Гагарин, будучи в Японии в начале шестидесятых, и, взволнованный услышанным, рассказал все Хрущеву, который благоволил первому космонавту. Гагарин предложил немедленно реабилитировать Зорге и предать всю историю гласности как пример для воспитания подрастающего поколения, но генсек оборвал его словами вроде «Не твоего ума дело!». Так это или нет, судить не могу, но пересмотр «дела Зорге» внутри ГРУ начался в 1964 г. комиссией под руководством А.Ф. Косицына.

Несколько лет назад часть рассекреченных документов этой комиссии опубликовал А.Г. Фесюн. В них детально анализируется работа группы Зорге в Шанхае и Токио, ее успехи и причины провала, а также рассматривается личность самого разведчика — в том числе на предмет обоснованности его посмертной реабилитации и, да простится мне такое выражение, пропагандистской «раскрутки» в качестве положительного героя. Особое внимание уделялось сообщениям так называемых «мемуаров» Шелленберга*, дававших понять, что Зорге был «двойным агентом». «Мемуары» Шелленберга тогда воспринимались всерьез, однако написанным в них о Зорге — за неимением серьезного документального подтверждения — в основном пренебрегли. Надо сказать, совершенно справедливо.

Что касается пристрастия разведчика к выпивке и женщинам, то и эти факты, всячески раздувавшиеся в западных публикациях о нем, были проигнорированы под вполне разумным предлогом: «Образ жизни «Рамзая», вся система его взаимоотношений со знакомыми, коллегами, друзьями, несдержанность, высокомерие и т.п. позволяли безошибочно причислить его к разряду разнузданных представителей «высшей расы», для которых не существует обветшалых границ морали и нравственности. В этом смысле «Рамзай» добился большой удачи, надежно обеспечив себе соответствующую репутацию, вводившую в заблуждение и гестапо, и японскую контрразведку» (с. 156). Так сказано в обобщающем докладе М.И. Сироткина «Опыт организации и деятельности резидентуры «Рамзая». Думаю, разведчики прекрасно понимали, что у их коллеги-нелегала порой просто сдавали нервы. Особенно в такой закрытой, ксенофобской и полицейской стране, как довоенная Япония.

Летом того же 1964 г. Зорге «открыли» официально — серией статей в «Правде», «Известиях» и «Красной звезде», которые готовились явно не за одну ночь перед сдачей в типографию. Мама рассказывала мне, какое огромное впечатление произве-

* Историки убедительно доказали, что немецкий текст мемуаров, изданный в 1952 г. после смерти Шелленберга, представляет собой неавторскую компиляцию, однако с использованием подлинных рукописей и документов. Английская версия «Лабиринт. Записки гитлеровского разведчика», вышедшая в 1956 г. и в 1991 г. выпущенная на русском языке, вообще перу Шелленберга не принадлежит и является не более надежным источником, чем «дневник Литвинова» (1955), сочиненный Г.З. Беседовским. Это не означает, что все факты, сообщаемые в «мемуарах Шелленберга» (неизвестного авторства), заведомо недостоверны, но если о чем-то известно только из них, такая информация вызывает особенные сомнения.

ли эти публикации на абсолютное большинство простых советских людей. К своему удивлению, она обнаружила, что кое-кто из ее знакомых имя и историю Зорге знал, имея доступ к западным источникам, но предусмотрительно об этом помалкивал. 5 ноября 1964 г., к очередной годовщине революции, Зорге было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а в следующем году торжественно отмечалось его 70-летие. Именем Зорге стали называть улицы и теплоходы, появились памятные знаки и почтовые марки с его изображением. В 1966 г. по инициативе группа молодых советских журналистов, которую она сопровождала в качестве переводчика, возложила цветы на могилу Зорге на кладбище Тама, в пригороде Токио. Тридцать лет спустя цветы на эту могилу возложил и я.

С середины 1960-х Зорге стал официально признанным, а во многом и мифологизированным героем советской истории. В «перестройку» и после нее были предприняты некоторые попытки его дегероизации, но они не удались, что лично мне очень приятно. Хотя совсем недавно в Интернете я наткнулся на глумливо-бессовестную статейку «Зорге работал на Германию и не вылезал из борделей», «аргументы» которой заимствованы из все тех же «мемуаров» Шелленберга и сочинений В.Б. Резуна («Виктора Суворова»), а исполнение выдержано в наихудшем стиле «желтой прессы» (имя автора не называю, дабы не делать пакостнику рекламы). Отрадно то, что о Зорге стало можно писать свободно, поскольку без ретуши и идеологических шор он оказался куда интереснее сусального «товарища Зорге» старых советских книжек. Впрочем, уже в одной из первых газетных статей открыто говорилось о его «гражданской жене» японке Исии Ханako (умерла в 2000 г., пережив любимого больше чем на полвека). Как вспоминает мама, сами слова «гражданская жена» на страницах советской газеты применительно к положительному герою звучали тогда как откровение, как «глоток свободы».

«Бум Зорге» в Советском Союзе и социалистических странах, особенно в ГДР, был беспрецедентен. Умело направляемая и широко организованная пропагандистская кампания вызвала неподдельный, искренний интерес к героической и трагической личности «Рамзая». Стоит процитировать то, что писал начальству ГРУ 19 октября 1964 г. — почти одновременно со снятием Хрущева — бывший резидент ГРУ в Шанхае Яков Григорьевич Бронин:

«Мне думается, что настало время публично сказать о деятелях разведки, погибших в период культа личности. Все они реа-

билитированы, но так как они работали в такой области, как разведка, мы в газетах ничего о них не говорим... Зорге теперь стал как бы символом мужества советского разведчика. Масса людей, особенно молодежь, жаждала материалов о нем. Печать же наша кормит читателей перепечатками из иностранных книг, в которых много белиберды, иногда отнюдь не безобидной. До меня дошло, что собираются даже издать книгу «Шанхайский заговор». Это было бы прямой ошибкой: это книга сугубо антисоветская, антикоммунистическая... Мне думается, что назрела прямая необходимость написать нашу советскую книгу о Зорге.

Широко пропагандируя подвиг Зорге, мы впервые стали полным голосом говорить о советской разведке. Не следует ли подумать о том, чтобы теперь повести продуманную пропаганду, которая разъясняла бы молодежи, что такое советская разведка, как почетны ее задачи? Все капиталистические страны этим занимаются, создавая ореол вокруг своих разведчиков (особенно умело это делают англичане). А мы о своих разведчиках, которые содействуют не капиталистическому разбою, а помогают бороться за коммунизм, ничего не говорили. Теперь, в связи с делом Зорге, положение меняется.

Не настала ли пора тщательно продумать и развернуть пропаганду советской разведки? Ведь в борьбе за коммунизм, против сил империализма, разведке нашей предстоит еще совершить великие дела, а разведчиков на это потребуется ведь очень и очень много» (с. 190—191).

С тех пор о Зорге написаны десятки книг, тысячи статей, сняты фильмы, регулярно проводятся международные конференции. Кажется, мы знаем о нем всё или почти всё, но ощущение недосказанности остается. Западные, преимущественно американские, журналисты делают центральной темой своих «разысканий» нахождение очередной любовницы Зорге или смакование подробностей отказа Москвы выручить его...

Российских потребителей информации такими пустяками не удивишь. «Я со всей ответственностью заявляю, что двойной агент Рихард Зорге был расстрелян на Лубянке в 1947 г.», — говорил некий ветеран спецслужб (впрочем, в его документы никто не заглядывал) одному моему знакомому. Подобные вещи рассказывают и о личной встрече Сталина с Гитлером. Как не поверить, когда некий старичок со слезами на глазах с экрана телевизора рассказывает о свидании диктаторов во Львове или на борту крейсера «Киров». «Я был в охране, сам все видел, потом всех расстреляли, я чудом остался в живых и перед смертью хочу поведать правду...»

Верить этому не надо. Это — сюжет для пелевинского рассказа, а не для исторического исследования, как бы ни божился и ни клялся предполагаемый единственный свидетель. «Старик забывает» — иронически назвал свои мемуары «британский Геббельс» Дафф Купер. Иные, напротив, помнят то, чего не было. Но довольно об этом.

Почти все биографы Зорге говорят о нем только как о разведчике. То есть о человеке, деятельность которого заключается в сборе информации по заданию «Центра», лично и через других членов группы, ее первичном анализе (прежде всего на предмет аутентичности и достоверности) и аккуратной передаче по назначению. Российские и иностранные авторы подробно описали систему его агентурных связей, способы получения и передачи информации, методы вербовки, почти не уделяя внимания «легальной» стороне его жизни. Такой подход привел к формированию одностороннего, а потому неверного образа Зорге как «только разведчика». Не отрицая того, что он является одним из величайших разведчиков XX в., надо обратить внимание и на другие аспекты его деятельности. Только женщин и выпивку мы сейчас оставим в покое...

Еще в 1993 г. в журнале «Проблемы Дальнего Востока» автор этих строк прямо заявил, что разведчик — не главная ипостась Зорге. Действительно, он известен в основном как разведчик. Москва использовала его прежде всего как поставщика информации. Однако он был еще, во-первых, выдающимся политическим аналитиком своего времени, лучшие работы которого по праву входят в «золотой фонд» мировой японистики, а во-вторых, не очень заметным, но эффективным участником политического процесса, оказывавшим определенное влияние на принятие решений в Берлине и Токио — но не в Москве! Зорге можно с полным правом назвать ученым-геополитиком. А люди, занимающиеся этой наукой, редко ограничиваются только кабинетной деятельностью.

В токийской тюрьме Сугамо арестованный Зорге поначалу молчал. Но в условиях отсутствия четких инструкций на случай провала и полного отказа «своих» от него, перед лицом подробнейших признательных показаний радиста Макса Клаузена (будущего кавалера ордена Красного Знамени) он заговорил. Следователи дали ему пишущую машинку, на которой он во время продолжительных допросов сам печатал на немецком языке письменные объяснения по разным вопросам. «Когда Зорге кончал главу или раздел своих показаний, — вспоминал после войны один из следователей, — он зачитывал их мне, а после

внесения по моему требованию поправок или дополнений передавал написанное в мои руки. Эти показания были написаны Зорге в одном экземпляре» и затем приобщены к делу в качестве вещественного доказательства. Относительно их авторства Зорге заявил позднее: «Я написал их согласно требованию прокурора и на тему, им предложенную. Что касается содержания, то оно зависело от моей воли, и я не встречал здесь ограничений»¹.

Кроме них существовали подписанные Зорге протоколы допросов, сделанные по-японски и переведенные на немецкий язык. Так появились «тюремные записки» Зорге, которые иногда еще называют его «мемуарами». Составление документов такого рода было обычным для тогдашней японской следственной практики. Так же были составлены «записки» Вукелича, Мияги и Клаузена, частично опубликованные в Японии по сохранившимся копиям. Кстати, то, что называют «первым вариантом записок», Зорге не принадлежит — это обобщение его устных показаний на допросах, сделанное следователями и не визированное подследственным.

Весь оригинальный немецкий текст записок, равно как и большинство материалов дела против Зорге и его соратников, находившихся в министерстве юстиции, погибли во время бомбардировки Токио в марте 1945 г. Немалая часть документов сохранилась в копиях (иноязычные в переводе на японский), которые после войны попали в руки американской разведки во главе с генералом Уиллоуби. Через полтора десятилетия они стали доступны японским ученым и были опубликованы в 1963—1964 гг. в трех томах «Материалов по новейшей истории», посвященных «делу Зорге». Как отметил специально исследовавший этот вопрос советский разведчик и ученый-японовед С.Л. Будкевич, «среди опубликованных материалов нет ни одного документа, который был бы скреплен личной подписью Рихарда Зорге или других обвиняемых». Он ставит вопрос о степени их достоверности, справедливо отмечая, что в материалах следствия могли быть ошибки в переводе или сознательные искажения или купюры. Вполне правдоподобны и предположения историков о том, что американцы отдали японцам не все материалы и что не все было позволено печатать². Новые японские документы по «делу Зорге», в том числе из частных собраний, продолжают всплывать до сих пор. В любом случае нам приходится довольствоваться тем, что есть.

«Тюремные записки» Зорге получили широкую известность на рубеже 1940—1950-х гг. благодаря обнародованию их англий-

ского перевода сначала в докладах разведки и материалах слушания Конгресса США, а затем в книге генерала Уиллоуби «Шанхайский заговор», по которой их стали активно цитировать бойцы «холодной войны» вроде Ральфа де Толедано, некогда популярного разоблачителя «советских шпионов».

В нашей стране записки были напечатаны только в 1994—1995 гг. в журнале «Новая и новейшая история», хотя члены комиссии ГРУ знали их по книге Уиллоуби. Они специально задались вопросом, не является ли дача подобных показаний нарушением профессионального долга и тем более изменой, и пришли к выводу, что нет. Показания действительно были подробными, но не менее подробную информацию следствию ранее успел дать Клаузен, проклинавший бывшего шефа и работу на Москву. Бронин писал: «Зорге в этих «мемуарах» говорит только о людях, уже известных следствию, он не сообщает никаких фактов, которые были бы новы для следствия и которые, следовательно, могли бы ухудшить положение людей, арестованных по делу. Больше того, там, где Рамзаю кажется, что следствие не обладает достаточно определенными уликами, он пытается запутывать следы, отвести внимание полиции (выделено автором. — В.М.)... В «мемуарах» не только нет ничего, что можно было бы истолковать как идейное отступничество, но, наоборот, Рамзай с силой подтверждает, подчеркивает свои коммунистические убеждения». Однако, замечал ветеран разведки, «мы совершенно не заинтересованы в том, чтобы публиковать (в СССР. — В.М.) «мемуары» Рамзая» (с. 189—190). Массовый читатель, привыкший к историям о гробовом молчании твердокаменных советских разведчиков, оказавшихся во вражеских застенках, мог впасть в задумчивость и начать задавать неприятные, «ненужные» вопросы. Поэтому и прочитал «тюремные записки» Зорге только тридцать лет спустя.

Примечательную оценку дал им профессиональный анти-советчик де Толедано: «По своему характеру это было скорее послание японским язычникам с объяснением значительности и выдержки советской политики. Оно не выдавало ни одного секрета, который уже не был бы известен японской тайной полиции. Там же, где речь шла о самом Зорге — человеке и коммунисте, этот документ был почти открыто адресован его хозяевам в Кремле. Смотрите, казалось, говорил рассказ Зорге, хотя я и подвергаюсь опасности быть обвиненным в многословии, я продолжаю быть твердым ленинцем... Зорге гордился своим коммунистическим прошлым»³. Что ж, враг иногда может дать более высокую и достойную оценку, нежели свои...

Не буду касаться этого интереснейшего документа в полном объеме. Сейчас нас интересуют только некоторые принципиально важные моменты. *«Я не намеревался, — говорит «Рамзай», — действовать только как почтовый ящик для информации, собираемой другими. Напротив, я считал абсолютно необходимым лично приобрести наиболее полное понимание проблем Японии... (отточие в источнике. — В.М.) Моя научно-исследовательская работа в Японии была абсолютно необходима для моей разведывательной деятельности. Без этой работы и общего культурного базиса моя секретная миссия была бы невозможна, и мне никогда не удалось бы закрепиться в посольстве и германских журналистских кругах. Больше того, я никогда не смог бы пробыть безболезненно и спокойно в Японии в течение 8 лет. В этом смысле наибольшее значение имело именно мое основательное изучение и знание Японии, а не ловкость и не какая-либо специальная подготовка в московской разведывательной школе (выделено везде в источнике. — В.М.)».*

Процитировав этот фрагмент, автор итогового доклада ГРУ М.И. Сироткин подробно описал исследовательскую и аналитическую деятельность Зорге. Тут есть чему поучиться — и не только разведчикам:

«С первых же дней пребывания в стране он приступил к подбору и изучению необходимой литературы, приобретая все иностранные издания оригинальных японских работ (т.е. первоисточников. — В.М.), лучшие иностранные книги по Японии, лучшие иностранные переводы японских трудов. Личная библиотека «Рамзая» к 1941 году насчитывала до 1000 книг*. Кроме того, он широко пользовался библиотекой германского посольства и обширнейшей библиотекой германского Общества Восточной Азии, посещал академические собрания, лекции и доклады этого общества, тщательно изучал текущую японскую экономическую и политическую литературу, бюллетени и различные издания правительственных органов и т.п.

Начав с изучения древней истории Японии, этапов многовекового развития ее экономики, политики, общественных отношений, он последовательно перешел к проблемам современной

* Библиотека Зорге и рукопись его неоконченного труда «История дипломатии современной Японии» (около 300 страниц) были конфискованы при аресте и перевезены в полицейское управление, а затем в министерство юстиции, где погибли во время пожара в марте 1945 г. вместе с материалами следствия.

Японии, уделяя особое внимание вопросам развития индустрии, аграрному вопросу, внутренней и внешней политике, истории японской культуры и искусства, современному быту. Не ограничиваясь лишь «кабинетным» изучением страны, он совершал многочисленные поездки по Японии (главным образом до 1938 г.*), которые позволили ему ближе и живее ознакомиться с населением, бытом и культурой страны и, по его выражению, «обеспечили ему прочную интуитивную основу» для изучения истории и экономики» (с. 162—163). Зорге особо отметил помощь в познании страны, которую ему оказали соратники — политолог и журналист Одзаки Ходзуми и художник Мияги Ётоку. Они не просто добывали нужную для «Центра» информацию, но и посвящали своего друга в историю и культуру Японии.

Можно подумать, что Зорге детально рассказывал тюремщикам о своей научной и журналистской работе, желая отвести их внимание от главного — собственно разведывательной деятельности. Не думаю — о последней он тоже рассказал весьма подробно. Дело скорее в другом. Брошенный Москвой, он получил последний шанс хоть кому-то поведать о своей жизни «для истории», как и предположил стоявший по другую сторону баррикады Ральф де Толедано. Так что Зорге явно не случайно остановился на этом.

Остановимся на этом и мы.

Как политический аналитик Зорге заслуживает отдельного исследования. Юлиус Мадер и Юрий Георгиев дали подробный и квалифицированный анализ его ранних работ, изданных по-немецки и по-русски. В целом они написаны с позиций коминтерновской ортодоксии, которая, в свою очередь, знала немалые колебания. С юных лет Зорге был убежденным марксистом и коммунистом, и искренность его убеждений не может быть поставлена под сомнение. Ранние работы Зорге, как бы ни относиться сегодня к их идеологической и политической ориентации, свидетельствуют и о глубоком знании проблем, за анализ которых он брался, и о хороших аналитических и популяризаторских способностях. В 1980—1990-е гг. они были переизданы в ГДР и в Японии с предисловиями мэтров марксистской науки Юргена Кучинского и Исида Киётомо, младших современников автора, еще помнивших бури двадцатых годов. Оба высоко оценили наследие Зорге-ученого. Мадер и Георгиев солидаризируются с ними.

* Это было связано с ужесточением полицейского режима и ограничением передвижения иностранцев внутри Японии.

Я не знаток марксизма и не берусь судить о правильности таких оценок, но доверяю их авторам — они специалисты, им виднее.

Наследие Зорге-геополитика 1930-х гг. следует рассматривать в ином контексте. В советское время его журналистскую деятельность поначалу объясняли исключительно необходимостью «маскировки», а потому старались писать о ней поменьше. Однако сборник статей Зорге, выпущенный издательством МГУ в 1971 г. (увлекательнейшее чтение!), наполовину составлен именно из работ тридцатых годов, совсем «несоветского» характера. Не по этой ли причине книга, вышедшая внушительным тиражом, никогда не переиздавалась и так редка в России: за двадцать лет активного книгособиранательства я *ни разу* не видел ее в продаже ни в букинистических магазинах, ни на «черном рынке». Ю. Мадер — книга которого «Репортаж о докторе Зорге» вышла тоже не в СССР, но на русском языке в ГДР — признавал, что статьи «Рамзая» не всегда соответствовали нацистской ортодоксии и даже порой противоречили ей. Но и он предпочел лишний раз не обращаться к теме геополитики, которая с 1934 г. официально именовалась в СССР, а затем и в странах социалистического лагеря «фашистской буржуазной лженаукой», «служанкой германского империализма и фашизма» и т.д. Кстати, для первого издания Большой советской энциклопедии статью «Геополитика» — еще до запрета этой науки, к которому приложил руку будущий маршал Тухачевский, — написал венгерский географ-коммунист Шандор Радо, позднее известный как разведчик под псевдонимом «Дора». Хорошая, надо сказать, статья. Гораздо лучше, чем во втором и третьем изданиях БСЭ.

После войны на геополитическое наследие Зорге одним из первых обратил внимание американский историк Чалмерс Джонсон, сумевший уйти в книге о Зорге и Одзаки «Случай измены» от стереотипного образа «красного Джеймса Бонда». Не без влияния Джонсона автор этой книги в 1993—1995 гг. опубликовал несколько статей о Зорге-геополитике, впервые подняв эту тему в отечественной литературе. Тогда же я однозначно определил его геополитическую ориентацию как евразийскую и с каждым годом исследований только укрепляюсь в этом убеждении. Ю. Георгиев назвал свою книгу 2000 г. «Рихард Зорге: исследователь, разведчик, *геополитик*», как бы претендуя на научный анализ и этой ипостаси «Рамзая». К сожалению, несмотря на цитаты из Хаусхофера, в геополитике автор разбирается много хуже, чем в марксизме. Да и на формальный при-

оритет пишущего эти строки в разработке проблемы «Зорге-геополитик» в России он не счел нужным сослаться. Утешаюсь мыслью, что «плохую лошадь вор не украдет».

Для внимания к научному наследию Зорге достаточно уже одной той роли, которую он сыграл в мировой политике 1930—1940-х гг. Однако изучение его сочинений убеждает, что он был еще и одним из лучших политических аналитиков-японистов своего времени, не уступая таким знаменитостям, как Хью Байес («Таймс» и «Нью-Йорк Таймс»), Малькольм Кеннеди (Рейтер) или Уильям Генри Чемберлен («Кристиан Сайнс Монитор»). Интересно, что американские сочинители, смакующие алкогольные и эротические похождения нашего героя, попытались бросить тень и на его профессиональную репутацию: дескать, что путного мог написать коммунистический шпион, пьяница и бабник... Но если мы не доверяем собственным оценкам (в конце концов, можно найти и самому прочесть статьи Зорге), стоит прислушаться к мнению человека, авторитет которого в отношении геополитики неоспорим. Это Карл Хаусхофер, журнал которого «Цайтшрифт фюр геополитик» представлял в Токио Рихард Зорге.

Все советские биографы «Рамзая» писали, что в 1933 г. он прибыл в Японию с рекомендательными письмами из Германии, которые открыли ему многие двери в японской столице, но имени автора писем не называли. А это был не кто иной, как Хаусхофер. Напомню несколько фактов из его биографии.

Еще до Первой мировой войны он был баварским военным атташе в Токио и завязал хорошие связи в японских военных и политических кругах, в том числе с Гото Симпэй, пропагандистом японо-российско-германского «континентального блока». Первая публикация «майора баварской службы» Хаусхофера на русском языке в журнале «Разведчик» в 1913 г. была посвящена очередным маневрам японской армии, на которых он присутствовал. Однако утверждения о его близости к патриарху японского национализма Тояма Мицуру и тем более о посвящении в оккультный Орден Зеленого Дракона, восходящие к книге Луи Повеля и Жака Бержье «Утро магов» и до сих пор повторяемые некоторыми сочинителями, следует отнести к области фантастики. Вернувшись из Японии, Хаусхофер заболел (у него обострился туберкулезный процесс), был переведен в резерв и отправился лечиться в Швейцарию, где использовал вынужденный досуг для написания книги «Дай Нихон. Об армии, обороноспособности, позиции на мировой арене и будущем

Великой Японии», изданной в 1913 г. К сожалению, этот труд не переводился ни на какие иностранные языки.

В годы мировой войны Хаусхофер вернулся из запаса и в чине генерал-майора командовал бригадой, а затем дивизией. После войны вышел в отставку и стал профессором Мюнхенского университета, учредив в нем кафедру геополитики. В 1923 г. появилась его классическая работа «Геополитика Тихого океана», переведенная на японский язык в начале сороковых, а на английский только в наши дни; русского перевода, увы, нет до сих пор. С начала двадцатых Хаусхофер стал близким другом и наставником своего аспиранта Рудольфа Гесса, принятого в семье профессора как родной сын (отец Гесса жил в Египте, где занимался бизнесом). Дружба продолжалась вплоть до донкихотского полета Гесса в Англию 10 мая 1941 г., за которым, как мне удалось показать, стояли именно Хаусхоферы — Карл и его сын Альбрехт. Отношения Хаусхофера с нацистами до сих пор остаются предметом гипотез и догадок. Утверждения, что он был «серым кардиналом Рейха», стоявшим за экспансионистской программой Гитлера, — конечно, явное преувеличение. Однако под его непосредственным идейным и духовным влиянием находился не только Гесс, но и Риббентроп.

Хаусхофер никогда не оставлял Японию и Азиатско-Тихоокеанский регион без внимания, считая, что именно туда постепенно переносится центр мировой истории. Этого мнения с конца девятнадцатого века придерживались такие разные люди, как русский философ Владимир Соловьев, американский госсекретарь Джон Хэй (автор доктрины «открытых дверей» и «равных возможностей» в Китае) и, наконец, Гото и Чичерин. Помимо многочисленных книг и статей, генерал-профессор писал для своего журнала ежемесячные обзоры положения на Дальнем Востоке, внимательно следя за поступающей оттуда информацией. Хаусхофер особенно дорожил корреспондентами на местах и «по-прежнему ощущал себя тесно связанным с Японией», как свидетельствовал в 1964 г. в письме к Ю. Мадеру бывший главный редактор «Цайтшрифт фюр геополитик» Курт Фовинкель⁴.

Конкретные обстоятельства первых контактов Зорге и Хаусхофера летом 1933 г. не вполне ясны до сих пор. Думаю, знакомству содействовала американская журналистка Агнесс Смэдди, долго жившая в Китае и получившая известность как специалист по проблемам этой страны. Еще в 1926 г. она печаталась в журнале Хаусхофера и несколько лет сотрудничала с «Франкфуртер цайтунг», газетой, которую позже представлял в

Токио Зорге. Ее открыто прокоммунистические взгляды несколько этому не мешали. Знакомство с книгами и статьями Смэдли стало неплохой подготовкой для Зорге перед его отъездом в Шанхай в конце 1929 г. Приехав туда, он — по указанию Центра — познакомился, а затем подружился с ней. Подробности их отношений оставляю тем, кто специализируется на подобных сюжетах, — скажу только, что Агнесс была несомненно умна, но очень некрасива. Смэдли, видимо, не участвовала в разведывательной работе (по крайней мере, историк Виктор Усов в богатой фактами книге «Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века» об этом не пишет), но щедро делилась с Зорге информацией и связями. Именно она познакомила его с молодым, но уже известным и влиятельным журналистом и аналитиком Одзаки Ходзуми (об их романе тоже немало написано). Думаю, именно Смэдли посоветовала Зорге предложить свои услуги Хаусхоферу в качестве корреспондента, тем более что за публикациями самого авторитетного журнала по геополитике тот следил давно и внимательно.

«Сегодня уже никто не может рассказать, что конкретно принял доктор Зорге для достижения своей цели», — писал Мадер. Достоверно известно, что Хаусхофер, до того незнакомый с Зорге лично, после встречи с ним согласился официально считать его корреспондентом своего журнала в Токио и без колебаний написал необходимые письма. В том числе к своему давнему знакомцу Дэбути Кацудзо, бывшему вице-министру иностранных дел, а ныне послу в Вашингтоне, который, в свою очередь, снабдил Зорге рекомендациями для японского МИД. Полагаю, Хаусхофер знал корреспонденции Зорге из Китая и без рекомендаций Смэдли. Так или иначе, старый геополитик по достоинству оценил своего собеседника и не ошибся в нем.

За шесть лет (1933—1939) Зорге опубликовал в «Цайтшрифт фюр геополитик» восемь больших статей в 11 номерах, включая специальный выпуск к 70-летию юбилею Хаусхофера. По свидетельству К. Фовинкеля, приведенному Ю. Мадером, Хаусхофер никогда не правил рукописи Зорге⁵, что свидетельствует как о высокой оценке их требовательным ученым, так и о его согласии с их теоретическими положениями и практическими выводами.

Достоинства работ Зорге очевидны для всякого специалиста по политической и военной истории Японии 1930-х гг. Известно, что в основе некоторых из них (например, о военном мятеже 26—29 февраля 1936 г.) лежали подготовленные им секретные аналитические записки. Одна — как агентурная инфор-

мация за подписью «Рамзай» — была немедленно передана в Москву. Другая ушла в Берлин за подписью военного атташе Отта, который тоже был знаком с Хаусхофером и пользовался его советами и рекомендациями. Обе были высоко оценены адресатами. Отт, как известно, стал одним из главных информаторов разведчика. Зорге, в свою очередь, был главным информатором Отта по японским делам, поскольку контакты атташе ограничивались военной средой, а возможности — незнанием японского языка (впрочем, английским он владел в совершенстве). Отт был профессиональным разведчиком и умел не только добывать, но и анализировать информацию. Однако при написании донесений и аналитических записок ему, конечно, очень пригодились советы образованного и информированного друга, блестяще владевшего пером. Именно эти записки способствовали карьерному росту полуопального офицера.

Напомню: Отт был под подозрением в Берлине из-за прежних близких связей с генералом Куртом фон Шлейхером, предшественником Гитлера на посту рейхсканцлера. В начале тридцатых Шлейхер и Отт непосредственно участвовали в сложной политической игре рейхсвера с нацистами, которых военные сначала пытались не допустить к власти, а потом, не справившись с первой задачей, хотя бы контролировать. Гитлер, относившийся к рейхсверу, особенно к прусскому офицерскому корпусу, с нескрываемым недоверием, переиграл своих противников, но ничего не забыл. Попавший в опалу и уволенный в отставку Шлейхер был убит в «ночь длинных ножей» 30 июля 1934 г. Отт еще годом раньше отправился в Японию в качестве наблюдателя, прикомандированного к одной из воинских частей. Этому он, наверное, был рад. Тем более что дела у него пошли хорошо: в апреле 1934 г. его произвели в полковники и назначили военным атташе. Доклады, написанные с помощью бескорыстного и обаятельного друга Рихарда, сделали свое дело.

И здесь необходимо затронуть один важный и деликатный вопрос. Исходя из того несомненного факта, что германская разведка использовала информацию Зорге из Токио, некоторые авторы называют его «двойным агентом». Пошло это, видимо, от «мемуаров» Шелленберга, где прямо утверждалось: Шелленберг и его шеф Гейдрих знали о коммунистическом прошлом Зорге и его связях с Москвой, но тем не менее продолжали использовать как ценный источник информации⁶. Если первая часть этого утверждения представляется совершенно неправдоподобной, то сомневаться во второй нет никаких оснований.

Не только из «мемуаров» видно, что именно Зорге поставлял в Берлин наиболее качественную информацию и лучшие прогнозы. В том, что касалось Японии, он был самым знающим и самым способным германским аналитиком в Токио. Уверен, что негативная реакция посольства на его арест была вызвана не только подрывом престижа Рейха, но и потерей *такого* источника информации. Возможной причиной ареста немцы считали критику японской политики в статьях Зорге и решительно отказывались верить в то, что он «агент Коминтерна».

Американский посол в Японии Джозеф Грю 29 октября 1941 г. записал в дневнике: «Немцы не испытывают большого энтузиазма относительно нового кабинета (во главе с генералом Тодзио, сменившим 17 октября принца Коноэ на посту премьера. — В.М.). Не оправдались их надежды на решительно интервенционистское правительство, на которое они рассчитывали после отставки Коноэ. Их чувства особенно охладил арест двух немцев непосредственно вслед за вступлением нового кабинета в должность»⁷. Грю не просто отметил этот факт, но, готовя дневник к изданию (в публикацию вошло чуть больше десяти процентов всех записей оригинала), счел факт достойным внимания, хотя никак не прокомментировал его. Пояснить это легче легкого: речь идет о Зорге и Клаузене, арестованных военной полицией *кэмэйтай* непосредственно вслед за отставкой Коноэ. Поскольку почти одновременно был арестован Одзак, ближайший советник премьера, принц решил, что на самом деле военные подкапываются под него. Дипломат-атлантист Сигэмицу Мамору даже в послевоенных воспоминаниях не упустил случая напомнить, что в окружении его недруга Коноэ было полно шпионов и государственных изменников.

«Не было ни одного случая, когда Зорге пытался бы ввести в заблуждение германскую секретную службу», — говорится в «мемуарах» Шелленберга. Здесь тоже сомневаться не приходится: в случае посылки откровенной дезинформации Зорге был бы вскоре разоблачен и «ликвидирован». Это подтвердил в недавнем интервью старейшина советской разведки Борис Гудзь, работавший в контакте с «Рамзаем» из «Центра» в 1936—1937 гг.⁸. Разумеется, Зорге ждала бы точно такая же участь, если бы он не поставил Москву в известность об истинном характере своих связей с немцами и тем более если бы он сообщал в ГРУ дезинформацию, выгодную Германии. Поэтому еще более десяти лет назад я предложил назвать Зорге «полупторным агентом»: Москва знала, что он работает еще и на Берлин, но Берлин не знал, что он работает на Москву. Теперь эта формула кочует по

страницам отечественных изданий — как водится, без ссылки на автора.

Анализируя деятельность Зорге во всем ее многообразии — как журналиста, геополитика и разведчика, — мы неизбежно задаемся вопросом о ее конечных целях. И советско-восточно-германская, и англо-американская историография обычно сводит их к собственно разведывательной работе в пользу СССР, считая, что Германии и Японии Зорге наносил постоянный урон. За это его особенно не любили японские «ультраправые» и оправдывали «левые», придерживавшиеся просоветских симпатий. Согласиться с этим я не могу. Японию и японцев он по-своему любил или, по крайней мере, глубоко уважал. Иначе в начале января 1937 г. едва ли бы написал такие строки: «В качестве сильнейших резервов энергии Япония располагает гордой и славной историей, огромной сокровищницей национального чувства и изумительным самопожертвованием. В душевной силе Японии, в национальной связи между императорской династией и нацией коренится одновременно надежда, что путь Японии и в будущем будет идти вверх».

Главной целью Зорге было недопущение войны между СССР и Германией, с одной стороны, и СССР и Японией, с другой. В возможность сотрудничества и тем более союза трех стран он не очень верил, хотя, видимо, считал бы такой вариант идеальным. Именно в таком направлении шла вся его работа — уже не столько разведчика, но аналитика и агента влияния, игрока в Большой Политике.

В «тюремных записках» Зорге подробно рассказал об этой стороне своей деятельности, впрочем, не называя фамилий.

«Взгляды, излагаемые мною своим немецким приятелям, в основном сводились к следующему: Бисмарк говорил, что для реализации фундаментальной немецкой политики противостояния британско-французскому блоку необходимо проводить политику мира по отношению к России, и решительно выступал против действий, хоть в малейшей степени таящих в себе опасность войны с Россией. Справедливость этой мысли Бисмарка наиболее красноречиво подтверждена Первой мировой войной (Бисмарк действительно несравненный дипломат, до сих пор почитаемый всеми немцами). Советский Союз, в отличие от царской России, ни по своему государственному устройству, ни в силу исторического развития не является агрессивным государством. И даже если бы в ближайшем будущем у СССР возникла такая идея, у него нет для этого возможностей. СССР заинтересован только в собственной обороне. Однако было бы

величайшей глупостью считать, что Советский Союз сразу же распадется и в политическом, и в военном отношении, если он подвергнется нападению со стороны Германии или Японии*. Доказательством тому, что СССР не намерен вступать в войну против Германии, является выполнение им договоренности о поставках в Германию материалов, крайне необходимых для его собственной военной экономики, включая материалы, доставляемые с Дальнего Востока по Транссибирской железной дороге. Я, ничуть не беспокоясь, выражал свою точку зрения знакомым нацистам. Мои смелые выражения были общеизвестны, не было ни одного человека, который опроверг бы это мое мнение».

Японцам же Зорге, по его словам, внушал следующее:

«Для Японии совершенно нет причин опасаться нападения со стороны Советского Союза. Советские военные приготовления, даже в Сибири, носят чисто оборонный характер. Утверждение, что СССР является первым противником Японии, представляет собой иностранный пропагандистский вымысел, лишенный исторической основы. Великие державы получают выгоду от многолетней враждебности между Японией и СССР. Японская армия, ухватившись за высказывания иностранных пропагандистов, требует все возрастающих с каждым годом бюджетных ассигнований для противодействия этому ужасному монстру — СССР. Однако действительные цели Японии находятся не на севере, а в Китае и на юге. И хотя советские военные приготовления носят чисто оборонительный характер, их ни в коем случае нельзя недооценивать, как показал Халхингольский инцидент. Я иногда указывал, — добавлял Зорге, — на провал сибирской экспедиции 1918—1921 гг., которая не только не подняла авторитета Японии, а, наоборот, только принесла ей ущерб».

Не знаю, насколько ему верили и те, и другие. Но слушали, уверен, очень внимательно. Блестящий аналитик, знаток Японии и Китая, друг посла и корреспондент Хаусхофера — к тому же стопроцентный ариец и нацист, знавший «Майн кампф» чуть ли не наизусть, — как не прислушаться к такому человеку! Особенно если его информация подтверждается, а прогнозы сбываются. Сам он приводил следователям следующие примеры:

«(1) Я сначала предсказывал, что японо-китайский конфликт страшно затянется и ослабит Японию до такой степени, что ей уже не удастся восстановиться; (2) во время событий на

* Сравним с оценками Сиратори, приведенными в главе третьей.

Халхин-Голе я твердо был убежден в том, что Япония не имеет намерений развязать войну с СССР; (3) а летом 1941 г. выдвинул версию о том, что общая мобилизация в Японии не направлена в первую очередь против СССР».

Зорге обращался не в пустоту. В правящих элитах Берлина и Токио были те, кто стремился к войне с Советским Союзом, и те, кто выступал против нее, думая о создании мощного континентального блока. В Германии сторонниками союзнических отношений с Россией были бывший главнокомандующий рейхсвера генерал Ханс фон Сект, которого Зорге встречал в Шанхае (одно время Сект был главным военным советником Чан Кайши), часть генералитета и деловых кругов, Хаусхофер и его школа, наконец, Риббентроп. Связь Зорге с этими кругами очевидна, хотя его влияние было ограниченным — через Хаусхофера и через донесения Отта, которому доверял Риббентроп. В связи с этим стоит обратить внимание на два примечательных документа.

17 марта 1938 г. генерал-полковник Вильгельм Кейтель, доверенное лицо и «око» Гитлера в армейском командовании, писал Риббентропу, только что назначенному рейхсминистром иностранных дел: «По случаю доклада у фюрера я заговорил с ним о личности нынешнего военного атташе в Токио, генерал-майора Отта, тем более что верховное командование сухопутных сил уже неоднократно ставило передо мной вопрос об использовании генерал-майора Отта на более высокой командной должности в войсках в фатерлянде. В связи с тем, что генерал-майор Отт, будучи ближайшим сотрудником генерала фон Шлейхера, пользовался неограниченным доверием последнего, он не по своей вине попал в политически двусмысленное положение. В ходе моего доклада фюрер затронул вопрос возможного использования генерал-майора Отта, учитывая его успехи, на самостоятельной дипломатической должности и просил меня обратиться в соответствующие внешнеполитические инстанции на предмет обсуждения этого вопроса с ним лично.

Если Вы как министр иностранных дел склонны поддержать эту инициативу фюрера об использовании генерал-майора Отта на дипломатической службе, то следовало бы вызвать сюда генерал-майора Отта, с тем чтобы фюрер, согласно его желанию, мог лично с ним побеседовать»⁹.

Риббентроп, разумеется, не замедлил согласиться — не перечить же фюреру. Думаю, в этом карьерном взлете, кроме несомненных личных достоинств кандидата, сыграли свою роль и аппаратные мотивы. Во-первых, Гитлер не доверял ни дипло-

матам, ни «пруссакам» из вермахта, а потому предпочел видеть бывшего помощника Шлейхера в чуждой ему среде. Во-вторых, Риббентроп начал постепенно чистить центральный аппарат МИД и миссий за рубежом от дипломатов «старой школы» как потенциальных оппозиционеров, скептиков и... аристократов, не любивших «торговца шампанским». Наконец, свою роль могли сыграть рекомендации Хаусхофера, внимательно следившего за деятельностью своих знакомых Отта и Зорге на японском направлении. А к «отцу геополитики» прислушивались и фюрер, и его министр.

Через шестнадцать дней Отт был уже в Берлине, представляясь Гитлеру по случаю нового назначения. Одновременно он был принят в НСДАП, причем партийный значок ему приколот лично фюрер. Предшественник Отта на посту посла фон Дирксен был вынужден покинуть Японию из-за тяжелой болезни, так что никто его не «подсиживал». Тем не менее будущие подчиненные Отта в посольстве маскировали под заискивающими улыбками явную зависть и недоброжелательство. Искренне рад был только один человек — Рихард Зорге.

Обширная служебная переписка Риббентропа и Отта частично вошла в многотомное собрание «Документов германской внешней политики», изданное после войны, частично была представлена на Токийском процессе. Но только Ю. Мадер опубликовал один интереснейший документ, цитатами из которого я хочу закончить линию Отт—Риббентроп. 23 ноября 1942 г., через год с небольшим после ареста Зорге, посол получил совершенно секретную телеграмму из Берлина с пометой «в собственные руки, расшифровать лично». Риббентроп писал:

«По различным признакам дело Зорге вызвало в японских инстанциях сильный резонанс, последствия которого сказались на отношении этих инстанций к Вашей персоне. После глубокого изучения вопроса фюрер принял решение согласиться с моим предложением относительно изменений в руководстве посольства в Токио и отозвать Вас в ведомство внешних сношений для нового назначения. Вашим преемником избран посол в Нанкине Штамер. Прошу Вас получить для него агреман».

Пока ничего необычного, кроме того, что посол оставался в должности целый год после такого скандального случая и «пытался как можно дольше продержаться на своем посту»*, несмотря

* Из письма Гельмута Вольтата Ю. Мадеру от 8 января 1965 г.; в 1941—1941 гг. Вольтат руководил германской Дальневосточной экономической миссией в Токио.

ря на явное нежелание японцев иметь с ним дело. Риббентропа это, видимо, не очень-то беспокоило. Несколько слов о личности нового посла. Генрих Штамер, бывший офицер и участник Первой мировой войны, не был кадровым дипломатом, но с 1935 г. работал в «бюро Риббентропа» и пользовался доверием и расположением шефа, даже несмотря на то что некогда состоял в масонской ложе. Штамер принимал участие в переговорах об «укреплении» Антикоминтерновского пакта, а в 1940 г. дважды посещал Японию, причем второй раз — для окончательной подготовки, вместе с Оттом, Тройственного пакта. Короче говоря, это был человек, знавший Дальний Восток (после войны он консультировал западногерманский МИД по японским делам), «проверенный» Берлином и известный в Токио.

Но вернемся к тексту телеграммы, которой рейхсминистр приглашал отставленного от должности посла в фатерлянд «для нового назначения». Такой же телеграммой в мае 1937 г. был вызван из Анкары Лев Карахан — в Москве его арестовали прямо на вокзале. Отту тем более было чего опасаться. Но...

«Ваша безопасность при возвращении в Германию, — писал Риббентроп, — ... в настоящее время... не может быть гарантирована (отточия в источнике. — В.М.). Поэтому прошу Вас до поры оставаться в Японии в качестве частного лица. Средства, необходимые для содержания приличествующего Вам дома в подходящем для Вас спокойном месте и для поддержания материального уровня, соответствующего занимавшейся Вами до сих пор должности, будут Вам предоставлены. Само собой разумеется, что во время дальнейшего пребывания в Японии Вам следует воздерживаться от какой бы то ни было политической деятельности»¹⁰.

Впервые прочитав этот документ более десяти лет назад, я был поражен. Честно говоря, поражаюсь и сегодня. Министр в тоталитарном государстве спасает посла, которому грозит обвинение в государственной измене: кто поверит, что опытный разведчик на самом деле не раскусил коллегу «с другого берега», проработав бок о бок с ним восемь лет? В Берлине Отта могло ожидать назначение на самый опасный участок Восточного фронта, а то и вовсе знакомство со стрелковым взводом. Риббентроп же не только лично и откровенно предупредил его об опасности служебной телеграммой, но еще и снабдил деньгами для достойной бывшего посла жизни! Рейхсминистр попросту спас Отта, который вскоре перебрался из Японии в Китай, где благополучно дождался конца войны. Ни до, ни после никто не привлек его ни к какой ответственности. Отт был сви-

детелем защиты на Токийском процессе, в том числе по делу бывших послов Осима и Сиратори, но предпочел встречаться с адвокатами подсудимых в Нанкине и давать письменные показания, нежели ехать на процесс самому.

Почему Риббентроп совершил такой рискованный поступок? Знал ли об этом Гитлер? Почему не принял мер Гиммлер, ограничившийся посылкой гневного письма Риббентропу 27 октября того же года? «Гиммлер негодовал, что МИД доверял человеку, прошлое которого не было достаточно проверено. Ведь Рихард Зорге под своим настоящим именем работал в Коммунистической партии Германии... Позже он попал — и опять под своим собственным именем, как подчеркивал Гиммлер, — в Москву». В этом письме рейхсфюрер СС сам признал, что такая проверка была проведена впервые только сейчас (что лишний раз опровергает «мемуары Шелленберга»), но заявил: «Если бы о ней было запрошено, была бы проведена раньше и дала бы те же самые результаты»¹¹. В общем, он тоже оправдывался и перекладывал вину на другое ведомство.

Точных ответов на эти вопросы я не знаю, но уже много лет меня преследует одна мысль: евразиец помог евразийцу. В начале девяностых я писал свои первые работы о Рихарде Зорге как геополитике и воине Евразии под сильным впечатлением «Конспирологии» Александра Дугина, нарисовавшего эффектную, логичную, хотя и не во всем правдоподобную картину «великой войны континентов» XX в. В отношении геополитики я с ним в целом согласен. Что касается пронизывающих все заговоров и тайных связей — часто сомневаюсь. Но если согласиться с утверждением о том, что и Гиммлер придерживался евразийской ориентации в геополитике, то лучшего примера «заговора евразийцев» в действии, чем «дело Зорге» и все, что вокруг него, не сыскать. Гипотеза, не более? Да, но многое объясняющая.

Еще одна конспирологическая загадка связана со временем посмертной «канонизации» Зорге, которая совпала с отстранением от власти Хрущева (испытывавшего не слишком большой энтузиазм по поводу нашего героя) и гибелью в авиакатастрофе начальника Генерального штаба маршала С.С. Бирюзова, в чем А.Г. Дугин видел крупную победу евразийцев над атлантистами внутри высшего советского руководства.

Были евразийцы и в Токио. На этих позициях стояли принц Коноэ и его окружение, куда входил ближайший друг и помощник «Рамзя» Одзаки, он же «Отто» и «Инвест». Комментируя назначение Коноэ премьером в июне 1937 г., Зорге писал во

«Франкфуртер цайтунг»: «Правительство князя (так в переводе. — В.М.) Коноэ в сегодняшних обстоятельствах является самым подходящим для Японии... У него лучшие, чем у других правительств, перспективы справиться с будущими трудностями. Оно не рассматривается как переходное правительство. Оно представляет самую перспективную в данный момент попытку внутривнутриполитической концентрации сил». Это была не лесть, но точное отражение тогдашних настроений японцев. Не уверен, что принц читал статью, но мимо его ближайшего окружения она наверняка не прошла.

Коноэ ценил Одзаки как специалиста по Китаю и хорошего аналитика, игравшего видную роль в Исследовательской ассоциации Сёва (Сёва кэнкюкай) — «мозговом тресте» праворадикальной перестройки конца 1930-х гг., ориентировавшемся на лидерство Коноэ в японской политике. Одзаки не только поставлял Центру первоклассную информацию, но и сам имел возможность влиять на настроения и мнения «сильных мира сего». В «тюремных записках» Зорге так охарактеризовал аргументы, к которым прибегал в политических дискуссиях его друг и союзник:

«СССР не имеет намерений воевать с Японией. Если даже Япония вторгнется в Сибирь, СССР будет только защищаться. Если Япония нападет на Советский Союз, это будет близоруким и ошибочным поступком. Даже если в ходе такой войны Япония захватит Восточную Сибирь или ее западную часть, она не будет иметь никаких политических и экономических выгод. Вероятно, США и Великобритания будут приветствовать то, что Япония втянется в водоворот этой войны, и, после того как она исчерпает свои резервы нефти и железа, нападут на нее, выбрав благоприятный момент. Между тем, если Германия победит СССР, Сибирь, пожалуй, «упадет в карман» Японии, даже если она и пальцем не пошевелит. Если же Япония намерена продолжать экспансию куда-либо еще кроме Китая, то южное направление является выгодным для этого. На юге есть стратегические ресурсы, крайне необходимые для японской военной экономики. Поэтому именно на юге находится действительный противник, стремящийся препятствовать развитию Японии.

Одзаки такими аргументами старался смягчить напряженную обстановку 1941 г. Я не знаю, использовал ли он какие-либо другие способы, кроме этих. Думаю, что он, как и я, при всяком удобном случае противодействовал общей тенденции, заключавшейся в поверхностной оценке мощи СССР и пренебрежительном отношении к нему как к противнику. Несомненно, в

своих беседах он указывал на уроки Халхин-Гола и на просчеты Гитлера в войне с СССР».

Часть японских дипломатов и военных на протяжении всех 1930-х гг. считала благожелательный нейтралитет СССР необходимым условием успешного осуществления экспансии в Китае, хотя, разумеется, и они опасались коммунистической пропаганды. После «пакта Молотова—Риббентропа» на просоветские позиции встала группа влиятельных сторонников союза с Германией и противников англо-американского блока, в том числе Сиратори и Накано. Даже Осима, боявшийся России и не любивший ее, на время склонился к желательности нормализации японо-советских отношений. Кстати, все трое не раз встречались с Зорге в германском посольстве, которое исправно посещали с осени 1939 г. Ходили слухи, что посольство даже финансировало их публичные выступления, но это осталось недоказанным.

Идея «континентального блока», которую они пропагандировали, на протяжении ряда лет — когда открыто, когда в завуалированной форме — разрабатывалась на страницах «Цайтшрифт фюр геополитик» еще с середины двадцатых годов. Статьи Зорге в журнале нисколько не противоречили его генеральной линии. Как коммунист — а им он оставался всегда — он мог испытывать сомнения (вопрос открытый) относительно союза Советской России и нацистской Германии в варианте «пакта Молотова—Риббентропа». К перспективе же альянса СССР и Японии он относился скептически, даже после урегулирования конфликта на Халхин-Голе, когда голоса в его пользу стали раздаваться открыто. «В японско-русских отношениях, — писал он 16 сентября 1939 г. во «Франкфуртер цайтунг», — начался, казалось, принципиальный поворот, аналогичный повороту, уже совершенному Германией и Советским Союзом. Казалось, что Японии стало также ясно, что ее главным противником в Восточной Азии является Англия, а не Советский Союз. Однако дело пока ограничилось по меньшей мере локальным перемирием... Тенденция признать главным врагом японской политики в Китае Англию и поставить себе задачу «успокоения» отношений с Советским Союзом проявляется теперь все яснее, в том числе и в армии. Однако этим кругам, начинающим понимать правильность взятого Германией нового внешнеполитического курса, пока еще приходится проявлять известную сдержанность по отношению к противникам их бывлой и нынешней внешнеполитической переориентации».

Как бы то ни было, в необходимости не просто предотвращения войны, но достижения благожелательного нейтралитета

между тремя странами Зорге не сомневался никогда. Это видно из его публикаций, имевших немалую — и главное, влиятельную — аудиторию. 13 ноября 1940 г. он поместил во «Франкфуртер цайтунг» статью «Большой поворот. «Ревизия» японской внешней политики в связи с Тройственным пактом», которую я приведу целиком (с более дробной разбивкой на абзацы для удобства чтения).

«Правительство Коноэ в течение первых двух месяцев пребывания у власти приняло важное решение, перед которым уже стояли три предшествовавших японских правительства (Хиранума, Абэ и Ёнаи. — *В.М.*). После этого решения, которое нашло свое выражение в Тройственном пакте, Япония на сегодняшний день прошла уже значительное расстояние по своему новому внешнеполитическому пути. С падением кабинета Ёнаи-Арита в июле этого года рухнула последняя попытка удовлетворить растущие притязания Японии на «жизненное пространство» под знаменем «традиционной внешней политики Японии», т.е. в духе взаимопонимания с англо-американскими державами. Считают, что уже конфликт в Китае лишил реальной почвы складывавшуюся на протяжении десятилетий внешнеполитическую традицию Японии, ибо напряженность между Японией и ее двумя «традиционными друзьями», которая прежде проявлялась лишь изредка, вылилась в ходе китайской войны в неразрешимые противоречия. А европейская война и большие политические успехи Германии и Италии сделали из этой внешнеполитической традиции ошибку, которая поставила под угрозу саму реальность японской экспансии.

Однако сила воздействия старой внешнеполитической ориентации, чрезвычайная важность поворота в политике, нацеленного на союз с Германией и Италией, вызвали на короткое время среди японских руководящих кругов определенные колебания и страх перед последним решительным шагом. Некоторые влиятельные слои, особенно те, которые неохотно признавали конец традиционной внешней политики страны, сочли себя обязанными рекомендовать новую ориентацию, которая была призвана дать возможность Японии в гордом одиночестве, не вступая в союз ни с одним из двух больших противоборствующих лагерей, пожать плоды великой борьбы в Европе. Эта концепция опиралась на то, что Германия после заключения пакта о ненападении с Советским Союзом слишком сосредоточилась, дескать, на борьбе в Европе, чтобы у нее вообще остались время и интерес заниматься Восточной Азией и поддержанием тесных отношений с Японией. Однако эти утверждения в

середине сентября были опровергнуты ясными доказательствами немецкой готовности к сотрудничеству. Тем самым прошло и время колебаний для Японии. За какие-то две недели был подписан Тройственный пакт. Курс на новую внешнюю политику был взят при помощи новых методов и при активном содействии руководства японской армии и флота.

Поворот в японской внешней политике следует охарактеризовать как чрезвычайно радикальный — во-первых, в отношении главного направления или территориально-целевой установки активной внешней политики, затем и в отношении потенциального противника и, наконец, в отношении роли Японии как договорного партнера Германии и Италии. Основное направление японской экспансии с древних времен (с 364 г. н.э.) до сегодняшних дней всегда оставалось неизменным: через Корею как мост в Китай, а точнее в Северный Китай с Маньчжурией и провинцией Шаньдун. Аннексия принадлежавшего некогда Китаю острова Формоза ничего не меняет в принципиальных установках этой прослеживаемой через века основной цели японской внешней политики. Современная японская территориальная политика подчеркнула свою заинтересованность в северных областях Китая еще путем того, что она уже во время первой китайской войны 1894/95 гг. видела единственного потенциального военного противника в России, так как уже тогда Китай рассматривался лишь как цель, а не как противник, которого следует принимать всерьез. Так возникло почти общепринятое мнение, что Россия, дескать, была, есть и будет заклятым врагом Японии. Даже сегодняшняя война в Китае началась с намерением расширить и обезопасить районы развёртывания войск фронтом на север путем покорения Северного Китая и Монголии. Только воздействие «китайского пространства» как оружия в борьбе, а затем потрясение англо-французских позиций на Востоке в связи с победами Германии в Европе позволили возникнуть «Великой Восточной Азии» как истинному жизненному пространству Японии с центром тяжести в Среднем и Южном Китае и юго-западной части Тихого океана.

В то время как англо-японский союз 1902 г. признавал только господствующие позиции Японии в Корее и ее особые интересы в Китае, Тройственный пакт признает за Японией в обязательном порядке это новое жизненное пространство «Великой Восточной Азии». Тем самым старое предвидение великого Хидэёси, который мечтал о зоне господства Японии от Китая до южных окраин Тихого океана, стало современной целью Японии и договорно признано победоносными великими державами Европы. Это действительно радикальный поворот в японс-

кой экспансионистской политике, какой она оставалась на протяжении минувших шестнадцати столетий. В кратчайший срок центр тяжести, почти минуя переходную стадию, переместился с северной части азиатского континента на южные районы Тихого океана, включая омывающие Китай моря.

Тем самым одним махом сменились и «потенциальные» военные противники. Интерес к русскому «заклятому врагу» утрачен; на русских даже начинают взирать по-новому, как на возможных дружелюбных соседей. Но тем острее становится теперь столкновение с Англией и Соединенными Штатами, ибо они были властителями «великоазиатского пространства» и, пожалуй, продолжают ощущать себя в этой роли и сегодня. *Именно эти две державы главным образом на протяжении десятилетий пытались ради сохранения своих тихоокеанских владений подтолкнуть Японию к экспансии на север континента* (т.е. против России; выделено мной. — В.М.). Сегодня вполне возможно, что Владивосток, который еще недавно называли «кинжалом, направленным на Японию», утратит свое острие. Сингапур же, напротив, уже сегодня является символом англо-американской враждебности по отношению к японской политике большого пространства на Тихом океане.

Однако речь здесь идет не только о новоявленной политической вражде из-за территорий между Японией и англо-американскими державами. Япония с некоторых пор знает, что острота экономических угроз Англии и Америки в ее адрес объясняется тем, что она очень поздно осознала хозяйственное значение тихоокеанских областей, в основном Индокитая и Голландской Индии. Япония сегодня сознает, что традиционная дружба с Англией и Америкой в значительной мере выполняла роль функции экономического подчинения ее англо-американскому хозяйственному блоку. Длившиеся десятилетиями дружеские отношения заставляли японскую экономику идти по пути наименьшего сопротивления. Нефть, железо, хлопок доставались японским концернам от американских и английских друзей с меньшими трудностями и большими прибылями, чем это было бы возможным при экономической и политической борьбе за отчасти еще не развитые области в южной части Тихого океана.

Сила, с которой Япония открывает новую страницу на своем внешнеполитическом пути, зависит, стало быть, не только от поддерживающего в Тройственном пакте условия всеми средствами оказывать поддержку при создании больших жизненных пространств в Восточной Азии и Европе и отвечать войной новым державам, которые захотели бы вмешаться в европейскую или

китайскую войну. Еще сильнее этих обязательств на японцев действует сознание политической враждебности США и Англии к ее «великоазиатской» политике и совершенно особое сознание необходимости посредством заново сформулированной политики как можно скорее освободиться от старой экономической зависимости. Тем самым можно предвидеть применение Японией значительных сил в качестве союзницы Германии и Италии. Так отчетливой стала решительная позиция Японии по отношению к первым мероприятиям Америки и Англии, вызванным новой японской внешней политикой. Ни введение (Соединенными Штатами против Японии. — *В.М.*) эмбарго на железо и сталь, ни открытие бирманской железной дороги (Великобританией для снабжения режима Чан Кайши. — *В.М.*), ни тем более мобилизация американского тихоокеанского флота и отзыв американцев из Восточной Азии не смогли поколебать Японию в ее движении вперед по новому внешнеполитическому пути».

Зорге был несомненным патриотом России, в которой появился на свет (напомню, что он родился в Баку от германского отца и русской матери), и Советского Союза, с которым искренне связывал надежды на лучшее будущее человечества, хотя в эпоху Большого Террора, косившего его товарищей по Коминтерну, мог начать в чем-то сомневаться. В то же время он был патриотом Германии и хорошо относился к Японии. Он видел, что в советско-германском — равно как и в советско-японском — конфликте более всего заинтересован англо-американский атлантистский блок, всегда стремившийся к уничтожению или хотя бы к максимальному ослаблению своих противников. Трезво оценивая потенциал сторон в возможном внутриевразийском конфликте, Зорге понимал, что он закончится полным уничтожением одной и крайним ослаблением другой, на чьей бы стороне ни оказалась итоговая «победа». Выгоду из такого исхода мог извлечь только «мировой остров».

Убежденный коммунист, враг нацизма как идеологии и политической системы, Зорге тем не менее не желал ослабления военного и экономического потенциала Германии, необходимого для ее будущего развития, которое он желал видеть в направлении социализма. То есть пораженцем он не был. Не был пораженцем и Одзак, не без сочувствия относившийся к идеям национального социализма или государственного капитализма в японском варианте. Он считал подобную перестройку полезной для будущей, сильной и процветающей социалистической Японии, в которую искренне верил.

Памятуя, что в тридцатые годы Зорге последовательно при-

держивался евразийской геополитической ориентации, мы можем более точно и адекватно определить характер его деятельности.

Как информатор-журналист и информатор-разведчик, он стремился давать своим «заказчикам» в Москве и Берлине максимально точную и объективную информацию о положении на Дальнем Востоке, чтобы с ее помощью выработать продуманный и взвешенный политический курс, исключающий военное столкновение СССР с Германией и Японией, вместе или по отдельности.

Как аналитик он внушал всем сторонам мысль о губительности внутриевразийского конфликта. Высоко оценивая военный потенциал японской и германской армий в своих работах — а также советской в разговорах с влиятельными лицами в Японии, — он давал понять, что такую страну лучше иметь в числе союзников, нежели противников.

Как человек, имевший связи в политическом мире Японии, он всячески проводил идею взаимовыгодного сотрудничества с СССР и Германией. Он был противником «укрепления» Антикоминтерновского пакта 1936 г., направленного против СССР, но одобрил Тройственный пакт 1940 г., открывавший возможности для сотрудничества с Москвой.

Даже после нападения Германии на СССР деятельность Зорге как разведчика была в пользу не только «коммунизма», но и «евразийства». Развязав эту войну, Гитлер предал геополитические интересы Германии и навсегда похоронил евразийскую идею «континентального блока», которую разрабатывал Хаусхофер и пытался реализовать Риббентроп. Уникальность Зорге еще и в том, что он сочетал в себе теоретика и практика геополитики.

Зорге погиб в расцвете сил, немного не дожив до пятидесяти: осенью 1943 г. его приговорили к смерти, а 7 ноября 1944 г. казнили в тюрьме Сугамо, где после войны будут сидеть «военные преступники», включая вдохновителей Тройственного пакта Мацуока, Осима и Сиратори. Советский Союз отказался от него, хотя японцы несколько раз предлагали «меняться». И сразу возникает закономерный вопрос о причинах провала группы.

После войны шеф ЦРУ Аллен Даллес назвал арест Зорге достижением японской полиции. Согласиться с этим трудно: Зорге проработал в Токио восемь лет, много раз рисковал, но так и не раскрылся. Японцы следили за всеми членами группы, пеленговали передатчики Клаузена, но не могли ни засечь его точное местонахождение, ни тем более разгадать использовавшийся им шифр. Отсюда возникла теория о предательстве как причине провала.

Наиболее устойчивой была версия «коммунистического сле-

да»: благодаря предательству полиция вышла на Мияги Ётоку, который, живя в Америке, вступил в Коммунистическую партию США и был завербован советской разведкой, а вернувшись домой, стал работать с Зорге. Этой версии, происходящей от японской полиции, придерживался Уиллоуби, однако сотрудники ГРУ в ходе расследования 1964 г. отвергли ее.

Наибольшие споры вызвало имя предателя: Ито Рицу, один из лидеров Коммунистической партии Японии как в довоенные, так и в послевоенные годы, человек головокружительной и трагической судьбы. Во время американской оккупации Москва навязала японским коммунистам сверхрадикальный курс на вооруженную борьбу, в результате чего компартия оказалась фактически вне закона, а ее лидерам — Токуда, Носака и Ито — пришлось бежать в Китай, где между ними развернулась ожесточенная борьба. В 1953 г. умер Токуда. С окончанием оккупации Носака вернулся домой триумфатором. Ито за ним не последовал, а в 1955 г. был официально объявлен предателем и исключен из партии. Руководство КПЯ заявило, что, согласно проведенному им расследованию, после ареста 27 июня 1940 г. Ито «раскололся» и стал осведомителем полиции, а вскоре затем его выпустили — якобы за недостатком улик — и дали возможность вернуться на работу в исследовательский отдел компании Южно-Маньчжурской железной дороги. В числе прочих Ито выдал свою знакомую коммунистку Китабаяси Томо, члена «внешнего круга» группы Зорге, которая была связана с Мияги. Она была арестована и, в свою очередь, выдала Мияги. От него ниточка протянулась к Одзаки и Зорге. Кстати, Ито и сам был знаком с Одзаки, но исключительно как «младший» со «старшим» — и по возрасту, и по положению.

Ито снова появился в Японии только 3 сентября 1980 г., проведя, как оказалось, двадцать семь лет в заключении в КНР. Носака был возмущен и встревожен его возвращением из небытия, опасаясь неприятных вопросов со стороны товарищей по партии, которой он уверенно руководил, несмотря на преклонный возраст (88 лет). Двенадцать лет спустя, как мы уже знаем из четвертой главы, самого Носака — в сто лет! — сначала снимут с поста почетного председателя КПЯ, а потом и вовсе исключат из партии. Возвращение Ито возбудило новую волну интереса к нему — и славы японским коммунистам, конечно, не прибавило. Оставшиеся годы (он умер в 1989 г.) Ито усиленно оправдывался, пытаясь снять с себя обвинение в предательстве, давал интервью, писал мемуары. Но споры не утихают и по сей день.

В одном из документов тайной полиции, опубликованном после войны, говорилось, что «показания Ито Рицу следует считать началом арестов по этому делу (Зорге. — В.М.)» (с. 169). Однако в итоговом докладе комиссии ГРУ решительно говорится следующее:

«Что касается самих показаний Ито Рицу, то это является самой слабой частью всей этой версии, плохо продуманной детали (деталью? — В.М.), вскрывающей нехитрую уловку японской контрразведки. Ито Рицу не имел никакого отношения к агентурной сети «Рамзая» (выделено в оригинале. — В.М.)... Было бы непростительной наивностью принимать на веру эту японо-американскую версию без учета цели, которая преследовалась ее авторами, без анализа обстоятельств и причин, которые действительно могли создать реальную почву для провала. Необходимо иметь в виду:

— во-первых: что ни одна контрразведка не склонна раскрывать до конца свои подлинные методы и пути борьбы с агентурой противника, а, наоборот, предпочитает создавать ложную картину, скрывающую истинные приемы и методы деятельности;

— во-вторых: что японская полиция является квалифицированным мастером провокаций, особенно искусным в борьбе против коммунистического движения;

— в-третьих: что дело Зорге явилось для полиции чрезвычайно благодатным материалом, который мог послужить основой для развертывания широкой антикоминтерновской кампании и компрометации японской компартии (но не послужил. — В.М.)... Замысел японской полиции в последующие годы был охотно подхвачен американской контрразведкой, широко реализовавшей те задачи, которые имелись в виду авторами версии о «предательстве» Ито Рицу... Если даже условно принять за истину примитивную японо-американскую версию об Ито Рицу, то и в этом случае должны были быть еще какие-то дополнительные условия, позволившие контрразведке разом вскрыть всю организацию и ликвидировать целиком всю сеть» (с. 169—170).

Аргументы весомые. Друзья Ито Рицу даже создали общество в защиту его памяти во главе с Ватабэ Томия, которое сейчас является одним из главных генераторов дальнейших разысканий по «делу Зорге» в Японии. Ватабэ — бывший коммунист, исключенный из партии во время очередной «разборки», которыми так богата история КПЯ; он также руководит обществом памяти Токуда Кюити, который не в чести у нынешнего руко-

водства компартии, и изданием его сочинений. Книга Ватабэ «Ложное клеймо. Крах версии о предательстве Ито Рицу», вышедшая в 1993 г., является наиболее основательной и убедительной попыткой защитить репутацию этого человека — не только в связи с Зорге. В одной из бесед с автором этих строк в 1997 г. Ватабэ так темпераментно и в то же время аргументированно говорил о невиновности Ито, что после более тщательного и подробного ознакомления с собранными им документами я склонен ему верить. Разделяет точку зрения о невиновности Ито в «деле Зорге» и известный японский историк Вада Харуки, с которым я тоже не раз обсуждал этот вопрос.

Однако версию о предательстве Ито уже не первое десятилетие поддерживает Одзаки Ходзуки, двоюродный брат Одзаки Ходзуми, опубликовавший несколько содержательных книг о «деле Зорге». Борис Гудзь в недавнем интервью заявил, что «на Зорге охранка вышла по коммунистической связи», но назвал иную причину:

«В отношении Зорге была допущена очень крупная ошибка... Зорге держал связь с резидентом, коммунистом Итоку Мияги (так в тексте. — *В.М.*). Но как же можно работать с коммунистами? Они ведь везде были под наблюдением... Дело Рамзая было открыто в Японии не военной контрразведкой, а их политической охранкой. Она, работавшая по коммунистам, и вышла через другую коммунистку, тоже ранее жившую в США (Китабаяси Томо. — *В.М.*), на Мияги. И еще один источник Зорге придерживался сугубо левых взглядов. Он обладал важнейшей информацией, получал ее от принца Коноэ, который впоследствии добрался до поста премьер-министра. Тоже опасная связь. Такие люди — всегда под наблюдением охранки».

В последних фразах речь идет об Одзаки, который своих левых взглядов почти не скрывал, но в окружении Коноэ и особенно в системе ЮМЖД и ее исследовательских институтов таких людей, включая раскаявшихся бывших коммунистов и даже тайных «действующих» коммунистов, было немало. Автор одной из недавних публикаций Владимир Малеванный связал «дело Зорге» с делом «разведывательной группы Китайской коммунистической партии», которое японская политическая полиция вела с весны 1942 г. Его центральной фигурой был Наканиси Цутому, близкий знакомый Одзаки еще по Шанхаю начала тридцатых. В то время оба были советниками Штаба японских экспедиционных сил, собирая сведения в том числе о Гоминьдане, для чего использовали главных противников Чан Кайши — китайских коммунистов. Информацией Наканиси, переданной

через Одзаки, пользовался и Зорге. На свое официальное начальство они работали хорошо, но неизбежно оказались под подозрением у собственных спецслужб. Почувствовав слежку, Наканиси домой не вернулся, а бежал из Шанхая в глубь Китая¹².

В те годы в Японии и японских «структурах» за рубежом все следили за всеми. Есть конкретные сведения, что в Японии Одзаки был «под колпаком» как минимум с конца 1939 г. Что касается Мияги, то за ним — в первую очередь как за реэмигрантом из Америки — в рутинном порядке наблюдали уже с 1939 или даже с 1938 г. Разумеется, эта слежка была, так сказать, профилактической. В том же рутинном порядке полиция «пасла» и Ханако Исии, для которой та была просто японкой, живущей с иностранцем. Об их принадлежности к какой-либо нелегальной организации и тем более о шпионаже в пользу другого государства тайная полиция узнала далеко не сразу. Разумеется, для ареста советника Коноэ и влиятельных представителей дружественной страны требовались очень веские основания. Поэтому полиция решила начать с японских участников группы, решив, что от них будет проще добиться признательных показаний, которые, в свою очередь, дадут необходимый материал для изобличения иностранцев.

Более того, у военных был, как говорится, большой зуб на Коноэ, противника их авантюристического курса. Самого потомка Фудзивара, находившегося в родстве с императорским домом, тронуть, конечно, не могли, но по его окружению прошли основательно. Под подозрением оказались Сайондзи Кинкацу, внук всесильного *гэнро* («государственного старейшины») Сайондзи Киммоти, и депутат парламента Инукаи Кэн, сын премьер-министра, убитого во время мятежа 15 мая 1932 г. Оба были информаторами «группы Зорге» по каналам Одзаки. Сайондзи-старший к тому времени тоже умер, так что арестованных защищали только их имена и связи. Помогло: Сайондзи получил три года тюрьмы условно, а Инукаи и вовсе остался на свободе.

Обращаясь к причинам провала Зорге, современные японские историки приходят к выводу, что предательство было, но имя предателя пока не известно. Советские разведчики, напротив, делали вывод о неосторожности как причине провала, хотя и признавали, что причин было несколько. Одной из главных было странное и противоречащее всем правилам конспирации — чтобы не сказать преступное — предписание Центра в 1939 г. Зорге и Клаузену контактировать с сотрудниками... со-

ветского посольства — разведчиками Виктором Зайцевым (второй секретарь) и Сергеем Будкевичем (сотрудник консульской службы). С января 1939 г. и до ареста в октябре 1941 г. Зорге четырнадцать раз (!) встречался с Зайцевым, правда, скрытно или как бы случайно — например, на соседних местах в театре. Удивительно, что тайная полиция ждала так долго! В Японии каждый белый иностранец был под подозрением в шпионаже (достоверно известно, что за всеми членами группы уже следили), а «красный» белый, да простится мне такой каламбур, — под двойным! Тем более Зайцев, о подлинном характере работы которого японцы, по его же собственным словам, знали, открыто приходил к Клаузену в офис или домой...

В таких условиях Зорге был обречен. «Жаль, конечно, — писал в октябре 1964 г. генерал-полковнику Х.Д. Мамсурову полковник запаса Зайцев, — что люди, стоящие у руководства ГРУ, отнеслись бесчеловечно к такому работнику, как «Рамзай», бросив его, когда он попал в беду... Предвзятое отношение руководства ГРУ по отношению к «Рамзаю», видимо, и привело к тому, что надлежащих мер к его спасению не было принято и такой Человек погиб» (с. 174—175).

Десять лет назад в одной из статей я осторожно высказал предположение — скажу честно, никак документально не подтвержденное, — что Зорге пал жертвой «великой войны континентов» в самих советских спецслужбах — атлантистов НКВД против евразийцев ГРУ. Что его, грубо говоря, выдали свои. Тогда я полагал, что Ито Рицу мог быть связан с резидентурой НКВД, часто работавшей с коммунистами, что придавало версии о его предательстве новый вес. Вскоре после выхода статьи мне домой позвонил один из ветеранов японского направления ГРУ и поинтересовался, откуда я это знаю. Я честно сказал, что это всего лишь догадка. Тогда он сообщил мне, что при рассмотрении «дела Зорге» в ГРУ перед его реабилитацией именно эта причина была квалифицирована как главная (но не единственная), после чего о сказанном было строго-настрого велено забыть.

Проверить интригующую информацию я не мог. Да вряд ли кто-то уже и сможет — после «канонизации» Зорге архивы могли почистить, как их, по свидетельству П.А. Судоплатова, чистили при Хрущеве. Среди опубликованных А. Фесюном документов на это нет ни малейшего намека. Однако во многих местах, в том числе там, где речь идет о причинах провала, архивом ГРУ сделаны купюры. Есть что скрывать? Хотя в 1992 г. была обнародована записка начальника Иностранного отдела НКВД

П.М. Фитина в Коминтерн от 14 января 1942 г., где он просит подтвердить «правдоподобность» вполне элементарных сведений о Зорге и его работе (с. 134—135). Получается, что в НКВД о нем ничего не знали? Или при бесконечной смене кадров какая-то информация, связанная с прежним начальством, а ныне «врагами народа», затерялась или была скрыта?

Снова загадки. И разгадки многих из них, как справедливо заметил В. Малеванный, могут лежать в архивах не только КГБ и ГРУ, но и спецслужб Тайваня и США. У Зорге были «ходы» к гоминьдановской разведке, в том числе через Вальтера Штеннеса, бывшего командира гитлеровских штурмовиков, поссорившегося с фюрером еще в 1930 г. После прихода нацистов к власти он бежал из Германии и перебрался в Китай, где стал начальником охраны и доверенным советником Чан Кайши. Несколько лет назад были рассекречены и опубликованы в российской прессе документы о том, что Штеннес на протяжении ряда лет давал советской разведке исключительно важную информацию (по некоторым оценкам, не менее, если не более ценную, чем Зорге) и пытался возобновить сотрудничество с ней после Второй мировой войны, но не был услышан. Что касается американцев, то в период оккупации они тщательно расследовали все обстоятельства «дела Зорге», а собранные ими материалы только частично вошли в книги генерала Уиллоуби и Гордона Прэнджа, еще одного участника событий. Какие еще открытия впереди?

О Зорге можно писать бесконечно — и не только о тех загадках, которые он задал потомкам. Я постарался осветить лишь те стороны его деятельности, которые кажутся мне наименее правильно понятыми, и факты, о которых бытуют такие разноречивые и порой неосновательные мнения. Всех разгадок я, конечно, не знаю. Но уверен, что Зорге не был «двойным агентом» и погиб в результате сознательного предательства со стороны хорошо осведомленного человека.

Я твердо знаю, что Рихард Зорге был настоящим воином Евразии, которой служил как ученый-геополитик, как практик-политик и как разведчик. За это он достоин нашей благодарной памяти. Надеюсь, что будет собрано с должной полнотой и издано его политическое наследие, прежде всего работы о Японии, которые можно поставить рядом с трудами Хаусхофера. Надеюсь, что будет написана и его настоящая научная биография, учитывающая все прежние наработки, но свободная от идеологии и конгениальная его удивительной личности. Дело трудное, но благородное и необходимое!

ГЛАВА 7

МЫСЛЬ КАК МОЛНИЯ: ЯПОНЦЫ В КРЕМЛЕ

Советско-японский пакт о нейтралитете — шедевр политиков, обладающих великой прозорливостью. Прямо скажу, это проявление геополитической проницательности.

*Карл Хаусхофер,
26 апреля 1941 г.*

Принц Коноэ Фумимаро, трижды формировавший правительство (в 1937, 1940 и 1941 гг.), и министр иностранных дел его второго кабинета Мацуока Ёсукэ — едва ли не единственные политические деятели довоенной Японии, имена которых были известны широкому кругу читателей в нашей стране еще в советское время. Встречая XXI в., одна из крупных российских газет решила посвятить серию из 100 статей виднейшим фигурам уходящего столетия. Японию, если не ошибаюсь, в ней представлял один Мацуока. Даже не Мисима и не Куросава...

Почему?

Да прежде всего потому, что оба оказались связаны с культовыми фигурами и событиями истории российской: Коноэ с «делом Зорге», Мацуока — с советско-японским пактом о нейтралитете, подписание которого 13 апреля 1941 г. и особенно последовавший за этим сенсационный приезд Сталина и Молотова на Ярославский вокзал, чтобы проводить гостя, произвели неизгладимое впечатление на весь мир. Раньше за кремлевскими вождями такого не водилось...

Спору нет, Коноэ и Мацуока были деятелями не только национального, но и мирового масштаба. С их именами связаны и крупные успехи, и крупные неудачи японской политики. Это в послевоенной «оптике», «линзы» которой шлифовались на Токийском процессе, все деяния обоих были объявлены частью многолетнего дьявольского плана, известного как «заговор против мира». Коноэ до этого не дожил, покончив с собой в декаб-

ре сорок пятого: принц не мог допустить, чтобы его, потомка древнего рода Фудзивара и родственника императорской фамилии, касались руки американских тюремщиков. Мацуока присутствовал только на первом заседании суда, когда категорически отказался признать себя виновным по всем пунктам обвинения. Вскоре туберкулез свел его в могилу.

Коноэ и Мацуока часто сравнивают. И не только потому, что в качестве высших руководителей японской политики в 1940—1941 гг. они были причастны ко всем важнейшим событиям этого критического периода. Слишком богатным материалом для историка и для психолога является их «тандем». Коноэ отличался высоким ростом, аристократическими чертами лица, хрупким здоровьем и повышенной возбудимостью. Он часто впадал в хандру и ссылаясь на недомогание, когда надо было принимать важные решения, за что был прозван «меланхолическим принцем». Мацуока был известен как «господин сто тысяч слов» и «говорящая машина». Британский посол в Токио Роберт Крейги сказал о нем: «Я никогда не встречал человека, который говорит так много, чтобы сказать так мало»¹. Однако не менее прав был его биограф: «Когда Мацуока говорил, мир слушал»². Историк Джон Толанд удачно определил одно из главных различий в характере этих людей: «Коноэ слушал практически всех, Мацуока практически никого». В итоге это вылилось в то, что пассионарный министр во многих отношениях подчинил своему влиянию меланхолического премьера. Слава Богу, это был не единственный человек, имевший влияние на принца.

Коноэ не хотел и не мог быть диктатором. Много говорилось о «слабых нервах» и «нерешительном характере» принца, но ему не откажешь ни в личном мужестве (готовность встретиться с Рузвельтом летом и даже осенью 1941 г., за что «горячие головы» грозили ему смертью), ни в способности принимать решения и нести за них ответственность, хотя черновой работы он не любил и избегал. Принца окружали люди, связанные с ним личной дружбой и общностью взглядов и идей, «доводившие до ума» его глобальные проекты, морально поддерживавшие его в критическую минуту. Мацуока к ним не относился. Он сам всю жизнь хотел быть лидером, даже диктатором, восхищаясь и Гитлером, и Сталиным, и Рузвельтом, но не стремясь подражать им. В противоположность Коноэ, он был типичным парвеню по происхождению, юность провел в Америке, где окончил Орегонский университет, сам зарабатывая на это деньги, а затем был принят на службу в МИД Японии, не имея полученного на родине высшего образования (уникальный случай!).

Мацуока гордился своей «искренностью» и раскованностью, но мало кто из японских политиков и дипломатов находился под таким сильным влиянием собственных минутных настроений, капризов и привычек, как он.

Определяющей чертой его характера было маниакальное славолюбие и стремление к личным триумфам, о последствиях которых он не всегда задумывался. «Мацуока был гений, динамичный и сумасбродный, — писал вскоре после войны его бывший помощник Касэ Тосикадзу, здравствующий и ныне (ему более 100 лет). — Его мысль работала быстро, как молния... Но он часто противоречил самому себе. Для него... последовательность была уделом посредственностей»³. Оснований называть Мацуока «гением» я не вижу, но приведу любопытное наблюдение Толанда: «Для японцев человек, лишенный противоречий, не заслуживает уважения; он всего лишь простака. Чем больше противоречий в человеке, тем он глубже. Чем больше он борется с собой, тем богаче его существование»⁴. Однако в политике, да еще в критические минуты, это вовсе не обязательно является достоинством.

Японский посол в СССР с осени 1938 г. Того Сигэнори, скромный, выдержанный, равнодушный к внешнему блеску, являл собой противоположность Мацуока. Главную задачу внешней политики он видел в том, чтобы избегать участия в новых вооруженных конфликтах, поскольку «Китайский инцидент», несмотря на успехи Квантунской армии, загнавшей Чан Кайши в далекий Чунцин, оставался «больным местом» Японии. В Москве нового посла ждал старый нарком — неуклонно терявший власть, но по-прежнему жесткий, неуступчивый и многословный Литвинов, при котором отношения с Японией были испорчены до крайности. Того начал с возобновления переговоров о заключении рыболовной конвенции, которую некогда сорвал Антикоминтерновский пакт. «Ни на одних из моих дипломатических переговоров мне не приходилось так много спорить, как в тот раз, — вспоминал посол. — Каждая беседа с Литвиновым продолжалась четыре-пять часов, и часто я сильно уставал от его пустословия. Однако, как сообщила мне жена, Литвинов сказал ей, что его удивляет моя разговорчивость»⁵.

Замена Литвинова Молотовым встревожила весь дипломатический корпус. «По всем признакам стало очевидным, что завершение переговоров столкнется с огромными трудностями... Молотов лично уделял так много внимания переговорам даже о мало-мальски важных вопросах (совсем уж неважными занимался его новый заместитель «по Востоку» С.А. Лозовский. — В.М.), что мне становилось неловко беспокоить столь

занятого человека тривиальными делами. В то же время меня поражала его прекрасная осведомленность о них. Более того, в отличие от условий, существовавших при Литвинове, необходимости в затяжных спорах не возникало, и переговоры проходили довольно гладко». Того несколько «лакирует» картину, ибо «переговорщиком» Молотов был жестким, но, по сравнению со своим предшественником, обладал если не большей свободой в принятии решений, то, по крайней мере, возможностью в случае необходимости немедленно сноситься со Сталиным и получать его ответ.

Заслуживает внимания замечание Того, контрастирующее с общепринятым мнением: «В отличие от Литвинова, Молотов, напротив, с готовностью шел на уступки, когда мое мнение представлялось ему правильным, что облегчало переговоры». Думаю, дело обстояло все же так: Молотов чувствовал за собой право идти на частные уступки, которого абсолютно несамостоятельный в партийно-политической иерархии Литвинов был лишен, и шел на них ради достижения крупных целей. Ход его трудных и даже мелочных переговоров с Того о рыболовной конвенции или уточнении границы между МНР и Маньчжоу-го — постоянного источника напряженности — наглядно свидетельствует об этом.

Визиты в Кремль в 1939 г. прибавили послу седых волос, особенно во время конфликта на реке Халхин-Гол, к ликвидации которого он искренне прилагал усилия, но не имел никакой возможности влиять на действия военных. Зато он получил отличный новогодний подарок. «Переговоры о заключении рыболовного соглашения, которые велись во второй половине 1939 года, в последний момент, наконец, увенчались успехом, и его подписание состоялось на заре 1 января. После подписания, в знак завершения переговоров, длившихся всю ночь в стенах Кремля, по приказу Молотова были поданы кое-какие *hors d'oeuvres* (закуски. — В.М.) и напитки, и он поднял тост за улучшение советско-японских отношений, в котором также выразил благодарность за мои усилия. В ответ поднял бокал и я, сказав о знаменательности того факта, что первый день 1940 года, который станет памятным для всего мира, я встречаю в Кремле». Когда надо, советские вожди работали без выходных и праздников.

В наступившем 1940 г. Того продолжал общаться с Молотовым и Лозовским. Первая половина года ушла на решение рутинных вопросов вроде претензий судостроительной фирмы «Мацуо Докиярд» к советскому торгпредству (дело дошло до суда). Стороны уверяли, что идут на максимальные уступки, и

требовали ответных уступок. В отношении пограничных вопросов посол был связан позицией армии, которая готова была видеть национальную измену в «уступке» каждого квадратного метра даже после поражения на Халхин-Голе. Наконец, торг, похоже, надоел обеим сторонам. 9 июня Молотов и Того подписали соглашение об уточнении границы между МНР и Маньчжоу-го, дипломатично оговорив в преамбуле, что правительства самих граничащих стран с ним согласны. Однако в тот же день нарком встретился с гоминьдановским послом Шао Лицзы, который, согласно сухой советской записи, «особенно благодарил тов. Молотова за ту помощь, которую СССР оказывает Китаю в борьбе с Японией».

Именно в таком контексте надо рассматривать важное место из доклада Молотова на шестой сессии Верховного Совета СССР 29 марта, посвященного в основном «зимней войне»: «В наших отношениях с Японией мы не без известных трудностей, но все же разрешили некоторые вопросы (рыболовное соглашение, выплата последнего взноса за КВЖД и т.д. — *В.М.*)... В Японии должны, наконец, понять, что Советский Союз ни в каком случае не допустит нарушения его интересов. (Продолжительные аплодисменты.) Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно.

В связи с Японией скажу два слова по одному, так сказать, не деловому вопросу. (Веселое оживление в зале.) На днях один из депутатов японского парламента задал своему правительству такой вопрос: «Не следует ли обдумать, как коренным образом покончить с конфликтами между СССР и Японией, например, посредством покупки Приморья и других территорий*». (Взрыв смеха.) Задавший этот вопрос японский депутат, интересующийся покупкой советских территорий, которые не продаются (смех), по меньшей мере, веселый человек. (Смех, аплодисменты.) Но своими глупыми вопросами он, по-моему, не поднимает авторитета своего парламента. (Смех.) Однако, если в японском парламенте так сильно увлекаются торговлей, не заняться ли депутатам этого парламента продажей Южного Сахалина? (Смех, продолжительные аплодисменты.) Я не сомневаюсь, что в СССР нашлись бы покупатели. (Смех, аплодисменты)». Несмотря на шутки-прибаутки, Молотов четко и серьезно ответил на важный вопрос. И сделал это вполне в «парламентских» вы-

* Эта идея неофициально, но активно муссировалась в японских политических кругах и средствах массовой информации с конца 1920-х гг.

ражениях, потому что, например, англо-французскую оценку мирного договора с Финляндией он в том же докладе попросту охарактеризовал как «дикость и пустую брехню».

Беседа наркома с послом 2 июля принципиально отличалась от всех предыдущих. После общих фраз Того с места в карьер предложил заключить пакт о нейтралитете и передал собеседнику его набросок, оговорившись, что «дух проекта согласован с Японским правительством, а текст составлен им самим». Однако никакой самодеятельности тут не было. Как показывают документы из японских архивов, опубликованные историком Кудо Митихиро, согласование проекта шло на протяжении двух месяцев при непосредственном участии армии. 28 апреля министр иностранных дел Арита сообщил послу о предстоящей нормализации отношений с Москвой в форме пакта о нейтралитете. Первоначальный вариант был готов 11—12 мая, но из-за разногласий в правительстве Того получил добро на вручение Молотову согласованного текста только через полтора месяца спустя. Вот он:

«Статья 1. 1. Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между обеими странами остается конвенция об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанная 20 января 1925 года в Пекине. 2. Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья 2. Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья 3. Настоящее соглашение заключается на пять лет» (текст из АВП РФ).

Проект был составлен точно по образцу советско-германского пакта о нейтралитете 1926 г. (Берлинский договор).

Поясняя то, что осталось «за кадром», Того сказал: «Если между Японией и СССР будет заключено соглашение о нейтралитете, то японское правительство не только надеется, но и твердо убеждено, что заключение такого соглашения окажет благоприятное влияние на рыболовный и концессионный вопросы и концессионные предприятия смогут нормально вести свою деятельность. Это является пожеланием японской стороны, и он (Того. — В.М.) хочет, чтобы советская сторона имела в виду обеспечение нормальной работы предприятий. Что же касается

Китай, говорит Того, то он считает, что Наркому хорошо известно, что в течение трех лет Япония ведет в Китае военные действия большого масштаба. Поэтому японская сторона желает, чтобы советская сторона имела в виду те обстоятельства, которые вытекают из военных действий».

Дальнейший разговор заслуживает особого внимания, потому что нарком и посол впервые говорили так откровенно и осветили все принципиально важные вопросы двусторонних отношений. Подобных дискуссий не было, пожалуй, со времен Хирота и Карахана (первый давно был в отставке, а второй и вовсе расстрелян).

«На просьбу тов. Молотова более подробно разъяснить последнюю мысль, высказанную Того, последний заявляет следующее. Если говорить более откровенно о Китае, то в настоящее время Япония предложила Франции запретить провоз оружия через Индо-Китай для чунцинского правительства... С другой стороны, Япония предлагает английскому правительству не допускать провоза оружия через Бирму, а также не оказывать никакой другой помощи чунцинскому правительству... Именно такие же отношения Япония желает иметь и с СССР. Если Япония и СССР войдут в такие дружественные отношения и между ними будет заключено соглашение о нейтралитете, то Япония хочет, чтобы советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству. Япония желает достичь такого понимания. И такое пожелание японской стороны исходит из общего положения, существующего в Китае. Поэтому он думает, что это положение не является слишком далеко идущим.

Тов. Молотов говорит, что по вопросу о заключении соглашения о нейтралитете он пока может высказать только свое личное предварительное мнение и сможет дать ответ на японские предложения после того, как этот вопрос будет обсужден Советским правительством. Основная мысль, высказанная Того, по мнению тов. Молотова, будет встречена Советским правительством положительно... Касаясь вопроса о Китае, тов. Молотов говорит, что... сейчас этот вопрос для СССР не является актуальным, поскольку в данный момент все разговоры о помощи Китаю не имеют под собой почвы (ох, лукавил Вячеслав Михайлович! — *В.М.*). Если бы СССР помогал Китаю, то Китай не находился бы в таком положении, в каком он находится сейчас. У СССР имеются свои нужды, и сейчас он занят обеспечением своих нужд по обороне страны.

Тов. Молотов считает правильным откровенное высказы-

вание Того о желании японской стороны договориться по конкретным вопросам и указывает, что по коренным и другим вопросам обе стороны могут договориться, если они будут считаться с интересами друг друга. Если такое разрешение вопроса является желательным для СССР, то оно является также желательным для Японии, тем более что для Японии на юге Азии и на прилегающих к ней островах, в связи с теперешним положением Голландии, Франции и Англии, как с экономической, так и с военной точек зрения, возник ряд интересных вопросов. Вот почему, учитывая эту обстановку, обе страны, играющие большую роль в международной политической жизни, должны правильно учесть права и интересы друг друга и найти почву, чтобы сделать их отношения прочными и стабильными, в результате чего стабильность интересов была бы обеспечена должным образом».

Молотов прозрачно намекнул, куда Японии надлежит направить свою экспансию и что Советский Союз против такого хода событий возражать не будет. За что и рассчитывает на удовлетворение своих требований по гораздо более актуальным для него вопросам, касающимся рыболовства и концессий. В идеале Москва хотела полностью ликвидировать японские концессии на Северном Сахалине и удалить японские рыболовные суда из своих территориальных вод, предпочитая монополизировать торговлю нефтью, углем и рыбой.

«Далее тов. Молотов указывает, что заключение соглашения о нейтралитете должно будет ликвидировать разные отрицательные моменты во взаимоотношениях обеих стран. Тов. Молотов полагает, что, во-первых, прекратятся враждебные выступления официальных и военных лиц, как это имело место раньше, а во-вторых, белоэмигранты не будут находиться в таком привилегированном положении, как это имело место раньше, когда они пользовались поддержкой японских и маньчжурских властей. Ликвидация этих моментов уничтожит почву для политических осложнений. Эти моменты должны найти свое отражение в соглашении...

Что же касается международной обстановки, продолжает тов. Молотов, то Того здесь прав. Обстановка меняется не только в Европе, Африке и Азии, но он может добавить, что эти изменения касаются также и Америки. Это показывает и подчеркивает то обстоятельство, что поскольку оба правительства заинтересованы в том, чтобы эти изменения в обстановке происходили не при пассивном отношении с обеих сторон, постольку и СССР, и Япония заинтересованы в том, чтобы ни Япо-

ния, ни СССР не были обижены в результате этих изменений. Чем лучше мы поймем друг друга на случай этих изменений, тем это будет более правильным для обеих сторон. Тов. Молотов добавляет, что до осени 1939 г. отношения между СССР и Германией были неважными, однако когда мы откровенно поговорили друг с другом и установили, что это невыгодно и не отвечает интересам обеих сторон, то СССР и Германия нашли возможным договориться и улучшить те моменты, в которых они были заинтересованы. Поэтому, подчеркивает тов. Молотов, при желании обеих сторон отношения между ними могут стать благоприятными, если при этом не будет ущерба взаимным интересам и правам. Проявленная сегодня инициатива японской стороны будет правильно понята и учтена, и пожелания Того найдут соответствующий отклик. В заключение тов. Молотов указывает, что если отношения между СССР и Японией будут стабилизированы, то и Америка будет более серьезно считаться как с интересами СССР, так и с интересами Японии... Тов. Молотов заявляет, что задержки с ответом Советского правительства не будет. Нужно заботиться только о хорошем соглашении и взаимном согласовании интересов, что особенно важно в данной обстановке».

Это был самый положительный и самый конкретный ответ, который мог дать Молотов до разговора со Сталиным. Последующие переговоры о пакте знали «приливы и отливы», но день 2 июля 1940 г. стоит запомнить особо.

Правда, за этим последовала пауза. Советское руководство было занято экспансией в Прибалтике, а в Японии сменился кабинет. Вопреки усилиям группы политиков и дипломатов радикально-евразийской направленности, ее лидер и идеолог Сиратори Тосио не стал министром иностранных дел — как человек слишком крайних для истеблишмента взглядов. Мацуока Ёсукэ, красноречивый оратор и удачливый администратор, двумя десятилетиями ранее оставивший дипломатическую службу ради карьеры на Южно-Маньчжурской железной дороге, казался более солидным и осмотрительным, а потому Коноэ остановил выбор на нем.

Новый министр сразу же декларировал необходимость улучшения отношений с Москвой, однако его практические действия на первых порах дали обратный результат. Во-первых, вице-министром стал бывший заместитель министра (фактически министр) иностранных дел Маньчжоу-го Охаси Тюити, настроенный антирусски и антисоветски, но лично близкий к Мацуока (Сиратори получил почетную, но лишенную реально-

го значения должность советника МИД). Во-вторых, министр сразу же затеял глобальную кадровую перестановку, включая замену почти всех послов и посланников, что на время дезорганизовало работу всего ведомства.

Выступая на седьмой сессии Верховного совета СССР 1 августа, Молотов был сдержан: «Относительно Японии можно сказать, что в последнее время наши отношения начали несколько нормализоваться... Можно признать, что вообще есть известные признаки желания японской стороны к улучшению отношений с Советским Союзом. При взаимном признании интересов сторон, поскольку обе стороны поймут необходимость устранения некоторых потерявших значение препятствий на этом пути, такое улучшение советско-японских отношений осуществимо». Это контрастировало с нарисованной им радужной картиной советско-германских отношений и с мрачной картиной советско-американских.

5 августа Того посетил Молотова и, напомнив о сделанном месяц назад предложении, попросил ускорить ответ. 14 августа он был дан:

«Настоящим Советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией, если при этом будут учтены интересы не только Японии, но также и СССР...

Советское правительство считает необходимым заявить, что интересы СССР и Японии, в том числе интересы соглашения о нейтралитете, прежде всего требуют того, чтобы урегулировать некоторые существенные вопросы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешенном состоянии является и будет являться серьезным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами».

Главные возражения вызвали ссылки на Пекинскую конвенцию как на основу двусторонних отношений. Во-первых, она предусматривала оставление в силе Портсмутского договора 1905 г., который Япония нарушила, оккупировав Маньчжурию в 1931—1932 гг. Во-вторых, Москва давно прилагала усилия к ликвидации концессий на Северном Сахалине, появившихся благодаря этой конвенции. Советский Союз хотел «отыграть» уступки, на которые ему пришлось пойти пятнадцать лет назад. Статьи 2 и 3 проекта были приняты.

«Советское правительство считало также необходимым отметить то важное обстоятельство, что предлагаемый договор предоставляет Японии максимум выгод, улучшает ее позиции на се-

вере для того, чтобы она могла развить активные действия на юге, тогда как для СССР, который как страна не воюющая получает лишь незначительную выгоду, должны возникнуть новые сложные вопросы в его взаимоотношениях с другими державами. Закладывая с Японией договор о нейтралитете, СССР рискует ухудшить в известной степени свои отношения с Китаем и с рядом государств, имеющих серьезные интересы в бассейне Тихого океана и Южных морей, что, следовательно, может нанести Советскому Союзу существенный ущерб, и не только экономический. Между тем японское правительство, выдвигая предложение о заключении договора о нейтралитете, не проявляет внимания к этому обстоятельству, затрагивающему важные интересы СССР, чья мирная политика всегда учитывает также интересы соседних государств (видимо, имелась в виду Прибалтика. — В.М.). В виду вышесказанного Советское правительство раньше, чем заключить соглашение с Японией о нейтралитете, хотело бы получить от японского правительства разъяснение о его позиции по вопросу о мерах, могущих свести к минимуму тот ущерб интересам СССР, который может быть нанесен Советскому Союзу заключением договора о нейтралитете между СССР и Японией». Ответ был серьезный, но составители «Документов внешней политики» почему-то проигнорировали этот важный текст даже после публикации его Б.Н. Славинским.

Как и в случае с Германией годом раньше, Сталин и Молотов предлагали серьезно поторговаться, поскольку Японии — в данной ситуации — договор был нужен больше, чем СССР. Буквально в эти дни в Токио окончательно оформился курс «продвижения на юг», в сторону колоний европейских держав — не только разгромленных Франции и Голландии, но также воюющей Англии и не воюющей Португалии. Применять там военную силу можно было, только имея надежный тыл на севере.

Переговоры начались успешно, но в ходе «большого землетрясения», как окрестили кадровую чистку Мацуока, 29 августа Того был отозван, о чем на следующий день он оповестил Молотова. Ответа на советские предложения посол еще не получил, поэтому разговор свелся к обмену любезностями, за которыми, впрочем, крылось нечто большее, чем простая формальность:

«В ответ на вопрос Того, как чувствует себя нарком*, несмотря на свою большую занятость, тов. Молотов ответил, что хотя он и занят, однако всегда готов заниматься японо-советскими делами.

* Традиционный для японского этикета вопрос при встрече «*О-гэнки дэс ка?*» (дословно: «Как ваше здоровье?») играет роль русского «Как дела?».

Того сказал, что, как и раньше, он от всего сердца желает, чтобы отношения между Японией и СССР были хорошими. К этому всегда были направлены его усилия, и он имел удовольствие начать переговоры с тов. Молотовым по урегулированию вопросов японо-советских отношений. Однако, добавляет Того, к его великому сожалению, он, возможно, не увидит результатов своей работы в период своего пребывания в Москве.

Тов. Молотов также выразил свое сожаление по этому поводу и заявил, что так как переговоры по этим вопросам только что начались, то очень жаль, что не придется вести переговоры с Того. Мы научились лучше понимать друг друга, чем раньше, добавляет тов. Молотов*.

«Сейчас, указывает Того, имеется подходящий случай для разрешения коренных вопросов. Нужно ковать железо, пока горячо. Тов. Молотов бросает реплику: «Правильно. Совершенно правильно». Далее Того добавляет, что, к сожалению, в его бытность не удастся договориться и в дальнейшем придется еще раз подогревать железо, чтобы его снова можно было ковать. В заключение Того говорит, что он искренне желает, чтобы СССР и Япония находились не только в нормальных отношениях, но и в хороших отношениях. Поэтому он желает, чтобы между обеими странами было достигнуто не только соглашение о нейтралитете, но и созданы более тесные отношения». Под конец Того попросил о личной встрече со Сталиным, чтобы «засвидетельствовать свое почтение и поговорить о некоторых вещах». Сталин послов не принимал, и встреча не состоялась.

Менять *такого* посла в *такой* ситуации было очевидной глупостью. Но Мацуока пошел на это, дабы показать всем, «кто в доме хозяин», руководствуясь не национальными интересами, а соображениями личного бюрократического престижа. На смену Того был назначен отставной генерал-лейтенант Татэкава Ёсицугу, имевший некоторый дипломатический опыт: в первой половине тридцатых он участвовал в переговорах по разоружению. В антисоветских настроениях он замечен не был, но для предназначенной ему роли, тем более в начале столь ответственных переговоров, никак не подходил*. Видимо, с учетом этого

* 20 сентября 1939 г. временный поверенный в делах Н.И. Генералов сообщал из Японии: «Недавно на одном из собраний правых организаций в Токио известные руководители фашистской молодежи полковник Хасимото Кингоро и генерал Татэкава Ёсицугу потребовали быстрее сближения с СССР вплоть до заключения пакта о ненападении, чтобы окончательно разделаться с Англией». Ср. заявления Накано Сэйго и Сиратори Тосио, приведенные в главе пятой.

в помощь ему был назначен советник-посланник Ниси Харухико, ранее служивший в Москве и неплохо разбиравшийся в русских делах.

5 сентября Молотов и Того обсуждали японский ответ по рыболовному вопросу, но разговор естественно перешел на более общие темы. «Касаясь Портсмутского договора, тов. Молотов говорит, что в целом такой договор не может быть базой для развития японо-советских отношений, ибо он в своих существенных частях не просто не выполнен, а нарушен. Кроме того, в ряде существенных пунктов он устарел и не соответствует обстановке. Если не считаться с этим и не считаться с изменениями, происшедшими в положении СССР и Японии, то такой подход к делу ничего хорошего не может дать. Если Япония думает строить свои отношения с СССР на базе Портсмутского договора, заключенного после поражения России, то это глубокая ошибка. Нельзя делать Портсмутский мир, заключенный после поражения России и напоминающий собой Версальский мир, базой для развития хороших отношений между СССР и Японией... Пора признать, что должна быть найдена такая основа, которая не была бы похожа на основу, существовавшую 25 или 15 лет тому назад, ибо с тех пор много воды утекло и в положении СССР произошли соответствующие изменения. Поэтому СССР ни в коей мере не может считать основой этот договор и он ищет новую, действительную базу для развития более нормальных и более благожелательных отношений, и если Япония хочет этого же, то СССР пойдет навстречу Японии и это будет соответствующим образом отражено в рыболовной Конвенции. Если японским правительством это не будет понято, то, значит, не будет понята необходимость устранения устаревших препятствий, лежащих на пути улучшения японо-советских отношений».

Того поупирался, но без толку. Возражать против ссылок на «изменение обстоятельств» как причину невыполнения договоров или мотивировку их пересмотра японским дипломатам не приходилось — это был их излюбленный аргумент против диктата «версальско-вашингтонской системы».

17 октября Того был у Молотова с прощальным визитом. «Посол заявил, что за время его 2-летнего пребывания в СССР были обсуждены и благополучно разрешены различные вопросы. Затем Того говорит, что он покидает Москву в тот момент, когда между обеими странами наметились основы улучшения отношений, и выражает свою горячую благодарность Советскому правительству, и в частности тов. Молотову, за сотрудни-

чество и оказанное ему содействие в работе. Тов. Молотов говорит, что он с удовольствием принимает заявление Того по поводу его совместной работы с наркомом, и добавляет, что Того показал себя не только хорошим и опытным дипломатом, умеющим защищать порученное ему Японским правительством дело, но и человеком, с которым при всех разногласиях можно было добиться понимания в разрешении спорных вопросов. Поэтому, продолжает тов. Молотов, он отмечает заслуги Того в разрешении всех тех вопросов, которые ему приходилось разрешать совместно с Того. Затем тов. Молотов отмечает улучшение японо-советских отношений за время пребывания Того и указывает, что одно это уже подводит итоги деятельности Того на посту посла, и выражает пожелание, чтобы японо-советские отношения развивались в сторону дальнейшего улучшения и взаимного понимания». Полагаю, последние слова были адресованы не столько отправленному в отставку послу, сколько его начальству.

Разговор зашел и о Тройственном пакте, заключенном тремя неделями ранее. Посол заявил, что он «ничуть не затрагивает политику СССР», т.е., надо полагать, никак ему не угрожает, поскольку вовсе «не затрагивать» интересы самой большой евразийской державы он не мог. Молотов ответил уклончиво: «Поскольку можно судить по теперешним данным, пакт не является препятствием для улучшения и дальнейшего развития отношений (СССР. — *В.М.*) с державами, подписавшими пакт». Вместе с тем тов. Молотов подчеркнул, что пока тот пакт еще не дал и таких результатов, которые свидетельствовали бы о благоприятном влиянии пакта на развитие отношений участников пакта с другими странами».

«Прощаясь, тов. Молотов пожелал Того благополучно доехать и в самой Японии получить назначение на более высокий пост». Выше был только пост министра, на котором прочно, как казалось в тот момент, закрепился Мацуока. Того еще станет министром, причем дважды, но оба раза очень «неудачно» — в октябре 1941 г. в кабинете Тодзио, объявившем войну Соединенным Штатам и Великобритании, и в апреле 1945 г. — в кабинете Судзуки, которому придется принимать решение о капитуляции Японии. Если бы Того не был назначен министром, то, вероятно, занял бы куда более скромное место в истории XX в. Но зато избежал бы Токийского процесса, тюремной камеры и смерти в американском военном госпитале.

Новый посол Татэкава прибыл в Москву 23 октября, но еще до приезда сделал заявление, что не будет продолжать начатые

Того переговоры, а начнет новые. Молотова это, разумеется, заинтриговало. Во время прощальной беседы с Того он поинтересовался подробностями, но тот был не в курсе: видимо, Мацуока уже не считал нужным его информировать.

22 октября «Нью-Йорк Таймс» опубликовала сенсационное сообщение из Токио относительно того, что Татэкава собирается предложить Советскому Союзу: взаимное признание де-юре Маньчжоу-го и МНР как сателлитов Японии и СССР, но с открытием в Синьцзине (бывший Чанчунь) и Улан-Баторе соответствующих дипломатических миссий; отвод ОКДВА и Квантунской армии от границы; признание Японией советского приоритета в Синьцзяне, где влияние Москвы с середины тридцатых было неоспоримым⁶.

Сюжеты, затронутые в этом сообщении, действительно будут возникать в ходе дальнейших переговоров, но предложения, которые Татэкава 30 октября сообщил наркому, были иными. Они предусматривали договор не о нейтралитете, но о ненападении, аналогичный советско-германскому пакту 1939 г., по следующему проекту:

«Статья 1. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами.

Статья 2. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти третьи державы.

Статья 3. Правительства обеих Договаривающихся Сторон будут поддерживать в будущем тесный контакт друг с другом для обмена информацией или для консультаций по вопросам, затрагивающим общие интересы обоих правительств.

Статья 4. Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья 5. В случае возникновения между Договаривающимися Сторонами споров и конфликтов по вопросам того или иного рода таковые споры и конфликты будут разрешаться исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссии по урегулированию конфликта.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу со дня его подписания и сохраняет силу в течение десяти лет. Если ни одна из

Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения указанного срока, настоящий Пакт будет считаться автоматически продленным в своем действии на следующие пять лет» (текст из АВП РФ).

Записи этой беседы не опубликованы, поэтому ее содержание известно только из телеграммы Молотова в Токио полпреду Сметанину. Предлагался «дипломатический блицкриг»: заключить договор, а прочие вопросы решать уже потом. Принимая аналогию, нарком решил довести ее до логического завершения: «Напомнив послу, что в 1939 году между СССР и Германией не просто был подписан пакт о ненападении, но одновременно была достигнута договоренность о существенных интересах обеих сторон, я сказал, что в связи с этим хотел бы получить пояснения по вопросам, затронутым в нашем ответе от 14 августа... Татэкава ответил, что японское правительство желает заключить пакт без каких-либо компенсаций».

Мацуока явно недооценил партнеров. Был уверен, как некогда Гитлер и Риббентроп, что Москва с радостью ухватится за его предложение и не потребует ничего взамен? Если так, то он был крайне наивен. Может, решил рискнуть — авось выйдет, — но Москва сразу дала понять, что с ее условиями придется считаться. Молотов четко повторил Татэкава все то, о чем говорил раньше: в качестве основы двусторонних отношений Пекинская конвенция и тем более Портсмутский мир неприемлемы, а пакт надо готовить параллельно с рассмотрением «практических вопросов, интересующих обе стороны». Цену согласия, которой посол немедленно поинтересовался, Молотов не назвал, сославшись на необходимость изучить полученный проект и на отсутствие ответа на свои августовские предложения.

Нет, Мацуока не был наивен. Зная от Риббентропа, что Молотов осенью собирается в Берлин, он проинформировал рейхсминистра о желании заключить пакт с Москвой по образцу советско-германского и попросил о содействии. Готовясь к визиту, Молотов вписал в «Некоторые директивы к берлинской поездке»: «О советско-японских отношениях — держаться вначале в рамках моего ответа Татэкава», имея в виду именно этот разговор. На ноябрьских советско-германских переговорах первым поднял вопрос Риббентроп, напомнив, что «в свое время он в Москве высказал Сталину свой взгляд, как Германия приветствовала бы улучшение советско-японских отношений. Он понял Сталина тогда так, что было бы неплохо, если бы Германия содействовала в этом отношении. Он

это сделал и полагает, что эта работа принесла уже некоторые плоды. Не только во время пребывания в Москве, но в течение последних 7—8 лет* он считает, что между СССР и Японией возможно такое же разграничение сфер интересов, как между СССР и Германией. Он считал и считает, что территориальная политика Японии должна быть направлена не на Север, а на Юг. Он сделал все возможное, чтобы это было так. Он это сделал и по другой причине, исходя из мысли, что рано или поздно Англия будет с Германией воевать, и он рекомендовал японцам вести эту политику и сам ее всячески поддерживал» (советская запись).

Гитлер о Японии почти не вспоминал, Молотов не спрашивал. Разговор вернулся к ней только во время последней беседы в бомбоубежище Риббентропа, куда хозяина и гостя загнала британская авиация. «Министр говорит о том, что он всегда проявлял интерес к отношениям между СССР и Японией. Он не знает, может ли он спросить у Молотова о состоянии этих отношений. Со слов Молотова он понял, что имеются признаки, что эти отношения будут улучшаться более быстрыми темпами. Он располагает информацией, что в Японии придают значение заключению пакта о ненападении с СССР. Он не хочет вмешиваться в эти дела, но считает, что может быть полезно переговорить по этим вопросам. Может быть, выявится необходимость посреднического влияния Германии. Он помнит слова Сталина, что азиатов он, Сталин, знает лучше, чем Риббентроп. Но он, Риббентроп, знает, что Япония готова к соглашению с СССР на широкой основе. Если удастся заключить пакт о ненападении, то Япония хотела бы в широком масштабе урегулировать все висящие в воздухе вопросы советско-японских отношений. Японцы его ни о чем (т.е. о посредничестве. — *В.М.*) не просили. Но Риббентроп говорит, что им получены сведения, что японское правительство в случае заключения договора о ненападении готово признать интересы СССР во Внешней Монголии (МНР. — *В.М.*) и Синцзяне, если удастся достигнуть соглашения с Китаем. В случае присоединения СССР к пакту трех, что было бы равносильно договору о ненападении с Японией, стало бы возможным установить сферы интересов СССР в Британской Индии. В вопросах сахалинских концесий японцы тоже готовы были бы пойти навстречу, если состоится соглашение. Но японцы должны для этого преодолеть

* Получается, со времени прихода нацистов к власти в 1933 г. Интересно...

некоторое сопротивление внутри страны» (советская запись). Заключительными фразами Риббентроп дал понять, что информирован о проблемах советско-японских отношений и готов помочь в их разрешении.

Вернувшись из Берлина, Молотов 18 ноября пригласил Татэкава. Поездка наркома вызвала несчетное количество слухов, которые без устали опровергал ТАСС. Вот два любопытных примера. Агентство Юнайтед Пресс передало, что «Япония достигла соглашения с Советским Союзом, определяющего сферы влияния на Дальнем Востоке и предусматривающего прекращение помощи Чунцину со стороны Советского Союза». Газета «Нью-Йорк Уорлд Телеграмм» утверждала, что Татэкава предложил СССР «всю или часть Британской Индии, если Советский Союз присоединится к коалиции трех держав», а также попросил «об уступке Восточной Сибири Японии». ТАСС имел все основания заявлять, что «утки» газетчиков (а может, разведчиков?) не соответствуют действительности, но дыма без огня не бывает. Легко представить себе, как волновались дипломаты, читая подобные сообщения и опровержения на них. Волновался и Татэкава. Наверное, не мог дождаться, когда же сможет увидеться с Молотовым.

Теперь Москва не только продолжала деловой разговор, но и назвала цену.

«Сославшись на свои беседы в Берлине, — сообщал Молотов Сметанину, — я сказал, что из бесед с Риббентропом мне стало известно, что Япония действительно готова сделать шаг вперед в деле улучшения советско-японских отношений и готова пойти на широкое совещание с СССР, и тем самым у меня отпали сомнения, которые я раньше имел насчет действительного желания японского правительства улучшить отношения с СССР. Я сказал Татэкава, что от Риббентропа мне стало известно, что Япония готова признать сферой интересов Советского Союза Внешнюю Монголию (МНР. — *В.М.*) и Синьцзян, а также готова пойти навстречу СССР в вопросе о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Однако, заявил я, последнее предложение японского правительства о пакте ненападения может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что, как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что СССР вернул ряд территорий, ранее утерянных нашей страной, а потому общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении утерянных тер-

риторий. Если поставить вопрос о заключении пакта о ненападении между СССР и Японией, то обязательно встанет и вопрос о возвращении Советскому Союзу таких утерянных ранее территорий, как Южный Сахалин, Курильские острова, и уже во всяком случае на первый раз как минимум встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов».

Надо сказать честно: Сталин и Молотов опять зарвались, как в случае с военными базами на Босфоре. Можно задуматься о «наивности» советских руководителей, полагавших, что Япония расстанется хотя бы с частью своей территории, полученной в ходе победоносной войны. Может, какие-то земли или «интересы» в Китае она бы и уступила, но то, что было взято с боем, только с боем можно было получить обратно.

Однако Сталин и Молотов все-таки придерживались Realpolitik. Понимая неприемлемость этого варианта для Японии, они припасли запасной.

«Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет говорить относительно заключения пакта о ненападении, но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас* не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий. При этом я указал, что пакт о нейтралитете с одной стороны достаточен для того, чтобы сделать серьезный шаг в деле улучшения японо-советских отношений, а с другой стороны он обеспечивает все необходимое для развязывания рук Японии для ее деятельности на Юге. Я пояснил, что в случае заключения пакта о нейтралитете не потребуется ставить таких вопросов, как вопрос о Внешней Монголии, где и базируются наши войска, и о Синьцзяне, постановку которого мы считаем нецелесообразным, а также вопросы о возврате утерянных нами территорий».

После этого Молотов вручил послу свой проект пакта.

Статья 1. Обе договаривающиеся стороны заявляют, что будут поддерживать мирные и дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность.

Статья 2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий (обратим внимание: про-

* Значило ли это «сейчас», что территориальные проблемы все равно остаются, но решение их откладывается на будущее?

сто «военных действий», а не «агрессии» или «нападения». — В.М.) со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья 3. Настоящий Пакт о нейтралитете вступает в силу немедленно со дня его подписания и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 4. Настоящий пакт подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в... (пропуск в оригинале. — В.М.). Пакт вступает в силу немедленно после его подписания» (текст из АВП РФ).

Протокол о ликвидации концессий, который предлагалось подписать одновременно с пактом, предполагал следующее (в изложении Молотова):

«1) Японская нефтяная и угольная концессии на Северном Сахалине ликвидируются, а соответствующие концессионные договоры от 14 декабря 1925 года аннулируются. Имущество концессионных предприятий переходит в собственность СССР.

2) Советское правительство согласно выдать концессионерам за сделанные ими вложения справедливую компенсацию.

3) Советское правительство согласно гарантировать японскому правительству поставку нефти в течение 5 лет около 100 тысяч тонн ежегодно».

Татэкава не имел полномочий принять или отвергнуть проект: «не возражая против предложения о заключении пакта о нейтралитете, [посол] заявил, что, по его мнению, этот пакт также может улучшить японо-советские отношения». До получения официального ответа из Токио Татэкава «высказал личное мнение о желательности увеличения размера ежегодной поставки нефти до 200 тысяч тонн, что позволило бы ему с большим успехом рекомендовать японскому правительству принять мои (Молотова. — В.М.) предложения».

Ответ был дан молниеносно: заявив об «исключительной сложности» (что в вежливом японском языке означает «невозможность») ликвидации концессий, Мацуока 20 ноября телеграфировал Татэкава предложение о продаже Северного Сахалина. На следующий день посол был у Молотова, и их продолжительная беседа стала столь же значимой, как и беседа Молотова и Того 2 июля. Только с «обратным знаком».

«Японское правительство считает, — говорится в советс-

кой записи беседы, — что проект пакта о нейтралитете заслуживает изучения, а проект протокола о ликвидации концессий является абсолютно неприемлемым. Японское правительство предлагает Советскому Союзу продать Японии Северный Сахалин с тем, чтобы положить конец спорам между СССР и Японией».

Территориальный спор России и Японии возник не в результате последней войны, а гораздо раньше. Хозяин спорных территорий не сомневался, что владеет ими по праву. Другая сторона утверждала, что несправедливо лишилась их. Именно об этот подводный камень разбились переговоры осени сорокового. Посол развернул перед наркомом хорошо отработанную аргументацию.

«Когда т. Молотов говорил о возвращении некоторых утраченных территорий и указывал, в частности, на Южный Сахалин и Курильские острова, то уже тогда это вызвало большое удивление посла. Северный Сахалин, продолжает Татэкава, в свое время принадлежал Японии, но ввиду большой занятости Японии внутренним устройством своей страны в эпоху Мэйдзи ей в 1875 году пришлось пойти на большую уступку и передать Сахалин России. Позднее Япония по мирному (Портсмутскому. — *В.М.*) договору 1905 года возвратила (себе. — *В.М.*) южную часть Сахалина. В 1920 году в связи с инцидентом в Николаевске на Дальнем Востоке Северный Сахалин был оккупирован Японией в качестве гарантии, и в 1925 году во время заключения Пекинской конвенции, когда советская сторона выразила искреннее сожаление об этом инциденте, японское правительство согласилось эвакуировать Северный Сахалин за счет предоставления советским правительством нефтяной и угольной концессий Японии. Все эти исторические факты, указывает Татэкава, ясно говорят о заинтересованности Японии в Сахалине, и в данном случае право возврата утраченных территорий скорее принадлежит Японии. Права Японии на концессии Северного Сахалина и на рыболовство являются политическими правами, в корне отличаясь от тех (концессионных. — *В.М.*) прав, которые СССР предоставляет другим иностранным государствам».

Японские дипломаты любят ссылаться на «исторические права» своей страны. Советские «исторические» контраргументы выглядели не менее убедительно. Но Сталина и Молотова «истории» не интересовали — в ответ они ссылались на интервенцию и ее последствия. А решать проблему предстояло именно с ними.

Следующий аргумент посла был более уместен: «Напомним слова т. Молотова, сказанные им в беседе 18 ноября о том, что после заключения советско-германского пакта о ненападении без возвращения утерянных территорий нельзя заручиться согласием советского народа на заключение пакта о ненападении, Татэкава указывает, что этот возврат утерянных территорий имел место за счет третьих держав, а не за счет Германии, и потому это в корне отличается от возвращения тех территорий, которые требуют от Японии, и это наносит ущерб Японии». Молотов парировал, но не слишком убедительно: «Когда Татэкава говорил, что при заключении пакта о ненападении с Германией речь шла о территориях за счет третьих стран, то это не совсем так, ибо там были и территории, на которые претендовала Германия (претендовала, но не владела ими к моменту заключения договора! — *В.М.*), но о которых обе стороны договорились».

Тогда Татэкава попытался сыграть в обиженного: «Международная обстановка развивается в пользу СССР, и нет ничего удивительного в том, что СССР хочет этим воспользоваться. Однако он считает, что когда говорится о продаже Курильских островов, то это является слишком большим требованием. Вам, видимо, кажется, — продолжает Татэкава, — что Япония, ведущая длительную войну с Китаем, истощена и поэтому должна делать уступки. Действительно, Япония до некоторой степени истощила свои силы (такое признание в устах посла, да еще отставного генерала, многого стоит! — *В.М.*), но теперь взялась за создание новой структуры* и восстановление своих сил вопреки Вашим ожиданиям, и к тому же он полагает, что и Чан Кайши также пойдет навстречу Японии». Последняя фраза прозвучала для Молотова особенно комично: он-то точно знал, что Чан Кайши ни на какие уступки не пойдет, потому что этого не допустят США и Великобритания при явном согласии Москвы.

Татэкава оказался в тупике. Нарком решил «помочь» ему, напомнив, что вопрос об «утерянных» территориях сейчас не

* «Новая политическая структура» — разработанный в окружении Коноэ проект авторитарной перестройки государственных и социальных структур Японии, предусматривавший объединение всех политических партий, общественных организаций и движений, профессиональных союзов и т.д. в Ассоциацию помощи трону (АПТ) во главе с премьер-министром и под контролем правительства. Процесс формирования «новой политической структуры» начался летом 1940 г. с приходом Коноэ к власти и в целом был завершен к весне 1941 г. К концу войны на Тихом океане «новая политическая структура» фактически распалась; АПТ была официально ликвидирована в январе 1945 г.

ставится. «Сейчас актуальным вопросом т. Молотов считает вопрос о ликвидации нефтяной и угольной концессий, считая этот вопрос выгодным для обеих стран, и в результате чего Япония ничего серьезно не теряет, а советская сторона обязуется поставлять нефть в тех же количествах, в каких Япония добывает сейчас... Далее т. Молотов говорит, что он считает, что международная обстановка складывается одинаково благоприятно как для СССР, так и для Японии, особенно если Япония и СССР найдут общий язык и установят взаимное понимание».

Собеседники расстались в ожидании ответа из Токио, но никаких иллюзий у Молотова не было. 22 ноября он кратко телеграфировал Сметанину: «Беседа показала, что пока с нашими переговорами ничего не выходит. Мы, во всяком случае, пождем, ускорять события не имеем желания». «На всякий случай» в тот же день заместитель наркома С.А. Лозовский сообщил советскому полпреду в Чунцине А.С. Панюшкину: «Думаем послать в помощь китайцам авиацию и артиллерию и также бензин... Договоритесь об этом лично с Чан Кайши в конкретном порядке. Мы не знаем, нужны ли китайцам также ручные и станковые пулеметы. Если нужны, можем послать». На фоне переговоров с Японией это выглядело, прямо скажем, не вполне честно, но не стоит забывать о таком нюансе: Чан Кайши покупал советское оружие на американские деньги, попадавшие таким образом в Москву. А советско-американские экономические отношения в тот момент были в «точке замерзания».

Относительно предполагаемой реакции Токио Молотов не ошибся. Следующий разговор с Татэкава 13 декабря, посвященный в основном вопросам рыболовства, прошел на повышенных тонах. «Т. Молотов подчеркивает, что если Япония думает оставить без изменений на веки вечные Портсмутский договор, на который в Советском Союзе смотрят так же, как в Западной Европе смотрят на Версальский договор, то это является грубой ошибкой... О принятии предложения, сделанного Татэкава, не может быть и речи». В тупик зашли не только переговоры о пакте, но и советско-японские отношения в целом. Москва дала понять, что ждет радикальных решений.

Тогда Мацуока решил действовать. 3 февраля 1941 г. он представил «Основные принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом», предполагавшие заключение четырехстороннего пакта. На этом основании некоторые объявляют его чуть ли не «отцом» идеи «континентального блока», хотя Сиратори — не говоря уже о Хаусхофере или Риббент-

ропе — открыто пропагандировал ее еще с осени 1939 г. На его приоритет Мацуока не ссылался не только в силу чрезмерного честолюбия. Он почти ненавидел Сиратори как своего главного конкурента в борьбе за пост министра. Нетрудно догадаться, что и Сиратори, который летом 1940 г. уже видел себя главой японской дипломатии, испытывал к более удачливому сопернику не менее «теплые» чувства.

В отношении СССР проект содержал следующие позиции:

«1) Продажа Японии Северного Сахалина (с помощью давления Германии на Советский Союз) или, если это окажется невозможным, поставка Японии 1,5 млн тонн советской нефти, даже если потребуется оказать помощь СССР со стороны японского правительства в добыче.

2) Японское признание советских позиций в Синьцзяне и Внешней Монголии (Монгольской Народной Республике) в ответ на советское признание японских позиций в Северном Китае и Внутренней Монголии; отношения между Синьцзяном, Внешней Монголией и СССР будут решаться между СССР и Китаем (видимо, подразумевалось прояпонское нанкинское правительство Ван Цзинвэя, так как Чан Кайши японцы не признавали с января 1938 г. — *В.М.*).

3) Прекращение советской помощи Чан Кайши.

4) Создание комиссии из представителей Маньчжоу-го, СССР и Внешней Монголии для определения границы и разрешения конфликтов.

5) Заключение рыболовного соглашения на основе предложений Татэкава о конвенции или аннулирование японских рыболовных концессий, если это окажется необходимым для урегулирования дипломатических отношений между СССР и Японией.

6) Предоставление Советским Союзом железнодорожных вагонов и фрахтовых скидок для обеспечения крупномасштабной японо-германской торговли*»⁷.

Ничего принципиально нового здесь не было. На что рассчитывал Мацуока? На давление Германии? На соблазнительность «союза четырех»? На личное обаяние?

Коноэ поддержал эти инициативы. Убеденный противник коммунизма, он настороженно относился к двустороннему сближению с СССР, но охотно согласился на «пакт четырех»,

* Напомню пункт из «директив» к берлинскому визиту Молотова «Транзит Германия—Япония — наша могучая позиция, что надо иметь в виду».

предполагая, что это, во-первых, предотвратит вступление США в войну (чего принц боялся и всеми силами стремился избежать), а во-вторых, многосторонний характер комбинации помешает Советскому Союзу «давить» на Японию. «Евразийский блок» будет непобедим за пределами двух Америк, а это открывало пути к реализации глобального проекта «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», разработанного в окружении принца.

Решение о поездке Мацуока в Москву, Берлин и Рим было принято. 11 февраля он пригласил к себе «на чашку чая» полпреда Сметанина и «сообщил, что предполагал бы встретиться в Москве с руководителями нашего правительства и нашими вождями. На мой вопрос, на сколько времени рассчитана его поездка, Мацуока ответил, что при первом проезде через Москву он планирует остановиться в ней на один день, чтобы встретиться и познакомиться с т. Молотовым, а при возвращении намерен задержаться в Москве на 3—4 дня с тем, чтобы встретиться и подробно побеседовать как с т. Молотовым, так и с другими руководителями правительства и советскими вождями».

В беседе «Мацуока несколько раз подчеркнул, что главной целью его поездки в Европу является встреча с руководителями советского правительства. При этом Мацуока несколько раз просил меня сохранить в тайне его сообщение о желании встретиться в Москве с советскими вождями. Он мотивировал свою просьбу тем, что якобы в Японии имеется немалое количество противников сближения с Советским Союзом, которые, узнав о предполагаемой встрече Мацуока с руководителями советского правительства, могут-де создать большие помехи в деле сближения Японии с СССР*. С другой стороны, по заявлению Мацуока, он не хотел бы, чтобы об этой встрече также знали (заранее. — *В.М.*) США и Англия. Тут же Мацуока добавил, что о его поездке в Москву, о задержке там в японской прессе ничего не будет опубликовано, поэтому он еще раз попросил меня эту часть беседы сохранить в тайне». С аналогичной просьбой он обратился и к германскому послу.

Меры предосторожности со стороны министра вполне понятны. Он опасался не столько давления иностранных держав, сколько возможного неуспеха миссии, из которой ему предстояло вернуться «со щитом или на щите». В таком случае московские переговоры можно было представить просто «визитом веж-

* Полпред напрасно осторожничал со словом «якобы»: таких людей, притом очень влиятельных, было более чем достаточно.

ливости», но только постфактум, не афишируя заранее никаких надежд или расчетов на них. В случае же успеха он будет неожиданным, а потому еще более эффективным. Сметанин заинтересовался конкретными планами гостя, чтобы подготовиться к переговорам и тем самым облегчить их. Мацуока с места в карьер предложил заключить торговый и рыболовный договоры и был, похоже, недоволен осторожным скепсисом полпреда.

Только 18 марта Татэкава принес Молотову программу визита. Мацуока просил уже о двух встречах со Сталиным — до поездки в Берлин и после, так как министр возвращался домой тоже по Транссибирской магистрали. Понимая планы и намерения гостя, нарком не возражал, но сослался на необходимость согласовать вопрос с самим Сталиным.

Месяцем раньше на стол Молотова легла записка замнаркома Лозовского:

«В связи с приездом в Москву Мацуока, можно ожидать, что японское правительство вновь поставит вопрос о заключении между СССР и Японией договора о ненападении. В связи с этим считаю необходимым напомнить Вам следующее:

В статье 2-й договора о ненападении, заключенного между СССР и Китаем 21 августа 1937 г. в г. Нанкине, сказано:

«Если одна из Высоких Договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Высокая Договаривающаяся сторона обязуется не оказывать ни прямо, ни косвенно помощи такой третьей и третьим державам в продолжении всякого конфликта, а равно воздержаться от всяких действий или *соглашений*, которые могли бы быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде стороны, подвергшейся нападению».

В развитие этой статьи при подписании договора о ненападении уполномоченные СССР и Китая обменялись следующей устной, строго конфиденциальной декларацией:

«Устная декларация, строго конфиденциальная и никогда не подлежащая оглашению, ни официально, ни неофициально:

При подписании сегодня договора о ненападении уполномоченный СССР заявляет от имени своего правительства, что СССР *не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены* (выделено везде в оригинале. — В.М.).

Из вышеприведенных документов видно, что СССР взял на себя обязательство не заключать с Японией договора о ненападении на время войны Китая с Японией».

Эту принципиально важную записку, опубликованную Б.Н. Славинским, в «Документах внешней политики» вы тоже не найдете. Значит, секретные протоколы придумали не Молотов с Риббентропом летом тридцать девятого! Под будущий пакт была заложена мощная мина, о которой в Токио, разумеется, не знали. На момент заключения договора с Чан Кайши это, пожалуй, было оправданно, однако за три с половиной года ситуация изменилась. Но в Кремле решили не отступить от декларации, что диктовало единственный выход: подписать пакт о нейтралитете.

23 марта Мацуока прибыл в Москву. Как он и просил, газетные сообщения были краткими и подчеркивали, что он находится в СССР проездом. На следующий день министр встретился с Молотовым и Сталиным. После обмена приветствиями Мацуока, «разъясняя цели своей поездки в Европу, говорит, что идея посещения Берлина и Рима у него возникла в связи с заключением пакта трех держав и в целях обмена мнениями с руководителями Германии и Италии... Отношения с СССР для Японии также являются важными, и свою нынешнюю поездку в Берлин и Рим он хочет использовать для встречи с руководителями Советского Союза».

«После этого Мацуока переходит к японско-советским отношениям. Он говорит, что убежден в том, что японо-советские отношения должны быть улучшены, и добавляет, что об улучшении он заботился еще лет 30 тому назад, будучи своего рода начальником генштаба графа Гото (явное, но примечательное преувеличение. — *В.М.*) и разделяя взгляды последнего на установление хороших отношений между Россией и Японией». О конкретных вещах он предложил поговорить по возвращении из Берлина и напомнил о встрече со Сталиным.

Молотов позвонил вождю, который пришел через 10 минут. Гость снова рассказывал о своих трудах по улучшению двусторонних отношений, прочитал целую лекцию о японском «моральном коммунизме» (подозреваю, что Сталин и Молотов усердно прятали улыбки), но под конец все-таки заговорил о деле — о войне в Китае. «Япония ведет войну не с китайским народом, а с англосаксами, т.е. с Англией и Америкой. Япония, продолжает Мацуока, ведет войну с капитализмом и индивидуализмом, а Чан Кайши является слугой англосаксонских капиталистов. Поэтому японо-китайский конфликт нужно рассматривать именно под таким углом зрения... Без уничтожения англосаксонской идеологии нельзя будет создать нового порядка, не считаясь при этом с мелкими интересами».

Сталин заметил, что «какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств, если имеется взаимное желание обеих сторон». Аргумент знакомый — и некогда столь любимый Риббентропом. «Что же касается англосаксов, говорит т. Сталин, то русские никогда не были их друзьями, и теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить».

Под конец Сталин и Молотов попросили передать поклон Риббентропу. В общем, расстались почти друзьями. 26 марта Мацуока прибыл в Берлин, но продолжение его вояжа интересует нас только в связи с «русским вопросом».

23 февраля 1941 г. Осима, снова назначенный послом (он был отозван осенью 1939 г., после советско-германского пакта), гостил в замке своего друга Риббентропа. Рейхсминистр прямо сказал ему: «Сталин — трезвый и умный политик, который не помышляет ничего против нас предпринимать, в основном из-за нашей военной мощи. Верно, что большевизм не перестает сеять свои семена в других странах. Если Германия проиграет войну, над Европой взойдет советская звезда. Мы наблюдаем за развитием событий на Востоке внимательно и очень спокойно. Но исходом германо-русского конфликта будет колоссальная победа Германии и крах советского режима». Он отметил нежелательность такого поворота событий для Германии, но дал понять, что конфликт Гитлера не пугает⁸. Германofil и русофоб Осима мог быть доволен.

27, 28 и 29 марта Мацуока встречался с Риббентропом и еще один раз с Гитлером в присутствии рейхсминистра⁹. Фюрер о России сказал всего несколько слов: угрозы не боимся, но особо в нее не верим. Риббентроп был более красноречив:

«Конфиденциально он (Имперский Министр иностранных дел) может сообщить Мацуока, что нынешние отношения с Россией являются, безусловно, корректными, но не слишком дружескими. После визита Молотова, когда ей было сделано предложение о присоединении к Тройственному пакту, Россия выставила неприемлемые условия... Русские в последнее время демонстрируют нам свое нерасположение везде, где могут... Зная Сталина лично, он (Риббентроп. — *В.М.*) не думает, что тот пойдет на какие-то авантюры, но полностью быть уверенным в этом нельзя... Если Россия займет такую позицию, которая может представлять опасность для Германии, фюрер сокрушит ее. Германия уверена, что кампания против России закончится абсолютной победой германского оружия и полным крахом русской армии и русского государства... Имперский Министр иностран-

ных дел подчеркнул, что он, однако, не верит в то, что Сталин будет проводить неразумную политику. В любом случае фюрер рассчитывает не только на договоры с Россией, но прежде всего на свой вермахт».

Автор Антикоминтерновского пакта затронул и другую, некогда любимую, но за последние два года изрядно забытую тему: «Нельзя также закрывать глаза на то, что Советский Союз, несмотря на все уверения в противном, продолжает вести коммунистическую пропаганду за границей. Подрывная пропагандистская работа ведется не только в Германии, но в оккупированных областях Франции, Голландии и Бельгии. Для Германии эта пропаганда никакой опасности не представляет. Но Мацуока хорошо знает, к чему это приводит в других странах. В качестве примера Имперский Министр иностранных дел привел страны Прибалтики, где сегодня, через год после их оккупации русскими, царят ужасные условия, а вся интеллигенция уничтожена под корень». Эх, забыл, видно, Риббентроп, как меньше года назад по его прямому указанию германский МИД «дружески вернул» литовскому, латвийскому и эстонскому посланникам их ноты с протестом против советской экспансии...

На следующий день стало ясно, что «союз четырех» в планы Берлина не входит. Более того, Риббентроп делал вид, что таких планов никогда и не было. Гитлер уже «слома» своего министра, поставив его перед фактом принятого решения о вторжении в СССР. «Мацуока спросил, рассматривал ли вообще фюрер возможность российско-японско-германского союза. Имперский Министр иностранных дел ответил отрицательно и сказал, что близкое сотрудничество с Россией абсолютно невозможно... Германия внимательно следит за Советским Союзом и — это Мацуока должен четко понять — готова к любым неожиданностям. Германия не будет провоцировать Россию, но если политика Сталина не будет гармонировать с тем, что фюрер считает правильным, Россия будет сокрушена». Получается, от Сталина ждали полного подчинения, как будто это румынский «кондукатор» Антонеску или хорватский «поглавник» Павелич.

С каждым словом невозмутимое лицо гостя становилось все более обеспокоенным. Над его грандиозными планами нависла угроза. «Он спросил Имперского Министра иностранных дел, стоит ли ему на обратном пути подольше задержаться в Москве для переговоров с русскими на предмет пакта о ненападении или о нейтралитете... Имперский Министр иностранных дел

ответил, что о присоединении России к [Тройственному] пакту не может быть и речи, и порекомендовал Мацуока по возможности воздержаться от обсуждения подобных вопросов в Москве, поскольку это не вполне вписывается в нынешнюю ситуацию». Против торговых соглашений он не возражал.

Разговор продолжался на третий день. Риббентроп пообещал помощь Японии на случай ее конфликта с СССР, добавив, что японцы могут смело идти на юг, к Сингапуру, не опасаясь удара с севера. «В любом случае Мацуока не может доложить императору по возвращении в Японию, что конфликт между Германией и Россией невозможен». Переводчик Шмидт, опасаясь недоразумений, даже переспросил гостя, вполне ли тот понял сказанное (он переводил слова Риббентропа с немецкого на английский). Мацуока поинтересовался, нельзя ли будет через некоторое время вернуться к идее присоединения Москвы к «союзу трех», но собеседник решительно отменил подобную возможность. Пока лучше заключить с Россией какое-нибудь формальное, ни к чему не обязывающее соглашение, если это уж так необходимо.

В Берлине на «континентальном блоке» поставили крест, и Мацуока это четко понял. Однако о плане «Барбаросса», т.е. о *принятом решении* воевать с Россией, он, вопреки утверждениям некоторых авторов, не был оповещен ни официально, ни неофициально, причем по прямому указанию Гитлера¹⁰. Намеки намеками, догадки догадками, но надо же и с фактами считаться!

Прощальная встреча 5 апреля свелась к обмену любезностями. О России больше не говорили. 7 апреля Мацуока снова был в Москве и в тот же день встретился с Молотовым. Он сказал, что о частных проблемах говорить не будет — это дело послов, а сразу перейдет к главному.

«Он смотрит на улучшение отношений с СССР не с точки зрения временных интересов и временной политики, а с точки зрения улучшения отношений на 50—100 лет... Возникают следующие вопросы: во-первых, как сохранить такие отношения между обеими странами; во-вторых, какие отношения между нашими странами могут способствовать такой политике в Азии; и, в-третьих, какие отношения с СССР могут быть полезными для Японии с учетом интересов другого партнера... Судьбу Азии решают две силы — Япония и СССР. Что лучше для Азии, чтобы эти две силы, являющиеся решающими элементами в Азии, ссорились или дружили между собой?.. Если исходить из интересов Японии и интересов СССР, то несомненно, что ссора меж-

ду Японией и СССР будет большим несчастьем и не принесет никакой пользы ни одной из сторон. Дружба, подчеркнул Мацуока, дает взаимные выгоды».

Спорить с этим никто не собирался. Молотов терпеливо ждал, когда же разговор пойдет о деле, но ему пришлось еще раз слушать про труды и заслуги собеседника. Наконец, тот предложил решить все проблемы разом: заключить новый всеобъемлющий договор (добавив, что о денонсации Портсмутского мира и Пекинской конвенции «нельзя ставить вопроса»), сохранить концессии, продать Северный Сахалин и завершить работу пограничных комиссий.

Все это Молотов уже слышал. Его интересовали новости из Берлина. Услышанное тоже не слишком обнадеживало: «Мацуока заявляет, что у него нет намерения, чтобы Япония вместе с Германией напали на СССР. В Германии он по этому поводу ни с кем и никогда не говорил. Само собой разумеется, что Япония будет лояльна к своей союзнице — Германии, но из этого вовсе не вытекает, что Япония будет ссориться с СССР. Мацуока добавляет, что его точка зрения заключается в том, чтобы в отношении улучшения отношений между СССР и Японией работать таким образом, чтобы не было ссоры между Германией и СССР. Если... к несчастью, будет такой случай, когда Советский Союз и США, имея Японию в качестве общего врага, будут сотрудничать, то Япония до того, как это сотрудничество осуществится, имеет решимость и готовность напасть на Советский Союз (на такие заявления Мацуока никто не уполномочивал! — *В.М.*)... Вопрос здесь заключается в жизни и смерти Японии, и, разумеется, Япония не будет ожидать того момента, когда будет укреплен союз между врагами Японии».

Наконец заговорил Молотов. Он не спеша и обстоятельно повторил все то, что ранее излагал Того и Татэкава. Советский Союз серьезно относится ко всем пактам, которые заключает. Не его вина, что пакт о ненападении был отвергнут. «В СССР смотрят на Портсмутский договор примерно с таким же чувством, как в Германии относятся к Версальскому договору». Концессии придется ликвидировать. Северный Сахалин не продадим, а лучше купим Южный и «некоторые группы северных Курильских островов». «У нас нет намерения заключать соглашение с США для нападения на Японию, хотя это отнюдь не продиктовано трусостью, так как в советском правительстве найдется немало смелых и решительных людей».

Трехчасовая беседа была безрезультатной. Договорились лишь о продолжении переговоров и переносе отъезда Мацуока на 13 ап-

реля. Но это не повод оставлять подобные записи за пределами «Документов внешней политики», куда зато в изобилии включены незначительные сообщения, вроде записи состоявшегося в тот же вечер разговора Лозовского с Мацуока и Татэкава в... Большом театре. Гость заметил, что «имел очень интересный разговор с В.М. Молотовым в течение 3 часов». Где же его запись? Подстрочное примечание отсылает к помещенному выше на той же странице трехстрочному сообщению ТАСС о факте беседы...

Следующий разговор, которого тоже нет в «Документах внешней политики» (зато опять есть сообщение ТАСС в несколько строк), был гораздо интереснее.

Мацуока «решил взять обратно свое предложение — заключить пакт о ненападении и согласиться на предложение Молотова — заключить пакт о нейтралитете. За время пребывания в Москве он смог бы вместе с Татэкава подписать только пакт о нейтралитете без всяких дополнительных условий». Молотов, как и следовало ожидать, одно непереносимое условие выставил — ликвидация концессий, но оставил за японской стороной право выбирать форму документа (открытый или конфиденциальный протокол). «То, что Япония и СССР^{*} заключат политическое соглашение, будет хорошо, — суммировал нарком, — но будет плохо, если на следующий день начнутся инциденты вокруг концессий, что будет портить политические отношения. Зачем оставлять эту занозу?»

Начался торг. Мацуока был «переговорщиком» не хуже Молотова. Он заверял наркома в своем стремлении решить все вопросы полюбовно и ко взаимной выгоде, но тут же начал ссылаться на существующую в Японии оппозицию ликвидации концессий, а потом опять рассказывал, как боролся за японско-советский пакт все прошлое десятилетие. История обрастала новыми подробностями: «Когда Хирота был назначен министром иностранных дел (в сентябре 1933 г. — В.М.), с которым Мацуока был в очень дружественных отношениях, он, Мацуока, посетил его и просил послать его в Москву для подписания пакта. Атмосфера тогда была очень нехорошая, и тот, кто заключил бы подобный пакт, подвергнулся риску быть убитым»^{*}.

^{*} Такой возможности Мацуока не исключал и в 1941 г., поэтому перед отъездом вручил своему доверенному лицу Симано Сабуро, которого знал по работе на ЮМЖД (в 1937—1939 гг. Мацуока был ее президентом), внушительную по тем временам сумму в 10 000 иен, попросив Симано, в случае своей гибели, позаботиться о его внебрачном сыне и дать ему образование. Эту историю в конце 2003 г. мне рассказал человек, слышавший ее от самого Симано; упоминаний об этом факте в литературе я не встречал.

Впечатления это, похоже, не произвело, и в ход пошел следующий аргумент: «Если бы ему, Мацуока, не удалось осуществить улучшения отношений между Японией и СССР, то это означало бы, что принятие им поста министра иностранных дел потеряло бы свой смысл». В общем, со щитом или на щите.

«Молотов, касаясь просьбы Мацуока не забывать его роли в вопросе о политическом соглашении, заявляет, что именно то обстоятельство, что во главе министерства иностранных дел Японии стоит лицо, которое уже давно занимает определенную политическую линию в вопросе улучшения японо-советских отношений, дало ему (Молотову. — В.М.) уверенность в том предложении, которое сделало советское правительство, чтобы отбросить вопросы, могущие создать излишние поводы к тому, чтобы откладывать заключение соглашения».

Короче говоря, хочешь личного дипломатического триумфа — отдавай концессии...

Министру дали время подумать. В тот же день Молотов устроил обед в его честь, потом Мацуока осмотрел автомобильный завод имени Сталина (ЗИС) и даже съездил на «Красной стреле» в Ленинград полюбоваться тамошними красотами. 11 апреля состоялась третья, заключительная встреча с Молотовым. Она тоже закончилась решительно ничем.

Мацуока горестно заявил, что санкции на ликвидацию концессий у него нет, но «в качестве компромисса» предложил передать Молотову при подписании пакта специальное письмо, в котором говорилось бы о скором заключении торгового и рыболовного соглашений и о готовности сторон решить спорные вопросы относительно концессий «в духе примирения и взаимных уступок». Молотов ответил, что позиция СССР остается прежней: ликвидация концессий является необходимым условием заключения пакта; «торговое соглашение уже более или менее подготовлено к подписанию, и, конечно, для решения этого вопроса большое значение имело бы урегулирование политического вопроса».

«В заключение беседы Мацуока, видимо, уже смирившись с тем, что договориться не удастся, выразил сожаление, что он не смог сам подписать пакт о нейтралитете. Но это не меняет его желания работать над улучшением советско-японских отношений».

Задуманный дипломатический блицкриг не состоялся. 12 апреля гость побывал в двух институтах Академии наук, на Трехгорной мануфактуре и на «Трех сестрах» во МХАТе. Когда «культурная программа» подошла к концу, его неожиданно при-

гласили к Сталину прямо из театра. В течение следующих двух часов были приняты политические решения огромной важности, причем по документам мы можем проследить этот процесс в деталях.

«Мацуока благодарит т. Сталина за радушный прием в Советском Союзе и за оказанное ему содействие во время пребывания в СССР, а также благодарит за то, что т. Сталин согласился принять его сегодня с прощальным визитом.

Тов. Сталин отвечает, что это его обязанность.

Затем Мацуока говорит, что Молотов, видимо, уже докладывал ему о том, что Мацуока хотел бы за время своего пребывания в СССР заключить пакт о нейтралитете, но без всяких условий, в порядке дипломатического блицкрига.

Мацуока считает подписание пакта о нейтралитете полезным и целесообразным не только для Японии, но и для СССР и полагает, что было бы эффективным подписать пакт именно в данный момент. Завтра он покидает столицу СССР, хотя ему и досадно, что пакт не подписан. Тем не менее его пребывание в СССР дало ему многое».

Опуская витиеватые комплименты министра, перейдем к конкретным заявлениям.

«Первое... Из того, что Япония имеет с Германией союзный договор, не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-нибудь произойдет между СССР и Германией, то он предпочитает посредничать между СССР и Германией. Япония и СССР являются пограничными государствами, и он хотел бы улучшения отношений между Японией и СССР.

Тов. Сталин бросает реплику — пакт трех не помешает этому?

Мацуока отвечает, что, наоборот, заключение пакта с Германией должно улучшить японо-советские отношения и в таком смысле он говорил в Берлине с Риббентропом. Мацуока заявляет, что он всегда говорит и сотрудничает откровенно, не занимаясь мелочами и торгашеством (не слишком дипломатичный намек на позицию собеседников в вопросе о концессиях. — В.М.).

Второе. Коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами. Если так подходить к коренному разрешению японо-советских отношений, то мелкие вопросы могут быть разрешены с течением времени и мелкими вопросами можно будет даже пожертвовать. Если бы такой маленький островок, как

Сахалин, говорит Мацуока, потонул в море, то это не оказало бы влияния на японо-советские отношения (вниманию пропагандистов «возвращения северных территорий» и «защитников Курил»! — *В.М.*). Мацуока далее указывает, что если он так говорит, то это не значит, что он считает ненужным разрешать мелкие вопросы. Эти вопросы также нужно разрешать, но не сейчас, а впоследствии... У него с молодых лет сложилось такое убеждение, что судьбу Азии решают две силы — Япония и СССР. Об этом он говорил в своих выступлениях, книгах и потому убежден в том, что Японии и СССР лучше идти рука об руку, чем ссориться.

Третье. Для того, чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англосаксов, а потому перед такой задачей нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах.

Четвертое. Япония сейчас ведет борьбу с Китаем, но не с китайским народом, с которым Япония воевать не хочет. Чего Япония хочет добиться в Китае? Она хочет добиться изгнания из Китая англосаксов. Чан Кайши — агент англо-американского капитала (формула пригодится Сталину 10 лет спустя. — *В.М.*), и ради этого капитала он ведет борьбу с Японией. Япония имеет твердую решимость бороться с Чан Кайши до конца, а потому сочувствие Чан Кайши означает собой помощь англо-американскому капиталу. В связи с этим Мацуока указывает, что, по его мнению, было бы более целесообразным (для СССР. — *В.М.*) отказаться от поддержки Чан Кайши и сделать так, чтобы изгнание англосаксов из Китая имело успех.

Пятое — это вопрос относительно так называемого морального коммунизма. Мацуока говорит, что он не согласен с политическим и социальным коммунизмом, но в основном он также придерживается коммунизма и решительно настроен против англосаксонского капитализма... Его предложение заключается в том, чтобы СССР и Япония вместе изгнали влияние англо-американского капитализма из Азии. Что же касается вопроса о том, чей же коммунизм лучше — ваш или наш, то об этом можно было бы говорить позднее (делать Сталину больше нечего! — *В.М.*)».

Но Мацуока пригласили в Кремль не для очередной лекции о «моральном коммунизме» (кстати, из его речей, даже в подробной советской записи, не вполне понятно, что именно он под этим подразумевал). Его позвали слушать Хозяина.

«Тов. Сталин говорит, что СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам. Об этом т. Молотов заявлял г-ну Гит-

леру и Риббентропу, когда он был в Берлине и когда стоял вопрос о том, чтобы пакт трех сделать пактом четырех. Г-н Гитлер заявил тогда т. Молотову, что он в военной помощи пока не нуждается. Но пакт четырех есть пакт взаимопомощи. Если Германия не нуждается в помощи, то это значит, что пакт четырех *еще* не назрел (выделено мной. — В.М.)... Тов. Сталин считает ввиду этого, что только в том случае, если дела Германии и Японии пойдут плохо, может встать вопрос о пакте четырех и о сотрудничестве СССР по большим вопросам. Поэтому... мы и ограничиваемся теперь вопросом о пакте нейтралитета с Японией. Этот вопрос безусловно назрел. Это будет первый шаг, и серьезный шаг, к будущему сотрудничеству по большим вопросам».

Первем цитату. Сталин делает заявление исключительной важности. Не имея почти полгода конкретного ответа из Берлина на свои совершенно конкретные ноябрьские контрпредложения по пакту четырех, он не мог не понимать, что «что-то здесь не так». Содержания бесед Мацуока с Гитлером и Риббентропом в Москве не знали, но Сталин вполне мог предвидеть последующую «утечку информации» о московских переговорах в сторону Германии. Во-первых, он дал понять — прямо Мацуока, косвенно Риббентропу и Гитлеру, — что не отказывается в принципе от идеи «пакта четырех». Во-вторых, он показал, что считает пакт с Японией не двусторонним «сепаратным миром», но новым шагом на пути к построению полноценной «оси», начатому советско-германскими договорами августа—сентября 1939 г. Верил ли он в это на самом деле, вопрос другой. Есть основания полагать, что не верил и поэтому хотел застраховать СССР от войны на два фронта — как в свое время Гитлер. Но в любом случае здесь Сталин проявил себя большим евразийцем, чем его потенциальные партнеры.

По проекту пакта разногласий не возникло. Остались концессии. И тут решающий ход сделал Сталин.

«Тов. Сталин говорит, что все беседы, которые вел Мацуока с т. Молотовым, и сегодняшняя вторая его беседа с Мацуока убедили его в том, что в переговорах о пакте нет дипломатической игры, а что действительно Япония хочет серьезно и честно улучшить отношения с СССР. В этом он раньше сомневался и должен это честно признать. Теперь у него эти сомнения исчезли... Он с удовольствием слушал Мацуока, который честно и прямо говорит о том, чего он хочет. С удовольствием слушал потому, что в наше время, и не только в наше время, не часто встретишь дипломата, который откровенно говорил бы, что у него на душе. Как

известно, еще Талейран говорил при Наполеоне, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Мы, русские большевики, смотрим иначе и думаем, что и на дипломатической арене можно быть искренними и честными. Тов. Сталин говорит, что он не хотел бы затруднять положение Мацуока, который вынужден довести до конца борьбу со своими противниками в Японии и готов облегчить его положение, чтобы он, Мацуока, добился здесь дипломатического блицкрига».

Сталин согласился на предложение Мацуока о конфиденциальном письме вместо протокола, но предложил определить срок договоренности о ликвидации концессий в два-три месяца. Министр снова заговорил о продаже Северного Сахалина, «но так как СССР не соглашается, то ничего не поделаешь». Разговор продолжился у карты. «Теперь Вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что, говорит т. Сталин, улыбаясь, хотите нас задушить? Какая же это дружба?» Мацуока попытался вставить слово о дальнейшем выходе СССР «через Индию к теплому морю», но Сталин быстро вернул беседу в нужное ему русло. В течение нескольких минут были согласованы последние поправки к тексту письма: «вопрос, касающийся ликвидации концессий» вместо «вопрос, касающийся концессий» (Сталин); «в течение нескольких месяцев» вместо «в течение 2—3 месяцев» (Мацуока). Министр попросил обеспечить ему немедленную телеграфную связь с Токио, что и было сделано. Премьер Коноэ, в обход кабинета и Тайного совета, запросил санкцию на подписание договора непосредственно у императора и сразу же получил ее. Тут уж никакой оппозиции более быть не могло!

Вслед за этим стороны выделили для подготовки документов специалистов, которые трудились всю первую половину следующего дня. Подписание состоялось 13 апреля в 14.45. Содержательная часть пакта о нейтралитете гласила:

«Статья 1. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся Стороны.

Статья 2. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья 3. Настоящий Пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими Договаривающимися Сторонами и сохраняет

силу в течение пяти лет. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует Пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 4. Настоящий Пакт подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Токио, также в возможно короткий срок».

Нетрудно заметить, что окончательный текст практически идентичен тому, который Молотов представил на рассмотрение Татэкава 18 ноября 1940 г. Положение о МНР и Маньчжоу-го, которое Мацуока предлагал внести в статью 1, было отражено в специальной декларации, подписанной и опубликованной вместе с пактом:

«В соответствии с духом Пакта о нейтралитете, заключенного 13 апреля 1941 года между СССР и Японией, Правительство СССР и Правительство Японии, в интересах обеспечения мирных и дружественных отношений между обеими странами, торжественно заявляют, что СССР обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Маньчжоу-Го, а Япония обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Монгольской Народной Республики».

Предложение Мацуока о признании Советским Союзом Маньчжоу-го де-юре отклика не нашло. Вопрос о признании Японией МНР даже не ставился: Москва всегда противилась контактам своего сателлита с другими странами, кроме Тувинской Народной Республики, еще более «сателлитного» образования, мало чем известного в мире своих великолепных почтовых марок.

А как же вопрос о концессиях, о который разбивались все предыдущие попытки договориться? Компромисс был найден в форме письма Мацуока, получившего гриф «совершенно секретно»:

«Дорогой г-н Молотов!

Ссылаясь на пакт о нейтралитете, подписанный сегодня, имею честь заявить, что я ожидаю и надеюсь, что торговое соглашение и рыболовная конвенция будут заключены очень скоро и что при ближайшей возможности мы, Ваше Превосходительство и я, в духе примирения и взаимных уступок постараемся разрешить в течение нескольких месяцев вопрос, касающийся ликвидации концессий на Северном Сахалине, приобретенных по договорам, подписанным в Москве, 14 декабря 1925 года, с целью ликвидировать любые вопросы, которые не

способствуют поддержанию сердечных отношений между обеими странами.

В этом же духе я также желал бы обратить внимание на то, что было бы хорошо для обеих наших стран, а также Маньчжоу-Го и Внешней Монголии найти в ближайшее время путь создания объединенных и (или) смешанных комиссий стран, заинтересованных в урегулировании пограничных споров и инцидентов. Весьма искренне Ваш Мацуока». Ответное письмо Молотова, в соответствии с дипломатическими правилами, полностью воспроизводило этот текст и подтверждало согласие с ним.

Формальной договорной силы письма не имели, представляя собой не более чем протокол о намерениях, и публикации не подлежали, так что открыто ссылаться на них было невозможно. Можно сказать, что Мацуока пообещал скорую ликвидацию концессий под свое честное слово. Сталин и Молотов согласились на этот риск, поскольку теперь Советскому Союзу договор был нужен не меньше, чем Японии.

После подписания состоялся банкет. По воспоминаниям Молотова, а также секретаря Мацуока Касэ, министр так основательно «принял на грудь», что на Ярославском вокзале уже еле держался на ногах. От вина ли или по какой-то другой причине Сталин и Молотов тоже были в крайне благодушном настроении.

Когда Сталин сказал, что договоры должны выполняться вне зависимости от различий в идеологии, Мацуока провозгласил: «Договор заключен. Я не лгу. Если я солгу, берите мою голову. Если Вы солжете, не сомневайтесь, я приду за Вашей».

«Моя голова нужна моей стране, Ваша голова — Вашей стране, — парировал Сталин. — Давайте вместе беречь наши головы». Когда Сталин поднял бокал за присутствовавших японских офицеров, Мацуока заявил: «Ох эти военные, они заключили пакт, исходя из общей ситуации, но на самом деле они все думают, как бы победить Советский Союз». На это Хозяин сухо заметил, что СССР — не царская Россия, которую японцы в свое время победили. Но образовавшийся «ледок» был растоплен его же словами, обращенными к Мацуока: «Вы азиат. И я азиат». «Мы все азиаты, — подхватил гость. — Так выпьем же за азиатов».

Выпили. Сфотографировались: Мацуока держит Сталина под руку. Распрощались. Провожать министра на вокзал поехали Лозовский и шеф протокола Барков со свитой. По непонятной причине поезд задержали. Вдруг на перроне — к неподдель-

ному изумлению собравшихся (главным образом, послов стран «оси») — появились Сталин и Молотов. Раньше такой чести не удостоивался никто. На прощание Сталин обнял и расцеловал Мацуока, сказав ему: «Европейские проблемы решаются естественным путем, если Япония и Советский Союз будут сотрудничать». «Не только европейские, но и азиатские», — откликнулся отъезжавший гость. «Весь мир будет обустроен!» — воскликнул Сталин. Растроганный до слез Татэкава махал носовым платком и повторял по-русски «Спасибо, спасибо» (возможно, единственное, что мог сказать на этом языке)¹¹.

Такое же демонстративное внимание вождь оказал германскому послу. «Сталин громко спросил обо мне, — сообщал Шуленбург в Берлин в тот же день, — и, найдя меня, подошел, обнял меня за плечи и сказал: «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны все для этого сделать!» Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности военного атташе полковнику Кребсу* и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: «Мы останемся друзьями с Вами в любом случае». Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлёк всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей при этом». Несколькими строками ранее Шуленбург писал: «На вопрос итальянского посла, поднимался ли во время переговоров Мацуока со Сталиным вопрос об отношениях Советского Союза с Осью, Мацуока ответил, что Сталин сказал ему, что он — убежденный сторонник Оси и противник Англии и Америки»¹². Не удивительно, что послы этих стран не пошли провожать японского гостя.

Тремя днями позже Типпельскирх сообщал в спецпоезд Риббентропа: «Заключение договора (о нейтралитете) вызвало разочарование и беспокойство в Америке... Сотрудники здешнего японского посольства утверждают, что пакт выгоден не только Японии, но и Оси, что он благоприятно воздействует на отношения Советского Союза с Осью и что Советский Союз готов сотрудничать с Осью. Поведение Сталина в отношении господина посла на вокзале во время отъезда Мацуока рассматривается здешним дипломатическим корпусом в таком же духе. Часто высказывается мнение, что Сталин специально воспользовался возможностью продемонстрировать свое отношение к Германии в присутствии иностранных дипломатов и предста-

* Генерал Кребс встретит конец войны в должности начальника Генерального штаба вермахта и покончит с собой в бункере Гитлера накануне капитуляции. Судьба играет человеком...

вителей прессы. *Ввиду постоянно циркулирующих слухов о неизбежном столкновении между Германией и Советским Союзом это следует считать заслуживающим особого внимания* (выделено мной. — В.М.)»¹³.

Мацуока никак не мог успокоиться. Из Ярославля он телеграфировал Молотову: «Подписанным сегодня пактом мы направили наши нации на новый путь дружбы. Я верю, что этот документ послужит нам маяком в улучшении наших отношений». Молотов отвечал: «Выражаю твердую уверенность в том, что этот Пакт явится вехой в развитии новых, дружественных отношений между СССР и Японией и будет служить интересам мира». 21 апреля со станции Маньчжурия Мацуока послал телеграмму Сталину: «В тот момент, когда я покидаю советскую территорию, я желаю поблагодарить Ваше Превосходительство за Ваш любезный ответ и прошу разрешить мне заверить Вас, что я уношу с собой самые приятные воспоминания о своем временном, явившемся наиболее долгим в течение моей нынешней поездки, пребывании в Вашей великой стране, где я был удостоен сердечного приема и где я с восторгом и пониманием увидел прогресс, достигнутый в жизни нации. Сцена нецеремонных, но сердечных поздравлений по случаю подписания Пакта останется, без сомнения, одним из счастливейших моментов в моей жизни, а любезность Вашего Превосходительства, выразившаяся в Вашем личном присутствии на вокзале при моем отъезде, всегда будет оцениваться как знак подлинной доброй воли не только по отношению ко мне одному, но также и к нашему народу. Я могу также добавить, что девизом всей моей жизни было и будет — всегда быть верным своим словам».

После войны этот поток красноречия неизменно вызывал насмешки советских авторов, обличавших лживость коварного Мацуока, который якобы знал о готовящемся нападении Германии на Советский Союз и, заключая пакт о нейтралитете, всерьез не собирался следовать ему. Конечно, «военный преступник» просто не мог вести себя по-другому... Но думать так нет никаких оснований. Исходя из того, что мы знаем о Мацуока, картина рисуется совершенно иной: он был упоен уже вторым «дипломатическим блицкригом» (первый — Тройственный пакт), когда за несколько дней смог достичь того, над чем его предшественники бились годами. Возможно, он чувствовал, что не только догнал, но и перегнал Риббентропа с его московскими «блицвизитами». Следует помнить и о том, что Мацуока был болен туберкулезом и спешил войти в историю в качестве автора если не «континентального блока», то хотя бы согласия с ведущими державами Ев-

разии. Люди, близко знавшие Мацуока, называли склонность «опьяняться собственными представлениями о вещах» характерной чертой его личности¹⁴. Особое внимание, проявленное к нему Сталиным, было замечено всем миром. Восторгом тщеславного министра не было границ. Да и Сталин с Молотовым получали такие телеграммы не каждый день, поэтому послание Мацуока немедленно появилось в «Правде».

22 апреля был согласован порядок одновременной ратификации пакта, намеченной на 25 апреля, и ее обнародования в печати. 24 апреля в Токио, согласно установленному порядку, собрался Тайный совет и после тщательного, хотя и формального обсуждения рекомендовал императору договор для ратификации¹⁵. Антикоминтерновский пакт обсуждали куда придирчивее — хотя тоже рекомендовали. Мацуока не замедлил направить две телеграммы в Кремль. Сталину: «Я не сомневаюсь и верю в то, что благодаря содействию Вашего Превосходительства взаимоотношения между Японией и СССР еще более укрепятся. Пользуясь этим случаем, повторяю, что надолго останется в моей памяти как приятнейшее воспоминание о том, как мы без дипломатических условностей, после прямых и ясных бесед, завершили блицкриг, а равно о том, как у нас, после подписания Пакта, в дружественной и непринужденной обстановке состоялся обмен добрыми пожеланиями». Молотову: «Я снова подтверждаю клятвенный девиз, соблюдаемый мною много лет, быть до конца верным своим словам. Я глубоко убежден в том, что Вы будете прилагать Ваши усилия к дальнейшему улучшению взаимоотношений между Японией и СССР. Пользуясь этим случаем, я снова повторяю, что я крайне счастлив проведенными с Вами откровенными и чистосердечными беседами и установленным личным знакомством. Надолго останется в моей памяти, как одно из приятнейших воспоминаний, та радостная атмосфера, которая сложилась вокруг г-на Сталина после подписания пакта» (перевод, выполненный в японском посольстве, а потому не лишенный стилистических шероховатостей).

Сталин был хоть и «азиат», но поток «восточного» красноречия, похоже, утомил даже его. В ответной телеграмме коротко и просто говорилось: «Искренне благодарим за Ваши поздравления по случаю ратификации и вступления в силу Пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Выражаем твердую уверенность, что вошедший в силу Пакт о нейтралитете явится основой дальнейшего улучшения советско-японских отношений, развития которых с удовлетворением встретят народы наших стран».

В день ратификации Мацуока принял полпреда Сметанина, «поделился своими впечатлениями о пребывании в Москве и Ленинграде, выразил свое полное удовлетворение встречами с товарищами Сталиным и Молотовым и восторг от новой жизни в Советском Союзе. При этом министр подчеркнул, что ранее в Японии много лгали про Советский Союз, но что теперь у него другое понятие о нашей стране».

Со слов Одзаки Ходзуми, входившего в «мозговой центр» премьера Коноэ, Рихард Зорге радиовал в Москву: «Отто (Одзаки. — *В.М.*) посетил Коноэ как раз в тот момент, когда Коноэ получил от Мацуока телеграмму о заключении пакта о нейтралитете. Коноэ и все присутствовавшие чрезвычайно рады заключению пакта. Коноэ сразу позвонил об этом военному Тодзио, который не высказал ни удивления, ни гнева, ни радости, но согласился с мнением Коноэ о том, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубликовывать какое-либо заявление относительно этого пакта»¹⁶.

По заключении пакта Коноэ официально заявил, что это соглашение «имеет эпохальное значение для отношений между Японией и Советским Союзом и будет значительно способствовать установлению мира во всем мире»¹⁷. Японская пресса была полна если не восторгов, то энтузиазма. Рассказы журналистов, сопровождавших министра, автоматически становились «гвоздем» свежего номера газеты или журнала. Даже армия на какое-то время «освободилась от навязчивой идеи о русской угрозе»¹⁸, которую на протяжении многих лет усердно подпитывали атлантистские державы. 10 мая Зорге сообщал, что «Генштаб и вся японская армия, в том числе генерал Умэдзу (командующий Квантунской армией. — *В.М.*), согласны с советско-японским пактом»¹⁹. Испытали облегчение и в Москве: ни Япония, ни Советский Союз в то время войны не хотели и нападать друг на друга не собирались, но совершенно не исключали возможности подобных действий другой стороны.

В других странах реакция оказалась более чем нервной. В равной мере, хоть и по разным причинам, были встревожены Чан Кайши и Ван Цзинвэй, Гитлер и Рузвельт. В конце войны Коноэ вспоминал: «Согласно донесениям посла Осима в Токио, Гитлер был изумлен этой новостью, а министр иностранных дел фон Риббентроп не мог скрыть своего неприятного удивления, когда говорил нашему послу о невозможности понять подлинные намерения Мацуока, заключившего договор с той самой страной, с которой Германия собирается сразиться в ближайшем будущем, о чем ему, Мацуока, было сказано совершенно

определенно*»²⁰. Англо-американская дипломатия, до последнего момента не верившая в возможность советско-японского сближения, восприняла его как еще один шаг на пути к «союзу четырех», как продолжение Тройственного пакта, хотя именно такой ход событий уже стал невозможным. Аналогичным образом, хотя и «с противоположным знаком», трактовал эти события японский историк Синобу Сэйдзабуро: он положительно оценил их как начало нового этапа в истории японской дипломатии, который определяется полным и окончательным отказом от «Вашингтонской системы» как творения англо-американского империализма²¹. «Для Рузвельта подписание пакта явилось столь же неприятным известием, как и ранее весть о заключении советско-германского пакта»²². Ответом стали новые санкции США и против Японии, и против СССР.

Официальные советские комментарии не отрицали связь между пактом с Японией и Тройственным пактом. Однако передовица «Правды» от 16 апреля искажала ход событий в силу изменившейся ситуации: «В ноябре 1940 года Советскому правительству было предложено стать участником «пакта трех» о взаимопомощи и превратить «пакт трех» в «пакт четырех». Так как Советское правительство не сочло тогда возможным принять это предложение, то вновь встал вопрос о пакте между Японией и СССР». Отказался от союза, как мы знаем, не Сталин, а Гитлер. Сталин понимал, что «союза четырех» уже не будет, зато война возможна даже на два фронта. В силу договоров он не слишком верил, ибо сам не раз нарушал их, но предпочитал иметь с соседом на восточных рубежах пакт о нейтралитете, чем не иметь ничего.

Особый интерес представляет оценка московского договора Карлом Хаусхофером. 26 апреля 1941 г. «отец геополитики» писал японскому переводчику своей программной работы «Континентальный блок» Кубои Ёсимити, депутату парламента и другу Мацуока: «Советско-японский пакт о нейтралитете — шедевр политиков, обладающих великой прозорливостью. Прямо скажу, это проявление геополитической проницательности»²³. По иронии судьбы эти строки увидели свет только в 1943 г.

Пакт стал временной передышкой. Но тучи над Европой и над Тихим океаном сгустились с каждым днем.

* Последнее утверждение — явная аберрация, что ясно из записей бесед Мацуока с Гитлером и Риббентропом.

ГЛАВА 8

«Странный нейтралитет»: СССР и Япония в годы войны

*Я всегда в своих выступлениях подчеркиваю, что
Германия является нашим союзником, а с СССР
у нас существуют нейтральные отношения.*

*Того Сигэнори,
14 августа 1942 г.*

В так называемом «свободном мире» антигитлеровскую коалицию нередко называли «странным союзом», а советско-японские отношения в ходе Второй мировой войны, регулировавшиеся пактом о нейтралитете, — «странным нейтралитетом». Странным казалось то, что, когда два глобальных блока схватились не на жизнь, а на смерть, двое из участников этих блоков — причем ключевых, а не второстепенных — друг с другом не только не воюют, но поддерживают обычные отношения. После нападения Германии на СССР в Токио оставались германский и советский послы, хотя, думаю, они старались не попадаться на глаза друг другу. После нападения Японии на Перл-Харбор в Москве одновременно находились японские и американские представители, включая военных атташе. Впрочем, странностей тоже хватало. Например, японский посол в Рейхе генерал-лейтенант Осима даже выезжал на передовые позиции вермахта в России. Не очень дипломатично, прямо скажем...

«Континентальный блок» с участием России и Японии мог сложиться, но не сложился — главным образом, по вине Германии. Но можно согласиться с выводом Б.Н. Славинского: «Япония и Советский Союз в течение 1941—1945 гг., когда весь мир был охвачен военным пожаром, сумели сохранить между собой нормально-деловые, мирные отношения!»¹ Неудивительно, что британская и особенно американская пропаганда не жалели сил, чтобы поссорить их, рисуя всю историю отношений двух стран

исключительно черной краской. Характерный пример — книжка некоего Мориса Хиндаса «Россия и Япония», вышедшая в Нью-Йорке в 1942 г. Автор, выходец из черты оседлости, покинувший Россию еще до революции, в тридцатые годы не раз приезжал на свою бывшую родину и с упоением писал об успехах колхозного строительства в Белоруссии. В годы войны ему, видимо, дали более ответственное задание. Да, в истории российско-японских и советско-японских отношений негатива хватало, но не из него одного они состояли!

История отношений между нашими странами после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. в советской историографии относилась к числу тем не то чтобы табуированных, но непопулярных. Обойти ее вовсе было нельзя, но писать о ней надлежало осторожно и с одной целью — оправдать наше вступление в войну против Японии в августе сорок пятого в нарушение пакта о нейтралитете. Основное внимание авторы прошлых лет уделяли тому, что называлось «подготовка японской агрессии против СССР» и «нарушения Японией пакта о нейтралитете». В переводе с агитпроповского языка на человеческий под первой понималось военное планирование Японии в отношении СССР, под вторым — различные инциденты, неизбежные в годы войны между соседними нейтральными странами, если они принадлежат к враждующим коалициям. Это — досмотр или захват гражданских судов другой стороны в своих территориальных или нейтральных водах (обычно по подозрению в провозе военных материалов или личного состава армий союзников), нарушения воздушного пространства и территориальных вод другой стороны, инциденты на границе (обстрел пограничных застав или кораблей) и т.д. Естественно, после войны Япония оказалась виноватой во всем, а Советский Союз ни в чем. О том, что все эти инциденты урегулировались в нормальном дипломатическом порядке, говорить было как-то не принято, равно как и о том, что дипломатам удалось решить и более сложные вопросы — например, о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине, чего давно и упорно добивалась Москва.

Рассмотрим эти вопросы подробнее.

О военных планах Третьего рейха в отношении СССР и их подготовке мы знаем много. О планах его союзников по «оси» — несравненно меньше, хотя деятели агитпропа, как попугаи, повторяли, что «германская, японская и итальянская агрессия угрожала Советскому Союзу». Профессионально занимаясь изучением истории почти два десятилетия, я до сих пор не понял, как именно и где именно итальянская агрессия

угрожала СССР. Но шутки в сторону. Пора переходить к серьезным материям.

Изучать советское направление военного планирования Японии трудно, поскольку из ключевых документов в подлиннике не сохранилось почти ничего: они были сожжены в последние месяцы и недели перед капитуляцией, как то и предписывал режим секретности. За неимением оных приходится опираться на позднейшие свидетельские показания и интерпретации, а это далеко не лучший источник. Наиболее полное и адекватное представление об интересующей нас проблеме дает послевоенная работа группы японских офицеров, в основном генштабистов, выполненная по требованию оккупационных властей как совершенно секретная². Замыслы в отношении СССР интересовали «заказчиков» далеко не в первую очередь, но лишь для полноты картины содержания и общего характера стратегии и тактики японской армии и флота, для понимания механизма выработки и принятия решений, а также для оценки информации, которой располагала японская армия. Указанная работа была лишь частью большого труда, полностью опубликованного только на рубеже 1970—1980-х гг., когда он был рассекречен, утратив военную актуальность. Внимательное чтение двух томов, посвященных Советскому Союзу, позволяет сделать вывод, что военное планирование сводилось к рутинной проработке как оборонительных операций Квантунской армии на границе Маньчжоу-го с СССР и МНР в случае советского вторжения, так и наступательных действий, если позволит обстановка. Советские историки этот серьезный, написанный явно не с пропагандистскими целями труд, как правило, игнорировали.

Наличие в Генеральном штабе в *мирное* время регулярно уточняемых и обновляемых планов как оборонительной, так и наступательной войны против всех вероятных противников говорит лишь о хорошей работе генштабистов, а не об агрессивных устремлениях военного или политического руководства государства. «Опасно выводить политические намерения из военных планов», — писал выдающийся британский историк Алан Тэйлор³. Из этого бесспорного утверждения и следует исходить. Агитпроп же во всех странах — а слово это давно стало международным — поступает с точностью до наоборот.

Япония на Советский Союз не напала — это непреложный факт. И наличие планов даже наступательной войны тут ни при чем. Просто Генеральный штаб императорской армии и штаб Квантунской армии работали хорошо, а их офицеры не зря получали звания и награды: планы войны с северным соседом у них

не только были, но регулярно обновлялись с учетом новой информации и изменений обстановки. Что касается действительно многочисленных пограничных инцидентов 1933—1939 гг., то они частично происходили от слабой демаркации границы в пустыне или вовсе от ее отсутствия, а частично были разведкой боем, предпринимавшейся в основном японцами. К первым относились события на озере Хасан в 1938 г., ко вторым — «инцидент» на реке Халхин-Гол, спровоцированный Квантунской армией.

В начале девяностых журналисты газеты «Известия» Валерий Руднев и Андрей Иллеш опубликовали примечательную статью «Неизвестные страницы Токийского процесса», в которой — одними из первых в нашей стране — задали резонный вопрос: «Фактическое обвинение японской агрессии (против СССР. — *В.М.*) могло базироваться главным образом на планах японцев. А не на их действиях... Но можно ли судить за неосуществленный план по всей строгости закона?» Или за воинственные заявления посла Осима Гитлеру и Риббентропу, на которые его никто не уполномочивал и за которыми не последовало никаких действий? Добавлю от себя: если можно, то стоит обвинить Японию и в подготовке агрессивной войны против... Германии. Генеральные штабы армии и флота стали готовить такие планы на случай, если Гитлер быстро и победоносно закончит блицкриг в Европе и начнет продвижение через Индийский океан в сторону Тихого. Летом 1940 г. в Токио министр иностранных дел Мацуока и посол Отт вели нервную дискуссию, где пройдет будущее разделение сфер влияния на Тихом океане. Договорились, хотя это и не пригодилось.

Собственно говоря, на этом можно поставить точку. Но, могут возразить мне, как же быть со свидетелями? Задам контрвопросы. Кто были эти свидетели, которые так подробно рассказали об агрессивных военных планах Японии в отношении СССР? Где они об этом рассказывали, при каких обстоятельствах? Со вторым все ясно — на Токийском процессе главных японских «военных преступников», о котором мы подробнее поговорим в последней главе, и на предшествовавшем ему следствии.

Теперь первый вопрос — о людях.

В советской научной и научно-популярной литературе повторяются одни и те же фамилии. Генерал-лейтенант Кусаба Тацуми, начальник железнодорожных перевозок Квантунской армии. Генерал-майор Мацумура Томокацу, заместитель начальника штаба Квантунской армии. Генерал-лейтенант Мураками Кэйсаку, бывший директор Института тотальной войны, командующий 3-й армией в Маньчжурии. Генерал-лейтенант Томи-

нага Кёдзи, бывший командующий армией на Филиппинах, затем командир дивизии в Маньчжурии. Подполковник Сэдзима Рюдзо, офицер штаба Квантунской армии. Подполковник Мацуура Кусуо, начальник шифровального отдела штаба Квантунской армии. Такэбэ Рокудзо, глава департамента общих дел правительства Маньчжоу-го (фактический глава гражданской администрации этого сателлитного государства). Наконец, генерал-майор Танака Рюкити, в разные годы служивший в штабе Квантунской армии и в Генеральном штабе в должности начальника различных отделов, но вынужденный уйти в отставку по болезни, так и не сделав карьеры.

Что и говорить, свидетели серьезные.

Танака Рюкити, прозванный соотечественниками «японским Иудой», на Токийском процессе был штатным свидетелем обвинения или «основным разоблачителем», если пользоваться терминологией НКВД. Он усердно топил всех подсудимых, которых почему-то называл своими «друзьями» и «старшими товарищами», но был защитой скомпрометирован уже в ходе суда. Трибунал признал его свидетелем, «не заслуживающим доверия», но... принял его показания в качестве доказательства. Впрочем, историки, за исключением самых политически ангажированных, давно уже не ссылаются ни на показания Танака, ни на его столь же фантастические «мемуары», опубликованные еще во время процесса, дав тем самым молчаливую оценку их достоверности.

Все остальные из перечисленных свидетелей прибыли на процесс из советского плена*, о чем хорошо осведомленные советские авторы почему-то умалчивали. Впервые открыто написали об этом «известинцы» Руднев и Иллеш, вынеся в «шапку» статьи слова «Японские военнопленные на стороне советского обвинения».

В советском плену находились и более высокопоставленные японские военные, включая последнего командующего Квантунской армией генерала Ямада Отодзо и командующего 3-й территориальной армией генерала Усироку Дзюн. Многие не один год были заняты на «советском направлении». Однако на процессе их не было. На Хабаровском процессе (дело о бактериологическом оружии) Ямада был приговорен к 25 годам лагерей — не в связи ли с возможным отказом выступить в поддержку обвинения на Токийском процессе? Как показывают документы, сви-

* Оттуда же прибыл в Токио и бывший помощник германского военного атташе в Японии фон Петерсдорф, выступавший как свидетель советской фазы обвинения.

детелей для Токио отбирали и готовили очень тщательно — чтобы не было досадных проколов на месте, в зале суда.

Я не берусь отвергать показания японских свидетелей советского обвинения только потому, что в момент процесса они находились в плену, т.е. целиком и полностью зависели от советской стороны. Но вопросы возникают сразу же. Будучи вне всякого сомнения людьми чести и своего слова, они согласились помочь советскому обвинению и обещание сдержали. Правда, генерал Кусаба колебался: он «очень переживает необходимость публично признать виновность своего правительства, а также выступать с обвинениями в адрес бывших товарищей по службе», говорилось в одной из секретных служебных записок МВД, фрагмент которой был помещен в «Известиях». В Токио Кусаба покончил с собой, написав в предсмертном письме, опубликованном там же: «Моей виной является то, что, будучи начальником штаба железных дорог (так в тексте. — В.М.), я не мог обеспечить транспорт для японских беженцев в Маньчжурию в момент прекращения военных действий. После этого я должен был умереть. Встречая со стороны советского полковника Т. и всех остальных доброжелательство и любовь, я как воин опозорил себя, не оправдав возлагавшихся на меня добрых надежд. Эту вину я должен принять на себя». В отношении вины или ответственности за подготовку агрессии против Советского Союза ни слова.

Остальные свидетели возлагавшиеся на них надежды оправдали — возможно, в свою очередь, надеясь на скорое возвращение домой. Не тут-то было. Всех вернули обратно в лагеря для военнопленных, где Мацумура и Сэдзима в 1949 г. были арестованы МВД за «шпионаж». Домой они вернулись только в 1956 г.; Мацумура в 1950 г., Томинага в 1955 г. Мураками умер в плену, Такэбэ был передан властям Монголии как «военный преступник». Только Сэдзима сумел начать все сначала, став крупным и удачливым предпринимателем. Поступив на работу в инженерную компанию «Итотю», он уже через несколько лет возглавил ее, став одним из признанных лидеров послевоенного японского бизнеса. В 2003 г. 92-летний Сэдзима опубликовал мемуары «Свидетельство о Японии», осветив в них свою богатую событиями и испытаниями жизнь*. О своем выступлении на Токийском процессе в качестве свидетеля советского обвинения он, правда, написал очень коротко и как бы нехотя, предпочитая говорить об ужасах сибирского плена. Так японскому читателю интереснее и поучительнее.

* Автор этих строк рецензировал мемуары Сэдзима в японском журнале «Ёмиури Уикли» (25 мая 2003 г.).

Свидетели защиты, в советском плену не бывавшие, говорили на суде об исключительно оборонительном характере японских военных приготовлений в Маньчжурии — например, бывший заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Танабэ Моритакэ. По словам генерала Касахара Юкио, начальника штаба Квантунской армии в 1942—1945 гг., ее военное планирование не поднималось выше оперативного уровня и предусматривало наступательные операции на советской территории в случае войны для предотвращения действий бомбардировочной авиации с аэродромов в Приморье против Японии и ее морских коммуникаций. Разделяя оперативные и стратегические планы, Касахара четко заявил, что ни у правительства, ни у высшего военного командования не было планов полномасштабной войны против СССР. Он утверждал, что с зимы 1941/42 г. Квантунская армия всегда уступала советским вооруженным силам на Дальнем Востоке и количественно, и качественно, а потому у Японии не было никаких шансов выиграть такую войну⁴. Число подобных примеров можно умножить.

Но вернемся к главному вопросу: было принято в эти годы в Японии решение о нападении на СССР или нет? И если да, то какое?

Для внесения ясности я предлагаю следующую схему: стратегическое решение — политическое решение — тактическое решение.

Стратегическое решение о начале войны против той или иной страны — стадия, на которой данная страна начинает рассматриваться политическим руководством как потенциальный противник, проблемы в отношениях с которым, возможно, придется решать военным путем. Когда такое решение принято, глава государства (фактический, а не номинальный, если это не одно лицо) вызывает начальника Генерального штаба или военного министра и требует от него план наступательной войны против избранного противника. Это значит, что война стала возможной (вероятность больше нуля).

На этой стадии война вполне обратима. Ее могут предотвратить и внутривнутриполитические, и внешнеполитические перемены. Кроме полюбовного соглашения таковыми могут быть усиление «нападающей» стороны, которая вынуждает другую к уступкам и обходится без войны, равно как и ее ослабление, когда война становится ей не по силам.

Но если проблемы остаются нерешенными, а противная сторона не идет на уступки, наступает черед **политического решения**. Это стадия, на которой военное решение проблемы начи-

нает рассматриваться как наилучшее, наиболее действенное, хотя все еще не единственное. Иными словами, вероятность войны превышает 50%. Генштабовский план пускается в ход. В подготовку к войне, кроме военных, включается политическое руководство, начинается разработка необходимых мер в экономической, хозяйственной, административной и дипломатической сферах. Намечаются сроки нападения, исходя из того, сколько времени потребует его подготовка. С этого момента неявно, но очевидно обостряются отношения — происходят разного рода «инциденты», неприятные для противной стороны «утечки информации» и всплески «общественного мнения» (от которых власти дистанцируются), по любому поводу предпринимаются дипломатические демарши, задерживается исполнение имеющихся договоренностей и заключение новых, усиливается активность в сопредельных странах. Потенциальному противнику дают понять, что им недовольны, но у него есть возможность «одуматься». В этом случае войну могут предотвратить только радикальные меры — значительные уступки или... государственный переворот. Тогда план кладется на полку.

Если же этого не происходит, трения ~~усиливаются~~ усиливаются, поскольку описанные действия вызывают контрмеры, которые к улучшению ситуации не приводят. Тогда принимается **тактическое решение** — стадия, на которой вероятность войны неуклонно приближается к 100%, она становится неизбежной. К ее ведению готово все — армия, экономика, пропаганда, дипломатия, «пятая колонна» в тылу противника (если таковая имеется). Сроки нападения могут переноситься, но рано или поздно оно состоится. Даже переворот в стране, которой угрожает экспансия, не может изменить ситуацию — тогда войска потенциального агрессора занимают ее без боя.

В случае военного планирования Японии в отношении СССР стратегическим решением можно считать «Основные принципы национальной политики», принятые Советом пяти министров 7 августа 1936 г., через год после VII Всемирного конгресса Коминтерна, который открыто объявил Японию врагом. А как же быть с более ранними воинственными заявлениями военного министра Араки? — могут спросить меня. Отвечаю: заявления, пусть даже военного министра, — это пропаганда, когда за ними не стоит соответствующее решение высшего политического и военного руководства страны. Араки же был известным «трибуном» и «говоруном», причинявшим немало беспокойства своим товарищам по правящей элите, что в конце концов и вызвало его отставку в январе 1934 г. Новый военный министр генерал Хаяси от подобных речей воздерживался.

Так вот, один из пунктов «Основных принципов национальной политики» гласил: «Военные приготовления в армии заключаются в увеличении расположенных в Маньчжоу-го и Корее контингентов войск настолько, чтобы они могли противостоять вооруженным силам, которые Советский Союз может использовать на Дальнем Востоке, и в частности были бы способны в случае военных действий нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке вооруженным силам Советского Союза»⁵.

Политического решения тогда принято не было. Несмотря на истерические заклинания журналистов, пропагандистов и даже некоторых военных о скорой войне с Советским Союзом (осенью 1938 г. за такую речь лишился поста военный вице-министр Тодзио Хидэки), всерьез в ее возможность верили немногие, потому что такие «зарницы» периодически вспыхивали в Токио, начиная с «Маньчжурского инцидента» осени 1931 г. Например, 23 января 1939 г. Зорге сообщал в связи с активизацией военных приготовлений Квантунской армии: «Но я и другие думаем, что это не означает подготовку войны с СССР, так как японцы не в состоянии затеять войну сейчас, когда они с трудом удерживаются в Китае»⁶. Хотя о возможности провокаций на границе он предупреждал и тогда.

Стратегическое решение о войне против СССР оставалось в силе до осени 1939 г., когда большая разведка боем на Халхин-Голе показала, чего можно ожидать в случае войны. Тогда руководство Японии, оставшейся без союзников в результате «пакта Молотова—Риббентропа», от наступательной войны против Советского Союза отказалось, хотя соответствующие планы не только лежали в сейфах, но и регулярно обновлялись. Одним из свидетельств переориентации общего курса в отношении «Севера» стала полная замена командования Квантунской армии, не только «проштрафившегося» на поле боя, но и представлявшего наиболее антисоветские круги армии. Командующего генерала Уэда Кэнкити отправили в отставку. Военный министр генерал-лейтенант Итагаки Сэйсиро при смене кабинета был с большим понижением назначен начальником штаба экспедиционной армии в Китае. Новому командующему Квантунской армией генералу Умэдзу Ёсидзиро было строжайшим образом предписано избегать любых пограничных инцидентов, в том числе спровоцированных советской стороной. Логическим продолжением стал выбор Японией «южного варианта» экспансии.

Нападение Германии на Советский Союз смешало все штабные карты, создав принципиально новую ситуацию в масштабах Евразии. 14 мая посол Татэкава поинтересовался у Молото-

ва, что тот может сказать по поводу слухов о предстоящем конфликте с Германией. Нарком ответил, что «эти слухи не из московских источников» и что они «распространяются враждебными и недоброжелательными как для СССР, так и для Германии элементами». Посол беспокоился не зря: «Если бы вдруг произошло столкновение или война между Германией и СССР, то Советский Союз поневоле должен был бы сотрудничать с Англией и США». Молотов парировал: «Для беспокойства нет причины, и если бы кто думал, что действительно есть почва для беспокойства, то обе стороны нашли бы способ устранить причины, вызывающие это беспокойство». Тем не менее 16 июня Мацуока, возможно, опираясь на информацию германского посла Отта или посла Осима из Берлина, проинформировал членов Тайного совета о возможном ухудшении советско-германских отношений, хотя в подробности не вдавался⁷.

Когда гром грянул, посол Сметанин немедленно поехал к Мацуока и задал ему главный вопрос — будет ли Япония соблюдать пакт о нейтралитете? «Мацуока уклонился от прямого ответа... и тут же подчеркнул, что основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если настоящая (советско-германская. — В.М.) война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете «не будет иметь силы». Но что окончательно позиция Японии выяснится после завтрашнего (25 июня)* заседания кабинета». Посол особо отметил, что беседа «проходила в сухом тоне со стороны Мацуока (не то что было недавно)».

Мацуока резко изменил свое отношение к советским дипломатам на прямо противоположное. Его заместитель Охаси всегда был настроен антирусски и антисоветски. Сказалось это и на уровне повседневной жизни. «Полицейские власти ужесточили и без того тяжелый режим пребывания в Японии советских представителей, — вспоминал много позже дипломат и разведчик М.И. Иванов, в ту пору работавший в консульском отделе посольства. — ...В этой обстановке Советское правительство приняло решение сократить персонал всех советских учреждений в Токио и эвакуировать членов семей сотрудников и дипломатов в Советский Союз». Оставшимся приходилось наблюдать за происходящим с удвоенной, утроенной бдительностью.

Японская политика, похоже, собиралась сделать крутой поворот. И говорил об этом не кто иной, как Мацуока, еще недавно клявшийся Сталину и Молотову в любви и верности. Сметанин

* Беседа состоялась 23 июня, запись сделана 24 июня.

ненавязчиво попросил его поступить, «как подобает деятелю, которого советский народ принимал у себя, считал и считает как сторонника улучшения дружественных отношений между СССР и Японией». 26 июня Зорге сообщал: «Мацуока сказал германскому послу Отту, что нет сомнений, что после некоторого времени Япония выступит против СССР». Однако в следующей шифровке от того же дня говорилось: «Германский посол Отт не имеет приказа давить на Японию вступать в войну. Источник Отто (Одзаки. — *В.М.*) сказал, что японский флот в отношении (так в тексте. — *В.М.*) вступления в войну будет наблюдать и выжидать»⁸. Понятно, что в Москве царил беспокойство.

29 июня Молотов прямо спросил Татэкава о позиции Японии. «Татэкава отвечает т. Молотову, что он еще не имеет об этом сообщения от своего правительства. Если же говорить о мнении министра иностранных дел Мацуока, то он искренне и сердечно думал о создании блока держав — СССР, Япония, Германия и Италия — и всячески хотел избежать возникновения этой войны. Татэкава далее говорит, что японское правительство находится в трудном положении, так как, с одной стороны, оно имеет тройственный союз, а с другой стороны — пакт о нейтралитете с СССР». Молотов парировал с помощью аргумента, который, видимо, не пришел в голову дилетанту Сметанину (по образованию тот был ихтиологом и пришел в МИД по «партийному набору»): «В этом (тройственном. — *В.М.*) пакте оговорено, что он не затрагивает отношений каждого из участников этого пакта с СССР. Следовательно... надо полагать, что Япония по тройственному пакту не взяла на себя каких-либо обязательств против СССР».

«Затем т. Молотов выражает пожелание, чтобы Япония и СССР как две соседние страны считались бы как с интересами данного момента, так и с интересами будущего и не делали бы каких-либо шагов к ухудшению отношений, которые, замечает т. Молотов, за последнее время, несомненно, стали улучшаться... Татэкава целиком присоединяется к высказанному т. Молотовым мнению, чтобы обе стороны воздерживались от шагов, способных ухудшить отношения между обеими странами».

Что же происходило в эти дни в Токио?

25 июня на заседании координационного комитета правительства и ставки Мацуока заявил: «Я заключил Пакт о нейтралитете, так как считал, что Германия и Советская Россия не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать Пакт о нейтралитете. Я заявил Отту, что мы останемся верными нашему союзу, несмотря на по-

ложения (советско-японского) Пакта... В том же духе я говорил с советским послом... Конечно же, я не говорил ему о разрыве Пакта о нейтралитете». Позиция министра была ясной: «Когда Германия победит и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Мы должны либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь... Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника будут переброшены на Запад?»⁹

Почему он так поступил? Современники, а затем историки теорились в догадках. Поверил в неминуемый успех блицкрига и решил «не опоздать на автобус», проявив себя как типичный оппортунист? Стремился любой ценой войти в историю, понимая, что туберкулез делает свое дело? Слегка повредился рассудком от готовоужительного развития событий, как прямо сказал на одном из заседаний кабинета его главный антагонист министр внутренних дел Хиранума? Полагаю, что и первое, и второе, и третье.

То, что говорил Мацуока, вполне укладывалось в «дохалхингольскую» военную доктрину Японии в радикальном варианте. Однако на сей раз «сумасбродного гения» никто не поддержал. Даже старый «квантунец» военный министр Тодзио заметил: «Мы не должны полностью полагаться на Германию». С ним согласился — редкий случай! — морской министр Оикава: «Не следует планировать удар по Советской России, нужно готовиться к движению на юг. Флот не хотел бы провоцировать Советский Союз». А премьер Коноэ даже «рассматривал возможность ликвидации Тройственного пакта, поскольку тот утратил *raison d'être* (право на существование. — *Прим. ред.*) после того, как Германия без каких-либо консультаций с Японией начала войну против России и тем самым создала ситуацию, совершенно несовместимую с предположениями участников союза о вовлечении в него СССР»¹⁰. Война между Германией и Советским Союзом не только похоронила все надежды на сотрудничество Берлина, Москвы и Токио, которое было одной из главных целей Тройственного пакта, но и лишила его участников последней реальной возможности взаимной помощи, особенно необходимой в случае войны. Иными словами, пакт раз и навсегда утратил практическую ценность. Коноэ это понимал, но на более активные действия не решился¹¹.

Кабинет заседал ежедневно, как Татэкава и сказал Молотову. 17 июня Мацуока настойчиво повторял: «Мы должны сначала ударить на Севере, а затем нанести удар на Юге... Нам следует ударить на Севере, даже если мы в некоторой степени отступим в Китае... Я хотел бы иметь решение о нанесении первоначально-

го удара на Севере и сообщить об этом намерении Германии... Я хотел бы принятия решения напасть на Советский Союз». Иными словами, он требовал принятия стратегического и политического решений одновременно. Хиранума, испытывавший к Мацуока личную антипатию, наставительно сказал: «Господин Мацуока, подумайте должным образом о проблеме, с которой мы имеем дело». Начальник Генерального штаба армии Сугияма просто ответил ему: «Нет». Его поддержал — снова трогательное единодушие часто враждовавших ведомств — начальник Генерального штаба флота Нагано¹². Поэтому 28 июня Зорге радировал: «Отт понял, что Япония не выступит на север сейчас»¹³.

30 июня весы как будто на секунду качнулись в сторону «северного варианта»: его осторожно поддержал русофоб и антикоммунист Хиранума. Может быть, после реплики Мацуока, что «великие люди должны уметь менять свое мнение»? Но главное решение было принято 2 июля: на Советский Союз не нападать, пока он сам не рухнет под ударами вермахта, т.е. пока не будет оккупирована как минимум его европейская часть. Таким образом, Япония готовилась к роли «вора на пожаре», как позже окрестят вступление СССР в войну с ней в августе 1945 г. За нападение ратовал только пожилой председатель Тайного совета Хара. Даже Мацуока был уже не так настойчив.

В литературе встречаются утверждения, что сторонником немедленной войны с СССР выступал военный министр Тодзио. В доказательство обычно приводятся его слова: «Нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз, подобно спелой хурме, готов будет пасть на землю»¹⁴. Милитарист и представитель «квантунской клики», Тодзио не оставлял мысли об экспансии в Приморье, но только в том случае, если Советский Союз потерпит поражение в войне с Германией и не сможет оказать Японии никакого сопротивления. Мацуока, призывавший к немедленному и безусловному вступлению в войну, занимал как раз противоположную позицию.

Таким образом можно считать, что стратегическое решение о войне против СССР было. 5 июля Тодзио утвердил план «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»), ставший после войны дежурным доказательством агрессивности Японии. Как хороший служака, министр был готов ввести его в действие, как только правительство примет политическое решение. Но принято оно так и не было, не говоря уже о решении тактическом. Штабные разработки, сколь подробными они бы ни были, остались на полках.

После заседания Мацуока вызвал Сметанина и, снова вы-

разив сожаление по поводу возникшего конфликта, поставившего Японию в сложное и деликатное положение, сообщил, что Токио будет придерживаться Пакта о нейтралитете, но оставляет за собой свободу действий в случае изменения обстановки¹⁵. Одновременно министр продолжал заверять германского посла, что прилагает все усилия для скорейшего вступления Японии в войну, на чем теперь настаивал Риббентроп, давший соответствующее поручение своему послу в Токио¹⁶.

12 июля в Москве Молотов и британский посол Стаффорд Криппс подписали соглашение о совместных действиях в войне против Германии. 15 июля нарком проинформировал о нем Татэкава, заявив, что оно «касается только Германии и... не может дать почву к недоразумениям между СССР и Японией», а Советский Союз будет неукоснительно соблюдать пакт о нейтралитете. Посол заметил: «Англия для Японии почти враг, а японский народ так прямо и считает, что Англия является врагом Японии. И то, что СССР заключил соглашение с врагом Японии, не может, по мнению Татэкава, не повлиять на чувства японского народа к СССР в сторону охлаждения... Очень желательно, чтобы СССР не предпринимал дальнейших шагов, которые могли бы дать общественному мнению Японии повод быть настроенным против СССР, ибо в таком случае японскому правительству будет очень трудно сдерживать естественное проявление чувств японского народа». Короче говоря, пугал. Но на прощание счел нужным сказать: «Мацуока не знал о намерении Германии воевать против СССР вплоть до 22 июня... Тов. Молотов тогда спрашивает у Татэкава, как же это так могло получиться, что Германия поставила участника тройственного пакта перед совершившимся фактом. Татэкава думает... что Германия думала, что Япония против этой войны». Через полгода Япония поставит Германию перед совершившимся фактом нападения на Перл-Харбор.

В день подписания соглашения с Великобританией Сметанин был у Мацуока и снова пытался получить конкретный ответ об отношении к Пакту о нейтралитете. На следующий же день министр вручил ему памятную записку, однако что-либо понять из нее было непросто: «Пакт остается в силе, хотя и не применим к германо-советской войне (? — В.М.)... Пакт сохраняет свою силу постольку, поскольку он не будет противоречить Тройственному пакту в тех его аргументах, в которых Япония должна уважать цели и дух Тройственного пакта (? — В.М.)... Поскольку это касается нынешней войны, то я уверен, что в настоящее время Япония будет занимать такую позицию, при которой она свободно, не связывая себя ни Пактом о нейтралитете, ни Тройственным япо-

но-германо-итальянским пактом (? — *В.М.*), сможет определить собственную политику» (текст из АВП РФ).

Но это было уже не так важно, потому что дни пребывания Мацуока в должности были сочтены. Ни Молотов, ни Сметанин, видимо, не знали о том, что японское правительство оказалось перед лицом кризиса. Вернувшись из Европы, Мацуока всерьез вознамерился стать следующим премьером. «Господи, помоги Японии, если это случится», — записал 2 мая в дневнике американский посол Джозеф Грю¹⁷. Министр стал пропагандировать «дипломатию Мацуока» как альтернативу курсу правительства, требовал аудиенций у императора без согласования с премьером (серьезное нарушение субординации!), попытался укрепиться в Ассоциации помощи трону. Однако сразу же столкнулся с сопротивлением бюрократических кругов во главе с Хиранума, затем всего кабинета и армейского руководства. Чашу терпения переполнили выпады Мацуока против США и Великобритании в то время, как премьер пытался нормализовать отношения с Вашингтоном. 16 июля Коноэ подал в отставку и два дня спустя сформировал кабинет почти в том же составе, но без беспокойного министра, которого сменил осторожный адмирал-интеллектуал Тоёда Тэйдзиро. Год назад официоз МИД журнал «Контемпорари Джапен» возвещал: «Время старой дипломатии прошло». Теперь на его страницах говорилось, что японской дипломатии нужен лидер-прагматик с «ясной головой», а не романтик¹⁸. И хотя офицеры Генерального штаба армии снова попытались поднять вопрос об участии в войне против СССР, политическое руководство, видевшее ситуацию гораздо объемнее, не стало возвращаться к этой теме. Не действовали даже впечатляющие успехи вермахта первых месяцев войны.

Совершенно неверную характеристику новому правительству дал гоминьдановский посол в Москве Шао Лицзы в разговоре с Лозовским 22 июля: «Новый министр иностранных дел Тоёда является представителем наиболее агрессивных элементов в японском флоте (? — *В.М.*)... уход Мацуока из состава кабинета означает устранение помех при движении в северном направлении (?! — *В.М.*), но первый шаг Японии будет направлен на юг с тем, чтобы захватить Индокитай, Тай (Таиланд. — *В.М.*) и Бирму, причем японцы не отказываются от своих намерений об агрессии и в северном направлении» (советская запись). И так бывает: документ подлинный, а на его содержание полагаться нельзя.

25 июля Сметанин задал новому министру иностранных дел все тот же вопрос о позиции Японии в отношении советско-германского конфликта. Тоёда ответил только 5 августа, после сове-

шания кабинета и ставки, состоявшегося накануне и принявшего предложенные министром «Принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом»: Япония будет верна пакту о нейтралитете, если СССР тоже будет соблюдать его; в противном случае он потеряет силу¹⁹. В том же духе высказался в июльском номере влиятельного журнала «Кайдзо» профессор международного права Токийского университета Ёкота Кисабуро. Дав краткий обзор положений Тройственного пакта и пакта о нейтралитете, он сделал четкий вывод: «На деле Япония, по своим договорным обязательствам, дважды защищена и от того, чтобы выступать вместе с Германией, и от того, чтобы идти против России. Поэтому сохранение Японией нейтралитета без сомнения будет воспринято как верность принятым на себя обязательствам»²⁰.

13 августа Сметанин вновь встретился с Тоёда и передал ему ответ из Москвы. Советское правительство с удовлетворением восприняло готовность Японии соблюдать пакт о нейтралитете и подтвердило свою верность ему. Ответ также напоминал об обещании Мацуока ликвидировать концессии на Северном Сахалине, для чего министр (ныне уже бывший) в письме от 31 мая просил шесть месяцев с момента подписания пакта. Тоёда от обещаний не отказался, но и не подтвердил заявленных ранее сроков. В итоге ликвидация концессий затянется до весны 1944 г.

Проблем в двусторонних отношениях осталось немало, и война принесла с собой новые, но стало ясно — нападать на Советский Союз, кроме как в случае его краха на Западе, Япония не собирается. 23 августа 1941 г., во вторую годовщину «пакта Молотова—Риббентропа», не отпразднованную уже никем, Зорге сообщал: «Коноэ дал указание Умэдзу (командующему Квантунской армией. — В.М.) избегать каких-либо провокационных действий»²¹. Указание выполнялось аккуратно (мелкие пограничные стычки, конечно, были и позже), но в Москве продолжали нервничать.

В тот же самый день Лозовский направил Молотову записку, в которой «в связи с напряженным положением на Дальнем Востоке» предлагал послать туда «группу ответственных работников под руководством одного из членов или кандидатов Политбюро для того, чтобы подготовить парторганизации, армию и все население к надвигающейся японской агрессии против Советского Дальнего Востока». В записке от 1 ноября замнаркома гадал, что могут потребовать японцы, пользуясь тяжелым положением СССР (Гитлер под Москвой!). Наконец, 19 декабря он написал Молотову личное письмо, где утверждал: «Во всяком случае до столкновения с Японией остается несколько месяцев».

Осенью наркомат иностранных дел переехал из Москвы в Куй-

бышев (Самара), и работы у него поубавилось, поэтому Лозовский предлагал следующее: «Мне кажется, что я обязан заниматься японцами не только в мирное время, но и особенно в предвоенное и военное время. Поэтому прошу направить меня на Дальний Восток для того, чтобы помочь нашим партийным, военным и советским организациям встретить «дорогих гостей»... Помимо организации всех сил на нашей территории для своевременного и мощного отпора японцам необходимо также учесть и возможную роль партизанского движения в Маньчжурии в разгроме японских захватчиков. Мне кажется, — суммировал замнаркома, в душе которого проснулся партизан, — что я на Дальнем Востоке буду сейчас более полезен, чем в Куйбышеве. Поэтому прошу поддержать мою просьбу перед ЦК о посылке меня на работу на Дальний Восток».

Однако Лозовский никуда не поехал, да и оснований для тревоги становилось все меньше. 14 сентября Зорге радировал из Токио: «По мнению посла Отта, выступление Японии против СССР теперь уже вне вопроса. Япония сможет выступить только в случае, если СССР перебросит в большом масштабе свои войска с Дальнего Востока»²². Но здесь мы полностью переиграли японскую разведку.

Генерал-майор Петр Григоренко (в описываемое время — подполковник, офицер оперативного управления Дальневосточного фронта, впоследствии — известный правозащитник) вспоминал о событиях лета—осени сорок первого: «Сейчас шла сверхсрочная отправка восьми дивизий на спасение Москвы. Потом приказали отправить еще четыре, потом по одной, по две отправили еще шесть. Всего восемнадцать дивизий из общего числа девятнадцати, входивших в состав фронта. Не отправлена только одна 40-я, да и то, видимо, потому, что вынимать ее из Посыета было очень трудно. Вместо каждой отправляемой на фронт Опанасенко (Иосиф Родионович, генерал армии, командующий фронтом с начала 1941 г. — В.М.) приказывал формировать на том же месте второочередную.

За эти формирования Опанасенко тоже заслуживает памятника. Ведь все формирования он вел по собственной инициативе и под собственную ответственность, при неодобрительном отношении ряда ближайших своих помощников и при полной безучастности и даже иронии центра. Центр знал о формированиях, но был убежден, что формировать что-либо на Дальнем Востоке без помощи центра невозможно: людей нет, вооружения нет, транспорта нет и вообще ничего нет. Поэтому центр, зная об организационных потугах Дальневосточного фронта, делал вид, что ему об этом ничего не известно. Пусть, мол, по-

играют там в мобилизацию. Но Опанасенко все нашел. Провел мобилизацию всех возрастов до пятидесяти пяти лет. Основательно пообчистил лагеря, имевшие выход к шоссе или железным дорогам. Даже из Магадана получил какое-то количество призывного контингента, в том числе офицеров.

Таким образом, вопрос с людьми был решен. Здесь не место подробно рассказывать, как решались вопросы вооружения, транспорта. Что-то за счет развернувшегося местного военного производства, что-то подбрасывал и центр: лошадей из Монголии, артиллерию и транспорт из Сибири. Позднее стали присылать даже пополнение из Средней Азии. Правда, это была условная помощь, поскольку присылалось абсолютно небоепригодное пополнение взамен хорошо обученных солдат — дальневосточников, отправляемых по требованию Москвы маршевыми батальонами на фронт. В общем, несмотря на совершенно невероятные трудности, взамен всех ушедших дивизий были сформированы второочередные. Их было сформировано даже больше на две или три. Когда новые формирования стали реальностью, у Генштаба наконец «прорезался голос». Были утверждены и получили номера все вновь сформированные дивизии. Причем центр настолько уверовал в серьезность новых формирований, что забрал в действующую армию еще четыре дивизии, уже из числа второочередных.

За время с июля 1941 по июнь 1942 г. Дальний Восток отправил в действующую армию двадцать две стрелковые дивизии и несколько десятков тысяч маршевого пополнения. Теперь мы знаем уже, что в течение первого года войны между японцами и немцами шла серьезная перепалка. Немецкая разведка утверждала, что Советы «из-под носа» японцев уводят дивизии и перебрасывают их на запад. Японская же разведка настаивала на том, что ни одна советская дивизия не покинула своих мест дислокации. Трудно даже представить, как развернулись бы события на Дальнем Востоке, если бы там командовал человек-исполнитель. Он бы отправил все войска, как того и требовала Москва, и ничего бы не сформировал, поскольку самовольные формирования запрещены категорически. Одной оставшейся дивизией, тремя штабами армий и одним штабом фронта, даже вместе с пограничниками, не только оборонять, но и наблюдать огромной протяженности границу Дальнего Востока невозможно. Опанасенко проявил в этом деле государственный ум и большое мужество. Принцип «не оставлять пустого места там, где дислоцировалась отправленная дивизия» не только укрепил обороноспособность фронта, но и явился прекрасным способом маскировки, признанным впоследствии и Генштабом.

Когда забрали последние четыре дивизии (уже второочередные), Генштаб, не имея сил и средств на создание такого же числа новых (третьеочередных) дивизий, приказал сформировать взамен каждой из них по стрелковой бригаде»²³.

Так генерал Опанасенко спас Дальний Восток.

Пришел черед и японской стороне задавать вопросы с тревогой в голосе. 18 октября Тодзио Хидэки сформировал правительство вместо ушедшего в отставку Коноэ. Новым министром иностранных дел стал Того Сигэнори. Он принял должность с условием, что Япония воздержится от войны на Тихом океане, пока не будут исчерпаны все мирные, прежде всего дипломатические, средства для урегулирования отношений с Соединенными Штатами. Однако уже в ноябре стало ясно, что, если не произойдет радикальных перемен в ходе затянувшихся японо-американских переговоров, война неизбежна. К ней готовились обе стороны, но речь сейчас не об этом.

22 ноября Того вызвал Сметанина и попросил подтвердить, продолжает ли Советский Союз придерживаться позиции, заявленной 13 августа, — сохранять верность пакту о нейтралитете и не заключать с третьими странами соглашений, направленных против Японии. Министра особенно интересовало обязательство СССР не предоставлять базы третьим странам²⁴. Контекст беседы был совершенно очевиден: Того желал увериться, что СССР не станет союзником США и Великобритании в неотвратимо надвигающейся войне на Тихом океане. Надо же было подготовиться к вопросам коллег по кабинету, среди которых он слыл знатоком России.

Сметанин терпеливо повторял, что пакт и заявление остаются в силе, хотя напомнил, что о соглашениях с третьими странами в нем ничего не сказано. Тем не менее Того продолжал нервничать и 28 ноября попросил у посла письменное обязательство от имени его правительства. От этого Сметанин предусмотрительно отказался, сказав, что «в японском МИДе все это уже записано, и он не считает необходимым еще раз писать о том же самом». Министру пришлось смириться, тем более что после «ноты Хэлла» 26 ноября остановить войну было возможно только ценой немедленных согласованных усилий и взаимных уступок обеих сторон. Но делать этого никто не собирался*. С 8 декабря 1941 г. Япония находилась в состоянии войны с

* Автор придерживается точки зрения, что президент Рузвельт и его окружение заранее знали о готовящемся нападении на Перл-Харбор и, стремясь получить законный повод для участия в войне против держав «оси», созна-

США и Великобританией, о чем министр в тот же день лично уведомил советского посла, а Татэкава — Вышинского днем позже. «Но это несколько не повлияет и не изменит взаимоотношения между Японией и СССР, — заявил Того Сметанину. — Об этом я хочу заявить особо». 11 декабря Гитлер произнес в рейхстаге патетическую речь: перечислив враждебные акты Рузвельта в отношении Германии, он сообщил об объявлении войны Соединенным Штатам. Конфликт стал общемировым.

Нападение на Перл-Харбор совпало с прибытием в Вашингтон нового советского посла — Максима Максимовича Литвинова. Лучшей кандидатуры для налаживания отношений с «мировым островом» было не отыскать. «Совпадение» всегда казалось мне подозрительным, но это, возможно, издержки былого увлечения конспирологией. Президент Рузвельт и государственный секретарь Хэлл сразу же поставили перед Литвиновым вопрос об участии СССР в войне против Японии. Тот лично был бы, возможно, и не против, но 11 декабря получил совершенно определенную инструкцию Молотова. Приведу ее полностью:

«По вопросу о нашей установке в связи с японо-американской войной Вам сообщается, что мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией и *вынуждены* (выделено мной. — В.М.) держаться нейтралитета, поскольку Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете. Мотивы:

Первое. Советско-японский пакт обязывает нас к нейтралитету, и мы не имеем пока оснований не выполнять свое обязательство по этому пакту. Мы не считаем возможным взять на себя инициативу нарушения пакта, ибо мы сами всегда осуждали правительства, нарушающие договоры».

Иными словами, с нашей стороны первого выстрела не будет.

«Второе. В настоящий момент, когда мы ведем тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта. Советский народ и советское общественное мнение не поняли бы и не одобрили бы политику объявления войны Японии в настоящий момент, когда враг еще не изгнан с территории СССР, а народное хозяйство СССР переживает максимальное

тельно дали Японии возможность «сделать первый выстрел». Это исчерпывающе доказано работами американских историков: Г.Э. Барнес, Дж. Моргенстерн, Ч.К. Тэнзилл, П. Грейвс, Дж. Мартин, Дж. Толанд, Р.Б. Стиннет и др.

напряжение, имея в виду при этом, что Япония держится нейтралитета и не дает пока что повода для объявления войны... Мы думаем, что главным нашим общим врагом является все же гитлеровская Германия, ввиду чего ослабление сопротивления СССР гитлеровской агрессии привело бы к усилению держав «оси» в ущерб СССР и всем нашим союзникам».

Если отбросить дежурную риторику про «советский народ и советское общественное мнение», которых никто никогда не спрашивал, директива Молотова, адресованная, судя по трескучим выражениям, не столько для сведения Литвинову, сколько для передачи Рузвельту и Хэллу, совершенно четко говорила об одном: Советский Союз рассматривает Японию как своего потенциального противника в войне. Это и есть окончательное стратегическое решение, хотя возможность войны с Японией Сталин, полагая, не исключал как минимум со времени «Маньчжурского инцидента».

И здесь уместно задать вопрос: а каковы были военное планирование и военные приготовления СССР против Японии? Или наша доблестная Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (ОКДВА) под командованием орденоносца маршала Советского Союза Василия Блюхера к нападению на Японию не готовилась?

Начнем с того, что соответствующие советские военные планы не публиковались и в научный оборот не введены. Поэтому и сравнивать их с японскими мы не можем. Приходится руководствоваться теми документами, которые нам известны, и, конечно, самими событиями.

Вооруженный конфликт на озере Хасан летом 1938 г., начавшийся со случайной и никем не запланированной стычки на границе, показал многое²⁵. В том числе неготовность ОКДВА, переименованной в Дальневосточный фронт, к войне и неспособность Блюхера эффективно руководить им. Начальник Главного политического управления РККА Мехлис и заместитель наркома внутренних дел Фриновский, приехавшие на Дальний Восток «разбираться», не были военными специалистами, но вынесли такой вердикт: состояние, «в котором сейчас находится Дальневосточный фронт, не дает сколько-нибудь относительных гарантий того, что он будет способен выполнить задачи войны на Дальнем Востоке. Требуется принятие самых энергичных и решительных мер для приведения фронта в боееспособное состояние». Итогом стали отстранение от должности Блюхера и многих его подчиненных, их арест и гибель. Управление фронта было расформировано. Его заменили 1-я и 2-я

Отдельные Краснознаменные армии, во главе которых были поставлены комкоры Григорий Штерн и Иван Конев.

Разумеется, пытки и расстрелы — не лучший способ наводить порядок в армии, но что-то делать было необходимо. О низкой боеспособности и боевой готовности Красной Армии на Дальнем Востоке знали и японцы, причем из первых рук — от бежавшего в Маньчжурию 13 июня 1938 г. начальника управления НКВД по Дальневосточному краю Генриха Люшкова. Мехлис и Фриновский приехали из-за него. Японцам Люшков рассказывал много и охотно. «Выпотрошив» перебежчика как следует, разведчики решили ему выступать с разоблачениями в открытой печати.

Штерн, в прошлом комиссар и главный военный советник в Испании, после разгрома блохеровского окружения пытался хоть как-то наладить работу, но явно не подходил на роль главного не то что в наступлении, но даже в обороне. Популярен был он в основном в Биробиджане: еврей — командующий! В начале 1941 г. его перевели в Москву начальником Управления ПВО Наркомата обороны. На этой должности он «прохлопал» прилет «юнкерса» на Центральный аэродром Москвы меньше чем за месяц до войны, а с ее началом показал полную беспомощность в сопротивлении люфтваффе²⁶. В общем, не очень удивительно, что потом его расстреляли.

На смену Штерну приехал Опанасенко. Вновь начал формироваться Дальневосточный фронт. Слово Петру Григоренко:

«Почти одновременно с Опанасенко приехало много работников высшего звена фронтового управления, которые были отобраны самим Опанасенко. Все это люди умные, что само по себе говорит в пользу Опанасенко... Прибыл и новый начальник оперативного управления генерал-майор Казаковцев Аркадий Кузьмич... О передаче оперплана устно и письменно доложили начальнику штаба, а затем командующему. Опанасенко сразу же пожелал лично ознакомиться с оперпланом. Начали с плана прикрытия. Докладывал я, так как был ответственен за эту часть оперплана. Казаковцев стоял рядом. По мере доклада Опанасенко бросал отдельные реплики, высказывал суждения. Когда я начал докладывать о расположении фронтовых резервов, Опанасенко сказал: «Правильно! Отсюда удобнее всего маневрировать. Создастся угроза здесь, мы сюда свои резервы, — и он повел рукой на юг. — А создастся здесь, сманеврируем сюда», — двинул он руку на запад. Казаковцев, который молчал, когда рука Опанасенко двигалась на юг, теперь спокойно, как о чем-то незначительном, бросил: «Сманеврируем, если японцы позволят».

— Как это? — насторожился Опанасенко.

— А так. На этой железной дороге 52 малых туннеля и больших моста. Стоит хоть один из них взорвать, и никуда мы ничего не повезем.

— Перейдем на автотранспорт. По грунту сманеврируем.

— Не выйдет. Нет грунтовки, параллельной железной дороге.

У Опанасенко над воротником появилась красная полоска, которая быстро поползла вверх (признак ярости, описанный Григоренко ранее. — *В.М.*). С красным лицом, с налитыми кровью глазами он рывкнул: «Как же так! Кричали: Дальний Восток — крепость! Дальний Восток — на замке! А оказывается, сидим здесь, как в мышеловке!» Он побежал к телефону, поднял трубку: «Молева ко мне немедленно!»

Через несколько минут вбежал встревоженный начальник инженерных войск фронта генерал-лейтенант инженерных войск Молев.

— Молев! Тебе известно, что от Хабаровска до Куйбышевки (Восточной. — *В.М.*) нет шоссейной дороги?

— Известно.

— Так что же ты молчишь? Или думаешь, что японцы тебе построят! Короче говоря, месяц на подготовку, четыре месяца на строительство. А ты, — Опанасенко повернулся ко мне, — 1 сентября садишься в газик и едешь в Куйбышевку-Восточную. Оттуда мне позвони. Если не доедешь, то, Молев, я не завидую твоей судьбе. А список тех, кто виновен, что дорога не построена, имей в кармане. Это твою судьбу не облегчит, но не так скучно будет там, куда я тебя загоню. Но если ты по-серьезному меня поймешь, то вот тебе мой совет. Определи всех, кто может участвовать в строительстве, — воинские части и местное население, — всем им нарежь участки и установи сроки. Что нужно для стройки, составь заявку. Все дам. И веди строгий контроль. У меня на столе каждый день должна быть сводка выполнения плана. И отдельно — список не выполнивших план.

1 сентября 1941 года (немцы рвутся к Москве! — *В.М.*) я приехал на газике из Хабаровска в Куйбышевку-Восточную и позвонил Опанасенко. На спидометре у меня добавилось 946 километров. Я видел, что сделано, и в начале и в конце этой дороги поставил бы бюсты Опанасенко. Любой более образованный человек остановился бы перед трудностью задачи. Опанасенко же видел только необходимость и искал пути достижения цели, борясь с трудностями и не останавливаясь перед ними. В связи с этой дорогой легенда о его самодурстве пополнилась новыми фактами. За время стройки двух секретарей райкомов он сдал в солдаты, что впоследствии было использовано против него, как доказательство его диктаторских замашек.

Когда он принял командование, дорожная сеть, особенно в Приморье, была уже относительно развита. Но части дислоцировались не на дорогах. А подъездные пути шоссированы не были. Поэтому в распутицу во многие части можно было пробраться только на лошадях. Опанасенко загонял легковую в самую грязь подъездных путей, бросал ее там, а на другой уезжал, заявив во всеуслышание: «К таким разгильдяям я не ездук». Затем вызывал командира части к себе. Слухи о жестоких взысканиях, о снятии с должностей и понижениях в званиях быстро распространились по частям. Везде бросили всё и занялись строительством подъездных путей. За какой-нибудь месяц во все городки вели прекрасные шоссе, а сами городки — улицы, технические парки, хозяйственные дворы были загравированы, а кое-где и заасфальтированы. Не самодурство было все это. До сего времени невозможно было в распутицу выйти из городков по тревоге. Теперь же — в любое время года и суток выходи и в бой. Вообще же дороги были слабостью Опанасенко. Сознаюсь, я — генштабист — теоретически понимал значение дорог, но так их чувствовать, так заботиться о них, как Опанасенко, не мог. Только Опанасенко привил нам всем, дальневосточникам, подлинное уважение к дорогам. Время его командования Дальневосточным фронтом с основанием можно назвать эпохой дорожного строительства и отличного содержания построенных дорог».

Такова была дальневосточная реальность, которая могла смешать самые далеко идущие и тщательно разработанные планы. Но вернемся к вопросу о том, что думали в Москве по поводу наступательной войны с Японией.

У нас нет оснований для вывода, что Кремль принял *окончательное* стратегическое решение (потенциально оно, как я уже говорил, было, видимо, с конца 1931 г.) о войне с Японией ранее начала войны на Тихом океане. Но после Перл-Харбора все определилось. С 22 июня 1941 г. больше тревожился Советский Союз, опасавшийся удара в спину на Дальнем Востоке. С 7 декабря 1941 г. пришел черед беспокоиться японцам. В полномасштабном военном конфликте с Соединенными Штатами они были уже заранее обречены на поражение. Возможно, с учетом удаленности главных сил США от основного театра военных действий и потенциального эффекта внезапного нападения они рассчитывали на что-то вроде компромиссного мира. Вступление СССР в войну на стороне Америки, даже если его участие в собственно боевых действиях было бы не слишком активным, делало такой ход событий невозможным. В борьбе мировых коалиций Япония определилась, но старалась не увеличивать число

врагов. «Я всегда в своих выступлениях подчеркиваю, — говорил Того 14 августа 1942 г. новому советскому послу Якову Малику, — что Германия является нашим союзником, а с СССР у нас существуют нейтральные отношения». Малик не протестовал и не возражал. Хотя потом, на Токийском процессе, советское обвинение сделает совершенно головокружительный с юридической точки зрения вывод, что нападение Японии на Перл-Харбор уже само по себе освобождало СССР от необходимости соблюдать пакт о нейтралитете. Так чего ж Москва его соблюдала-то?!

С американской точки зрения нейтралитет на Дальнем Востоке, наверное, и вправду казался странным. Вот Соединенные Штаты с самого начала конфликта в Европе, хоть и оставались формально нейтральными, но совершенно четко определили свою позицию. С передачей Великобритании в сентябре 1940 г. пятидесяти, пусть старых и «в обмен», но действующих и боеспособных военных кораблей Америка фактически вступила в войну, хотя Рузвельт наталкивался на постоянное сопротивление собственного народа и его избранников — Сената и Конгресса. Поэтому он сказал Черчиллю: «Я не могу объявить войну, я могу ее сделать». Как сказал — так и сделал.

Так что нейтралитет США в отношении Германии, а затем и Японии (расторжение торгового договора, эмбарго на различные товары, замораживание активов и прочие дискриминационные меры) с сентября 1939 г. по декабрь 1941 г., с одной стороны, и нейтралитет СССР в отношении той же Японии с июня 1941 г. по апрель 1945 г., до объявления о денонсации пакта, — это совершенно разные вещи.

Я не буду в деталях рассматривать советско-японские отношения 1942—1944 гг. — кто когда кому вручил какую ноту и что ответила на это другая сторона. Они подробно и хорошо описаны Джорджем Ленсеном по японским документам и Борисом Славинским — по российским. Значимых событий в эти годы между нашими странами, можно считать, не было, ни хороших, ни плохих. Значимые события происходили на других фронтах — в прямом и переносном смысле этого слова.

В 1942 г. в обеих столицах сменились послы: молодой, но талантливый и хваткий Малик вместо ихтиолога Сметанина; старый и опытный Сато, проводший в России много лет, вместо генерала Татэкава. Сато регулярно общался с Молотовым и Лозовским. Малик имел свободный доступ ко всем министрам иностранных дел, включая премьера Тодзио, когда тот недолгое время совмещал эти посты. Не избегал он и общения с представителями деловых и интеллектуальных кругов — вроде

члена палаты пэров графа Гото Итидзо, старшего сына Гото Симпэй.

30 марта 1944 г. Сато и Лозовский подписали протоколы о ликвидации японских концессий на Сахалине и об очередном продлении (на сей раз на пять лет) рыболовной конвенции 1928 г., к заключению которой приложили руку Чичерин, Карахан и Гото. «Между нашими странами, — говорил Молотов Сато 16 сентября 1944 г., когда советское руководство уже приняло как минимум политическое решение о войне с Японией, — в особенности в период пребывания Сато на посту посла в Москве, установились нормальные отношения, хотя раньше было немало недоразумений. За последнее время таких недоразумений не было. Текущие вопросы мы рассматриваем и разрешаем в порядке существующих нормальных отношений. Для этого успешно работает наш посол в Токио и посол Сато в Москве... Советское правительство считает, что советско-японские отношения развиваются нормально и в хорошем направлении, что показало, например, заключение (концессионного и рыболовного) соглашений весной этого года». Произнося эти слова, Молотов не кривил душой. Он говорил о том, что видел и знал.

Справедливости ради следует отметить, что есть и свидетельства прямо противоположного содержания. Жизнь советских дипломатов в Японии военных лет описали М.И. Иванов и, менее подробно, Н.Б. Адырхаев, японских в СССР — Н. Сато и Г. Морисима. Мемуары всех четверых рисуют прямо-таки устрашающую картину постоянных конфликтов, мелких придиорок, враждебных акций и тотальной полицейской слежки. «В целом отношение японских официальных лиц к советским учреждениям и их представителям в первые месяцы и годы войны было недружелюбным, а иногда и прямо-таки издевательским. Замаскированная и открытая враждебность, которая стала основным элементом отношений японских властей, осложняла нашу жизнь и деятельность», — утверждал М.И. Иванов, приводя конкретные примеры. Не меньше претензий было и у другой стороны, но мемуары японских дипломатов в России не издавались и свидетельства об этом не цитировались. Не берусь судить, кто больше прав. Стоит просто помнить, что шла война и что и Советский Союз, и Япония в те годы были самыми настоящими «полицейскими государствами», где любой иностранец казался подозрительным по определению, а тем более враг наших союзников и союзник наших врагов — подозрительным вдвойне. И тем не менее дипломаты обеих стран с честью делали свое нелегкое дело.

Возникавшие инциденты в итоге всегда улаживались, хотя

торговля захирела окончательно. Долгожданный торговый договор был парафирован за несколько недель до нападения Германии СССР, но в обстановке общего смятения и неуверенности так и не был подписан. В обеих столицах полиция в форме и в штатском исправно «пасла» дипломатов, которые потом усиленно жаловались на это в мемуарах. Однако такая практика установилась еще до войны, и кто кого превзошел по части «мер безопасности», сказать трудно. В газетах обеих стран — в японских чаще — попадались недружественные заявления в адрес другой стороны, но официальные лица отмежевывались от них.

Н.Б. Адырхаев приводит любопытный случай: «Мне приходилось присутствовать почти на всех сессиях японского парламента — посольство получало приглашения. На одной из них с докладом о внешней политике выступил министр иностранных дел (к сожалению, не сказано, кто именно, но судя по контексту речь, видимо, идет о Сигэмицу. — *В.М.*). Касаясь японо-советских отношений, он сказал: «Что касается японо-советских отношений, то они по-прежнему базируются на договоре (пакте) о нейтралитете». В этот момент член парламента, один из самых оголтелых антисоветчиков Акао Бин стал кричать: «Почему до сих пор нейтралитет?! Почему не атакуем?!» В зале поднялся шум протеста против этой выходки Б. Акао, но он не унимался, и тогда председатель парламента приказал охране выдворить его из зала заседаний. Началась шумная свалка и крики. Акао так сильно сопротивлялся, что охранникам пришлось его выносить на руках». Автор отметил, что «в те годы это был первый случай, когда парламент так отреагировал на антисоветский выпад», но не сказал о другом: Акао, в молодости анархист, а затем лидер ряда одиозных антикоммунистических и антисоветских организаций, был избран в парламент в 1942 г. как независимый кандидат, не получив официальной рекомендации Ассоциации помощи трону, и стал активным критиком режима Тодзио, не стеснясь при этом в выражениях.

В Японии периодически издавались книги об «угрозе с Севера» и необходимости «обороны» от нее, об истории борьбы с «русской агрессией» на Сахалине, Курилах и в Маньчжурии. Однако продолжали выходить журналы, популярные и научные книги о России дореволюционной и советской, в которых не было никакого недоброжелательства или враждебности. Регулярно переиздавалась столь любимая японцами русская классика. Надо сказать, что в СССР в эти годы антияпонской литературы практически не появлялось вплоть до конца 1944 г. Наоборот, в 1942 г. вышел перевод «Дипломатических комментариев» бывшего министра иностранных дел Исии Кикудзиро, одной из лучших книг

о японской политике XX в., с благожелательным предисловием бывшего полпреда в Токио Трояновского. Жаль, что с тех пор она ни разу не переиздавалась. В общем, могу еще раз повторить слова Бориса Славинского: «нормально-деловые, мирные отношения». Разумеется, с поправкой, что это были максимально хорошие отношения, возможные между участниками воюющих блоков.

В заключение один показательный пример того, какие выводы можно делать из бесспорных фактов, если подгонять их под заданные заранее схемы и не учитывать исторического контекста событий.

В июле 1942 г. в Маньчжурию на должность командующего 1-й территориальной армией прибыл генерал-лейтенант Ямасита Томоюки, прозванный «малайским тигром». За полгода до этого именно он во главе 25-й армии осадил и взял Сингапур. Эта крепость, опора британской мощи на Тихом океане, считалась способной выдержать девятимесячную осаду, но продержалась две недели. Количество осаждавших было не больше количества оборонявшихся, так что такого исхода никто не ожидал. Естественно, Ямасита был прославлен как национальный герой. Не есть ли назначение такого человека, к тому же недавно принятого Гитлером (для иных фото с фюрером — лучшее доказательство виновности запечатленного), на советскую границу свидетельство агрессивных замыслов Японии против нашей страны?!

На первый взгляд именно так оно и выглядит. Но если копнуть поглубже, картина получается совсем иная.

Советские дипломаты в Токио, разумеется, не могли игнорировать этот факт. 15 августа граф Гото Итидзо говорил послу Малику: «Переезд генерала Ямасита с юга в Маньчжурию, конечно, может вызвать подозрение — не собирается ли Япония предпринять что-либо на севере... Но он, Гото, уверен, что Малик сделает правильные выводы и не будет поднимать тревогу». Посол специально остановился на этом, сообщая содержание разговора в Москву: «Слухи о генерале Ямасита, циркулирующие за последнее время весьма широко, и специальное доведение этих слухов до советского посольства через графа Гото, видимо, преследуют цель нажима и шантажа в отношении СССР, так как можно с уверенностью утверждать, что Квантунская армия достаточно подготовлена для начала авантюры против СССР, и присутствие генерала Ямасита там, конечно, для японцев не лишне, но Квантунская армия могла бы, пожалуй, обойтись и без Ямасита». Как говорится, «лучше перебдеть, чем недобдеть», особенно если есть риск лишиться не только должности, но и головы. «Если же, — продолжал посол, — японцы перебросили Ямасита в Маньчжурию с це-

лью ускорения выступления против СССР, то вряд ли в этом случае была необходимость распускать об этом слухи, а тем более специально доводить об этом до сведения советского посольства».

Ямасита действительно был сторонником «решительной» политики в отношении СССР — и личным врагом Тодзио. Именно тот, находясь на посту военного министра, в конце 1940 г. отправил Ямасита, только что назначенного генеральным инспектором ВВС (в свое время на эту должность «задвинули» самого Тодзио), на полгода в Германию и Италию. В послевоенных показаниях для адвокатов Ямасита генерал Мута Акира*, бывший в конце войны начальником его штаба, сообщал: «Этот поступок генерала Тодзио подвергся критике со стороны многих, уверенных, что по неким неизвестным причинам генерал Тодзио не желает нахождения генерала Ямасита в Токио»²⁷. Мута сам пострадал от Тодзио: в 1941 г. его сместили с ключевой административной должности начальника бюро военных дел военного министерства, произвели для компенсации в генерал-лейтенанты и с началом войны послали командовать дивизией в Малайю.

Авторы, усматривающие в назначении Ямасита в Маньчжурию коварный замысел против Советского Союза, обычно не упоминают о следующем факте. По дороге к новому назначению генерал проезжал через Токио, но... не был допущен к императору для того, чтобы лично доложить ему о беспрецедентной победе японского оружия, хотя такой чести удостоивались триумфаторы куда более скромного масштаба. Премьер Тодзио, власть которого в стране была почти диктаторской, а в военном министерстве, которое он сохранил за собой, и вовсе абсолютной, попросту не дал своему врагу вкусить плодов победы. Причем не дал сознательно и демонстративно, что, конечно, не прошло незамеченным. Современники, особенно военные, однозначно восприняли новое назначение Ямасита как ссылку в наименее важный регион, в котором ему уж точно никаких подвигов совершить не удастся.

«Тигр» рвался на настоящий фронт, но попал туда только после отставки Тодзио, получив в сентябре 1944 г. назначение командующим 14-й территориальной армией на Филиппины. К приезду Ямасита в Манилу положение было уже практически безнадежным. Генерала бросили на один из самых гиблых участков в расчете, что если даже он не сможет исправить положение, то делать впрямь нечего. Лично у меня напрашивается аналогия с назначением сталинского любимца генерал-лейтенанта Власо-

* Мута был подсудимым на Токийском процессе главных «военных преступников».

ва командующим 2-й ударной армией в 1942 г. Сделать невозможное Ямасита не смог, хотя его солдаты держались до последнего, и капитулировал вместе со всей японской армией. Потом его объявили «военным преступником», судили в Маниле и казнили 23 февраля 1946 г., в День Советской армии — по совпадению, которые так любит матушка-История. Смертные приговоры, вынесенные Ямасита и генералу Хомма Масахару, взявшему Манилу, многие рассматривали как акт мести американцев и лично Макартура за унижительные поражения сорок второго года.

Историки, пишущие о Квантунской армии, завораживают численность ее личного состава и сосредоточенных там стратегических запасов даже по состоянию на 1945 г. С запасами все ясно — их хранили в самом безопасном «медвежьем углу», вне пределов досягаемости бомбардировочной авиации союзников, которая с начала 1945 г. господствовала в воздухе уже над самими Японскими островами. Что же касается личного состава, то не мешало бы задаться вопросом о его качестве и боеспособности. Не буду подробно развивать эту тему, но укажу на один несомненный факт: в последний год войны на командные должности в Маньчжурию отправляли самых неудачливых и неспособных генералов.

Упомянутый в начале этой главы среди советских свидетелей МВТДВ генерал-лейтенант Томинага Кёдзи, командующий 4-й воздушной армией на Филиппинах, бежал оттуда в начале января 1945 г. вместе со своим штабом, за что Ямасита требовал отдать его под трибунал за дезертирство и расстрелять. Выручил друг Тодзио, находившийся в отставке, но сохранивший связи и влияние: Томинага был переведен в резерв, в затем назначен командиром дивизии в Маньчжурию, где и попал в советский плен. Другой пример. Генерал Усироку Дзюн не смог удержать Сайпан даже ценой совершенно «жуковской» тактики забрасывания противника труппами своих солдат. Именно падение Сайпана свалило правительство Тодзио, но тот все-таки успел устроить своего друга Усироку командующим 3-й территориальной армией со штаб-квартирой в Мукдене. Никакого сопротивления наступающим частям Красной армии он организовать не смог и тоже оказался в плену. Да и последний командующий Квантунской армией генерал Ямада Отодзо до этого назначения пять лет прослужил в ведомстве генерального инспектора военного образования, а до того недолго командовал экспедиционной армией в Китае. Потому и результаты их деятельности оказались более чем плачевными. О «маньчжурском блицкриге» августа 1945 г. надо писать отдельную книгу, что уже сделали до меня Ханто Кадзутоси в Японии и Алексей Кириченко в России.

ГЛАВА 9

МЕЧ НА ВЕСАХ: КРЕМЛЬ ВСТУПАЕТ В ВОЙНУ

*У японцев почва горит под ногами,
время не терпит, припекло.*

Я.А. Малик в НКВД,

7 июля 1945 г.

Политическое решение советского руководства о вступлении в войну с Японией было впервые озвучено Сталиным — правда, в глубокой тайне, только для союзников — в октябре 1943 г. на Московской конференции министров иностранных дел антигитлеровской коалиции. В протоколы, но опять-таки как совершенно секретное, оно попало на Тегеранской конференции Сталина, Рузвельта и Черчилля в конце ноября — начале декабря того же года. Японцы об этом не знали и узнать не могли, хотя, конечно, изо всех сил гадали, о чем совещалась и что решила «большая тройка». Они утешались отсутствием в иранской столице Чан Кайши, что позволяло считать конференцию военным советом против Германии. Аналогичным образом было истолковано и отсутствие советских нотаблей на конференции США, Великобритании и Китая в Каире, где Рузвельт и Черчилль встретились по пути в Тегеран. Как известно, именно там была принята декларация с требованием безоговорочной капитуляции Японии (подписана 27 ноября, опубликована 1 декабря 1943 г.).

Когда Советский Союз довел до сведения японского руководства свое политическое решение? Понятно, что официально об этом никто никогда не объявляет, но противная сторона должна получить недвусмысленный сигнал, что дело плохо. Полагаю, таковым можно считать доклад Сталина 6 ноября 1944 г., который три дня спустя был опубликован во всех крупных японских газетах — беспрецедентный случай — лишь с не-

значительными сокращениями во внутривластной части. Полностью было приведено все сказанное о странах «оси» — союзниках Японии и об антигитлеровской коалиции — ее противниках. Но главное — о самой Японии, которая была открыто и жестко названа «агрессивным государством», т.е. одним из тех, с кем Советский Союз вел войну до победного конца. Ничего хорошего для Токио это не предвещало.

Японская пресса уже в заголовках и подзаголовках четко передала основные положения доклада: «Сталин нападает на агрессивные страны. Единый фронт Советского Союза, США и Англии. Действовать до конца и правильно. Разоружить агрессивные страны. Приостановить агрессию совместными усилиями трех стран». Прямо-таки коммунистическая пропаганда, за которую в мгновение ока можно было оказаться в тюрьме. Что же произошло?

7 ноября в советском посольстве состоялся праздничный прием, отличавшийся необычным многолюдством — более 160 человек. Такого «созвездия» здесь давно не видели. Министр иностранных дел Сигэмицу, как и годом раньше, сидел долго и не хотел уходить, хотя его предшественник Тани некогда управлялся с этой «повинностью» за четверть часа. Кроме Сигэмицу, на приеме были вице-министр иностранных дел Савада, бывший премьер Хирота, бывшие министры иностранных дел Арита и Тоёда, министр двора Мацудайра, начальник Информационного бюро кабинета министров Огата, президент информационного агентства Домэй Фуруно и многие другие. Фуруно специально сообщил Малику, что принято решение полностью опубликовать доклад Сталина. Премьер-министр Койсо, а также Мацуока и Татэкава поблагодарили за приглашение, но сообщили, что не придут из-за занятости. Малик прокомментировал, что Мацуока, видимо, неудобно появляться в советском посольстве ввиду его открыто прогитлеровской позиции на первом этапе войны. Не пришли и не ответили на приглашение Коноэ и Того. «В прежние года Коноэ также не был, — сообщал посол в Москву, — но отвечал всегда любезно и аккуратно».

В конце пространной записи о приеме посол сформулировал свое общее впечатление: «Замечание тов. Сталина о Японии как об агрессивном государстве еще более озадачило японцев, усиливает у них чувство беспокойства и неуверенности, настораживает их. Следует, по-видимому, ожидать с их стороны активизации попыток уточнить позицию СССР на данном этапе, хотя бы на ближайшее будущее».

Малик особо отметил разговорчивость Хирота, который,

конечно, пришел не ради того, чтобы выпить водки и поболтать «за жизнь». Экс-премьер напомнил о неоднократных предложениях японского правительства послать в Москву специального представителя с широкими полномочиями, чтобы обсудить весь спектр проблем двусторонних отношений. «Я именно и есть тот представитель, которого японская сторона имеет намерение послать в Москву». Малик, отвечавший мало-вразумительными отказами, и на этот раз заметил, что «обстановка сейчас весьма деликатная, и не всегда возможно быстро разрешить позитивно тот или иной вопрос». Ответ сделал бы честь любому японскому бюрократу!

Идею специальной миссии в Москву Сигэмицу начал разрабатывать с осени 1943 г. 10 сентября посол Сато впервые сообщил об этом Молотову и уже через три дня получил вежливый, но решительный отказ. Сыграло свою роль и то, что Сато не имел детальных инструкций: в Кремле от него требовали подробностей предполагаемой миссии, а Токио стремился сначала заручиться принципиальным согласием на ее прием. Потом эта история будет повторяться с завидной регулярностью. Разгром «оси» в Северной Африке, успехи Красной армии, капитуляция Италии и отказ Советского Союза от любого мирного посредничества между Москвой и Берлином подводили японских дипломатов к мысли о необходимости эффектного дипломатического демарша. Кстати, по воспоминаниям М.И. Иванова, с этого времени отношение японских властей к советским дипломатам стало быстро и заметно меняться к лучшему. Причинно-следственная связь вполне очевидна.

Сигэмицу попытался повторить свои мирные предложения в апреле 1944 г., в связи с заключением рыболовного соглашения, но с тем же успехом. Новый советский ответ содержал лишь ссылку на предыдущий, добавить к которому было нечего. Пакт о нейтралитете оставался в силе, но, как свидетельствуют рассекреченные в декабре 1996 г. материалы закрытых заседаний нижней палаты японского парламента, министр уже осенью 1943 г. предвидел возможность скорого расторжения пакта Москвой, как только он станет ей не нужен¹.

В июле 1944 г. пал Сайпан, а вслед за ним и кабинет Тодзио. Положение «оси» ухудшалось с каждым днем. Новое правительство возглавил бывший губернатор Кореи генерал Койсо. Морским министром на правах вице-премьера был назначен русофил адмирал Ёнаи, поддерживавший попытки наладить отношения с СССР. 12 сентября Сигэмицу (он сохранил свой пост) провел секретное совещание со своими ближайшими сотруд-

никами, попросив их поделиться мнениями о предварительном плане «советско-японских переговоров, которые, как надеются, должны скоро начаться в Москве». В это же время он неофициально просил Хирота взять этот труд на себя.

В преамбуле проекта, датированного 7 сентября, говорилось:

«Ввиду создавшейся обстановки Япония должна немедленно начать активный дипломатический демарш в отношении Советского Союза, целью которого будет обеспечить сохранение нейтралитета и улучшение дипломатических отношений между Японией и Советским Союзом, осуществление мира между Германией и Советским Союзом и, наконец, улучшение положения Японии при помощи Советского Союза, если Германия выйдет из войны».

Чего же именно хотела добиться Япония, посылая в Москву специального представителя? Предполагалось «узнать о намерениях Советского Союза в отношении Японии, добиваясь по мере возможности осуществления следующих целей:

1. Продления или заключения Пакта о нейтралитете (видимо, нового. — В.М.). Для этой цели должны быть достигнуты следующие соглашения либо вместо Пакта о Нейтралитете, либо параллельно с ним:

а) подтверждение обязательств, предусмотренных Пактом о нейтралитете, или соглашение о продлении действия этих обязательств;

б) пакт о ненападении».

Коротко говоря, Сигэмицу хотел добиться того, чтобы СССР не вступил в войну против Японии. Как прагматик он прекрасно понимал, что цена этого будет очень высокой. И попытался прикинуть, что Япония сможет предложить Советскому Союзу:

1. Разрешение на проход советских торговых судов через пролив Цугару.

2. Урегулирование торговых отношений между Японией, Маньчжоу-го и Советским Союзом.

3. Расширение советского влияния в Китае и других районах «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», т.е. в зоне японского господства.

4. Демилитаризация советско-маньчжурской границы.

5. Использование Советским Союзом Северо-Маньчжурской железной дороги (бывшей КВЖД).

6. Признание советской сферы интересов в Маньчжурии.

7. Ликвидация рыболовной конвенции.

8. Уступка Южного Сахалина.

9. Уступка Северных Курильских островов.

10. Отмена Тройственного пакта.

11. Отмена Антикоминтерновского пакта.

В книге Л.Н. Смирнова и Е.Б. Зайцева «Суд в Токио» приведен другой вариант этого перечня, без ссылки на источник, но, видимо, восходящий к материалам Токийского процесса. Там присутствуют несколько пунктов, которых нет в использованном мной японском тексте. Для полноты картины приведу и их:

1. «Пересмотр или отмена основного японо-советского договора», т.е., как видно из названия, Пекинской конвенции 1925 г., а не Портсмутского договора, как почему-то считают авторы.

2. «Уступка Северо-Маньчжурской железной дороги».

3. «Признание советской сферы интересов во Внутренней Монголии»².

Сигэмицу готовился тщательно. Он расписал шесть возможных вариантов дальнейшего хода событий, применительно к которым менялись набор и объем предполагаемых уступок. Это была серьезная программа, в пользу которой предстояло сначала убедить собственное правительство и, что было особенно трудно, армию. Одновременно надо было упросить Москву хотя бы выслушать то, что ей предлагалось.

Л.Н. Смирнов, бывший член советского обвинения на Токийском процессе, и его соавтор Е.Б. Зайцев, которых невозможно заподозрить в симпатиях к лидерам довоенной Японии, делают знаменательное признание: «К слову сказать, условия, на которые Сигэмицу и его правительство добровольно соглашались в сентябре 1944 г., были значительно шире тех, которые отражены в Ялтинском соглашении».

Однако тяжесть положения Японии и необходимость решительных действий и больших уступок понимали не только в Токио. В июле 1944 г. Малик прибыл в Москву по срочному вызову Сталина. По свидетельству Н.Б. Адырхаева, тогдашнего переводчика и секретаря посольства, Малик по возвращении рассказал ему следующее. Спросив Сталина о том, что ему надлежит делать в оставшиеся месяцы войны, он услышал: «Будете наблюдать, как поддыхает Япония»³.

В Москву посол привез примечательный доклад «К вопросу о японо-советских отношениях (в настоящее время и в свете перспектив войны на Тихом океане между Японией, США и Англией)», датированный 21 июля. Он думал примерно о том же, о чем и Сигэмицу, — только с другой стороны. Малик ставил вопросы «территориального, военно-стратегического, экономического и политического порядка», которые естественно возникнут «в свете неизбежности краха японского империализ-

ма». «Не предпрешая пока конкретного вопроса о формах, путях и способах их практического разрешения и о позиции СССР (не послу этим заниматься! — *В.М.*) в отношении каждого из них, необходимо все же уже сейчас составить хотя бы примерный перечень этих вопросов».

Советская дипломатия тщательно готовилась к «послевоенному урегулированию», стараясь ничего не упустить. Вот этот текст дословно — длинный, но до предела насыщенный, впервые полностью опубликованный Б.Н. Славинским в книге об истории советско-японского пакта о нейтралитете. Не все наработки и предложения посла будут применены на практике, но не приходится сомневаться, что их тщательно изучили в Кремле, хотя формально доклад был адресован в Наркоминдел — Молотову и Лозовскому.

Итак, снова цитаты, с небольшими комментариями по ходу дела.

«1. Статус Маньчжурии (сохранение ее по-прежнему в качестве самостоятельного государственного целого или же присоединение ее к Китаю). Вопрос о формах обеспечения интересов СССР там и гарантии безопасности его 3000-километровой границы с Маньчжурией (США, по неофициальным планам, намечают передачу Маньчжурии Китаю (т.е. Чан Кайши. — *В.М.*) и России).

2. Вопрос о КВЖД и возмещении стоимости этой дороги в учете того, что дорога была переуступлена японцам (в 1934 г. — *В.М.*) под давлением необходимости и только за одну пятую ее действительной стоимости».

Говорят, что на заседании Политбюро, где принималось решение об этом, Литвинов сказал: «Лучше продать, чем просрать». Но это отдельная история.

«3. Вопрос о возвращении Советскому Союзу прав на имущество русского государства на территории Маньчжурии (строения, жилые дома, консульские здания, земельные угодья).

4. Вопрос о независимости Кореи (чего в 1930-е гг. требовал Коминтерн и что подтвердила Каирская декларация. — *В.М.*). Необходимо ли установление периода опеки над Кореей со стороны каких-либо союзнических органов, пределы участия СССР в подобном мероприятии, равно как и формы политического, военного и экономического влияния СССР на будущие судьбы, существования и развития Кореи (в учете интересов нашей безопасности и мер по обеспечению неповторения агрессии в этом регионе с точки зрения организации и поддержания международной безопасности).

5. Вопрос о японских военно-морских базах на территории Кореи вдоль побережья Японского и Восточно-Китайского морей — Расин, Сейсин, Гензан, Фузан и др. Этот вопрос также необходимо рассматривать в свете решения проблемы безопасности и ответственности СССР за безопасность в этом регионе.

6. Вопрос о ЮМЖД, отнятой Японией у России в результате русско-японской войны.

7. Имущественные интересы СССР в Северном Китае — Пекин, Тяньцзинь, Чифу и др. (земельные угодья, дома, строения).

8. Вопрос о Ляодунском полуострове (Квантунская область), бывшем фактически русском городе Дайрене и русской военно-морской крепости Порт-Артуре.

9. Вопрос о возвращении Советскому Союзу Южного Сахалина — этого основного клапана для закрытия наших коммуникаций с Тихим океаном.

10. Вопрос о передаче Советскому Союзу всей гряды Курильских островов, преграждающих путь для выхода России в Тихий океан.

11. Вопрос о нейтрализации острова Цусима или же превращении его в военно-морскую базу СССР в целях охраны безопасности и принятия мер к неповторению агрессии на Дальнем Востоке. Значение этого острова на пути наших коммуникаций с южной частью Тихого океана. Мы не можем допустить вмешательства Англии в решение этого вопроса, как это было в 1861 году.

12. Вопрос о полной ликвидации (отмене) Портсмутского договора и связанной с ним Пекинской конвенции со всеми вытекающими из них для СССР обязательствами и ограничениями. Тем более что Япония уже давно фактически нарушила все статьи и, по существу, ликвидировала Портсмутский договор, требуя лишь от Советского Союза по-прежнему выполнения этих тяжелых с точки зрения экономических, военно-стратегических и политических интересов Советского государства обязательств и ограничений. России необходимо смыть черное пятно Портсмутского договора. Америка способствовала появлению этого черного пятна, она же должна способствовать его исчезновению, независимо от того, нравится это ей или нет».

Франклину Рузвельту предлагается исправить то, что сделал его дальний родственник Теодор Рузвельт. Символично...

«13. Вопрос о возмещении убытков и ущерба, причиненных японской зверской интервенцией в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918—22 годах (возможно, следует вернуться к воп-

росу о свободном лове, который японцы проводили в эти годы в тер<риториальных> водах СССР на Дальнем Востоке и на Камчатке).

14. Вопрос о нашем отношении к намерениям США уничтожить весь японский торговый флот, включая все суда тоннажем свыше 5 тыс. тонн. Наше отношение к этому в свете интересов нашего морского судоходства на Тихом океане».

Перед нами типичный пример американской стратегии «анаконды», в которой победа достигается не столько на поле боя, сколько за счет максимального уничтожения экономического потенциала противника. Впервые ее применил генерал «северян» Мак-Клеллан во время гражданской войны в США, не считаясь с тем, что нанесенный урон экономике и хозяйству мятежных южных штатов придется компенсировать за счет общеамериканского государственного бюджета. В годы Второй мировой войны эта стратегия нашла воплощение в «плане Моргентау» для поверженной Германии, разработанном как раз в 1944 г. Генри Моргентау-младший, министр финансов администрации Рузвельта, не любил немцев, а потому предложил физически уничтожить всю германскую промышленность, расчленив Германию и превратить ее в аграрную страну с таким уровнем жизни, чтобы население не умирало с голоду, но не более. Рузвельт плану симпатизировал, но до его реализации дело не дошло.

«15. Вопрос о нашем отношении к проблеме оккупации союзными войсками 6 крупных городов Японии. Возможность участия в этом мероприятии в целях защиты интересов СССР, равно как и для восстановления исторической справедливости и престижа Советского Союза в учете того, что японцы позволили себе вход своих войск на советский Дальний Восток*. С другой стороны, возможно, будет целесообразно предоставить это целиком союзникам, если, конечно, это не нанесет ущерба нашим государственным интересам, что весьма сомнительно. Окончательно решение подобных вопросов может быть принято в учете обстановки, в том числе и внутривнутриполитического положения самой Японии к тому времени. В частности, как будет, например, решена проблема монархии и демократизации госу-

* Этот аргумент будет использован Сталиным в августе—сентябре 1945 г., но желание вождя оккупировать северную половину Хоккайдо разобьется о непреклонную решимость Трумэна занять четыре главных острова Японского архипелага только американскими войсками. В ответ Сталин выразил свое недовольство, но настаивать не стал, и инцидент был исчерпан.

дарственного строя Японии, вопрос об освобождении 300 тысяч прогрессивных элементов (либералы, демократы, социалисты и коммунисты), находящихся в настоящее время в тюрьмах и на каторге в Японии. Возможно, что и в отношении Японии будет учтен опыт применения к Италии условий капитуляции и участия Советского Союза.

16. Проблема Китая после очищения его от японцев и воссоединения в единый государственный организм. Возможное отношение СССР к проблемам будущего развития Китая: к вопросу об установлении единого, дружественного Советскому Союзу демократического Китая, могущего покончить с неравноправными договорами и концессиями и создать условия для своего быстрого экономического и политического развития. Вопрос об отношении ко всему этому в случае, если Китай по-прежнему будет находиться под влиянием других стран (т.е. США и Великобритании. — *В.М.*). Можно допустить, что Китаю, в силу присущих ему особенностей, потребуется весьма длительный период для превращения его в мощный, единый и экономически полноценный государственный организм. Вопрос о превращении его в реальный фактор, с точки зрения военного потенциала, может поэтому быть и неактуальным в течение сравнительно длинного периода времени. Однако вопрос о возможности попадания его под влияние других стран всегда является для СССР актуальным вопросом.

17. Вопрос о нашем политическом отношении к полной ликвидации военно-морского могущества Японии на Тихом океане, включая базы и средства для строительства военных судов. Вопрос об уничтожении или соответствующем использовании японского военно-морского флота (вернее, той части его, которая не будет уничтожена японцами). Вспомнить при этом, как поступили и хотели поступить японцы с русскими военными и торговыми судами после русско-японской войны. Возможно, учесть опыт решения вопроса с итальянским флотом.

18. Вопрос о компенсации ущерба, причиненного японцами государственным интересам, юридическим и частным лицам Советского Союза за время войны на Тихом океане (закрытие проливов, осмотр судов, торпедирование судов, невозвращение судов, денежных средств и имущества в Гонконге и др.).

19. Вопрос о ликвидации рыболовной конвенции и возвращении абсолютно всех рыболовных участков Советскому государству с обязательным указанием, что Япония лишь временно пользовалась договорным ловом в принадлежащих Советскому Союзу территориальных водах. Последнее необходимо потому,

что японцы уже лет 40 (т.е. со времени Русско-японской войны. — *В.М.*) болтают о своих якобы «вечных правах» на ловлю рыбы в русских дальневосточных водах, добавляя при этом, что эти-де «права» завоеваны ими кровью и что рыболовная конвенция является «особенной и вечной». Как известно, Япония — страна мифов и мистификации (глубокомысленное наблюдение. — *В.М.*). Необходимо лишить японских империалистов всяких оснований сочинять мифы и небылицы о какой-то «особой и вечной» рыболовной конвенции.

20. Вопрос о выплате Советскому государству полной стоимости КВЖД и ЮМЖД, равно как и стоимости земельных владений, зданий, оборудования, городов и портов, бывших в пользовании Российского государства на Дальнем Востоке. Право на пользование этими договорами (очевидно, следует: дорогами. — *В.М.*) по особым тарифам для перевозки товаров из одной советской области в другую или же на мировой рынок.

21. Вопрос о репарациях на Японию».

Интересно, за что? Япония с Советским Союзом не воевала, а все прочие возможные и невозможные основания для компенсации Малик уже привел выше. Ладно, продолжаем. Осталось уже не так много.

«22. Вопрос о конфискации промышленного оборудования тяжелой и военной промышленности Японии как основы для возрождения военно-промышленного потенциала. Учесть вопрос о возможности возмещения того ущерба, который японцы нанесли промышленности, капитальному пром<ышленному> оборудованию и ж<елезно->д<орожному> транспорту СССР за годы их хозяйничанья на советском Дальнем Востоке в годы интервенции».

Конфискация и вывоз промышленного оборудования в СССР практиковались в Германии после победы, но там для этого была формальная мотивировка: ущерб, нанесенный германским вторжением советской промышленности. В случае Японии это было явно неприменимо. Что касается железных дорог, приведу краткую справку.

«Хищническая эксплуатация железных дорог интервентами, — писали советские историки в 1987 г., — привела к их полному развалу». Но «полный развал» был уже в семнадцатом году. 9 января 1919 г. в Токио было подписано японо-американское соглашение о межсоюзническом контроле над Транссибом и КВЖД. На места выехали 160 американских и 130 японских инженеров, а также британцы, французы, итальянцы, даже китайцы и чехи. Затем японцы разработали программу строитель-

ства двенадцати линий стратегических железных дорог в Приморье и Приамурье, которые предполагалось соединить с магистралями в Маньчжурии, Корею и на Сахалине — путем строительства тоннеля под Татарским проливом!

На следующей странице процитированной мной книги «СССР и Япония» сказано: «Партийные организации Дальнего Востока признали целесообразным основной упор сделать на партизанских действиях. *Полетели в воздух железнодорожные мосты, десятками километров взрывались рельсы* (выделено мной. — В.М.). Огромными усилиями японцам удавалось поддерживать движение на Уссурийской железной дороге между Хабаровском и Владивостоком. Охранять же Амурскую дорогу, растянувшуюся на 2 тыс. км (вдоль русско-китайской границы. — В.М.), интервенты были не в состоянии. Партизаны практически полностью парализовали ее деятельность. Попытки японцев восстановить движение хотя бы на участке между Благовещенском и Хабаровском не увенчались успехом»⁴. Так кто ущерб-то наносил?!

«23. Вопрос о японских мандатных островах, а также Формозе (Тайвань. — В.М.) и островах Рю-Кю. Мандатные острова США будто бы намерены забрать себе, а Формозу и острова Рю-Кю передать Китаю».

Коминтерн, как мы помним, требовал независимости Тайваня, но в Каирской декларации содержалось требование «вернуть» его Китаю. Напомню основные вехи истории этого острова, потому что вопрос о его статусе до сих пор остается злободневной политической проблемой, как показали президентские выборы в марте 2004 г. Долгое время он, исторически населенный не китайцами, никому не принадлежал, будучи прибежищем рыбаков, пиратов и торговцев, предпочитавших жить, что называется, сами по себе, хотя Китай пытался покорить его еще с начала VII в. В XII в. японцы захватили небольшие территории острова, а с XV в. Япония считала восточную половину острова своей собственностью. Первыми европейцами на острове оказались в 1590 г. португальцы, назвавшие его «Формоза», что значит «прекрасный». Позднее там обосновались голландцы, продержавшиеся на его юго-восточном берегу 37 лет, но превратить его в колонию им не удалось. Во второй половине XVII в. островом правил пират Чен Ченкьен, полуяпонец-полукитаец, которого европейцы называли «Коксинга». В 1683 г. Китай завоевал Формозу (с этого времени название «Тайвань» стало официальным), изгнав европейцев. Вслед за этим началась непрерывная череда восстаний местного населения про-

тив пришельцев: за 220 лет китайского владычества историки насчитывают как минимум 22 крупных выступления. Пекин не раз издавал эдикты, запрещавшие китайцам селиться на Формозе, которая стала чем-то вроде «отверженной земли», но бедные крестьяне и рыбаки игнорировали их. В 1895 г., при подписании Симоносекского мирного договора с Японией, китайское правительство с легким сердцем рассталось с Тайванем. Местное население попыталось воспользоваться «междоусобицей» и провозгласило республику, которая была подавлена уже японцами. Остров стал первой японской колонией и «лабораторией» ее колониальной политики, имевшей отнюдь не только отрицательные последствия. Ныне это признают авторитетные тайваньские лидеры*, порвавшие с наследием гоминьдановского режима, который считают оккупационным⁵.

Но вернемся к «списку Малика»:

«24. Вопрос о нашем отношении к проблеме статус-кво в Юго-Восточной Азии в районе Южных морей — возврат колоний их довоенным владельцам — США, Британии, Голландии, Франции. (Следует принять во внимание результат «паназийской» демагогии японцев за годы оккупации этих районов Восточной Азии и возможность усиления сепаратистского и национально-освободительного движения среди восточно-азиатских народов.)»

Иными словами, отбирать или не отбирать «независимость» у Филиппин и Бирмы и «правительство в изгнании» у Индии? И если отбирать в пользу союзников, то как это совместить с традиционным покровительством Москвы национально-освободительным движениям? Вопрос, прямо скажем, непростой, как и с Тайванем, независимости которого до войны требовали Коминтерн и японские коммунисты.

«25. Вопрос об установлении принципа свободы прохода через проливы между японскими островами. Объявление международными проливами проливы Цугару, Симоносекского, Бунго, а также внутреннего Японского моря (Сэтонайкай, меж-

* Автор благодарен доктору Пен Минмину, в прошлом — лидеру антигоминьдановского сопротивления, кандидату в президенты от оппозиции на первых свободных выборах в 1996 г., а ныне специальному советнику президента Тайваня Чэнь Шуйбяня, представителя Демократической прогрессивной партии, которая выступает за провозглашение полной государственной независимости Тайваня от Китая. Беседы с доктором Пенем в Саппоро в феврале 2004 г. и чтение его воспоминаний совершенно перевернули мои представления об истории Тайваня и побудили обратиться к ее изучению.

ду островами Хонсю, Кюсю и Сикоку. — В.М.). Нейтрализация проливов.

26. Вопрос о мерах по обеспечению и охране судоходства через проливы. Принцип свободных портов или баз в некоторых портах Японии.

27. Вопрос об участии в межсоюзнических комиссиях по ликвидации вооружений и морских, сухопутных и воздушных сил Японии».

Конец цитаты.

Яков Александрович Малик считал всё. В том числе то, что прямо нарушало государственный суверенитет Японии, вроде «нейтрализации» ее *внутренних* проливов. В случае Босфора и Дарданелл требования свободного прохода через них хотя бы формально мотивировались тем, что другого пути сообщения между Черным и Средиземным морями просто не существует. Здесь этот аргумент не работал.

К моменту написания доклада между СССР и Японией продолжал действовать пакт о нейтралитете. Об объявлении войны в докладе ни слова. Конечно, не послу такое решать или даже советовать. Однако из содержания не следует, что автор имел в виду перспективу объявления войны — иначе он поднял бы вопрос, что делать с военнопленными и интернированными, а также с трофеями. Нет в нем ни слова и о наказании «военных преступников». Можно сделать вывод, что Малик предполагал участие СССР — как союзника США и Великобритании — в дележе «выморочного имущества» Японии без вступления в войну с ней. Причем в несравненно более крупных размерах, чем предлагал Риббентроп Молотову в Берлине 1940 г. в отношении Британской империи.

Сопоставление двух совершенно секретных проектов — японского и советского — показывает, что Сигэмицу был не так уж и не прав. В сумме он назвал вполне разумную цену, которую японское правительство — перед лицом неминуемо приближающегося разгрома — было готово даже повысить. Но едва ли оно собиралось просто так отдать ЮМЖД и платить убытки времен интервенции, когда у Японии имелись свои контрпретензии за «Николаевский инцидент». Судьбу Кореи она, по свидетельству Того, тоже намеревалась решать сама*. В общем,

* Японский историк Косиро Ёкико в письме к автору настоящей работы 12 июля 2001 г. отметила, что по итогам войны Сталин получил все, что предлагали японцы, за исключением контроля над северной частью Корейского полуострова, о дальнейшей судьбе которого в то время шла оживленная дискуссия между Вашингтоном и Москвой.

Малик предлагал потребовать с Японии всё, а что-то даже по несколько раз: смотри пункты 2, 6 и 20 о железных дорогах — получается, что с японцев хотели получить и сами дороги, и их полную стоимость. А затем поглядеть, что они предложат, и начать торговаться в условиях, когда каждый день работал против Японии.

Выступая в сентябре 1944 г. на очередной сессии парламента, Сигэмицу рисовал радужную картину советско-японского нейтралитета, обобщенную в газетных заголовках: «Соседские и дружественные отношения с Советским Союзом неизменны... Япония и Советский Союз взаимно доверяют друг другу. Если между Японией и Советским Союзом будет взаимодоверие, то дружественные отношения будут развиваться и в будущем. Развитие японо-советской дружбы. Сигэмицу заявил об интересах, связывающих Японию и Советы». Разъяснение министра об отношениях с Москвой было вызвано явно инспирированным запросом депутата нижней палаты Цуруми Юсукэ. А он, между прочим, был не только известным политическим аналитиком, но и зятем и биографом Гото Симпэй.

Как раз в это время Малик вернулся из Москвы и встретился с Сигэмицу еще до завершения сессии. Разговор был взаимно доброжелательный и протокольно-бессодержательный. 12 сентября министр озвучил перед сотрудниками свои наработки, которые мы разбирали выше. О докладе Малика он, разумеется, знать не мог, но здраво оценивал ситуацию. Авторы «Суда в Токио» негодовали: «Матерый империалистический дипломат твердо убежден: в делах международных принципы — только слова и от них всегда отступают, разумеется, за хорошую мзду. Что ж, Сигэмицу готов платить, меряя и советскую внешнюю политику на свой аршин... Какое это яркое подтверждение страха токийской верхушки и готовности расплатиться за нарушение японо-советского договора о нейтралитете!»⁶ Кстати, в том же духе не раз высказывались и японские коммунистические историки.

Будем откровенны: эти патетические филиппики стоят немного. Во-первых, потому что Сталин в 1939—1941 гг. проводил или, по крайней мере, старался проводить точно такую же Realpolitik, диктуемую не идеологемами, от которых с легкостью отказывался, а геополитическими соображениями и государственным интересами, как он их понимал. Историк Михаил Мельтюхов совершенно верно заметил по этому поводу: «Прежде всего следует отрешиться от навеянной советской пропагандой совершенно фантастической идеи о некоем патоло-

гическом миролюбии СССР... Если все прочие государства в своей международной политике руководствовались собственными интересами, то Советский Союз занимался лишь тем, что демонстрировал свое миролюбие и боролся за мир. В принципе, конечно, признавалось, что у СССР также есть собственные интересы, но обычно о них говорилось столь невнятно, что понять побудительные мотивы советской внешней политики было практически невозможно. Однако отказ от такого идеологизированного подхода делает советскую внешнюю политику столь же понятной, как и политику любой другой страны»⁷.

Мифологема «миролюбия СССР» окончательно оформилась к середине тридцатых годов в противовес мифологеме «блока агрессоров». Ее персонификацией стал Максим Литвинов, «сталинский знаменосец мира», как назывался партиздатовский сборник 1936 г., посвященный его шестидесятилетию. О неустанных трудах юбиляра ради достижения всеобщего мира писали его ближайшие товарищи — Крестинский, Стомоняков, Радек, которые через считанные месяцы будут объявлены «врагами народа». Сам Литвинов, однако, предусмотрительно отвечал, что все его успехи должно приписывать одному только Сталину.

Далее. Что сказали бы по поводу предложений Малика люди из агитпропа, благородно негодовавшие по поводу воинственных планов Японии против СССР и нарушений ею пакта о нейтралитете? Давайте скажем прямо: «по мелочам» пакт в годы войны неизбежно нарушали обе стороны. О крупном — чуть позже.

16 сентября в Москве Сато вновь заговорил с Молотовым о приезде в СССР специального посланника из Токио. Вновь отказ: «Что же касается специальной миссии, сказал Молотов, то ее приезд он считает несвоевременным, так как появление этой миссии в Москве было бы истолковано в нашей стране и за рубежом как постановка вопроса о мире между Советским Союзом и Германией, который уже выдвигала Япония в 1943 г. и который был отвергнут советским правительством». Сато говорил, что нынешняя цель миссии будет совершенно иной — укрепление двусторонних отношений, но Молотов был непреклонен. И сослался на то, что отношения между странами нормальные, оба посольства функционируют без проблем, а потому в каких-либо особых акциях нет необходимости.

7 ноября, оперативно ознакомившись с праздничным докладом Сталина, о котором говорилось в начале этой главы, Сато попытался протестовать перед Молотовым против отнесения

Японии к «агрессивным странам» и приравнения нападения на Перл-Харбор к германскому вторжению 22 июня 1941 г. Нарком уклончиво ответил, что критика Сталина была «теоретической» и относилась к событиям прошлого. Было видно, что развивать эту тему он не хочет. Последующие немногочисленные визиты посла в Кремль до начала следующего года никаких результатов не принесли и определенности в понимании им ситуации не прибавили.

Когда советское руководство приняло тактическое решение о вступлении в войну с Японией? Затрудняюсь ответить точно, но на совещании «большой тройки» в Ялте в феврале 1945 г. оно было закреплено официально. Основное внимание там было уделено послевоенному переустройству, точнее, переделу Европы. Сталин настаивал. Черчилль сопротивлялся. Рузвельт, которому осталось жить совсем недолго, соглашался со Сталиным. Особенно резко спорили о том, кому достанется Польша. В Лондоне с 1939 г. сидело эмигрантское правительство во главе с Миколайчиком. В Люблине была уже сформирована новая просоветская администрация во главе с Берутом. Сталин добился своего, почему критики рузвельтовской дипломатии часто говорят о «Мюнхене под названием Ялта». В ответ советский вождь обещал вступить в войну с Японией через два-три месяца после завершения боевых действий в Европе, чего и добивались Соединенные Штаты.

По секретному соглашению, подписанному 11 февраля, Советский Союз в качестве платы получал Южный Сахалин и Курилы; Дайрен становился международным портом с преимущественными правами СССР; Порт-Артур возвращался Советскому Союзу как арендованная военно-морская база; КВЖД и ЮМЖД переходили под советско-китайский контроль с обеспечением преимущественных интересов СССР и полного суверенитета Китая в Маньчжурии; государство Маньчжоу-го ликвидировалось и становилось частью Китая, который, в свою очередь, отказывался от каких-либо прав и претензий на Внешнюю Монголию (МНР), статус-кво которой гарантировался «большой тройкой». Соглашение должно было сохраняться в строжайшей тайне. Не были оповещены о нем и советские дипломаты за рубежом, включая Малика.

В руководстве Наркоминдела не было единого мнения относительно необходимости объявления войны Японии. Осторожно возразить осмелился Лозовский, представивший Молотову — а соответственно, и Сталину — накануне Ялтинской конференции специальную памятную записку, увидевшую свет

лишь в наши дни. В этой записке, озаглавленной «Англо-американские планы о войне СССР против Японии» и датированной 14 января 1945 г., замнаркома указывал, что это будет выгодно только США и Великобритании. Американцы периодически поднимали вопрос о советском участии в войне со дня Перл-Харбора, но без какого-либо успеха. «В случае, если Япония нападет на Россию на Дальнем Востоке, — деловито писал Рузвельт Сталину 30 декабря 1942 г., — я готов помочь Вам, как только это будет осуществимо, на этом театре и американскими военно-воздушными силами... Хотя мы не имеем никакой определенной информации, подтверждающей, что Япония нападет на Россию, это нападение представляется в конце концов вероятным»⁸. «Дядя Джо» на предупреждения не реагировал. Конечно, союзники рано или поздно разгромили бы Японию, но предпочли бы сделать это еще и руками Советского Союза, который в таком случае будет выглядеть агрессором и на дружбу Японии в будущем рассчитывать не сможет. Именно так и получилось — что неудивительно, если посмотреть на вещи с точки зрения Realpolitik.

22 февраля Молотов информировал японского посла об итогах Крымской конференции, не сказав ему ничего конкретного. На просьбу о «сообщении, которое могло бы успокоить Японское Правительство» нарком ответил весьма двусмысленно: «Конечно, отношения между Советским Союзом и Японией отличаются от тех отношений, которые имеют с Японией Англия и Америка. Англия и Америка воюют с Японией, а Советский Союз имеет с Японией Пакт о нейтралитете... Мы считаем, что советско-японские отношения являются делом самого Советского Союза и самой Японии. Что касается тех или иных разговоров во время конференции, то *мало ли о чем бывают разговоры в таких случаях* (выделено мной. — В.М.)».

Сато спросил, что думает советское правительство по поводу предстоящего продления пакта о нейтралитете. Напомню, что его статья 3 гласила: «Настоящий Пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими Договаривающимися Сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует Пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет». «Год до истечения срока» наступал 25 апреля 1945 г. В начале апреля нарком собирался на конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско, и Сато просил принять его до отъезда. Молотов пообещал специально поговорить о пакте в следующий раз.

Я не буду раздражаться праведным гневом по адресу Молотова, который в данной ситуации вряд ли мог сказать что-то иное. Глупо осуждать дипломатов за то, что они лгут по поручению своих правительств во имя интересов своих стран. Победителей за это обычно не осуждают. Осуждают побежденных. И даже судят.

10 января 1945 г. Лозовский подал Молотову записку о необходимости денонсировать — т.е. отказаться автоматически продлевать еще на пять лет — пакт о нейтралитете до 13 апреля, т.е. до годовщины его подписания, чтобы «иметь свободные руки». Лозовский, как мы знаем, не был сторонником войны с Японией, а потому вместе с денонсацией предлагал:

«Продолжать по отношению к Японии ту же самую осторожно-выжидательную политику, твердо нажимая пока по отдельным вопросам, как это мы делали в 1944 году (ликвидация концессий. — *В.М.*).

Начать переговоры с японцами об условиях продления пакта в октябре—ноябре 1945 года, когда положение совершенно определится в Европе и станет значительно более ясным на Тихом океане».

Проект официального заявления, составленный Лозовским, предполагал лишь довести до сведения японского правительства, что советское правительство «хотело бы обсудить с ним вопрос об условиях возможного продления Пакта о нейтралитете на следующие пять лет во второй половине истекающего договорного года (т.е. после октября 1945 г. — *В.М.*)».

Однако Сталин решил по-другому. Он бросил меч на весы. Практическая подготовка к началу боевых действий началась уже во второй половине марта, что ясно из мемуаров советских военачальников.

5 апреля 1945 г. Молотов объявил Сато, которого, судя по всему, не принимал с 22 февраля, о желании СССР денонсировать пакт в соответствии с его третьей статьей. Еще 23 марта Сигэмицу четко предсказал такой поворот событий, выступая в парламенте. Москва мотивировала решение тем, что «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза». На следующий день текст заявления появился в газетах.

Относительно истинного смысла сказанного сомнений у посла не было: СССР намерен вступить в войну с Японией. Вопрос был один: когда? Ответ на него крылся в понимании слова

«денонсация». Дадим слово самому что ни на есть авторитетному источнику — записи беседы «Из дневника В.М. Молотова»:

«Приняв текст, Сато... позволяет себе попросить у Молотова некоторых разъяснений. Он хотел бы знать, что думает Советское Правительство о том периоде времени, который начнется с 25 апреля этого года и будет длиться до окончания срока действия пакта, то есть еще год. Сато поясняет, что *пакт заключен на пять лет, и срок его действия кончается 25 апреля будущего (1946. — В.М.) года*. Посол говорит, что он думает, что его правительство ожидает, что Советское Правительство в течение этого года, который начнется 25-го числа текущего месяца, будет поддерживать с Японией те же отношения, какие оно поддерживало до сего времени (т.е. на Японию не нападет. — В.М.), *учитывая, что пакт остается в силе*.

Молотов отвечает, что... фактически советско-японские отношения вернутся к тому положению, в котором они находились *до заключения пакта*. Молотов говорит, что Советское Правительство действует в соответствии с договором.

Сато замечает, что в таком случае Советское и Японское Правительства по-разному толкуют затронутый вопрос. Японское Правительство придерживается той точки зрения, что если одна из сторон денонсирует договор за год до истечения его срока, то пакт все же *будет существовать еще один год*, несмотря на денонсацию. Однако, по разъяснениям, которые сейчас дал Народный Комиссар, оказывается, что с момента денонсации пакта отношения между Советским Правительством и Японским Правительством будут теми же, которые существовали до заключения Пакта о нейтралитете. *С момента денонсации пакт прекращает существование*. Если Советское Правительство так толкует этот вопрос, то его толкование отличается от толкования Японского Правительства. Японское Правительство всегда считало, что пакт остается в силе еще в течение года. Сато говорит, что он хотел бы избежать ошибочных выводов и поэтому был бы признателен Молотову за его разъяснения.

Молотов отвечает, что здесь какое-то недоразумение... Молотов поясняет, что *по истечении пятилетнего срока действия договора* советско-японские отношения, очевидно, вернутся к положению, которое было до заключения пакта... Что же касается политики Советского Правительства, то мы действуем в соответствии с правом, предоставленным нам пактом. *Срок действия пакта не окончился* (выделено везде мной. — В.М.)».

Это — разъяснение от первого лица: пакт должен был оставаться в силе до 25 апреля 1946 г. Сато так и понял, о чем немедленно сообщил в Токио. Заявление Молотова было опубликовано во всех ведущих газетах Японии с разъяснениями, что еще год пакт существует (подразумевалось: в это время войны не будет) и советско-японские отношения продолжают оставаться дружественными. Москва была в полной мере осведомлена об этом из подробного доклада Малика от 13 апреля: «Общий тон подчеркнуто спокойный, точнее — успокаивающий». Примечательно, что решение Советского Союза открыто не осуждалось, хотя газеты ненавязчиво подчеркивали, что «японское правительство не имело ни малейшего намерения прекращать действие этого пакта потому, что Япония желала сохранения дружественных отношений с Советским Союзом». С учетом тотальной контролируемости тогдашней японской прессы ясно, от кого исходили эти комментарии.

Денонсация пакта о нейтралитете совпала со сменой кабинета в Токио и, возможно, способствовала ей. 7 апреля 78-летний адмирал Судзуки Кантаро стал самым старым премьером в истории Японии. На своих постах остались военный и морской министры и начальники Генеральных штабов армии и флота. Министерство иностранных дел возглавил Того Сигэнори. Во время первой встречи с Маликом 20 апреля (Гитлер в бункере рейхсканцелярии отмечал свой последний день рождения) он сказал послу: «После заключения Пакта о нейтралитете возникла советско-германская война... Весь мир был брошен в пламя войны. Небо покрылось черными тучами, однако на этом мрачном фоне японо-советские дружественные отношения, основанные на Пакте о нейтралитете, оставались единственным светлым местом, и я надеялся, что это светлое пятно разгонит тучи и станет тем ядром, при помощи которого наступит мир во всем мире. Но сообщение о денонсации договора меня лично очень огорчило... (Отточие в оригинале. — В.М.) *Поскольку договор будет-действовать еще целый год* (выделено мной. — В.М.), то думаю, что у нас с Вами будет немало случаев обстоятельно поговорить об этом, а пока прошу передать мое чувство сожаления г-ну Молотову». «Путано и с многочисленными оговорками и паузами» Того заявил о желании встретиться с Молотовым после Сан-Францисской конференции, но Малик в отчете обозвал все высказывания министра «известной японской болтовней».

То, что пакт не будет продлен до 1951 г., Того принял как данность. Как данность он принял и то, что Японии дана пере-

дышка еще на один год: Именно такая трактовка содержалась в его официальном ответе на советскую ноту, который Сато 27 апреля вручил Лозовскому. Никаких возражений на сказанное или дополнительных разъяснений не последовало. Более того, даже 29 мая Молотов подтвердил в разговоре с Сато: *«Мы не разорвали пакта, а отказались продлить его* (выделено мной. — В.М.), так как считали, что обстановка с того времени, когда он был заключен, изменилась». То же не раз говорил весной и летом сорок пятого своим японским собеседникам и Малик — несомненно, с санкции Молотова и Сталина, которому нарком отправлял «на визу» инструкции, предназначенные для Токио. Позже Сато специально обратил внимание на этот момент в своих письменных показаниях, представленных защитой на Токийском процессе, но отвергнутых трибуналом как «не относящиеся к делу».

Таковы факты. По крайней мере, таковы многочисленные совершенно секретные документы Архива внешней политики РФ, опубликованные Б.Н. Славинским после их рассекретивания. Поэтому приходится признать то, что категорически отвергала советская пропаганда и до сих пор отвергают те, кто следует ей: вступая в войну с Японией 9 августа 1945 г., СССР *нарушил* пакт о нейтралитете, остававшийся в силе до 25 апреля 1946 г., что признавали советские официальные лица.

Сато попадал на прием к Молотову все с большим трудом. Напротив, у Малика с начала 1945 г. не было отбоя от визитеров. Сначала генеральный консул в Харбине Миякава Фунао, проработавший на российском направлении МИД больше двадцати лет: этого невысокого полного человека с неизменной улыбкой на круглом лице, знатока русского языка и русского быта, можно видеть на всех официальных фотографиях, в том числе при подписании пакта о нейтралитете. В ходе «маньчжурского блицкрига» Миякава, несмотря на дипломатический иммунитет, был арестован и вывезен в СССР; в 1950 г. Москва сообщила о его смерти в заключении. Затем, к послу зачастил представитель рыболовной компании «Нитиро» Такакамару Сукэацу, имевший большие знакомства в министерстве иностранных дел.

12 мая морской министр Ёнаи потребовал решительных шагов по улучшению отношений с Москвой. Он выразил надежду, что в обмен на будущие территориальные уступки из СССР можно будет получить нефть для военных кораблей, которые должны были охранять Японские острова и обеспечивать их связь с Китаем и Кореей. Возможно, министр чересчур оп-

тимистически оценивал боевые возможности того, что осталось от японского флота, но положение с топливом там сложилось действительно критическое. Несмотря на явную бесперспективность идеи, некоторые высшие офицеры его министерства и Генерального штаба ВМФ — которым в целом не были присущи особо антисоветские или антирусские настроения — до самого вступления СССР в войну серьезно рассчитывали на посредничество Москвы, но ничего сделать так и не смогли.

Военный министр Анами и начальник Генерального штаба армии Умэдзу поддержали инициативу Ёнаи, хотя расходились с ним во взглядах на перспективы Японии в войне: адмирал смотрел на вещи куда более пессимистически, точнее, реалистически. Министр иностранных дел Того заявил, что время для подобных акций упущено, но остальные не хотели слушать, теша себя надеждой, что не все еще потеряно. Тогда в бой решили ввести Хирота, считавшегося специалистом по русским делам. Того уговорил его взять на себя неофициальные — на первых порах — контакты с советским послом. Молва уже говорила о замене Сато и называла Хирота наиболее вероятным кандидатом на пост посла в СССР. В зарубежной литературе переговоры Малик—Хирота давно и хорошо известны, но в нашей стране их полная история была предана гласности только в 1990 г., когда Министерство иностранных дел еще Советского Союза опубликовало (правда, с купюрами) переписку Малика с Москвой.

В результате интенсивных бомбардировок Токио американской авиацией пострадали многие иностранные миссии, включая советское посольство. Дипломатический корпус был эвакуирован в курортное местечко Гора. Именно там 3 июня в гостиницу к послу Малику заглянул бывший советник японского посольства в Москве Камэяма и как бы невзначай сказал ему, что рядом поселился Хирота, дом которого в Токио тоже сгорел во время бомбежки. «По японскому, дескать, обычаю, человек, поселившийся в новом месте, должен нанести визит своим трем ближайшим соседям — напротив, налево и направо. Следуя обычаю, Хирота желает нанести визит мне. Сославшись на русский обычай угощать нового соседа водкой и на отсутствие таковой у меня в отеле, — с очаровательным цинизмом сообщал посол в Наркоминдел четыре дня спустя, — я высказал пожелание принять Хирота на следующей неделе». Малик давно понял, куда идут события, и не желал терять времени на то, что считал пустыми разговорами. Однако через полчаса настойчивый экс-премьер лично появился в номере посла. Гнать его было неудобно.

Пришлось слушать, с чем тот пожаловал. «Хирота начал с того, что в прошлом году он имел намерение поехать в Москву для переговоров по некоторым вопросам, но в силу ряда обстоятельств не мог этого сделать... В настоящее время все значительно изменилось, разногласий в Японии нет, и теперь все едино стоят за дружественные отношения с Советским Союзом (деваться-то некуда. — *В.М.*)». Далее началась самая интригующая часть: «Мы в одиночку, сказал Хирота, ведем огромную войну против США и Англии за освобождение и независимость Азии, но Советский Союз занимает значительную часть Азии, и мы считаем, что проблема безопасности Азии может быть решена только Советским Союзом, Китаем и Японией как основными странами Азии... Твердо обеспечить безопасность Азии можно только на основе сотрудничества СССР, Японии и Китая. А базой для этого должна быть дружба Японии с СССР».

Как показывают японские документы, впервые обнародованные Дж. Ленсеном, сказанное полностью соответствовало той стратегии, которую выработал Высший совет по руководству войной 14 мая после доклада Того. Так что Хирота, как нетрудно было догадаться, говорил отнюдь не только от своего имени. В целом это мало отличалось от того, что пятью годами ранее Молотов слышал от Того, а Сталин от Мацуока. Но тогда Япония еще не вела войны на Тихом океане, с ее мощью необходимо было считаться, а потому их внимательно слушали. Теперь посол, посланный наблюдать, «как поддыхает Япония», внимал собеседнику только из вежливости. Кстати, бывший министр иностранных дел Арита 9 июля подал императору памятную записку, в которой прямо говорил о бесперспективности попыток привлечь на свою сторону СССР, а также Янань (китайских коммунистов) и Чуньцин (Чан Кайши).

На следующий день беседы продолжились. Хирота завел разговор о необходимости коренного улучшения двусторонних отношений и заключения нового договора. «Обе стороны соблюдают этот пакт, — подчеркнул он. — Не было бы никакого беспокойства, если бы срок пакта не истекал через год, но так как по истечении этого срока пакт теряет силу, то поэтому наша страна должна подумать о будущем. Пока пакт находится еще в силе, — старательно повторял гость, — японская сторона желает еще больше укрепить дружественные отношения с Советским Союзом. В нашей стране сейчас глубоко изучается вопрос относительно формы улучшения этих отношений, и я думаю, что советская сторона тоже изучает этот вопрос».

Как в Токио «глубоко изучали» вопросы, требовавшие незамедлительного решения, мы знаем по истории с «укреплением» Антикоминтерновского пакта. Время работало против Японии — Того прямо говорил Хирота о «катастрофической ситуации на фронтах» и неизбежности «высокой платы» за неучастие СССР в разгроме Японии, — но правительство и армейское командование еще на что-то надеялись. А надеяться было не на что, поскольку Москва вопрос об «улучшении» отношений уже решила. Причем радикально.

По японскому обычаю Хирота говорил витиевато. «Какая форма договора была бы целесообразной — для Японии безразлично. Мы согласны на любую форму, лишь бы она могла удовлетворить цели Японии». Думаю, Малик понимал, что речь идет о выходе из войны, но отсутствие конкретных предложений позволяло спустить все дело на тормозах. Посол, похоже, неплохо овладел языком японской дипломатии и дал Хирота совершенно классический ответ: «Вы затронули целый комплекс больших и сложных вопросов, а в условиях современной обстановки даже своеобразных вопросов. Все они в целом и каждый в отдельности требуют обстоятельного изучения и обдумывания».

В Москву же он писал без экивоков: «Неожиданность и внезапность встречи Хирота со мной была инсценирована грубо и неуклюже. У японцев почва горит под ногами, время не терпит, припекло, а посему им теперь не до внешних форм и благовидных предлогов. Скорее бы добиться существа, обеспечить прочность отношений с СССР... Подобное заискивание японцев перед Советским Союзом является вполне логичным и закономерным в свете международной обстановки и тяжелого, бесперспективного военного положения Японии... Если общая международная обстановка такова, что вести подобные переговоры с японцами для нас целесообразно, то им, мне кажется, все же следовало бы предъявить максимум из тех требующих разрешения проблем, которые изложены в... моем докладе».

Малик имел в виду доклад от 21 июля 1944 г., который я цитировал выше. Из последней фразы видно, что об окончательном решении Сталина вступить в войну он не знал, хотя мог догадываться. А потому высказывал различные предположения о дальнейшем ходе переговоров. «Можно с известной долей основания считать, что в виде компенсации за договор с СССР японцы могли бы в качестве максимальной уступки пойти на возвращение нам Южного Сахалина, отказ от рыболовства в советских конвенционных водах и, возможно, даже на переда-

чу нам части Курильских островов. Ожидать от них добровольного согласия на какое-либо выгодное нам существенное изменение позиции Японии в Маньчжурии, Корее, Квантуне и Северном Китае трудно. Подобное возможно только в результате полного военного поражения и безоговорочной капитуляции Японии. Без этого любые переговоры с Японией не дадут коренного решения проблемы длительного мира и безопасности на Дальнем Востоке. В свете вышеизложенного заключение подобного предлагаемого японцами и ко многому нас обязывающего соглашения вряд ли целесообразно. Однако выслушать их предложения можно».

В Москве все это прекрасно понимали, но решили поиграть с японцами в кошки-мышки. «Хирота ничего ясного еще не сказал, — отвечал Молотов послу 15 июня. — Вам по собственной инициативе искать встречи с Хирота не следует. Если он опять будет напрашиваться на встречу, то его можно принять и выслушать, и если он опять будет говорить общие вещи, то следует ограничиться заявлением, что при первой же возможности (намек на диппочту) Вы сообщите в Москву о беседах. Дальше этого идти не следует». Утвердил инструкции лично Сталин. Кстати, посол Сато о происходивших в Гора беседах поначалу уведомлен не был и получил информацию о них только после настоятельных требований советника посольства Морисима, которого как раз в это время направил домой для консультаций с министром.

В тот же день 15 июня маркиз Кидо Коити, ближайший политический советник императора, решительно говорил премьеру и ключевым министрам о необходимости любой ценой добиться советского посредничества при заключении почетного мира, который предусматривал бы сохранение императорской системы в целостности и сохранности. Такова была воля монарха, готового на любые уступки, включая территориальные (император позже говорил, что имел в виду Южный Сахалин и Маньчжурию), но только не в этой области⁹. Что касается территорий, то о них хорошо сказал Касэ: «Когда корабль тонет, что толку думать о грузе, пусть даже драгоценном? Необходимо избавиться от него как можно скорее, если только так можно спасти корабль»¹⁰.

В следующий раз Малик принял Хирота только 24 июня, хотя тот несколько раз «напрашивался» к нему. Москва не отвечала. Посол ссылался на то, что отправил подробные записи бесед с дипкурьером (японцев настораживала эта нарочитая медлительность), хотя на самом деле посылал их по телеграфу. 20 и 22 июня

в присутствии премьера и членов кабинета император настоятельно просил Того добиться возобновления переговоров. 23 июня Того уговорил Хирота попытаться еще раз. Бывший премьер колебался, полагая, что настойчивость может быть воспринята как проявление слабости; но все-таки добился свидания с послом. Беседа была долгой, но опять бессодержательной и закончилась ничем, судя по длиннейшему отчету Малика, составленному четыре дня спустя. Хирота говорил о том, что Красная армия и Императорский флот вместе были бы непобедимы, что явно не произвело на собеседника никакого впечатления. О посредничестве Москвы в заключении «почетного мира» с США и Англией прямо не говорилось и в этот раз, поскольку армейское руководство все еще не могло признаться себе, что война проиграна. Не потому ли Хирота так горько жаловался после капитуляции, что правительство теряло время на абстрактные зондажи, когда надо было прямо просить о помощи?

Однако 29 июня Хирота добился приема в советском посольстве и в первый раз сообщил конкретные предложения (текст из АВП РФ):

«1) Нейтрализация Маньчжоу-го (после окончания войны Великой Восточной Азии* японская сторона отзывает свои войска, и обе стороны, Япония и Советский Союз, обязуются уважать суверенитет и целостность территории Маньчжоу-го и не вмешательство в его внутренние дела).

2) Японская сторона готова ликвидировать свои рыболовные права, если она будет снабжаться нефтью.

3) Япония готова обсудить все другие вопросы, которые советская сторона пожелает обсудить». По поводу второго пункта визитер пояснил: «Рыболовные права, конечно, не имеют никакого отношения к нефти, но Япония до сих пор имела важное и ценное право заниматься рыболовством в советских водах и сейчас она имеет большое желание, чтобы Советский Союз снабдил ее нефтью, а она готова ликвидировать эти долголетние и весьма важные права. Это не является условием, но Япония имеет очень сильное желание получить нефть в качестве ответной благодарности за свой отказ от рыболовных прав. Кстати говоря, — добавил он, — если СССР желает затронуть вопрос о демаркации границы (где? — В.М.), то японская сторона готова пойти на переговоры».

Текст из японских архивов, опубликованный Дж. Ленсеном,

* *Дайтоа сэно* — тогдашнее официальное японское название войны на Тихом океане.

кроме этих трех, содержит преамбулу и четвертый пункт. В преамбуле предлагалось «заключить пакт о ненападении между Японией и Россией на долгий срок (скажем, 20 или 30 лет) с целью взаимной помощи в деле поддержания мира на Востоке» на указанных далее условиях. Последний пункт гласил: «Япония не имеет намерения сохранять по окончании войны владение территориями, которые она оккупировала в ходе Великой Восточноазиатской войны», т.е. с 8 декабря 1941 г., но не ранее.

Прошлогодний сценарий Сигэмицу пошел в дело. «Предложения японского правительства Хирота излагал горячо и с нарочитым воодушевлением, — телеграфировал Малик 30 июня. — Я воспринимал эти предложения подчеркнуто спокойно и холодно, давая понять, что не считаю их заслуживающими значительного внимания».

Тут тоже действовал свой сценарий, что видно из инструкций Молотова от 8 июля:

«При всей их недостаточности и намеренной недоговоренности предложения Хирота свидетельствуют о том, что японское правительство по мере ухудшения своего военного положения готово будет идти на все более и более серьезные уступки для того, чтобы попытаться добиться нашего невмешательства в войну на Дальнем Востоке. Вашу позицию в беседе с Хирота считаем правильной. В дальнейшем Вам надо быть еще более осторожным и в том смысле, чтобы не втягиваться в этих и подобных беседах в обсуждения японских предложений. Вы не должны дать никакого повода, чтобы японцы изобразили как переговоры Ваши беседы». А то союзники уже забеспокоились...

11 июля Сато всего на двадцать минут «пересекался» с Молотовым, который обещал дать ответ позже, сказав, что доклад Малика еще не прибыл в Москву. После этого советский посол снова стал избегать встреч с Хирота. 12 июля свидания стал добиваться сам министр, но Малик отговаривался болезнью (судя по его отчету, исключительно «дипломатической»). Наконец, ему пришлось принять начальника Политического бюро МИД Андо Ёсио, лежа в постели. Визитер «изложил по поручению Того следующее заявление: Его Величество император Японии Высочайший (видимо, следует: Высочайше. — В.М.) принял решение о командировании принца Коноэ в Москву с личным письмом императора, в котором изложен вопрос окончания войны Японией, и для того чтобы лично обсудить с Советским Правительством этот вопрос. Одновременно японский посол в Москве Сато сделает заявление по этому вопросу непосредственно Советскому Правительству».

«На вопрос, в чем конкретно выразится миссия Коноэ, — продолжал посол свой срочный доклад, — Андо указал, что в первую очередь передать пожелание императора об окончании войны, изложенное в специальном письме, и во-вторых, обменяться мнениями с Советским Правительством по этому вопросу».

Это было уже серьезно. В дело вступал главный «политический тяжеловес» Японии, не просто бывший премьер, но родственник императорской фамилии и потомок рода Фудзивара. Коммунистов Коноэ не любил (в январе 1945 г. он представил императору подробный доклад о коммунистической угрозе в Японии, главной носительницей которой считал... среднее армейское офицерство¹¹), но в открыто русофобских акциях не участвовал — в отличие от своего отца Ацумаро, который перед Русско-японской войной (он умер в том же 1904 г.) был одним из главных проповедников жесткого курса в отношении «северной проблемы». Кандидатура Коноэ на должность специального посланника была окончательно одобрена императором только в этот день после доклада премьера и маркиза Кидо. Император лично просил Коноэ об этом, и тот согласился, хотя, по некоторым воспоминаниям, неохотно. Вопрос решился быстро, хотя Того всего четырьмя днями ранее обратился к принцу, уединившемуся на своей загородной вилле. Японских лидеров подгоняла перспектива скорого созыва новой межсоюзнической конференции, а также визит в Москву Сун Цзывэня, полномочного эmissара Чан Кайши.

Малик снова попытался задавать конкретные вопросы, но Андо от ответа уклонился, хотя попросил считать весь разговор сугубо конфиденциальным. Собеседник с легкостью согласился.

Того телеграфировал Сато указание немедленно встретиться с Молотовым, как только тот вернется в Москву с Потсдамской конференции, а пока посетить Лозовского, информировать его о предстоящей миссии и передать письмо императора, текст которого также был передан по телеграфу. 13 июля посол вручил письмо Лозовскому. Вот его перевод, как он сохранился в АВП РФ:

«Строго конфиденциально.

Его Величество Император Японии, глубоко озабоченный бедствиями и жертвами народов всех воюющих стран, увеличивающихся изо дня в день в результате нынешней войны, выражает свою волю, чтобы положить скорее конец войне. Поскольку в Восточно-Азиатской войне США и Англия настаива-

ют на безоговорочной капитуляции, Империя будет вынуждена довести войну до конца, мобилизуя все силы и средства, за честь и существование Отечества. Однако в результате такого обстоятельства неизбежно усиленное кровопролитие у народов обеих воюющих сторон. Его Величество крайне обеспокоен в этой мысли и изъявляет пожелание, чтобы за благо человечества в кратчайший срок был восстановлен мир».

К сожалению, Б.Н. Славинский передал последующую беседу дипломатов, не прибегая к кавычкам, так что непонятно, где цитаты, а где изложение:

«Ознакомившись с посланием, Лозовский сказал послу, что это послание не имеет адресата и непонятно, кому оно направлено. Посол ответил, что это послание не адресовано особо кому-либо (? — *В.М.*). Желательно, чтобы с ним ознакомился глава государства г-н Калинин и глава советского правительства Сталин*. Его Величество Император Японии свое специальное послание перешлет с князем Коноэ».

Стоп-стоп! Получается, пока речь шла не более чем об очередном зондаже, о выяснении того, примут Коноэ в Кремле или нет? А конкретные предложения принц — в случае согласия Москвы — привезет с собой? Никакого другого письма императора мы не знаем, так что Коноэ, очевидно, должен был привезти оригинал послания и торжественно вручить его Сталину и Калинин. Однако ясно, что принц собирался в путь не с пустыми руками. Высший совет по руководству войной продолжал обсуждать, что еще можно предложить Советскому Союзу за помощь в выходе из проигранной, но не оконченной войны. В «чемоданчике» принца лежали Южный Сахалин, Курилы, Маньчжурия (как сфера влияния), отказ от рыболовных прав и даже... сдача Квантунской армии в плен, о чем японцы, по понятным причинам, вспоминать не любят.

Разработанные Коноэ и его советником, отставным генерал-лейтенантом Сакаи Кодзи «Основы мирных переговоров» (впервые опубликованы во втором томе биографии принца в 1952 г.) в качестве уступок за сохранение императорской системы предполагали освобождение всех захваченных Японией территорий, включая даже архипелаги Окинава и Огасавара (Бонин) — но не Южные Курилы! — а также разоружение, демобилизацию и репатриацию армии. Дальше шла примечательная оговорка: если репатриация будет невозможна, Япония соглас-

* Судя по японским документам, предполагалось ознакомить с ним и Молотова.

на оставить часть личного состава «там, где он находится» и «предложить его труд в качестве репараций». Документ не получил официального статуса, но... Когда в 1993 г. премьер-министр Хосокава Морихиро, внук Коноэ (сын его дочери), настойчиво требовал от президента Ельцина извинений за содержание японцев в сибирском плену, одна из московских газет опубликовала изложение этого текста под ехидным заголовком «Как дед нынешнего премьер-министра Японии своего внука подвел» (цитирую по памяти). «Подвел» принц, кстати, и собственного сына Мититака, попавшего в советский плен и скончавшегося в Тбилиси в 1956 г., накануне репатриации.

Действия Высшего совета были ограничены его официальным статусом и протоколом, а также жесткой позицией армии, руководители которой призывали, вооружившись бамбуковыми палками, готовиться к последней битве за Японские острова и пасть в ней «все как один». Реальная работа шла за кулисами, где особую активность проявил контр-адмирал Такаги Сокити из Генерального штаба, пользовавшийся доверием Ёнаи и действовавший по его поручению. Начиная с 28 июня Такаги представил ему несколько вариантов программы выхода из войны по уже известному нам плану: ценой территориальных уступок — количество которых раз от разу росло, но так и не догнало «список Малика» — гарантировать, во-первых, неучастие СССР в войне с Японией, а во-вторых, его посредничество при мирных переговорах с Вашингтоном и Лондоном. Отличный генштабист, Такаги составлял подробные и содержательные меморандумы, которые, однако, уже в момент написания представляли только исторический интерес. Все усилия «миротворцев», в число которых входил также либерально настроенный министр двора Мацудайра, тесть брата императора принца Титибу, официального статуса не получили и оказались тщетными, поэтому подробно останавливаться на них мы не будем. Сами же документы, готовившиеся Такаги со товарищи, были опубликованы уже в 1952 г. в «Исторической хронике окончания войны», дабы показать наличие у части японской элиты искреннего стремления к скорейшему окончанию войны и дружбе с Советским Союзом.

Но вернемся к московским беседам. Сато настоятельно просил Лозовского ознакомить Молотова с посланием до отъезда наркома в Берлин, намеченного на этот вечер, и дать хотя бы предварительный ответ, что «помогло бы миссии Коноэ подготовиться к приезду в Москву», т.е. уточнить содержимое «чемоданчика». «Учитывая, что путь из Токио до Москвы поездом зай-

мет очень много времени, посол от имени японского правительства хотел бы просить советское правительство предоставить этой миссии самолет, направив его на станцию Маньчжурия или на станцию Цицикар, откуда он мог бы быстрее доставить членов миссии в Москву». По воспоминаниям Касэ, свиту Коноэ должны были составить: вице-министр иностранных дел Мацумото Сюньити, бывший начальник Бюро договоров МИД и специалист по их подготовке*; бывший министр иностранных дел Сигэмицу; сам Касэ, а также один генерал и один адмирал, не названные по имени. Но этих сведений Сато Лозовскому не сообщил.

Замнаркома обещал только постараться.

18 июля Сато получил очередной вежливый отказ: «Высказанные в послании императора Японии соображения имеют общую форму и не содержат каких-либо конкретных предложений. Советскому Правительству представляется неясным также, в чем заключаются задачи миссии князя (так в оригинале. — В.М.) Коноэ. Ввиду изложенного Советское Правительство не видит возможности дать какой-либо определенный ответ по поводу миссии князя Коноэ». Японцы вновь были показательно наказаны за неконкретность. 20 июля Сато заклинал Того добиться немедленного решения о капитуляции, поскольку ситуация безнадежна. Но в Токио думали по-другому.

25 июля, во исполнение задержанных доставкой инструкций от 21 июля, посол наконец-то заговорил о главном. Добившись встречи с Лозовским, он сообщил, что Коноэ привезет конкретные предложения по советскому посредничеству для выхода из войны и по дальнейшему характеру двусторонних отношений, подчеркнув, что «задачи миссии... обширны», однако снова не сказал ничего определенного. Не подействовали и такие разъяснения: «Коноэ пользуется особым доверием двора и занимает выдающееся положение среди политических кругов Японии. Он едет по личному желанию и поручению императора, и Японское правительство просит благожелательного посредничества Советского правительства».

Того телеграфировал Сато, что безоговорочная капитуляция для Японии неприемлема и империя будет сопротивляться до последнего. Это сообщалось, чтобы подстегнуть активность посла. Сато старался быть максимально серьезным. Ссылаясь

* В 1955—1956 гг. он в качестве специального представителя Японии будет вести в Лондоне переговоры с советским послом в Англии Маликом о восстановлении дипломатических отношений.

на важность вопроса, Лозовский попросил у него письменный текст заявления, который получил в тот же вечер и немедленно отправил в Потсдам Сталину, Молотову и Вышинскому. Туда же полетел проект ответа. Его содержательная часть гласила:

«В Вашем заявлении говорилось, что князь Коноэ имеет конкретные намерения и соображения как по вопросу о посредничестве советского правительства в нынешней войне, так и по вопросу об укреплении японо-советских отношений, но Вы ничего не сообщили о том, какие именно конкретные намерения и соображения предполагает изложить в Москве князь Коноэ.

Советское правительство убеждено в том, что всякое обращение без каких-либо конкретных предложений к США и Великобритании по вопросу о прекращении войны между Японией и этими странами заранее обречено на неудачу. В этих условиях советское правительство, благодарное японскому правительству за доверие, затрудняется тем не менее взять на себя пока посредничество.

С другой стороны, советское правительство хотело бы также знать, какие конкретные предложения имеет японское правительство по вопросу об укреплении японо-советских отношений... Было бы лучше, — прямо говорилось в заключительной части ответа, — если бы князь Коноэ передал предварительно советскому правительству свои конкретные намерения и соображения через японское посольство в Москве или советское посольство в Токио».

26 июля Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая (Чан Кайши поставил свою подпись «по телеграфу») потребовала немедленной безоговорочной капитуляции Японии. «Ниже следуют наши условия. Мы не отступим от них. Выбора никакого нет. Мы не потерпим никакой затяжки... Иначе Японии ждет быстрый и полный разгром». СССР ее не подписывал — более того, был поставлен перед фактом непосредственно накануне обнародования, когда Молотов получил копию декларации «для сведения». По словам американского госсекретаря Джеймса Бернса, это было сделано, «так как Советский Союз не находится в состоянии войны с Японией и президент (Трумэн. — В.М.) не хотел создавать затруднений для Советского правительства».

Нетрудно догадаться, что это объяснение взбесило Сталина еще больше. 28 июля, в начале очередного заседания конференции, он сообщил Трумэну и Эттли (консерваторы только что проиграли парламентские выборы, и «железный Уинстон» в

Потсдам больше не вернулся), что «мы, русская делегация, получили новое предложение от Японии». «Хотя нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, — со значением заметил вождь, — однако мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях». Затем, как сказано в протоколе, был зачитан английский перевод «ноты Японии о посредничестве», т.е. заявления Сато и послания императора. «В этом документе ничего нового нет, — заключил Сталин. — Есть только одно предложение: Япония предлагает нам сотрудничество. Мы думаем ответить им в том же духе, как это было в прошлый раз». Трумэн и Эттли согласились¹².

Однако Сато, узнав о декларации из радиопередачи Би-би-си, пришел к выводу, что без предварительного уведомления и согласия советской стороны такой документ появиться не мог, и телеграфировал в Токио, что это, очевидно, и есть ответ Москвы на предложение о присылке специальной миссии. 27—28 июля кабинет Судзуки и Высший совет постановили «убить молчанием» (*мокусацу*) Потсдамскую декларацию, т.е. проигнорировали ее, не отказываясь, но и не принимая («ни мира, ни войны, а армию распустить», как говорил Троцкий). Послу было предписано по-прежнему добиваться согласия на приезд Коноэ, хотя Сато однозначно советовал принять условия декларации, пока военные действия не перекинулись на территорию собственно Японии. Но армия была непримирима — никакой капитуляции!

Подготовленный Лозовским ответ одобрен не был. Молотов кратко оценил его словами «Не то», немедленно сообщенными в Москву по телефону.

30 июля Сато и Лозовский встретились снова. Замнаркома никакого ответа не дал, сославшись на отсутствие Сталина и Молотова. По поводу Потсдамской декларации посол сказал: «Япония не может сдаться на таких условиях. Если честь и существование Японии будут сохранены, то японское правительство в целях прекращения войны проявит весьма широкие примиренческие позиции» (запись Лозовского). Малику пошла также следующая информация: «Далее Сато пояснил, что Коноэ едет с широкими полномочиями для обмена мнениями с Советским правительством в широких пределах по вопросу о том, как Японское правительство желает снова строить мир на Дальнем Востоке. Он хочет знать, не будет ли со стороны Сов<етского> прав<ительства> тех или иных пожеланий и указаний». Снова ничего конкретного! Лозовский, как и следовало ожи-

дать, только повторил обещание как можно скорее доложить правительству просьбу посла.

Дальше была война. 5 августа Сталин и Молотов вернулись в Москву. 7 августа Сато получил из Токио очередное указание о встрече с Молотовым. Однако он смог встретиться с наркомом только 8 августа в 17 часов по московскому времени, со слезами на глазах выслушав заявление о том, что с полуночи 9 августа (т.е. всего через час по токийскому времени) СССР и Япония находятся в состоянии войны. Мотивировка была проще простого: Япония отклонила требования Потсдамской декларации; союзники обратились к СССР с просьбой о вступлении в войну, и тот, «верный союзническому долгу», принял предложение. «Советское Правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и избавить японский народ от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции». Руки друг другу на прощание они все-таки пожали.

Маленькая ремарка. Согласно советской версии, союзники попросили Москву вступить в войну. Так следует из протоколов Потсдамской конференции, официально опубликованных МИД СССР. Однако в этих публикациях, включая шеститомное издание «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.» (соответствующий том вышел в 1980 г.), в протоколе беседы Молотова с Трумэном 29 июля сделана купюра, восстановленная только Б. Н. Славинским в 1995 г.:

«Молотов говорит, что у него есть предложения, связанные с положением на Дальнем Востоке. *Для Советского Союза было бы удобным поводом для вступления в войну против Японии, если бы союзники обратились к нему с просьбой об этом* (выделено мной. — В. М.). Можно было бы указать, что, в связи с отклонением Японией требования о капитуляции...» и так далее, как потом в советском заявлении. «Трумэн на это замечает, что предложение Молотова кажется ему очень разумным, но для того, чтобы ответить на него, он должен прежде посоветоваться со своим штабом». Новичок в международной политике, Трумэн посоветовался и предложение принял.

Поздно вечером 9 августа в дворцовом бомбоубежище состоялась так называемая императорская конференция: совещание императора, председателя Тайного совета, премьера, ключевых министров и начальников Генеральных штабов. Вопрос

был один: принимать или не принимать Потсдамскую декларацию. Понимая, что война проиграна, император до последнего сопротивлялся именно *безоговорочной* капитуляции, рассчитывая на советское посредничество для сохранения своей власти, пусть и с ограничениями. Поэтому резолюция, предложенная Того, предусматривала принятие условий декларации, «понимая их в том смысле, что они не содержат требования об изменении установленного государственными законами статуса японского императора». Высший совет по руководству войной под давлением военного министра и начальников обоих Генеральных штабов соглашался на капитуляцию при следующих условиях:

- «1) она не затрагивает императорской фамилии;
- 2) японские войска, находящиеся за пределами страны, демобилизуются после свободного их отвода с занимаемых территорий;
- 3) военные преступники будут подлежать юрисдикции японского правительства;
- 4) не будет осуществлена оккупация с целью гарантии (выполнения условий капитуляции. — В.М.)».

Военные настаивали на «четырёх наших условиях», особенно при «обращении к такой безнравственной стране, как Советский Союз». Председатель Тайного совета Хиранума тоже склонялся к этому мнению, но все решил голос императора, однозначно высказавшегося в пользу первого предложения¹³.

Малик смог попасть к Того, чтобы сделать аналогичное заявление только десятого, потому что весь предыдущий день министру было не до него. Встреча состоялась в гостиной палаты пэров — здание МИД лежало в руинах. «Выслушав посла, — вспоминал Того, — я напомнил ему, что его страна напала на нас в то время, как пакт о нейтралитете между СССР и Японией остается в силе, а также высказался по поводу поведения СССР, который начал против нас войну, так и не дав никакого ответа на нашу просьбу об оказании добрых услуг в деле заключения мира. Более того, хотя в качестве официальной причины Советский Союз выдвигал отказ Японии признать Потсдамскую декларацию, он фактически не предпринял никаких усилий для установления подлинной позиции японского правительства. Эта акция СССР, сказал я, будет осуждена историей. По сути Малику сказать было нечего, и он лишь в самой общей форме заявил, что в действиях СССР не было ничего предосудительного. Далее я сообщил ему, что японское правительство объявило о принятии Потсдамской декларации (в 7 часов утра по токийскому

времени 10 августа через миссии в Швейцарии и Швеции. — *В.М.*), и попросил передать эту информацию своему правительству». Передавал ли ее Малик и пришла ли она в Москву, мы не знаем¹⁴. Аналогичная телеграмма Сато — даже не зашифрованная! — была принята на московском Центральном телеграфе, но до Токио так и не добралась.

В конце пятидесятых Малик и Касэ, присутствовавший при разговоре и запомнивший холодный и суровый взгляд министра, встретились в Организации Объединенных Наций в качестве полномочных представителей своих стран. Вспоминая эту сцену, Малик сказал японскому коллеге: «В тот момент я почувствовал, что моя жизнь стала короче»¹⁵.

В тот же день было опубликовано обращение военного министра Анами ко всем генералам, офицерам и солдатам:

«Советский Союз в конце концов напал на нашу Империю, и его агрессивные замыслы установления господства в Великой Восточной Азии, какими бы благовидными предложениями они ни прикрывались, стали теперь совершенно очевидными. В сложившейся ситуации для нашего народа выход может быть только один: продолжение решительной священной войны в защиту нашей святой земли.

Я верю, что мы будем бороться до последней капли крови и каждый выполнит свой долг до конца, даже если придется пройти через невероятные лишения и страдания.

В этом нам служит примером патриотический дух Кусуноки*, учившего жертвовать собой во имя спасения отечества: «даже если в живых остался ты один», и боевой дух Токимунэ**, который уничтожал ненавистных врагов с одним чувством: «без страха и сомненья только вперед!». Все воины, от генерала до солдата, как один человек, неся в себе дух Кусуноки и воскресив боевой дух Токимунэ, должны идти только вперед к уничтожению наглого врага»¹⁶.

Воспроизводить ход военных действий в Маньчжурии, на Сахалине и Курилах я не буду. Написано об этом достаточно, в том числе по недавно рассекреченным и опубликованным архивным материалам, которые существенно меняют наши представления о происходившем. Героическая эпопея «разгрома милитаристской Японии», к которому были привлечены луч-

* Выдающийся военачальник эпохи войны северного и южного дворов в XIV в.; считался символом воинской доблести и верности.

** Один из сегунов дома Ходзё, организатор подготовки к отражению монгольского нашествия на Японию в XIII в.

шие силы и лучшие военачальники, включая маршалов Василевского и Малиновского, все чаще называется «трагикомедией маньчжурского блицкрига», как охарактеризовал ее А.А. Кириченко. Квантунская армия была деморализована и небоеспособна, а о ее храбрых генералах я уже писал в предыдущей главе. 6 августа американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму, где находилось много резервных частей, складов вооружения и боеприпасов, 9 августа — на Нагасаки. 14 августа правительство наконец выработало рескрипт о капитуляции. 15 августа император — впервые в истории — обратился к нации по радио. Поэтому именно этот день считается в Японии днем окончания войны¹⁷.

И тут возникает вопрос, который совершенно необходимо затронуть. Что сыграло решающую роль в скорой капитуляции Японии: атомные бомбардировки или вступление СССР в войну? Вопрос это не только и не столько исторический, сколько политический. Если бомбардировки, то американцы спасли жизнь ста миллионов японцев ценой жизни нескольких сот тысяч, а Советский Союз повел себя как «вор на пожаре». Если вступление Красной армии в войну, то СССР имел полное право, как минимум, на свою долю военных трофеев, а то и на участие в управлении побежденной Японией. Американская и подконтрольная ей японская пропаганда придерживались первой точки зрения, советская пропаганда — второй.

Джордж Ленсен, американец русского происхождения, по этому поводу остроумно заметил: «Естественно, что история войны на Тихом океане для американского читателя будет включать фотографию генерала Макартура, когда он на палубе «Миссури» ставит подпись под Актом о капитуляции Японии, в то время как аналогичная история для советского читателя покажет ту же сцену, но с генерал-лейтенантом Кузьмой Деревянко, подписывающим Акт, в то время как Макартур и все остальные будут стоять на заднем плане»¹⁸.

2 июля 2001 г. в Токийском университете выступал видный японский историк профессор Хасэгава Цуёси, давно живущий и работающий в США. Темой доклада и последовавшей за ним дискуссии как раз и был вопрос о главной причине капитуляции. В отличие от многих американских и японских авторов, Хасэгава считает «советский фактор» очень важным, особенно в психологическом отношении. Японское руководство до последнего надеялось на посредничество Москвы, хотя иллюзорность этих надежд была понятна уже во время переговоров Хирота с Маликом. Конечно, вступление СССР в войну в наруше-

ние пакта о нейтралитете можно трактовать как «предательство», но это не оправдывает японских лидеров, игнорировавших предупреждения собственных дипломатов и политиков. К скорейшей капитуляции призывали немногие оставшиеся в Европе японцы, например посланники в Швейцарии Касэ Сюнъити* и в Швеции Окамото Суэмаса, а также специальный корреспондент «Асахи» Рю Синтаро. Решение «убить молчанием» Потсдамскую декларацию, требовавшую четкого ответа, было наиболее неудачным. В связи с этим профессор Токийского университета Исии Акира заметил во время дискуссии, что японские военные повели себя не как «реалисты», а как «оппортунисты», не желая принимать решение и ожидая, что все «образуется» само собой. Надо сказать, что так поступали не только дипломаты, но и политики — и не только в этой ситуации, но и во многих других.

Если Рузвельт настаивал на вступлении СССР в войну против Японии, то его антисоветски настроенный преемник Трумэн настороженно относился к такой перспективе. Он понимал, что участие Советского Союза в военных действиях будет локальным и непродолжительным, а цену Сталин запросит немалую. Перспектива десанта Красной армии на Хоккайдо пугала президента, который, как известно, решительно воспротивился советской оккупации даже малой части северного из четырех главных островов Японского архипелага. В Потсдаме настаивал уже Сталин. Он стремился, как отметил Хасэгава, хоть один день поучаствовать в войне, чтобы иметь право на свою долю трофеев. После войны некоторые японские авторы атлантистской ориентации даже пеняли американцам за то, что те допустили участие СССР в войне — с потерей Южного Сахалина и Курил в итоге.

Известно, однако, и то, что американцы — перед глазами которых стоял пример «битвы за Германию» — прикидывали, что боевые действия на Японских островах закончатся только к концу 1946 (!) г. и унесут жизни как минимум миллиона солдат союзных армий. Зная фанатизм, с которым сражались японцы, с такой перспективой нельзя было не считаться. Дж. Ленсен, склонный к осторожным и взвешенным оценкам, писал: «Верно, что в конце войны советское участие не рассматривалось более как *необходимое*, но продолжало рассматриваться как *желательное* для спасения жизней американцев, поскольку перс-

* Однофамилец главы секретариата Мацуока, Сигэмицу и Того, упоминавшегося выше.

пектива кровопролитного вторжения на территорию Японии оставалась актуальной до последнего момента (выделено автором. — *В.М.*)»¹⁹. Лично я присоединяюсь к сказанному.

Хасэгава также полагает, что ускорение капитуляции Японии было далеко не единственной целью атомных бомбардировок. Во-первых, США хотели показать всему миру — прежде всего, СССР, — каким уникальным и грозным оружием они обладают. Во-вторых, испытать оба типа бомбы (Хиросима — урановая, Нагасаки — плутониевая) и изучить результаты применения. По его мнению, японское руководство, принимая решение о капитуляции, не осознало масштаб и суть происшедшего, не располагая ни временем, ни необходимой информацией. Попросту говоря, не успело в полной мере испугаться. Зато вступление СССР в войну никаких дополнительных пояснений не требовало. Главный вывод Хасэгава — бомбардировки капитуляцию не приблизили и для этого были не нужны. Выслушав доклад, автор этих строк полувопросительно-полуутвердительно сказал: «Значит, вторая бомба предназначалась Советскому Союзу — как орудие устрашения?» «И первая тоже», — смеясь, ответил Хасэгава.

Я согласен с утверждением А.С. Савина, что «вступление СССР в войну с Японией в августе 1945 г. было главной причиной, *ускорившей* (выделено мной. — *В.М.*) капитуляцию Японии». Он же приводит слова премьер-министра Судзуки, сказанные на заседании Высшего совета по руководству войной 9 августа: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны». С оценкой Судзуки согласен Вудберн Кирби, автор официальной британской истории «Война против Японии». Подчеркнул значение «русского фактора» и Касэ, но для него это послужило лишь дополнительным поводом для русофобских выпадов. Другой вопрос, стоило ли Сталину так поступать и что мы приобрели в результате этого? Но об этом речь пойдет в заключении.

Вступление СССР в войну именно ускорило, а не вызвало капитуляцию. Поэтому с высказыванием Савина, что «советский народ и его Вооруженные Силы, разгромившие фашистский вермахт и нанешие поражение соединениям Квантунской армии (сравнил! — *В.М.*), внесли решающий вклад в победу антифашистской коалиции над милитаристской Японией»²⁰, я согласиться не могу. Исход войны определило не наступление в Маньчжурии, но политическое решение в Москве. А оно, как заметила Косиро Ёкико в ходе дискуссии по докладу Хасэгава,

изменило весь геополитический баланс сил в Азии. На большой сцене Азиатско-Тихоокеанского региона появилось новое действующее лицо, долго не проявлявшее здесь активности. И двух атомных бомб Москва не испугалась.

12 августа морской министр Ёнаи сказал вице-адмиралу Такаги, что атомные бомбардировки и вступление СССР в войну являются... «небесным даром» (*тэнъю*), поскольку теперь никто не скажет, что Япония была вынуждена капитулировать из-за внутренней слабости. Он пояснил, что опасается «горячих голов», отказывавшихся верить в то, что война проиграна, и готовых физически истребить «изменников», призывавших к капитуляции. Боялся он не зря: в ночь с 14 на 15 августа группа офицеров во главе с майором Хатанака, убив командира дивизии, охранявшей императорский дворец, попыталась захватить оригинал записи обращения императора, чтобы не допустить передачи его в эфир, а также уничтожить главных «капитулянтов», включая Судзуки, Того и председателя Тайного совета Хиранума. Мятеж провалился из-за отсутствия поддержки. На рассвете следующего дня военный министр Анами сделал *сэнпуку* (харакири. — *Прим. ред.*), зло бросив перед смертью одному из родственников: «Убей Ёнаи!» Но на жизнь адмирала никто не покушался. В тот же день он приехал домой к Анами и склонился у смертного одра, чтобы отдать последний долг настоящему самураю. Сам адмирал выбрал иной путь, оставаясь на посту морского министра вплоть до его ликвидации. Он руководил демобилизацией и репатриацией моряков, потом их трудоустройством и социальной реабилитацией в условиях, когда все надо было начинать сначала. Впрочем, такая задача стояла перед всей Японией.

ГЛАВА 10

Горе побежденным: свет и тени Токийского процесса

*Суд победителей над побежденными всегда
неудовлетворителен и почти всегда несправедлив.*

*Вильям Ральф Инге,
настоятель собора Св. Павла в Лондоне,
1951 г.*

О работе Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ) в Токио в 1946—1948 гг., который еще называют «вторым» или «дальневосточным Нюрнбергом», в нашей стране — в отличие от «первого» Нюрнбергского процесса, судившего лидеров поверженной Германии, — знают в общем-то мало. Анонсированное в 1990 г. издательством «Юридическая литература» многотомное издание «Токийский процесс», в котором, как было обещано, «с наибольшей полнотой и точностью будут воспроизведены стенограмма и документы» этого неординарного события, так и не вышло в свет. Боюсь, никогда и не выйдет, если принять во внимание объем одной только стенограммы*, не считая приложений, — порядка пятидесяти тысяч машинописных страниц — и явно некоммерческий характер подобного издания. Пока же российскому читателю приходится довольствоваться в основном официозными историями суда в Токио, трактующими его как торжество справедливости над исчадиями ада. Все они написаны бывшими участниками процесса и, несмотря на содержащуюся в них информацию, откровенно тенденциозны и не

* Официальными языками процесса были английский и японский; обе стенограммы опубликованы. Большинство исследователей, включая автора этих строк, отдаст предпочтение английскому тексту: это был язык судей и обвинителей, тех, кто принимал решения, а также язык всех заверенных письменных показаний (аффидевитов).

свободны от ошибок¹. Что в общем и не удивительно.

Спорам о Токийском процессе столько же лет, сколько и самому процессу. Что это было — справедливый и беспристрастный «суд народов» над преступниками мирового масштаба или «правосудие победителей», тривиально покаравшее лидеров поверженной стороны? Свой взгляд на проблему я изложил еще десять лет назад в нескольких журнальных статьях и небольшой книге «Подсудимые и победители», выпущенной тиражом 400 экземпляров за свой счет, фактически как «самиздат». Книжку, однако, заметили и обругали как «попытку реабилитации военных преступников». Никого реабилитировать я не призывал, но оказался хронологически первым в России критиком всего этого действа.

Токийский процесс, как и Нюрнбергский, имел сугубо политический, а не юридический характер. Во-первых, обвинение и судьи выступали на нем как единая команда, что исключает возможность беспристрастного рассмотрения дела и вынесения объективного вердикта. Эта команда была организована на государственном уровне и призвана карать, а не искать истину. «Суд состоял только из представителей держав-победительниц, односторонне заинтересованных в осуждении обвиняемых. Они были судьями в своем собственном деле, что противоречит любому представлению о праве», — протестовал в Нюрнберге Риббентроп². В Токио было то же самое.

Представители большинства бывших колоний, нейтральных стран и тем более самой Японии в процессе не участвовали, что нидерландский член трибунала Бернард Ролинг позднее отнес к числу самых больших недостатков процесса. «Они всегда были бы в меньшинстве, — добавил он, — и не могли бы решить исход дела. Однако... присутствие японского судьи могло бы предупредить многие ошибки»³. К моменту начала войны на Тихом океане и даже к началу периода, подпадавшего под юрисдикцию МВТДВ по решению тех же победителей (1928—1945), Таиланд (Сиам) и Монгольская Народная Республика были, наряду с Китаем и Японией, единственными независимыми государствами в Азии, однако на процесс их не пригласили. Монголию, видимо, потому, что она не была признана никем, кроме Советского Союза (который попросту никого туда не пускал), но... из представленных в трибунале стран Филиппины получили ограниченную независимость только в 1936 г., оставаясь под протекторатом США (фактически же колонией), а Индия и вовсе обрела ее только в ходе процесса. Не было в составе трибунала судей из Кореи, Бирмы, Вьетнама и Индонезии, успевших объявить себя независимыми к началу его рабо-

ты. Более того, провозглашение полной независимости Филиппин и Бирмы, равно как и создание первого индийского национального правительства в изгнании под руководством Субхаса Чандра Боса, были осуществлены как раз японцами. О подлинной свободе речь не шла, но символическое значение этих акций и их влияние на послевоенное обретение суверенитета азиатскими странами трудно переоценить. Забрать провозглашенную независимость назад было уже нельзя, как бы ни хотели этого метрополии, особенно утратившие реальные возможности для этого, — Франция и Нидерланды.

Во-вторых, подсудимые были объявлены «военными преступниками» не только до вынесения приговора, но еще до предъявления им официального обвинения. Для придания этому должного веса была использована вся мощь союзных и подконтрольных союзникам средств массовой информации (не исключая и те политические технологии, которые сегодня принято называть «черным пиаром»), что обеспечивало стопроцентную информационную поддержку в мировом масштабе. Иными словами, и на Нюрнбергском, и на Токийском процессах безраздельно царствовал несовместимый с современными понятиями о правосудии принцип «презумпции виновности», хотя открыто об этом никто не говорил. Не случайно, критикуя их, британский юрист Фредерик Вил вспомнил слова генерального прокурора Англии Оливера Сент-Джона, сказанные в 1641 (!) г.: «Никаких доказательств не нужно, если все чувствуют, что обвиняемый виновен»⁴. Похоже, победители придерживались той же философии и триста лет спустя.

В-третьих, обвинению и защите на практике не были предоставлены равные права и возможности. Обладая правом отвергать любые доказательства или свидетельства, представляемые обеими сторонами, трибунал в большинстве случаев (но не во всех!) принимал решение в пользу обвинения, давая понять, на чьей стороне находятся его симпатии. Однако положение подсудимых и защиты здесь было лучше, чем на Нюрнбергском процессе. Обвинение воздерживалось от оскорбительных эпитетов и определений в адрес обвиняемых, что в Нюрнберге было обычной практикой. Далее, всем подсудимым, кроме японских защитников, были предоставлены еще и американские адвокаты, знатоки англосаксонского права и судебной процедуры, на которых основывался процесс. Председатель трибунала австралийский судья Уильям Уэбб несколько раз недовольно замечал, что, дескать, в Токио, в отличие от Нюрнберга, защите дано слишком много времени и свобод и что процесс вообще затя-

нул, но был, как правило, корректен и, случалось, призывал к порядку не только адвокатов, но и обвинителей. Но вот еще одна примечательная деталь. Американская военная полиция, охранявшая здание суда и поддерживавшая в нем порядок, демонстративно делала различие между защитниками: при входе в зал портфели и папки японских адвокатов подвергались досмотру, как у обычных посетителей, а американских — нет.

Группу защитников возглавил маститый юрист Удзава Сомэй, президент университета Мэйдзи, но основной «моторной силой» стал его заместитель Киёсэ Итиро. До войны Киёсэ восемь раз избирался в парламент, потом был подвергнут «чистке», но допущен к процессу, а по окончании оккупации еще шесть раз был депутатом и даже избирался председателем нижней палаты парламента. В качестве ведущего теоретика выступал профессор юридического факультета Токийского университета Такаянаги Кэндзо, выпускник Гарварда, специалист по международному праву — и либерал, в отличие от националистов-консерваторов Удзава и Киёсэ. Это слаженно работавшее трио направляло и координировало действия полутора сотен человек — адвокатов, их помощников и технического персонала защиты⁵.

Следует особо отметить, что американские адвокаты — а в их числе были не только штатские, но и военные юристы, назначенные военным министерством! — самоотверженно боролись за своих подзащитных, которых, получается, обвиняли их же коллеги и сослуживцы. Американские защитники трудились не для гонорара (кто был в состоянии его заплатить?!), не за страх, а за совесть, «ради доброго имени американской юстиции», несмотря на нередкие поношения в прессе самой разной ориентации. Большинство японских подсудимых сохранило благодарную память об этих вчерашних врагах, а избежавшие смертной казни нередко становились их друзьями. Бывший посол в СССР и министр иностранных дел Того Сигэнори не дожил до освобождения. Но его американский защитник майор Бен Брюс Блэрни⁶, выйдя в отставку и занявшись преподаванием и юридической практикой в Токио, заботился о его вдове-немке Эдит и дочери Исэ — вместе с Ниси Харухико, который был заместителем Того в министерстве, а затем, переквалифицировавшись из дипломатов в юристы, стал адвокатом бывшего шефа на Токийском процессе. Блэрни и зять министра Того Фумихико (позднее японский посол в США) перевели на английский язык воспоминания Того, написанные в тюрьме и опубликованные посмертно. Один из первых экземпляров английского издания 1956 г. Эдит Того подарила Ниси — верному другу

покойного мужа — с трогательной дарственной надписью. «Книги имеют свою судьбу», и сегодня этот уникал стоит у меня на полке.

Однако сотрудничество японских и американских защитников наладилось не сразу. Б. Ролинг вспоминал: «Позиция японских подсудимых и адвокатов была такова, что они стремились защитить честь своей страны, честь императора и Японии и не особенно заботились о личной репутации обвиняемых. Их главным интересом было спасение Японии. Напротив, американские адвокаты готовы были все принести в жертву своим клиентам... Они подчинили себе защиту, что принимали не все японцы, не хотевшие возлагать вину на японское правительство ради интересов конкретных подсудимых... Кто-то даже определил позицию японских адвокатов как «благородное возложение венков на могилы своих подзащитных»...»⁷ Лейтенант Аристидес Лазарус, защищавший бывшего военного министра Хата Сюнроку, заявил на совещании адвокатов в самом начале работы: «Я готов повесить двадцать семь прочих обвиняемых, чтобы спасти фельдмаршала Хата, моего клиента; мой первый и единственный долг верности — клиенту»⁸. Со временем это противоречие было разрешено, и защита в большинстве случаев тоже работала как слаженная команда, хотя за ней, в отличие от обвинения, не стояло никаких правительств или государственных структур.

В-четвертых, обвиняемых судили в том числе за преступления, которые не были классифицированы соответствующим образом на момент их совершения, т.е. на основе неюридического принципа *ex post facto*, или «обратной силы закона». В основу концепции обвинения было положено понятие «заговора» (*conspiracy*), заимствованное из англосаксонского права (где оно предусматривает участие двух и более человек) и не получившее к тому времени международного признания. В данном случае оно имело очевидно политический, а не юридический характер. В Нюрнберге французский судья, авторитетный юрист профессор Анри Доннедьё де Вабр, которого невозможно заподозрить даже в малейших симпатиях к подсудимым, резонно критиковал эту концепцию в качестве основы работы трибунала. Б. Ролинг, единственный из судей, подробно прокомментировавший Токийский процесс «для истории», через тридцать лет подверг ее не менее резкой критике: «Покрывая все, что произошло до и во время войны, обвинение в заговоре означает, что, если вы в нем участвовали, вы отвечаете за все. Поэтому вам не надо доказывать чью-либо принадлежность к конкретным преступлениям или убийствам, а только лишь его участие

в заговоре. Это одна из самых опасных черт англосаксонской уголовной системы»². Виновными по этой статье были признаны 23 из 25 подсудимых — против 7 из 22 в Нюрнберге. Поэтому с другим замечанием Ролинга по тому же поводу и на той же самой странице: «В токийском обвинительном заключении пункт о заговоре не играл столь решающей роли (как в Нюрнберге. — *В.М.*)», — едва ли можно согласиться.

В-пятых, страны—члены трибунала были сами виновны в совершении ряда военных преступлений, что должно быть признано в полной мере и со всей объективностью. В последнее время некоторые отечественные авторы, обращаясь к Нюрнбергскому и Токийскому процессам, заявляют, что и Советский Союз должен был находиться на скамье подсудимых, а его лидеры «сами были достойны не менее впечатляющего процесса». Эти малооригинальные, но зато «политически корректные» в определенных кругах и определенных условиях заявления только повторяют давние утверждения антисоветски и антиросийски настроенных иностранных критиков. Оставляя в стороне ответственность советских руководителей перед собственным народом — ведь лидеров Германии и Японии судили за преступления не перед *своими* народами, а перед странами-победительницами, — нельзя не признать, что ответственность руководителей союзных стран за Вторую мировую войну ничуть не меньше. Нашим «союзникам» можно предъявить и немало конкретных обвинений, как делают американские и европейские историки-ревизионисты. Представим себе аналогичный процесс, на скамье подсудимых которого оказались бы Черчилль, Иден, Даладье, Рейно, Бенеш, Бек... Так что «двойной стандарт», в той или иной форме до сих пор доминирующий в интерпретации послевоенных процессов и их решений, не делает чести ни историкам, ни тем более юристам.

В-шестых, правила процедуры трибунала, введенные в действие властью главы союзной военной администрации в Японии генерала Дугласа Макатура, предусматривали то, что едва ли было бы допустимо в любом обычном суде. Например, они позволяли трибуналу принимать к рассмотрению (раздел 16): 1) любой подписанный и введенный в действие документ без доказательств подлинности подписи и факта введения его в действие; 2) все аффидевиты, показания и другие заявления, а также любые дневники, письма и прочие документы, которые представляются содержащими информацию, имеющую отношение к сути дела; 3) копию любого документа или любое вторичное свидетельство о его содержании, если, по мнению трибунала (!), ори-

гинал недоступен или его представление займет слишком много времени. В таких условиях и обвинение, и защита формально могли предоставлять любые свидетельства, не заботясь об установлении их подлинности, как того требует обычная судебная процедура, не говоря уже об аутентичности содержания. Право решения по каждому конкретному вопросу оставалось за трибуналом. Однако в условиях практически полного единства действий обвинителей и судей этот пункт давал колоссальное преимущество обвинению, что признавали и судьи, и подсудимые.

Документы, представленные государственными структурами стран—организаторов процесса, принимались трибуналом за единичными исключениями, несмотря на протесты защиты, требовавшей более весомых доказательств того, что в них утверждалось. Но никакой проверки не было — ни тогда, ни потом. Б.Н. Славинский писал: «По специальному заданию ЦК ВКП(б) Министерство иностранных дел СССР, генеральный штаб Красной Армии, штаб пограничных войск, КГБ, министерства морского флота и рыбного хозяйства, Прокуратура СССР, а также различные научно-исследовательские институты подготовили многие десятки справок, документов и карт, в которых искажались цифры, подтасовывались факты, фальсифицировалась история советско-японских отношений»¹⁰. Чтобы избежать упреков в предвзятости, следует добавить, что так поступали и другие страны, стремясь придать больший вес своим обвинениям, особенно Китай. Классический пример — «нанкинская резня», споры о которой продолжаются по сей день¹¹.

В-седьмых, трибунал имел право по своему усмотрению принимать или не принимать показания обвиняемых и свидетелей, никак не подтвержденные документально. На практике он почти автоматически принимал все показания, выгодные обвинению, и отвергал свидетельства в пользу защиты. Использование признательных показаний (в том числе со стороны обвиняемых) в качестве исчерпывающего доказательства вины, дополнительно не требующего документального или фактического подтверждения, является, как известно, основой «доктрины Вышинского», на которой были построены советские «показательные процессы» 1936—1938 гг. и которая давно отвергнута и осуждена всеми школами права. Ее «научное» обоснование А.Я. Вышинским в печально известной книге «Теория судебных доказательств в уголовном праве», регулярно переиздававшейся до начала 1950-х гг., следует прочитать каждому, кто хочет разобраться в сущности послевоенных процессов, включая Нюрнбергский и Токийский. Принципиальное сходство судов

над «военными преступниками» и «троцкистами-бухаринцами» показал уже вскоре после войны Ф. Вил, заметив, однако, что ссылка на подобные аналогии ввиду непопулярности «показательных процессов» за пределами СССР и их очевидной несовместимости с современным правом была табу¹². Аналогию отметил в своих тюремных записях и Сигэмицу Мамору, который в бытность послом в СССР наблюдал показательные процессы «параллельного троцкистского террористического центра» Пятакова—Радека (январь 1937 г.) и «правотроцкистского блока» Бухарина—Рыкова (март 1938 г.)¹³. Московские процессы проходили в присутствии глав иностранных дипломатических миссий, дабы показать миру, что у нас все по закону.

В Токио принцип «царицы доказательств», как называл Вышинский признательные показания, работал не так часто и не так эффективно, как в Нюрнберге, но прибегали к нему представители практически всех стран—участниц трибунала. Поэтому ироническое «недоумение» западных журналистов по поводу присутствия в составе трибунала «сталинистского судьи» имело сугубо пропагандистский характер. Тот же самый принцип попыталась использовать — с подачи президента Рузвельта, вдохновившегося опытом московских судебных шоу, — американская Фемида на так называемом «Большом процессе подстрекателей» (Great Sedition Trial) в 1944—1945 гг. против главных противников вступления США в войну: политического аналитика Лоуренса Денниса, бывшего военного атташе в Берлине полковника Трумена Смита, лидера военизированной организации «Серебряные рубашки» Уильяма Дадли Пэлли, публициста Ральфа Таунсенда и других. Однако в условиях демократии надуманный процесс развалился сам собой, выставив на посмешище Верховный Суд: Деннис, под дружный смех зала, обращался к обвинителю не иначе как «господин Вышинский». Обвиняемых пришлось распустить по домам. Жаль, что об этой поучительной истории почти не знают в России. Да и в самих Соединенных Штатах вспоминать о ней не рекомендуется¹⁴.

Наконец, Токийский процесс, проходивший в условиях разгоравшейся «холодной войны», в большей степени, чем Нюрнбергский, был ареной формально скрытого, но очевидного политического противостояния между США, Великобританией и их сателлитами, с одной стороны, и СССР — с другой. Почитайте воспоминания советских участников процесса, особенно А.Н. Николаева, и это станет очевидным. Позиции первых доминировали, но периодически и им приходилось идти на уступки. Это было видно и при формировании списка подсуди-

мых, и при вынесении приговора. Намечавшийся в свидетели обвинения (!) бывший министр иностранных дел, атлантист и русофоб Сигэмицу Мамору и бывший командующий Квантунской армией Умэдзу Ёсидзиро оказались в числе подсудимых только в апреле 1946 г., непосредственно перед началом процесса — по решительному требованию советской стороны.

Все сказанное позволяет сделать совершенно определенный вывод: Токийский процесс был политическим процессом, судом победителей над побежденными. Процесс был основан на созданных *ex post facto* правовых установлениях, которые эклектически сочетали элементы «буржуазного» англосаксонского и «социалистического» советского права. Результат процесса был задан заранее: разумеется, имеются в виду не конкретные приговоры конкретным лицам, но общий обвинительный исход (в отличие от Нюрнберга, оправданных в Токио не было). В этом и только в этом качестве он может и должен быть признан.

В условиях тех лет Токийский процесс, как и Нюрнбергский, был неизбежен, причем именно в такой форме, в какой он состоялся. Оба суда имели дело с событиями прошлого: капитуляция Германии и Японии сделала недавнее, еще памятное всем прошлое безвозвратным. Однако ориентированы они были прежде всего на будущее — и не только в плане предотвращения агрессивных войн и глобальных конфликтов. «Холодная война» уже началась, и мало кто искренне верил в бесконфликтное развитие событий. Процессы закрепили в качестве «вердикта цивилизации» и «неколебимой истины» выгодную победителям версию новейшей истории: во всем виноваты страны «оси» или, проще говоря, «плохие парни» — и заложили идеологическую основу послевоенного «перевоспитания» побежденных, которым в разной форме, но с одинаковым рвением занимались и США, и СССР. Этих целей организаторы и исполнители процессов не скрывали, по крайней мере в первые послевоенные годы. В Японии даже появилось выражение «взгляд Токийского процесса на историю» (Токио сайбан рэкисикан). Леволиберальный, центристский и большая часть неоконсервативного истеблишмента по-прежнему придерживаются этого «взгляда», но «вольнодумцы» справа и слева критикуют его все более и более активно и аргументированно.

Был ли справедлив Токийский процесс, и если да, то насколько? Вопрос мучительный — и, по справедливости, праздный, потому что у каждой эпохи, у каждой власти, да и у каждого отдельного человека свои собственные критерии справедливости, свести которые воедино едва ли возможно. Обвинители

и большинство судей не считали, что делают неправоное дело, — напротив, большинство искренне руководствовалось благородными намерениями покарать преступников и раз навсегда покончить с агрессивными войнами. Но главное даже не это. Они выступали не как частные лица (адвокаты в этом отношении были гораздо свободнее), но как представители пославших их держав и сознавали свою ответственность в этом качестве. Например, советский судья генерал-майор юстиции Иван Михайлович Зарянов получал прямые указания от Политбюро, а фактически лично от Сталина, о чем свидетельствуют хранящиеся в российских архивах, но пока еще не опубликованные и мало доступные исследователям документы*.

Все это никоим образом не означает, что решения трибунала могут быть признаны окончательным «вердиктом истории» или «вердиктом цивилизации». Индийский судья Радхабинод Пэл подал пространное «особое мнение» (более 1200 страниц машинописи), в котором детально и аргументированно оспорил не только конкретные детали и выводы, но саму правомочность трибунала и концепцию приговора**. Это был главный «прокол» организаторов процесса, тем более что именно Пэл был наиболее квалифицированным юристом-теоретиком среди членов трибунала. Французский судья Анри Бернар присоединился к нему в несогласии. Его не удовлетворяли в основном частные процессуальные вопросы и применение к подсудимым смертной казни, хотя и его итоговый вывод звучит резко: «Вердикт, вынесенный трибуналом в результате незаконной процедуры, не может быть правомочным». По окончании процесса он публично критиковал решения суда, заявляя, что они были составлены большинством из семи судей и их помощниками (преимущественно американцами) и преподнесены остальным как совершившийся факт, без какой-либо реальной возможности повлиять на них. Сыграл свою роль и языковой фактор: английский язык был официальным языком процесса; четверо судей из семерки большинства представляли США и Британское содружество, китайский и филиппинский судьи были полностью «американизированы», а представитель СССР, вовсе не владевший

* Позиция СССР в ходе процесса и его подготовки нуждается в специальном исследовании с максимальным использованием сохранившихся документов, включая секретные. Надеюсь со временем заняться этим.

** Опубликовано в 1953 г. в Калькутте на английском языке и сразу же переведено на японский.

английским языком, играл весьма пассивную роль. Нидерландский судья Ролинг, почти во всем принципиально согласный с мнением большинства, выступил против подобного диктата, извращавшего, по его мнению, не только дух, но и буквы трибунала; однако сам факт несогласия с большинством вызвал осложнения в его отношениях с собственным правительством. Даже председатель трибунала Уэбб дистанцировался от большинства, будучи принципиальным противником смертной казни. Победители объединились против побежденных, но так и не смогли полностью договориться между собой.

Перед Токийским трибуналом предстали 28 человек. Напомню, кто это был, расположив их не по алфавиту, но по категориям, в соответствии с родом деятельности и значением в правящей элите поверженной Японии. Биографии будут предельно краткими, но с указанием их геополитической ориентации и роли в советско-японских отношениях¹⁵.

Премьер-министры:

ТОДЗИО Хидэки (1884—1948). Начальник штаба Квантунской армии (1937—1938). Военный вице-министр (1938); лишился поста за публичные требования войны против СССР, но после поражения на Халхин-Голе отказался от этих идей. Генеральный инспектор ВВС (1938—1940). Военный министр (1940—1941). Сторонник военно-политического союза с Германией. Премьер-министр и военный министр (1941—1944), генерал (1941); в разное время совмещал посты министра иностранных дел, министра вооружений, начальника Генерального штаба армии. Приговорен к смертной казни.

ХИРОТА Коки (1878—1948). Посланник в Нидерландах (1926—1930). Посол в СССР (1930—1932). Министр иностранных дел (1933—1936, 1938). Премьер-министр (1936—1937). Последовательный сторонник евразийской ориентации; выступал за развитие отношений СССР, но против распространения коммунистической пропаганды в Азии. Приговорен к смертной казни.

ХИРАНУМА Киитиро (1867—1952). Доктор права (1907). Генеральный прокурор (1912—1921). Председатель Верховного Суда (1921—1923). Министр юстиции (1923). Барон (1926). Вице-председатель Тайного совета (1926—1936), председатель Тайного совета (1936—1939, 1945). Премьер-министр (1939). Министр внутренних дел (1940—1941). Идеолог наиболее консервативной части националистического истеблишмента, антикоммунист и антилиберал; глава Общества государственных основ (Кокухонся) (1924—1936). Приговорен к пожизненному

заклучению, умер в тюрьме. Автор мемуаров.

КОЙСО Куниаки (1880—1950). Военный вице-министр (1932). Начальник штаба Квантунской армии (1932—1934). Командующий армией в Корее (1935—1938), генерал (1937). Министр колоний (1939—1940). Генерал-губернатор Кореи (1942—1944). Премьер-министр (1944—1945). Приговорен к пожизненному заключению, умер в тюрьме. Автор мемуаров.

Главный политический советник императора:

КИДО Коити (1889—1977). Секретарь лорда-хранителя печати (1930—1937). Министр просвещения (1937—1938), министр общественного благосостояния (1938—1939), министр внутренних дел (1939). Ближайший друг премьер-министра принца Коноэ. Лорд-хранитель печати (1940—1945). Приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1955 г. Автор дневников за 1931—1950 гг.

Дипломаты:

МАЦУОКА Ёсукэ (1880—1946). До 1921 г. в МИД (в 1911—1912 гг. служил в России); затем на службе в системе Южно-Маньчжурской железной дороги, президент компании (1935—1939). Полномочный делегат Японии в Лиге Наций (1932—1933). Публицист националистической ориентации, идеолог японской экспансии в Азии. Министр иностранных дел (1940—1941), министр колоний (1940). Сторонник военно-политического союза с Германией и партнерства с СССР; однако после нападения Германии на Советский Союз требовал немедленного вступления Японии в войну против СССР. Умер в начале процесса.

ТОГО Сигэнори (1884—1950). Начальник Европейско-Американского бюро МИД (1933—1937). Посол в Германии (1937—1938) и в СССР (1938—1940). Министр иностранных дел (1941—1942, 1945). Противник военного союза с Германией, сторонник добрососедских отношений с СССР; придерживался евразийской ориентации. Приговорен к 20 годам тюремного заключения, умер в тюрьме. Автор мемуаров.

СИГЭМИЦУ Мамору (1887—1957). Вице-министр иностранных дел (1933—1936). Посол в СССР (1936—1938) и Великобритании (1938—1941). Атлантист, сторонник ориентации внешней политики на партнерство с США и Англией. Министр иностранных дел (1943—1945, август-сентябрь 1945). 2 сентября 1945 г. от имени правительства Японии подписал Акт о безоговорочной капитуляции. Приговорен к 7 годам тюремного заключения, освобожден в 1950 г. По окончании оккупации вернулся в политику: лидер Прогрессивной партии, министр

иностранных дел (1954—1956). Вел переговоры о восстановлении дипломатических отношений между Японией и СССР. Автор дневников и мемуаров.

СИРАТОРИ Тосио (1887—1949). Начальник Департамента информации МИД (1930—1933). Посланник в Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии (1933—1937). Посол в Италии (1938—1939). Советник МИД (1940—1941). Депутат нижней палаты парламента (1942—1945). Видный политический аналитик. До 1939 г. выступал за жесткий курс в отношении СССР и за военно-политический союз с Германией и Италией; с осени 1939 г. перешел на евразийские позиции, пропагандировал идею создания «континентального блока» с участием СССР. Приговорен к пожизненному заключению, умер в тюрьме.

ОСИМА Хироси (1886—1975). Военный атташе в Германии (1934—1938), генерал-лейтенант (1938). Посол в Германии (1938—1939, 1941—1945). Инициатор Антикоминтерновского пакта 1936 г., сторонник военно-политического союза с Германией; противник партнерства с СССР. Приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1955 г.

Военные:

АРАКИ Садао (1877—1966). Военный министр (1931—1934), генерал (1933). Барон (1935). Сторонник жесткого курса в отношении СССР, призывал к войне с ним. Влиятельный националистический идеолог. Министр просвещения (1938—1939). Приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1955 г. Автор мемуаров.

ДОИХАРА Кэндзи (1883—1948). Крупнейший японский разведчик XX в., много лет работал в Китае и Маньчжурии. Генерал (1941). Генеральный инспектор авиации (1941—1943), военного образования (1945). Приговорен к смертной казни.

ХАТА Сюнроку (1879—1962). Главный военный адъютант императора (1939). Военный министр (1939—1940). Сторонник военно-политического союза с Германией. Командовал армиями на Тайване (1936—1937), в Центральном Китае (1938, 1941—1944), фельдмаршал (1942). Генеральный инспектор военного образования (1937—1938, 1944—1945). Приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1954 г.

ИТАГАКИ Сэйсиро (1885—1948). Военный атташе в Маньчжоу-го (1934—1936). Начальник штаба Квантунской армии (1936—1937). Военный министр (1938—1939). Сторонник военно-политического союза с Германией. Командовал армией в Корее (1941—1945), генерал (1941). Приговорен к смертной

казни.

КИМУРА Хэйтаро (1888—1948). Военный вице-министр (1941—1943). Командовал армией в Бирме (1944—1945), генерал (1945). Приговорен к смертной казни.

МАЦУИ Иванэ (1878—1948). Командовал армией на Тайване (1933—1934), экспедиционными силами в Центральном Китае (1937—1938), генерал (1933). Объявлен главным виновником «Нанкинской резни» (взятие Нанкина японской армией в декабре 1937 г.). С 1938 г. в резерве. Видный деятель паназиатского движения. Приговорен к смертной казни.

МИНАМИ Дзиро (1874—1955). Командовал армией в Корее (1929—1930), генерал (1930). Военный министр (1931). Командующий Квантунской армией (1934—1936). Генерал-губернатор Кореи (1936—1942). Приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1954 г.

МУТО Акира (1892—1948). Начальник бюро военных дел* военного министерства (1939—1941). Снят с должности по настоянию премьера Тодзио. Командовал дивизией (1942—1944), генерал-лейтенант (1941). Начальник штаба армии на Филиппинах (1944—1945). Приговорен к смертной казни.

НАГАНО Осами (1880—1947). Морской министр (1936—1937). Командовал Соединенным флотом (1937). Начальник Генерального штаба флота (1941—1944), адмирал флота (1943). Умер в ходе процесса.

ОКА Такасуми (1890—1973). Начальник бюро военных дел морского министерства (1940—1944), вице-адмирал (1942). Приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1954 г.

САТО Кэнрё (1895—1975). Начальник бюро военных дел военного министерства (1941—1944), генерал-лейтенант (1945). Ближайший друг и советник премьера Тодзио. Приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1956 г. Автор мемуаров.

СИМАДА Сигэтаро (1883—1976). Командовал Вторым флотом (1937—1938), флотом в Китае (1940—1941), адмирал (1940). Морской министр (1941—1944), по совместительству начальник Генерального штаба флота (1944). Приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1955 г.

УМЭДЗУ Ёсидзиро (1882—1949). Военный вице-министр (1936—1938). Командовал Первой армией в Китае (1938—1939), Квантунской армией (1939—1944), генерал (1940). Посол в Ман-

* Ключевая административная должность в военном и морском министерствах.

чжоу-го (1939—1944). Начальник Генерального штаба армии (1944—1945). 2 сентября 1945 г. от имени командования вооруженных сил Японии подписал Акт о безоговорочной капитуляции. Приговорен к пожизненному заключению, умер в тюрьме.

Правительственные чиновники:

ХОСИНО Наоки (1892—1978). Фактический глава министерства финансов (1932—1936) и правительства (1936—1940) Маньчжоу-го. Начальник Планового бюро кабинета министров (1940—1941). Сторонник жесткого государственного регулирования экономики. Генеральный секретарь кабинета министров (1941—1944). Приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1955 г.

КАЯ Окинори (1889—1977). Министр финансов (1937—1938, 1941—1944). Приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1955 г. Вернулся в политику в качестве видного деятеля Либерально-демократической партии. Министр юстиции (1963—1964). Автор мемуаров.

СУДЗУКИ Тэйити (1888—1989). Офицер Генерального штаба армии; генерал-лейтенант (1940). С 1941 г. в резерве. Начальник Планового бюро кабинета министров (1941—1943). Приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1956 г. Автор дневников.

Националистические идеологи:

ХАСИМОТО Кингоро (1890—1957). Военный атташе в Турции (1927—1930), офицер Генерального штаба армии, полковник. Основатель тайного офицерского «Общества сакуры» (1930). Участник ряда военных заговоров 1931—1932 гг. вместе с Окава. Сторонник внутриполитических реформ авторитарного характера. С 1939 г. в резерве. Лидер ряда националистических организаций, известный публицист. Приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1954 г. В 1956 г. неудачно баллотировался в парламент.

ОКАВА Сюзэй (1886—1957). С 1918 г. служил в ЮМЖД, член совета директоров компании и глава Исследовательского института экономики Восточной Азии. Доктор права (1926), профессор нескольких университетов; философ, историк, публицист. Ведущий теоретик панasiatизма, противник «белого империализма» и парламентской демократии. Антикоммунист, однако выступал за внешнеполитическое партнерство с СССР в Азии. Лидер национально-социалистического движения 1920—1930-х гг., инициатор и участник ряда заговоров. В 1932—1934 гг. находился под следствием, в 1934—1935 гг. в заключении. В начале процесса признан невменяемым и помещен в

психиатрическую клинику. Освобожден в конце 1948 г., но оставался под надзором властей. По окончании оккупации участвовал в националистическом движении. Автор мемуаров.

Вот кого предстояло судить.

Кроме них перед судом (не только в Токио) предстали организаторы и исполнители «преступлений против обычаев войны» — «военные преступники категорий В и С». В результате этих «малых» процессов было казнено больше тысячи человек. Но фельдмаршалы, адмиралы и министры могли быть ответственны за действия своих подчиненных только как капитан, отвечающий за свой корабль и за все происходящее на нем.

Правители разгромленной Японии должны были нести ответственность за содеянное прежде всего перед своим народом, который мог бы предъявить очень многим из них строгий счет — за войну, которую они начали и проиграли, за безответственные и самоубийственные методы ее ведения, за репрессии и преследование несогласных, за создание полицейского государства и многое другое. Много позже Б. Ролинг вспоминал: «Наше впечатление было таково, что японцы поняли бы физическое уничтожение своих военных лидеров и, пожалуй, приняли бы его, поскольку эти лидеры принесли им столько горя»¹⁶. В связи с этим стоит вспомнить Риомский процесс 1942 г. против бывших лидеров Франции, объявивших войну Германии в 1939 г. и приведших страну к поражению 1940 г. (премьеры Э. Даладье и Л. Блюм, министр авиации Г. Ля Шамбр, главнокомандующий генерал М. Гамелен и др.), и послевоенные процессы маршала Ф. Петэна, П. Лаваля и других деятелей режима Виши. В обоих случаях суд не был в полной мере независимым и справедливым, подчиняясь внешнему давлению, в том числе из-за границы. Но и тех, и других судил французский суд, по французским законам, за преступления, совершенные, по мнению организаторов процессов, против Франции и ее народа.

Наиболее юридически сомнительной и наименее мотивированной стороной Токийского процесса представляется обвинение против дипломатов: бывших министров иностранных дел Хирота, Мацуока, Того, Сигэмицу и бывших послов Сиратори и Осима. Поскольку все они в той или иной степени были причастны к советско-японским отношениям (Хирота, Сигэмицу и Того были послами в Москве), на этой категории мы остановимся более подробно.

Историю формирования списка «военных преступников категории А» (главной) мы знаем далеко не во всех подробностях. «Первое предупреждение» Япония получила 13 января

1942 г., когда союзники обнародовали декларацию о будущей ответственности стран «оси» за совершенные ими военные преступления (представитель СССР — страны, не воевавшей тогда с Японией, — присутствовал при подписании декларации). Имена потенциальных подсудимых, включая императора Сёва, и требования привлечь их к «суду народов» появлялись в официальных документах и периодической печати союзников еще до окончания войны; неизбежность суда над «военными преступниками» подтвердила и Потсдамская декларация (27 июля 1945 г.), ультимативно потребовавшая немедленной капитуляции Японии.

Да и сами японские лидеры в последние месяцы войны осознали, что с такой перспективой им придется столкнуться уже в ближайшее время. 26 мая 1945 г. начальник Информационного бюро кабинета министров Симомура Кайнан направил премьер-министру Судзуки Кантаро письмо, в котором назвал имена шести человек, которые могут быть квалифицированы как лично ответственные за войну: бывшие премьеры Коноэ и Тодзио, бывший министр иностранных дел Мацуока, бывший военный министр маршал Сугияма, бывшие морские министры адмиралы Симада и Нагано¹⁷. Речь о «военных преступниках» (правда, без фамилий) шла и на императорской конференции 9 августа 1945 г., обсуждавшей вопрос о принятии Потсдамской декларации. «Считает ли министр иностранных дел, что можно передать этих людей (победителям. — *В.М.*)?» — спросил председатель Тайного совета Хиранума. «Обстоятельства могут сложиться так, — ответил Того, — что мы вынуждены будем передать их». В итоге «передадут» обоих — и Хиранума, и Того.

Сразу после капитуляции штаб оккупационных войск начал аресты по спискам, которые составлял шеф контрразведки генерал Торп и утверждал всесильный «сёгун Макатур», после чего они появлялись в печати. Циничные американские журналисты окрестили их «хит-парад Макатура». Наконец, во время подготовки процесса каждая из стран-участниц трибунала представила свои пожелания по формированию итогового списка подсудимых, который и был принят большинством голосов обвинителей под руководством представителя Великобритании Коминс-Карра. Однако список порождает множество вопросов, далеко не на все из которых можно найти четкие и убедительные ответы.

Почему одни высшие руководители были включены в него, а другие нет?! Например, адмирал Ёнаи Мицумаса, премьер и морской министр в семи кабинетах 1937—1945 гг., или Арита

Хати́ро, министр иностранных дел в четырех кабинетах 1936—1940 гг.? Один из непосредственных участников подготовки процесса с советской стороны в 1994 г. рассказывал автору, что СССР «не настаивал» на привлечении Ёнаи к суду, и не возражал против истолкования этого эвфемизма в том смысле, что Москва фактически защитила адмирала, известного не только репутацией «либерала», но и давними, с дореволюционных времен, прорусскими симпатиями. Случай Арита сложнее — предания его суду активно требовал Китай, да и заступаться за этого непопулярного дипломата было вроде некому. Однако советская сторона «не настаивала» и в этом случае.

Генерал-лейтенанта Исивара Кандзи, видного националистического идеолога и своеобразного философа, похоже, спасла не столько болезнь (тот же Мацуока был тяжело болен туберкулезом), сколько репутация непримиримого личного врага Тодзио, «преступника номер один». Образ Исивара как одного из лидеров оппозиции милитаристам был использован для создания представлений о «сопротивлении», необходимых оккупационным властям для дальнейшего «перевоспитания» Японии и диалога с остатками ее элиты. Конечно, для подлинного диалога и тем более сотрудничества с новой властью Исивара — в отличие от атлантистов Ёсида и Сигэмицу — не годился, но зато обладал харизмой и популярностью, которые можно было использовать. Действительно, в 1937 г. он выступал против вооруженной экспансии в Китае, но за подготовку и осуществление «Маньчжурского инцидента» 1931 г. Исивара несет ничуть не меньшую ответственность, чем его друг генерал Итагаки, приговоренный к повешению. Не случайно Китай так упорно настаивал на предании Исивара суду — и как организатора агрессии, и как теоретика милитаризма. Также правительство Чан Кайши требовало «крови» Хирота, Угаки и Арита, возглавлявших министерство иностранных дел в годы «Китайского инцидента», но было вынуждено довольствоваться только первым из них. Хирота был повешен. Атлантиста Угаки, выступавшего поочередно свидетелем обвинения и защиты, спасли заокеанские товарищи по геополитической ориентации. Об Арита уже говорилось — его случай самый непонятный.

Трудно не согласиться с замечанием японского журналиста Вакамыа Ёсибуми: «Конечно, акты [японской] агрессии в Китае после «Маньчжурского инцидента» были включены в обвинительное заключение, но политические лидеры, проводившие или хотя бы одобрявшие эту политику, не были преданы суду, если позднее они выступали против начала войны с Соединен-

ными Штатами или по крайней мере были скептически настроены к ней. Ответственность за агрессию в Азии была целиком возложена на тех, кто был за войну с США, преимущественно на военных. Большинство лидеров «умеренных», сотрудничавших с трибуналом, было оправдано*, а их ответственность за агрессивные деяния в Азии в результате оказалась скрытой под покровом двусмысленности»¹⁸.

Ёсидзава Кэнкити, бывший во время «Маньчжурского инцидента» министром иностранных дел, также остался в стороне от процесса — в отличие от Сиратори Тосио, занимавшего под его началом гораздо более скромный пост начальника Департамента информации. Тогдашний начальник Азиатского бюро МИД Тани Масаюки, будущий министр иностранных дел в военном кабинете Тодзио, был отнесен к «военным преступникам категории А» и находился под следствием, но на скамью подсудимых так и не попал. Военному атташе в Берлине Осима и министру иностранных дел (позднее премьеру) Хирота инкриминировались подготовка и заключение Антикоминтерновского пакта, но Арита, министр иностранных дел, при котором пакт был подписан, выступал только свидетелем. История повторилась и с «укреплением» этого пакта в 1938—1939 гг. Арита снова уцелел, хотя его «подельники» — противник военно-политического союза трех держав премьер Хиранума и сторонники союза послы Сиратори и Осима — были приговорены к пожизненному заключению. Бывшие послы в Риме Хотта и Амо сыграли куда большую роль в присоединении Италии к Антикоминтерновскому пакту в 1937 г. и к Тройственному пакту в 1940 г., нежели их коллега Сиратори — однако к ним у трибунала особых «вопросов» не возникло. Амо оказался под арестом — ему инкриминировали главным образом работу «японского Геббельса» на посту начальника Информационного бюро кабинета министров, — но так и не был предан суду. Хотта же даже не был арестован. Словом, никакой логики не видно.

Если говорить только о тех, кто все-таки попал в список «главных военных преступников», то почему одни оказались на скамье подсудимых и были приговорены к смерти или длительным срокам тюремного заключения, а другие «тихо» выпущены на свободу по окончании процесса?! Например, генерал Абэ, премьер, посол при прояпонском правительстве Ван Цзинвэя в

* Имеется в виду «моральное оправдание», так как никто из тех, кого далее упоминает автор, прежде всего Ёсида Сигэру, премьер-министр в 1946—1947 и 1948—1954 гг., к суду не привлекался.

Китае и глава политической Ассоциации помощи трону? Или «бюрократ-реформатор» Киси, министр торговли и промышленности в правительстве Тодзио («кабинет Перл-Харбора», как называли его американцы) и один из творцов военной экономики? В первоначальный список 28 подсудимых (общее количество осталось неизменным) входили также Абэ и радикальный националист генерал Мадзаки Дзиндзабуро. Однако по настоянию СССР в апреле 1946 г. в число подсудимых «главного» процесса были включены Сигэмицу и Умэдзу, на тот момент даже не находившиеся под следствием, а потому, в отличие от остальных, ни разу не допрошенные обвинением. Великобритания и Китай уже предлагали привлечь к ответственности генерала Умэдзу, но именно советское требование решило его судьбу.

Общее количество подсудимых решено было оставить без изменения, так что Абэ и Мадзаки просто повезло. Они были вычеркнуты из списка и пробыли в тюрьме до конца процесса, после чего их выпустили без предъявления обвинения, но и без извинений. Японский историк Кодзима Нобору утверждает, что из списка их исключили *по инициативе* советской стороны, но это, скорее, недоразумение¹⁹. Возможно, столкнувшись с необходимостью остаться в рамках заранее запланированного числа, советская сторона сочла этих двух генералов наименее «опасными». Кстати, до сих пор не вполне понятно, откуда взялась сама цифра 28. Есть версия, что она определялась количеством мест на скамье подсудимых, но, по-моему, такое объяснение несерьезно. Если бы организаторы процесса непременно хотели предать суду кого-то еще из потенциальных кандидатов, решить подобную «проблему» не составило бы большого труда.

Почему на Токийском процессе, в отличие от Нюрнбергского, не было своего Кальтенбруннера — никого из руководителей политической полиции и других карательных органов, например, военной жандармерии *кэмпэйтай*? Конечно, Хиранума некогда был генеральным прокурором, а Тодзио возглавлял *кэмпэйтай* Квантунской армии, но судили их не за это. Почему не был предан суду никто из представителей финансовой олигархии, на чем неизменно настаивал Советский Союз? Почему среди подсудимых не было никого — за исключением Окава и Хасимото — из руководителей националистических организаций и «тайных обществ», существование которых так беспокоило американских следователей?

Вопрос о «карающих органах» я оставляю открытым, потому что ответа на него не знаю и в доступной мне литературе не

нашел. Почему-то его обходят вниманием практически все, пишущие о процессе. В отношении «капиталистов» было принято принципиальное политическое решение, критику которого советскими авторами можно признать обоснованной. Однако заслуживает внимания и позднейшее замечание судьи Ролинга о том, что многие финансисты и промышленники были против разорительной войны, которая ставила под угрозу успех их экономической экспансии. Что же касается «националистов», то здесь у консервативной части оккупационной администрации имелись свои расчеты — «приручить» их и использовать против возможной коммунистической революции в Японии, перспектива которой казалась тогда вполне реальной. В послевоенный истеблишмент встроились вчерашние «крайне правые», например Сасакава Рюити и Кодама Ёсио, антикоммунисты, ставшие «демократами» и атлантистами. Окава и Хасимото встраиваться не хотели, а потому оставались под подозрением до самой смерти. Кроме того, история радикально-националистического движения в довоенной Японии показала его фатальную раздробленность и неспособность к объединению. Никакой реальной опасности для новой власти оно не представляло²⁰.

Для полноты картины суду были нужны свой Геббельс и свой Розенберг. Отсутствие рейхсминистра пропаганды среди подсудимых в Нюрнберге вызывало жгучую досаду у победителей, а шеф радиовещания Фриче и журналист-юдофоб Штрейхер в качестве замены главе «министерства правды» смотрелись бледно. Судьба их тоже оказалась разной: Штрейхер был повешен, а Фриче, несмотря на протесты советской стороны, оправдан, хотя первый вел пропагандистскую деятельность как частное лицо (в 1940 г. он был снят со всех партийных постов, а административных не занимал никогда), а второй был высокопоставленным государственным чиновником. Нацистскую же идеологию в лице Розенберга покарали по полной программе — виселицей.

Японские коллеги Геббельса по должности — начальники Информационного бюро кабинета министров Ито Нобуфуми, Тани Масаюки, Амо Эйдзи и Огата Такэтора (первые трое — бывшие дипломаты, последний — один из руководителей газетного концерна «Асахи») были вполне безликими чиновниками. Они не только не имели зловещей репутации, но и отличались весьма умеренными взглядами, а потому для эффективного «действия» не годились. Пламенный поклонник Гитлера и Муссолини, политик и публицист Накано Сэйго покончил с собой в 1943 г., затравленный режимом ненавидевшего его пре-

мьера Тодзио, который теперь сидел на скамье подсудимых в качестве главного фигуранта. Поэтому «пропагандистов» на суде представляли Араки, Окава, Сиратори и Хасимото.

Семидесятилетний Араки выглядел уже далеко не так грозно, как пятнадцатью годами ранее, когда его имя гремело по всему миру. Окава — идеальный кандидат в Розенберги — в первый же день процесса, 3 мая 1946 г., скандализировал публику истерическими выкриками и ударил сидевшего перед ним Тодзио ладонью по наголо обритой голове. Заседание прервали, и больше философ в зале суда не появлялся, сменив тюремную камеру на палату психиатрической клиники, где проводил время за писанием мемуаров и переводом Корана. Экспертиза признала Окава невменяемым, и дело его трибуналом не рассматривалось, хотя подлинность его психического расстройства вызывает сомнения*. Имя отставного полковника Хасимото связывалось с антиправительственными заговорами первой половины 1930-х гг. — в том числе против тех, кто теперь обвинялся вместе с ним в общем «заговоре против мира», — и с потоплением американской канонерской лодки «Пэнэй» в Китае в 1937 г., что чуть не привело к войне. Как националистический идеолог он был известен куда меньше, чем Араки и Окава, так что его включение в число *главных* «военных преступников», при отсутствии многих более влиятельных и известных фигур, вызывало законное недоумение. Главным обвинением против Сиратори, хоть он и был кадровым дипломатом, стали его статьи, лекции и даже частные письма политического содержания, что позволяет отнести его к числу «пропагандистов». Дело против него следует признать одним из наиболее бледных и невыигрышных со стороны обвинения, что не помешало трибуналу приговорить его к пожизненному заключению.

Первоначально вслед за главным судом над «военными преступниками категории А» предполагалось организовать дополнительные процессы, подобно «процессу Вильгельмштрассе» (дипломаты и государственные чиновники) в Германии, благо потенциальных подсудимых среди находившихся в тюрьме Сугамо генералов, адмиралов и министров было предостаточно. В конце октября 1948 г. было официально объявлено о подготов-

* Доктор Евгений Аксенов, глава International Clinic в Токио, в 1946—1948 гг. наблюдал Окава. В беседах с автором этих строк он утверждал, что Окава отличался психической нестабильностью, но душевную болезнь симулировал, пользуясь советами младшего брата, врача-психиатра.

ке и скором начале второго процесса против 20 обвиняемых, включая последнего начальника Генерального штаба флота адмирала Тоёда Соэму, бывших министров Гото Фумио и Аоки Кадзуо, дипломатов Амо Эйдзи, Тани Масаюки, Сума Якитиро, а также Окава, которого сочли выздоровевшим. Несмотря на то что все они находились в заключении уже три года, полностью «дела» были подготовлены только против Тоёда и генерала Тамура, так что процесс грозил затянуться на многие годы. Суд над адмиралом Тоёда все-таки начался, но закончился его оправданием в сентябре 1949 г.

От задуманного продолжения отказались в основном по настоянию США и Великобритании. Советский Союз в 1950 г., с очередным обострением «холодной войны», попытался поднять вопрос о привлечении к суду императора Сёва, но этому решительно воспротивился Вашингтон. По мнению большинства победителей, одного большого действия было достаточно для «перевоспитания» японцев и утверждения нового официального взгляда на события прошлого. Кроме того, разногласия между вчерашними союзниками, проявившиеся уже во время Токийского процесса, только нарастали и ставили этим под сомнение эффективность нового суда. Да и внутреннее положение Японии, где активизировались экстремистски настроенные «левые», поддерживаемые и вдохновляемые Москвой, делало нежелательным новое, неизбежное в ходе и результате процесса, разжигание страстей²¹.

Главной целью оккупационной администрации было не столько публично покарать как можно больше лидеров вчерашней Японии, сколько устранить их от реальной власти, лишить их возможности влиять на политику или общественное мнение. Эта задача была успешно решена в ходе «чисток» довоенной элиты; аналогичный прием потом применили и против «красных»²². По окончании оккупации большинство «вычищенных», доживших до этого момента, вернулось на государственную службу, в политику или бизнес, но теперь они, за немногими исключениями, превратились в верных сторонников «демократизации» Японии, а также союзнических или, по крайней мере, партнерских отношений с США.

Некоторые из организаторов процесса сами понимали слабость обвинения и недостаточную мотивированность отбора «козлов отпущения». 15 января 1946 г. известный британский японовед Джордж Сэнсом записывал в дневник впечатления от выступления перед Дальневосточной комиссией союзников генерала Торпа, отвечавшего за составление списков «военных

преступников». «Он сказал, что в последние десять—пятнадцать лет многие из занимавших ответственные посты открыто симпатизировали милитаристским целям Японии, поэтому очень трудно возложить ответственность на конкретных лиц или легко идентифицируемую группу. Это проистекает из самой природы японского общества, функционирующего на групповой основе. В мирное время нам всегда было трудно определить, в чьих именно руках находится власть, а теперь, когда наиболее компрометирующие документы уничтожены, мы вряд ли сможем найти конкретные доказательства по многим статьям». Согласившись со сказанным, Сэнсом добавил: «Конечно, в Японии политика делалась, так сказать, за сценой, и важнейшие решения чаще принимались в домиках гейш или отдельных кабинетах ресторанов, без каких-либо протоколов, нежели на официальных заседаниях»²³.

Возможно, именно это стало основанием для использования в качестве основы обвинения «заговора против мира», наиболее грозной и наименее конкретной статьи 1 обвинительного заключения. Она применялась уже на Нюрнбергском процессе, но там виновными по ней были признаны всего семеро: Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель, Розенберг, Йодль, Нейрат. Из них только Гесс и Нейрат не были приговорены к смерти, причем первый — ввиду невменяемого или не вполне вменяемого состояния. На Токийском процессе из 25 подсудимых, которым был вынесен приговор (исключая Мацуока, Нагано и Окава), невиновными по ней признали только Сигэмицу и Мацуи. В защиту Сигэмицу открыто выступили многие видные государственные деятели и дипломаты США и Великобритании, включая бывших послов в Токио Джозефа Грю и сэра Роберта Крейги. Ролинг построил свое «особое мнение» на невиновности Сигэмицу в «преступлениях против мира». Главный обвинитель Кинан открыто говорил о несправедливости вынесенного ему приговора и даже о близости взглядов бывшего министра к позиции США. Сигэмицу, обвинение против которого поддерживала советская сторона, — Кинан неприязненно подчеркивал это обстоятельство, — был признан виновным по шести статьям, но оправдан по роковой для многих других статье 1. В противном случае ему грозило если не повешение, то пожизненное заключение: Сиратори и Осима, у которых подобных защитников не нашлось, получили пожизненное заключение только по этой статье.

Генерал Мацуи, оправданный по всем пунктам обвинения, включая роковую статью 1, и признанный виновным только в «преступлениях против обычаев войны» (статья 55), был приго-

ворен к повешению как главный ответственный за «нанкинскую резню». Даже если полностью согласиться с официальными версиями «нанкинской резни» (их бытует несколько), которые уже полстолетия вызывают у историков многих стран законные сомнения, следует заметить, что непосредственную ответственность за совершившееся должен нести не Мацуи, командовавший всеми экспедиционными силами в Китае и к тому же известный приверженностью международным нормам и обычаям ведения войны, а штурмовавший Нанкин генерал-лейтенант принц Асака, дядя императора Сёва. Однако принца — как члена императорской фамилии — к суду вообще не привлекали.

Но о каком «заговоре» — кроме конспирологической химеры — всерьез могла идти речь, когда многие «заговорщики» вообще не были знакомы друг с другом, встретившись впервые только в тюрьме*?! Например, Сиратори (я написал его биографию, а потому знаю о нем больше, нежели о других) кроме дипломатов был близок с Судзуки, знаком с Кидо, Окава, Итагаки и Хиранума, предположительно знаком с Араки, Мацуи, Хосино и Кая, но о его контактах с остальными подсудимыми, включая Хасимото и 12 генералов и адмиралов, ничего достоверно неизвестно. Примерно то же самое можно сказать и обо всех других подсудимых. В этом еще одно отличие Токийского процесса от Нюрнбергского.

Ф. Вил был не прав, когда говорил о германских обвиняемых: «Кроме того, что все 21 подсудимый были несомненно виновны в том, что принадлежали к проигравшей стороне, их ничто более не соединяло»²⁴. Во-первых, далеко не все они были признаны участниками единого «заговора». Во-вторых, нацистская элита, несмотря на внутренние разногласия и столкновения амбиций (в основном личного характера), была куда более монолитной, чем преданная суду в Токио разношерстная «группа усталых старых людей, которые прошли бы незамеченными по любой улице»²⁵. В Германии был верховный вождь и арбитр — Гитлер, само существование которого могло оправдать концепцию «заговора» как общего глобального плана (*grand design*). Совершенно очевидно, что в Японии, где в правящей элите, кажется, все боролись со всеми, ничего подобного не было. Ну

* Ролинг, позднее критиковавший концепцию «заговора», в 1956 г. тем не менее сказал своему японскому знакомому: «Заговор может быть даже среди тех, кто никогда не видел друг друга и не разговаривал друг с другом». Я никак не могу с этим согласиться.

а «меморандум Танака» или придуманная Дэвидом Бергамини скандальная теория «императорского заговора» уже давно никем из серьезных историков в расчет не принимаются.

Так или иначе, «сливки» японской правящей элиты, а ныне «военные преступники» оказались собраны в одном месте. «Хорошо, что мы, пока были у власти, построили такую отличную тюрьму»²⁶, — пошутил однажды генерал Сато. Каждый день им приходилось общаться друг с другом, например, во время приемов пищи, когда заключенные обслуживали себя сами. Многие раньше не общались и не были знакомы, многие враждовали, оставшись верны этой вражде даже за тюремными стенами...

Главным делом «сидельцев» стала подготовка к процессу, в ходе которой каждому предстояло решить множество вопросов этического характера. Как защитить себя и оправдать свои действия, не опорочив честь императора и страны? Как вести себя по отношению к другим подсудимым, среди которых бывшие начальники и бывшие подчиненные, друзья и враги? Как реагировать, если свидетели и тем более «подельники» начнут «топить» тебя, выгораживая себя? Уйти в глухую оборону? Отказываться от своих слов или пытаться реинтерпретировать их? И вообще к чему конкретно готовиться? Что знает и чего не знает обвинение? Кто сотрудничает с ним? С какой стороны ожидать удара?

Генеральная линия была определена еще до начала суда в тезисах, которые Тодзио сообщил своему американскому адвокату Блюэту через Киёсэ, общавшегося с «подсудимым номер один» от имени всей защиты. Первый: война Японии на Тихом океане имела принципиально оборонительный характер. Второй: император не несет ответственности за войну. Третий: Япония стремилась к освобождению всей Азии от гнета «белого империализма». Защита, с оговорками в конкретных случаях, приняла ее.

Главными поводами для беспокойства, согласно воспоминаниям Киёсэ, оставались: перспектива вызова императора в суд хотя бы в качестве свидетеля*; возможность произвольной

* Император не исключал такого поворота событий, поэтому в 1946 г. надиктовал пространный текст как основу для возможных показаний; тогда же была подготовлена их краткая английская версия. Документ не понадобился и был опубликован только после его смерти под названием «Восьмичасовой монолог императора Сёва»²⁷. Публикация стала одной из главных историографических сенсаций последних лет в Японии и объектом оживленной полемики.

и поэтому невыгодной для подсудимых (и для Японии в целом!) трактовки таких абстрактных, но важных для японской политической философии и идеологии понятий, как *хокутай* («государственный организм» — единство богов, японского императора, его подданных и страны) или *хакко итиу* («восемь углов под одной крышей» — объединение «всего мира», а точнее — всей Азии, под эгидой Японии); отождествление «военных преступлений» Японии и Германии, чего, несомненно, добивалось обвинение.

Первоначально обвинительное заключение содержало 55 статей. Обвинения по 25 статьям были предъявлены всем подсудимым. До конца процесса «дотянуло» десять статей — остальные были объединены, уточнены или просто сняты. В приговоре остались статьи 1 («заговор против мира»), 27 (агрессия против Китая), 29 (агрессия против США), 31 (агрессия против Британского Содружества), 32 (агрессия против Нидерландов), 33 (агрессия против Франции), 35 (агрессия против СССР на озере Хасан), 36 (агрессия против СССР на Номонхане (Халхин-Гол))* , 54 (издание приказов и предоставление полномочий и разрешений на совершение преступлений против обычаев войны), 55 (пренебрежение служебным долгом по предотвращению преступлений против обычаев войны).

Сокрушить концепцию «заговора» защита не смогла, хотя все время публично ставила под сомнение его наличие. Адвокаты соглашались, что в разное время различные группы внутри правящей бюрократической и военной элиты (включая часть подсудимых) могли действовать по разработанному ими плану, но утверждения обвинения о наличии единого и всеобъемлющего заговора в период 1928—1945 гг. отвергали как недоказанные. На практике же защите оставалось лишь одно — попытаться отвести от подзащитных как можно больше прочих обвинений. Формально это кому-то из адвокатов удалось, кому-то нет. Но в целом итог оказался неутешительным.

Ход Токийского процесса, особенно «советской фазы», детально, хотя и пристрастно описан в книге А. Н. Николаева «Суд народов», к которой отсылаю интересующегося читателя за подробностями. Мы же обратимся к тому, что осталось, так сказать, «за кадром» этого изложения, прежде всего к характеру вердикта трибунала, ходу его выработки и позиции Советского Союза, насколько имеющиеся источники позволяют судить об этом.

Приговор был оглашен 12 ноября 1948 г. Окончание про-

* Обратим внимание, что эти статьи не были объединены в одну.

цесса было встречено «скорее вздохом облегчения, что он наконец-то закончился, нежели ощущением, что свершилось правосудие», потому что «в 1948 г. едва ли кто-то еще верил, что Нюрнберг и Токио могут стать фундаментом нового мира, основанного на международном праве и справедливости»²⁸.

Однако сами по себе решения «вздоха облегчения» не вызвали. Несправедливость конкретных приговоров, в том числе в сравнительном отношении друг к другу, слишком бросалась в глаза. К смерти были приговорены шесть генералов, из которых один был премьером (Тодзио), один военным министром (Итагаки), а остальные не поднялись выше командующего территориальной армией (Доихара, Кимура, Мацуи) или начальника ее штаба (Мута). Троим бывшим военным министрам (Араки, Минами, Хата) и одному морскому министру (Симада) трибунал сохранил жизнь. Среди приговоренных к пожизненному заключению Хиранума, Койсо и Хата были признаны виновными по шести статьям обвинения, Кидо, Ока, Сато, Симада, Умэдзу, Хосино, Кая и Судзуки — по пяти, Араки, Минами и Хасимото — по двум, Осима и Сиратори — по одной. В то же время Сигэмицу был признан виновным по шести статьям обвинения, включая преступления против обычаев войны, но оправдан по роковой для многих статье 1 о «заговоре против мира» и приговорен к семи годам тюрьмы, что вызвало недовольство советской стороны. О приговоре в отношении Мацуи уже говорилось.

Бывший судебный секретарь МВТДВ А.Н. Николаев в 1990 г. со значением писал: «Если же к приговору подойти с юридической точки зрения, то надо сказать, что он не лишен и существенных недостатков». Каких же? А вот: «Обращает на себя внимание мягкость вынесенной Трибуналом меры наказания подсудимым Араки, Хасимото, Хиранума, Минами, Умэдзу и некоторым другим, хотя было установлено, что они являлись активными участниками заговора против мира»²⁹.

Все перечисленные поименно были приговорены к пожизненному заключению, значит, А.Н. Николаев хотел бы видеть их на эшафоте. Почему именно их? Думаю, ответ содержится в приговоре: Араки был оправдан по обоим статьям обвинения (статьи 35 и 36) в агрессии против СССР; Хиранума признан виновным по одной (статья 36 — события на Халхин-Голе в бытность его премьер-министром) и оправдан по другой (статья 35); Умэдзу оправдан по единственной предъявленной ему (статья 36). Минами и Хасимото по «советским» статьям вообще не обвинялись, хотя первый был командующим Квантунской арми-

ей в 1934—1936 гг., когда отношения между нашими странами портились буквально на глазах, а второй не раз выступал с резкими антикоммунистическими и антисоветскими заявлениями.

Накануне оглашения приговора узники Сугамо гадали, каков будет итоговый вердикт. Многие почему-то сошлись во мнении, что смертная казнь ожидает семерых, но никто не мог предположить, что в их числе окажется Хирота. На его месте ожидали видеть адмирала Симада, морского министра правительства Тодзио, потому что первоначальной целью процесса было покарать тех, кто лично ответственен за Перл-Харбор³⁰. С началом оккупации членов этого кабинета арестовывали первыми. Смертный приговор в отношении Хирота, признанного виновным только по трем статьям обвинения, вызвал недоумение, разочарование и возмущение. «В глазах японцев казнь Хирота стояла наравне с казнью [генерала] Ямасита — как наиболее крайняя и сомнительная мера наказания в отношении главных фигур»³¹. Макартуру была подана петиция (300 000 подписей) с просьбой заменить этот приговор пожизненным заключением, но «сёгун» оставил ее без внимания. Дипломат Амо Эйдзи, ожидавший суда, который так и не состоялся, рассуждал в дневнике: если Хирота виноват, то почему вообще не привлечены к ответственности его ближайшие сотрудники и подчиненные Арита и вице-министр иностранных дел Хориноути; с другой стороны, если они не виноваты, то не виноват и Хирота³². Адвокат Сигэмицу Дж. Фёрнес в 1983 г. на международном симпозиуме, посвященном Токийскому процессу, вспоминал, что, когда он навещал в Сугамо своего подзащитного, тот сказал ему: «Мне не нравится вынесенный мне приговор, но я должен смириться с ним, тем более что он, конечно, очень мягок по сравнению с другими. То, что меня больше всего беспокоит, это смертный приговор в отношении Хирота, который абсолютно несправедлив. Поэтому не тратьте время зря, пытаюсь сделать что-то для меня, но сделайте все возможное для Хирота»³³. Наконец, судья Ролинг в «особом мнении» потребовал оправдания Хирота (а также Хата, Кидо, Того и Сигэмицу), призывая в крайнем случае сохранить ему жизнь. Ролинг голосовал против смертного приговора Хирота, но при этом требовал казнить Сато, Ока и Симада, которых считал опасными милитаристами. Но Хирота в итоге был отправлен на эшафот — единственный «штатский» из семи казненных — вместе с генералами, со многими из которых он боролся и даже враждовал, когда был у власти.

О том, как вырабатывался итоговый вердикт МВТДВ, изве-

стно только в общих чертах. Никто из судей, включая Ролинга и Пэла, практически ничего не написал и не рассказал об этом. Как и в Нюрнберге, приговоры утверждались простым большинством в ходе голосования судей — членов трибунала. Мы располагаем сколько-нибудь достоверными данными только о смертных приговорах, выносившихся большинством 7 против 4 (в случае Хирота: 6 против 5). Против всех смертных приговоров голосовали австралийский, советский, индийский и французский судьи. Британский, китайский, филиппинский и новозеландский судьи голосовали за все смертные приговоры, в том числе и тем подсудимым, кому они в итоге не были утверждены. 6 голосами против 5 были отвергнуты смертные приговоры Араки, Осима, Кидо и Симада. В первых двух случаях к указанной четверке присоединялся представитель США, в третьем — Канады, в последнем — Нидерландов³⁴. Парадоксально, но американский судья оказался против повешения морского министра, отвечавшего за атаку на Перл-Харбор, и его голос оказался решающим (Ролинг требовал для Симада как раз смертного приговора). Похоже, пламенный националист Араки и генерал-посол Осима казались ему куда более опасными преступниками...

Несколько слов о позиции советского судьи, поскольку в советской литературе этот вопрос игнорировался (и не подавался как пример гуманности советской юстиции!), а в зарубежной был предметом различных спекуляций. В Нюрнберге Иона Никитченко был самым жестким членом трибунала, постоянно требовавшим смертных приговоров, что в общем-то понятно. В Токио Иван Зарянов открыто выступил против всех смертных приговоров в принципе, поскольку в СССР в то время смертная казнь была отменена. Ролинг позднее утверждал, что, по его личному мнению, «это было скорее против природы и чувств» Зарянова³⁵, но это утверждение можно оставить на совести нидерландского судьи. Разумеется, Зарянов действовал не по собственному усмотрению, а по инструкциям Сталина, которые четко предписывали три вещи. Первое: никакого «особого мнения» не подавать и публичного несогласия с итоговым решением трибунала не высказывать. Второе: добиться включения в текст вердикта как можно большего числа свидетельств об агрессивных намерениях и планах Японии против СССР. Это тоже понятно — в отличие от Нюрнберга, Советскому Союзу надо было оправдать и мотивировать вступление в войну на самом последнем этапе, да еще и в нарушение пакта о нейтралитете. Третье: голосовать против всех смертных приговоров. Инструкции эти пока не опубликованы, но я имел возможность ознако-

миться с их текстом.

В девяностые годы в прессе начались толки о позиции Советского Союза в отношении приговора Того Сигэнори, по иронии судьбы возглавлявшего внешнюю политику Японии в начале и в конце войны на Тихом океане. А.А. Кириченко, получивший доступ к секретным документам, утверждал, что именно Того стал причиной одного из закулисных конфликтов во время процесса. Американцы жаждали его смерти, считая, что он коварно прикрывал готовящееся нападение на Перл-Харбор, однако знакомство с документами позволяет сегодня уверенно говорить об обратном. В Москве Того ценили как дипломата, немало сделавшего для нормализации двусторонних отношений, но руководствовались, вероятно, все же не этим. «Намерение спасти жизнь Того увязывалось с целью не дать осуществиться американской мести... «насолить» американцам. Сталин делал все возможное, чтобы не допустить реализации американских целей на процессе в Токио. Как бы там ни было, но смертной казни Того избежал»³⁶.

Он был признан виновным по 5 статьям и оправдан по трем, включая агрессию против СССР и «военные преступления». Данных по голосованию этого вердикта у нас нет, однако Того и Сигэмицу были единственными, кому срок заключения был ограничен. Для 66-летнего Того 20 лет тюрьмы были равносильны пожизненному заключению, но сам по себе этот факт заслуживает внимания.

Исправлению «имиджа» Того в глазах бывших врагов должна была служить и публикация в 1956 г. его мемуаров на английском языке, о которой я уже писал. Из этого издания была исключена как «неинтересная» англоязычному читателю часть первая, повествующая о жизни автора до назначения его министром в 1941 г., в том числе о работе в Берлине и Москве. За пределами Японии мемуары Того полностью опубликованы только по-русски. В обширной японской военной и политической мемуаристике тех лет это одна из немногих книг, которые интересно читать. Остальные, как правило, на удивление скучны. В отличие от европейских или американских авторов, японские дипломаты, политики или военные уделяли мало внимания личным переживаниям, впечатлениям и мнениям, предпочитая пересказ общеизвестных фактов и общепринятых оценок. Кроме того, их послевоенные свидетельства отличаются ярко выраженным стремлением к разоблачению и самооправданию.

Привлекает внимание другое. Из нескольких сот книг та-

кого рода в США или Англии изданы только четыре (возможно, я упустил из виду фрагментарные публикации или продукцию маленьких издательств). Кроме мемуаров Того, инициатива выпуска которых исходила от его семьи и адвокатов, это воспоминания трех атлантистов и русофобов, занимавших видные посты в послевоенной Японии — Есида Сигэру (премьер-министр), Сигэмицу Мамору (министр иностранных дел), Касэ Тосикадзу (первый представитель Японии в ООН). Всё! Книги были выпущены крупными издательствами и получили немалый резонанс. На них — за неимением иного — ссылались и ссылаются историки всего мира, в том числе российские, не владеющие японским языком. А ведь не менее содержательные — хотя бы с сугубо исторической точки зрения — записки оставили бывшие специальные послы в США перед началом войны Номура и Курусу (американские издатели, ау!), премьеры Вакацуки, Окада, Хиранума, Коноэ, Койсо, дипломаты Арита, Амо, Ниси, генералы Араки, Арисуэ (глава военной разведки), Сато («правая рука» Тодзио), министры «кабинета Перл-Харбора» Кая и Киси и многие другие. Почему так?

По вынесении приговора все осужденные подали через своих адвокатов петиции генералу Макартуру, в юрисдикции которого находилось окончательное утверждение приговоров. Интересно, что он имел право только смягчить их или оставить без изменения, но не ужесточить. 21 ноября краткую петицию от имени всей защиты ему подал Блэкни, попытавшийся оспорить справедливость вердикта и процесса в целом. Как и следовало ожидать, 24 ноября все петиции были отклонены, а решения трибунала одобрены без изменений, хотя члены Дальневосточной комиссии союзников рекомендовали смягчить некоторые приговоры, прежде всего дипломатам.

В ночь с 23 на 24 декабря 1948 г. в тюрьме Сугамо были приведены в исполнение приговоры семи смертникам, которых сразу же по окончании процесса отделили от прочих осужденных. 24 декабря Макартур приказал освободить девятнадцать «военных преступников категории А», оставшихся под стражей, но не привлекавшихся к суду, — бывших министров, послов, националистических лидеров. Ролинг позднее заметил, что многих освобожденных считали более виновными, нежели осужденных. Но вопрос уже был решен окончательно.

«Крови» и «голов» больше не требовалось. В конце концов, костяк новой элиты, успешно сотрудничавшей с оккупационными властями, составили бывшие сослуживцы и подчиненные, друзья и младшие братья «военных преступников».

В связи с этим абсолютно лишены оснований популярные некогда в агитпропе утверждения (некоторые повторяют их и сейчас), что консервативные правящие круги послевоенной Японии активно выступали за пересмотр решений МВТДВ и данных победителями оценок прошлого. Действительно, кое-кто из записных «ястребов» вроде премьер-министра Накасо-нэ периодически заявлял, что «хватит смотреть на историю через очки Токийского процесса», но это была популистская риторика для внутреннего употребления. Послевоенная элита получила власть из рук американцев по бессмертному принципу «то старших выключат иных, другие, смотришь, перебиты». В отличие от событий *Мэйдзи исин* 1868 г. радикальной смены элит в Японии второй половины сороковых не произошло. Произошла ротация кадров внутри элиты за счет того, что верхний слой был срезан судами и чистками. Власть новых хозяев Японии основывалась на послевоенной демократизации американского образца, и они это отлично понимали, как и их коллеги в Западной Германии.

В заключение хочу привести то, что слышал от старейшины русской диаспоры в Токио доктора Евгения Николаевича Аксенова. Молодым ассистентом он работал в 361-м госпитале армии США, где содержались под стражей больные «военные преступники», поскольку свободно владел английским и японским языками. Подсудимых Токийского процесса он помнит как своих пациентов, которым мерял температуру и давление, делал уколы и анализы. «Генерал Умэдзу? Помню. У него был рак печени», — вот обычное начало рассказов доктора Аксенова. Заканчивая работу над биографией Сиратори, я поинтересовался, не помнит ли доктор что-нибудь о моем герое, который провел в этом госпитале последние год и три месяца жизни. Евгений Николаевич отреагировал моментально. «Сиратори? Посол в Италии? У него был рак гортани». И рассказал следующее (в моем пересказе, близком к тексту):

«Я провел всю войну в Японии, куда приехал из Маньчжурии. Конечно, я был подвержен влиянию японской пропаганды и думал, что японцы — по крайней мере, военные — это настоящие самураи, что в случае поражения они предпочтут сделать сэппуку или как-то по-иному добровольно расстанутся с жизнью. Только единицы так поступили. Большинство, не только министры, но и генералы, добровольно, никак не сопротивляясь, пошло в тюрьму Сугамо. Они каялись во всем, плакали по ночам. Я был поражен! Пожалуй, единственным исключением был Сиратори. Он был очень болен, но все вре-

мя повторял, в том числе и мне, принимая меня за американца: «Вы не имеете права держать меня здесь, в заключении. Это вы нарушаете международное право. Во-первых, как дипломат я обладаю дипломатическим иммунитетом. Во-вторых, я был просто почтальоном, я передавал решения моего правительства иностранным властям и сообщал их решения моему правительству. За это меня судят?! За это меня держат под стражей?!»

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО? (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

В 1997 г. мой коллега, известный американский историк-ревизионист Марк Вебер опубликовал в «Джорнал оф Хисторикл Ревью» острую и интересную статью «Была ли Хиросима необходимой?». Отвечая на этот вопрос отрицательно, он попутно заметил: «Хотя советское участие мало или вовсе никак не изменило ход войны, Москва получила колоссальную выгоду от вступления в конфликт».

Не могу согласиться ни с первой, ни со второй частью этого утверждения. С ролью советского участия в войне — прежде всего политической, а не собственно военной — мы уже разобрались. Остался вопрос: что мы от этого выиграли?

Смыли сорок лет спустя «позор Цусимы»? Свели «старые счёты с Японией», о которых говорил Сталин в обращении к советскому народу по поводу победы? После разгрома Третьего рейха все это выглядело не столь эффектно и новых лавров не принесло. В войну на Тихом океане СССР вступил в самый последний момент, заслужив нелестное определение «вора на пожаре». Так обычно поступали малые страны, стремясь поспеть за колесницей победителя.

Ликвидировали «очаг войны» на дальневосточной границе, поставив под свой контроль Маньчжурию и половину Кореи? Но Япония и так была безнадежно разгромлена, а ее вооруженные силы подлежали полной демобилизации. Вернули Южный Сахалин и получили всю Курильскую гряду? Приобрели даровую рабочую силу в лице Квантунской армии? Но все это мы могли получить и без войны, если бы Сталин решил принять принца Коноэ.

Увы, главным «приобретением» стала устойчивая неприязнь немалого количества японцев к России советской, перенесенная на Россию постсоветскую. И дело не только в пресловутых «северных территориях» или проблеме военнопленных. Советский Союз нарушил договор о нейтралитете — и от этого факта не уйдешь.

Желающих использовать его, равно как и все прочие темные страницы отношений между нашими странами, по-прежнему немало. Поэтому и в России, и в Японии продолжают выходить книги, всячески смакующие «тень Цусимы длиной в век». Русские авторы охотно фотографируются в Перл-Харборе на палубе линкора «Миссури» и чуть ли не обнимаются с американскими военными. Японские напоминают о коварстве «русского медведя» и ужасах сибирского плена, хотя костяк большинства обществ японско-советской дружбы составляли как раз бывшие военнопленные. Кому-то очень хочется, чтобы конфликты прошлого по-прежнему бросали тень на настоящее и будущее. Кому это выгодно? России? Японии?..

ПРИМЕЧАНИЯ

Сокращения

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
ДВП — Документы внешней политики СССР
НГБ — Нихон гайко бунсё
РГАСПИ — Российский архив социально-политической истории
DGFP — Documents on German Foreign Policy
IMTFE — International Military Tribunal for the Far East
FRUS — Foreign Relations of the United States

К главе 1

Источники: Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961 (с указанием страниц в тексте); письма и «завещание» Чичерина цит. без ссылок по первой публ.: Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С. 380—416.

¹ Беседовский Г. Указ. соч. С. 172.

² Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. С. 125.

³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Л. 106.

⁴ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 11. Папка 132. № 10. Лл. 117—118.

⁵ Беседовский Г. Указ. соч. С. 387.

⁶ Шенгели Г. Иноходец. М., 1997. С. 405.

⁷ Fisher L. Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917—1941. New York, 1969. P. 201. Фишер много лет общался с Чичериным и присутствовал на панихиде.

⁸ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 253 (далее цитируется без ссылок).

⁹ Брюсов В. Мировое состязание. Политические комментарии 1902—1924. М., 2003. С. 113—114.

¹⁰ What Japan Thinks. New York, 1921. P. 187—188.

¹¹ Перепечатана: Окава Сюмэй. Дзэнсю (Полное собрание сочинений). Т. 4. Токио, 1963. С. 532—543.

¹² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Лл. 61—62.

¹³ Дирксен Г. фон. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001. С. 120—121. Антигерманская ориентация Литвинова ясно видна из его официальных биографий: Корнев Н. Литвинов. М., 1936; Шейнис З. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989.

Советские документы: ДВП. Т. XII—XV; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. М., 1996.

Японские документы: НГБ. Мансю дзихэн. («Маньчжурский инцидент»). Т. 1—3 (6 кн.); НГБ. Сёваки (Период Сёва). Серия II. Ч. 2. Т. 1; Гэндайси сирё (Материалы по новейшей истории). Т. VII, XI. Токио, 1964—1965. Все документы цитируются без сносок.

События на КВЖД и в Маньчжурии: Аварин В. «Независимая Маньчжурия». М., 1932; Стимсон Г. Дальневосточный кризис. Воспоминания и наблюдения. М., 1938; The Sino-Japanese Conflict, 1931—1941. Vol. 1—2. Nendeln, 1980; Hiroshi S. Japan's Policies and Purposes. Boston, 1935; Bronson Rea G. The Case for Manchoukuo. New York—London, 1935; Каткова З.Д. Китай и державы. 1927—1937. М., 1995. Гл. 1—2; Lensen G. A. The Damned Inheritance. The Soviet Union and the Manchurian Crisis, 1924—1935. Tallahassee, 1974. Ch. 1—7; Sadako N. O. Defiance at Manchuria: the Making of Japanese Foreign Policy, 1931—1932. Berkeley, 1964; Нихон гайкоси (История внешней политики Японии). Т. 18. Мансю дзихэн («Маньчжурский инцидент»). Токио, 1973; Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. Гл. 2—3.

Русский фашизм: Родзаевский К. Завешание русского фашиста. М., 2001; Атаман Семенов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002; Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1920—1945. М., 1992; Окорочков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920—1945 гг.). М., 2002; статьи С.В. Онегиной.

О событиях 1920-х гг. см.: Morton W. F. Tanaka Giichi and Japan's China Policy. New York, 1980; Каретина Г.С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е гг. XX в. М., 1984; Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919—1927). М., 2001; Усов В. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002.

¹ Стефан Дж. Указ. соч. С. 60, 68.

² Каткова З.Д. Указ. соч. С. 45—47.

³ Lensen G. A. The Damned Inheritance. P. VII.

⁴ Стефан Дж. Указ. соч. С. 60.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Там же. С. 72.

⁷ Там же. С. 73.

⁸ Ко Бунъю. Нихон-но сёкуминти-но дзидзицу: Тайван, Тёсэн, Мансю (Правда о японских колониях: Тайвань, Корея, Маньчжурия). Токио, 2003.

⁹ Стефан Дж. Указ. соч. С. 94—95.

¹⁰ Там же. С. 195.

¹¹ Родзаевский К. Указ. соч. С. 499—502.

¹² РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Ед. хр. 769. Лл. 69—70.

¹³ ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1919—1941. М., 2001. С. 66—67.

¹⁴ Rapport A. Henry L. Stimson and Japan, 1931—1933. Chicago, 1963. P. 125—127.

¹⁵ Ёсидзава. Ниссо фукасин дзёяку, мансю дзихэн-ни кансуру кай-

содан (Воспоминания о японо-советском пакте о ненападении и «Маньчжурском инциденте») // Кокусай сэйдзи. № 31 (1966); Хираи Т. Мансю дзихэн то Ниссо канкэй: фусинряку дзэяку мондай-о тюсин ни («Маньчжурский инцидент» и японо-советские отношения: проблема договора о ненападении) // Там же; Кудо М. Ниссо тюрицу дзэяку-но кэнкю (Исследование японско-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. Гл. 2; Lensen G. A. The Damned Inheritance. Ch. 11.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Ед. хр. 769. Л. 171.

¹⁷ Стефан Дж. Указ. соч. С. 229—230.

¹⁸ Б. М. Обзор национально-освободительного движения в Маньчжурии. (Период январь — август 1933 года) // Материалы по национально-колониальным проблемам. № 8—9 (14—15). М., 1933.

¹⁹ Стефан Дж. Указ. соч. С. 234.

²⁰ Chamberlin W. H. Japan Over Asia. London, 1938. P. 56. О «неизбежности» войны между Японией и СССР: Лемин И.М. Пропаганда войны в Японии и Германии. М., 1934; Терентьев Н. Очаг войны на Дальнем Востоке. М., 1934; Танин О., Иоган Е. (Тарханов О.С., Иолк Е.С.) Когда Япония будет воевать. М., 1936; Teiichi M. After the Chino-Japanese Incident... What? Tokyo/Kioto, 1937; Noel P. When Japan Fights. Tokyo, 1937. Анализ проблемы: Lensen G. A. The Damned Inheritance. Ch. 12; Hata I. Reality and Illusion: The Hidden Crisis between Japan and the USSR, 1932—1934. New York, 1967; Haslam J. The Soviet Union and the Threat from the East, 1933—1941. London, 1992.

²¹ Цит. по: Окорочков А.В. Указ. соч. С. 133.

²² Там же. С. 155—158.

К главе 3

Японские документы: Гэндайси сирё. Т. X.

Германские документы: DGFP, D, Vol. IV—VIII. *Итальянские документы:* Ciano's Diplomatic Papers. London, 1948; I Documenti Diplomatici Italiani. Ottava serie. Vol. XII—XIII; Nona serie. Vol. I—II. Roma, 1952—1957; Ciano G.: 1) Diario, 1937—1938. Bologna, 1948; 2) Diario, 1939—1943. Milano, 1968; Toscano M. The Origins of the Pact of Steel. Baltimore, 1963. См. также: Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. Т. 1—2. М., 1981; Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы. Т. 1—2. М., 1990. Все документы цитируются без сносок.

Исследования: Тайхэйё сэнсё-э-но мити: кайсэй гайко си. (Дорога к войне на Тихом океане: история предвоенной внешней политики). Т. 3. Токио, 1962 (Т. Охата) (перевод: Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR, 1935—1940. New York, 1976); Нихон гайкоси. Т. 21. Нити-доку-и домэй оёби ниссо тюрицу дзэяку (Пакт Японии, Германии и Италии и японо-советский пакт о нейтралитете). Токио, 1971. Гл. 2—4; Миякэ М.: 1) Нити-доку-и сангоку домэй-но кэнкю (Исследование Тройственного пакта Японии, Германии и Италии). Токио, 1975. Гл. 1; 4—5; 2) Юрасия гайкоси кэнкю. (Исследования по истории евразийской дипломатии). Токио, 2000. С. 43—58, 143—155. Новаторская работа о Риббентропе: Michalka W. From the Anti-Comintern Pact to the Euro-Asiatic Bloc: Ribbentrop's Alternative Concept to Hitler's Foreign

Policy Program // Aspects of the Third Reich. London, 1985.

¹ Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 209.

² Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 221.

³ Fischer L. Op. cit. P. 446 (без ссылки на источник).

⁴ Цит. по: Kilzer L. C. Churchill's Deception. The Dark Secret That Destroyed Nazi Germany. New York, 1994. P. 68.

⁵ Флорин В. Германский народ под игом фашизма // Большевик. 1937. № 3. С. 55.

⁶ Irving D. Hess. The Missing Years, 1941—1945. London, 1989. P. 48.

⁷ Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 89.

⁸ Там же.

⁹ Цит. по предисловию Х. Бервальда: Deterrent Diplomacy. P. 3.

¹⁰ Дневник посла Додда. 1933—1938. М., 1961. С. 297, 324, 326, 330, 334—335, 400—401.

¹¹ Fleisher W. Volcanic Isle. New York, 1941. P. 175.

¹² Цит. по: История войны на Тихом океане/ Пер. с яп. Т. II. М., 1957. С. 343—346.

¹³ Compton J. V. The Swastika and the Eagle. Hitler, the United States and the Origins of World War II. Boston, 1967. P. 180.

¹⁴ IMTFE. P. 22405—22406.

¹⁵ Материалы обсуждения пакта в Тайном совете: IMTFE. P. 22480—22483 (речь Хирота), 22487—22488 (речь Арита), 5958—5967 (отчет Исследовательского комитета), 5968—5972, 22490—22492 (стенограмма).

¹⁶ Текст: История войны на Тихом океане. Т. II. С. 340—343.

¹⁷ Noel P. When Japan Fights. Tokyo, 1937. P. 46—53.

¹⁸ Архив МИД Японии. А-1-0-0-6. Сиратори—Арита офуку сёкан (Переписка Сиратори—Арита). Фотокопия с машинописной копии; местонахождение оригиналов неизвестно.

¹⁹ IMTFE. P. 39877—39878.

²⁰ Дембски С. Польско-советские отношения в оценках Берлина в 30-е годы. Некоторые вопросы // Мир истории (интернет-журнал). 2002. № 5.

²¹ Литвинов М.М. Внешняя политика СССР. М., 1937. С. 184—188. См. также: Борисов А. Японо-германское соглашение. (Очаг войны на Востоке). М., 1937; Лемин И.М. Блок агрессоров. М., 1937; Дальневосточный очаг войны. (Япония). Сталинград, 1937; Иоган Е. Заговор агрессоров против дела мира // Большевик. 1936. № 23; и мн. др.

²² Корнев Н. Литвинов. С.60.

²³ Заявления Риббентропа и Мусьякодзи: Documents on International Affairs. 1936. London, 1937. P. 299—301. Заявления правительств: Нихон гайкоси. Т. 21. С. 70—73.

²⁴ Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 89—91.

²⁵ СССР — Германия. Кн. 1. 1939. Vilnius, 1989. С. 68.

²⁶ Текст: Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 93—99. Комментарий: Мякэ М. Нити-доку-и сангоку домэй-но кэнкю. Гл. 3.

²⁷ Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 81..

²⁸ Best A. Britain, Japan and Pearl Harbor. Avoiding War in East Asia, 1936—1941. London; New York, 1995. P. 38—39.

²⁹ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 2. М., 1953. С. 30—35.

³⁰ ДВП. Т. XXI. С. 294 (№ 205).

³¹ Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. М., 2000. С. 80 (№ 88).

³² См. мои работы: 1) Борьба Тосио Сиратори за «укрепление» Антимоинтерновского пакта, 1938—1939 гг. // Япония. 2001—2002. Ежегодник. М., 2002; 2) Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887—1949) — дипломат, политик, мыслитель. Гл. 4—5.

³³ Того С. Воспоминания японского дипломата. М., 1996. С. 197—198.

³⁴ Сцену подробно описал военный атташе в Италии, сопровождавший Сиратори: Арисуэ Сэйдзи. Кайкорoku (Воспоминания). Токио, 1974. С. 473—479.

К главе 4

Документы: ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917—1941. М., 2001 (с указанием страниц в тексте).

Комментарии: Современная Япония. Сб. 1. М., 1934; Япония. Сб. статей и материалов. М., 1934; Япония. Сб. статей. М., 1934.

Исследования: Сырицын И.М. Борьба японских трудящихся против войны и фашизма. М., 1960; Коваленко И.И. Очерки истории коммунистического движения в Японии до второй мировой войны. М., 1979; Сенаторов А.И. Сэн Катаяма. Научная биография. М., 1988.

¹ Сато К. Япония и Америка в их взаимных отношениях. Мысли японца. М.; Пг., 1923. С. 129—130.

² См. коллективный труд левых историков: Тэнко. (Переход). Т. 1—3. Токио, 1959.

³ История войны на Тихом океане. Т. I. С. 290—291.

⁴ Итикава Сёити. Из истории Коммунистической партии Японии // Тихий океан. 1934. № 1.

⁵ История войны на Тихом океане. Т. I. С. 293.

⁶ A. Viollis. Le Japon et son empire. Paris, 1933. P. 150.

⁷ Окано (Носака С.). Японский империализм и революционная борьба трудящихся масс Японии // Современная Япония. Сб. 1. С. 12—13; Жуков Е. О японском фашизме и социал-фашизме (второй раздел) // Там же; Волк Я. Рост сил революции и мобилизация сил контрреволюции в Японии // Там же; Танин О., Иоган Е. (Тарханов О.С., Иолк Е.С.) Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933. Часть 3. Гл. 3 («Социал-фашизм и национал-социализм»); ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 526—538.

⁸ Цит. по: Коваленко И.И. Указ. соч. С. 151.

⁹ Пильняк Б. Камни и корни. М., 1935. С. 192—198. См. подробнее: Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999. С. 217—224.

¹⁰ Перепечатано: Япония. Сб. статей и материалов. С. 26—29.

¹¹ Коваленко И.И. Указ. соч. С. 152—153.

¹² Волк Я. Рост сил революции и мобилизация сил контрреволюции в Японии. С. 227.

¹³ Пильняк Б. Указ. соч. С. 190.

¹⁴ Цит. по: Johnson N. M. George Sylvester Viereck. German-American Propagandist. Urbana, Ill., 1972. P. 150.

¹⁵ Коваленко И. И. Указ. соч. Гл. 10; ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 607—610, 616—618.

¹⁶ Вада Х. Судьба коммуниста: Носака Сандзо // Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. М., 2003. С. 119 (далее цитируется без сносок).

¹⁷ Япония сегодня. 2002. № 5 (Окада Ёсико); Московская японка. Памяти Ясу Катаяма. М., 1992.

К главе 5

Советские документы: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1—2.

Германские документы: DGFP, D, Vol. VIII—XI; для текстов, вошедших в сб. «СССР—Германия», использован этот перевод. Все документы цитируются без сносок.

Исследования: Тайхэйё сэнсо-э-но мити. Т. 3 (Т. Хосоя) (перевод: Deterrent Diplomacy); Нихон гайкоси. Т. 21. Гл. 5—6; Миякэ М. Нити-доку-и сангоку домэй-но кэнкю. Гл. 8—9; Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967. Гл. 3—4. См. также воспоминания Молотова (в записи Ф. Чуева), В. М. Бережкова, Г. Хильгера и П. Шмидта.

¹ FRUS. 1918. Vol. II. P. 35—36.

² Цит. по: Fisher L. Op. cit. P. 12.

³ Цит. по: Дирксен Г. фон. Указ. соч. С. 402—403.

⁴ Bywater H. C. Sea-power in the Pacific. A Study of the American-Japanese Naval Problem. London, 1934. P. 310 (впервые: 1921).

⁵ Цит. по: Lensen G. A. The Damned Inheritance. P. 447; в DBFP не вошло.

⁶ Хаусхофер К. Указ. соч. С. 373.

⁷ Письмо Дирксена Бюлову от 5 мая 1932 г. цит. по: Fox J. P. Germany and Far Eastern Crisis, 1931—1938. Oxford, 1985. P. 18—19; ответ от 14 июня 1932 г.: Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. Serie B: 1925—1933. Bd XX. Güttingen, 1983. S. 300—301 (№ 135).

⁸ Хирота Коки. Токио, 1966. С. 97—103.

⁹ Masaki Miyake. Hitler's Seizure of Power and Japan's Response // Seikei Ronso. The Review of Economics & Political Science (Meiji University, Tokyo). Vol. 59. № 5/6 (March 1991).

¹⁰ Накано С. Докусо фукасин дзёяку то Нихон (Германо-советский пакт о ненападении и Япония) // Бунгэй сундзю. 1939. Спец. выпуск (сентябрь).

¹¹ Сиратори Т. Осю-но син дзёсэй то Нихон-но татиба. (Новая ситуация в Европе и положение Японии) // Тюо корон. 1939. № 12 и др.; собраны: Сиратори Т. Нити-доку-и судзика рон. («Ось» Япония—Германия—Италия). Токио, 1940.

¹² Сиратори Т. Осю тайсэн то кёко гайко. (Великая европейская война и решительная дипломатия) // Кайдзо. 1940. № 4.

¹³ Цит. по: Weigert H. W. Haushofer and the Pacific // Foreign Affairs. Vol. 20 (1942). № 4. P. 741.

¹⁴ Гаврилов В. Указ. соч. С. 103—104.

¹⁵ Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 185—186.

¹⁶ Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 179.

¹⁷ Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 351—352.

¹⁸ Там же. С. 355.

¹⁹ Ciano's Diplomatic Papers. P. 406—407.

²⁰ Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. С. 52.

²¹ Там же. С. 56.

²² Сиполс В. Указ. соч. С. 273.

²³ Там же. С. 274—275.

²⁴ Безыменский Л. Указ. соч. С. 360—362.

²⁵ Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 181.

²⁶ Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. С. 50—51.

²⁷ Бережков В. М. С дипломатической миссией в Берлин. М., 1966. С. 102—103 (вариант описания того же эпизода).

²⁸ Первая цитата: Дугин А. Конспирология. М, 1993. С. 109; вторая: Presseisen E. L. Germany and Japan. A Study in Totalitarian Diplomacy, 1933—1941. The Hague, 1958. P. 22.

К главе 6

Документы (цитируются без сносок): Гэндайси сирё. Зоругэ дзи-кэн. (Дело Зорге). Т. I—III, XXIV. Токио, 1963—1964, 1971; Зорге Р. Тюремные записки // Новая и новейшая история. 1994. № 5—6; 1995. № 2; Зорге Р. Статьи, корреспонденции, рецензии. М., 1971; Дело Рихарда Зорге. Известные документы. М., 2000 (с указанием страниц в тексте).

Из многочисленных книг о Зорге я в основном использовал четыре: Будкевич С. Л. «Дело Зорге». Следствие и судебный процесс. (Люди. События. Документы. Факты). М., 1969; Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988; Георгиев Ю. В. Рихард Зорге. М., 2000; Prange G. W., Goldstein D. M., Dillon K. V. Target: Tokyo. The Story of the Sorge Spy Ring. New York, 1984.

¹ Будкевич С. Л. Указ. соч. С. 69.

² Там же. С. 5, 65—67.

³ Цит. по: Там же. С. 83.

⁴ Мадер Ю. Указ. соч. С. 135.

⁵ Там же. С. 258.

⁶ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. Гл. XV.

⁷ Grew J. C. Ten Years in Japan. New York, 1944. P. 463.

⁸ Рядом с Зорге // Деловой вторник. 2002, 13.08.

⁹ DGFP, D, Vol. I. P. 851 (№ 574); перевод: Мадер Ю. Указ. соч. С. 141.

¹⁰ Там же. С. 187—188.

¹¹ Цит. по: Будкевич С.Л. Указ. соч. С. 34—36. Письмо впервые опубликовано чехословацким историком Ч. Амортом в январе 1966 г.

¹² Малеванный В. Незакрытое дело «Рамзая» // Независимое военное обозрение. 2002, 20.12.

К главе 7

Советские документы: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1—2; Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941—1945 гг. М., 1995 (включая документы АВП РФ, отсутствующие в ДВП).

Из японских документов известна только телеграфная переписка послов с МИД: Кудо М. Ниссо тюрицу дзэяку-но кэнкю (Исследование японо-советского Пакта о нейтралитете). Гл. 7. Все документы цитируются без сносок.

Исследования: Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией, Гл. 2—3; Нихон гайкоси. Т. 15. Ниссо кокко мондай, 1917—1945. (Проблемы японо-советских дипломатических отношений, 1917—1945). Токио. 1970. Гл. 16; Нихон гайкоси. Т. 21. Гл. 7; Lensen G. A. The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War, 1941—1945. Tallahassee, 1972. Ch. 1; Миякэ М. Нити-доку-и сангоку домэй-но кэнкю. Гл. 10; Тихвинский С.Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. № 1; Адырхаев Н., Славинский Б. Дипломатическая уловка или дипломатический феномен? (Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г.) // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3.

¹ Цит. по: Toland J. The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire, 1936—1945. New York, 1970. P. 61.

² Lu D. J. Agony of Choice. Matsuoka Yosuke and the Rise and Fall of the Japanese Empire, 1880—1946. Lanham; New York; London, 2002. P. XI.

³ Kase T. Journey to the 'Missouri'. A Japanese Diplomat's Story of How His Country Made War and Peace. New Haven, 1950. P. 43.

⁴ Toland J. Op. cit. P. 57.

⁵ Togo C. Указ. соч. С. 198 (далее цитируется без сносок).

⁶ Neilson F. Op. cit. P. 653.

⁷ Lensen G. A. The Strange Neutrality, P. 11—12 (по тексту из Архива МИД Японии).

⁸ Беседа Риббентропа с Осима: DGFP, D, Vol. XII. P. 139—151 (№ 78).

⁹ Беседы Мацуока с Гитлером и Риббентропом: Там же, P. 376—383, 386—394, 405—409, 413—420, 453—458, 469—474 (№ 218, 222, 230, 233, 266, 278).

¹⁰ Директива ОКВ № 24: Там же. P. 220 (№ 125).

¹¹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1993. С. 29—30; Хасэгава С. Сутарин сюсё-но эгао. (Улыбающееся лицо премьер-министра Сталина) // Кайдо. 1941, № 6; Kase T. Op. cit. P. 159 (Хасэгава и Касэ сопровождали Мацуока); Gafencu G. Prelude to the Russian

Campaign. London, 1945. P. 158—159 (автор, румынский посланник в СССР, присутствовал на проводах).

¹² DGFP, D, Vol. XII. P. 537 (№ 333); перевод: СССР—Германия. Кн. 2. С. 157 (№ 93).

¹³ DGFP, D, Vol. XII. P. 563—564 (№ 354); перевод: СССР—Германия. Кн. 2. С. 158 (№ 94).

¹⁴ Сайто Ё. Адзамукарэта рэкиси: Мацуока то сангоку домэй-но рикэн. (Запутанная история: Мацуока и закулисная сторона Тройственного пакта). Токио, 1955. С. 17.

¹⁵ Протокол: Фукаи Э. Сумицуин дзёё гидзи обоэгаки. (Записи о важных заседаниях Тайного совета). Токио, 1967. С. 145—158.

¹⁶ Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. С. 115 (№ 144).

¹⁷ Contemporary Japan. Vol. X, № 5 (May 1941).

¹⁸ Kase T. Op. cit. P. 48.

¹⁹ Дело Рихарда Зорге. С. 117 (№ 147).

²⁰ Коноэ Фумимаро-ко-но сюки. Усинаварэси сэйдзи. (Записки принца Коноэ Фумимаро. Проигранная политика). Токио, 1946. С. 24.

²¹ Синобу С. Киндай Нихон гайкоси. (История дипломатии современной Японии). Токио, 1942. С. 280.

²² Борисов Ю.А. СССР и США — союзники в годы войны, 1939—1945 гг. М., 1983. С. 41.

²³ Хаусухофа Кару. Тайрику сэйдзи то кайё сэйдзи. (Континентальная политика и морская политика), Токио, 1943. С. 1—4 (предисловие).

К главе 8

Советские документы (цитируются без сносок): ДВП. Т. XXIV; Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией.

Мемуары: Сато Н. Кайсо хатидзюнэн. (Воспоминания за восемьдесят лет). Токио, 1963. Часть I. Гл. 14; Морисима Г. Куно-суру тю-Со тайсикан. (Агония посольства в Советском Союзе). Токио, 1953; Адырхаев Н., Славинский Б. Дипломатическая уловка или дипломатический феномен?; Иванов М.И. Япония в годы войны. Записки очевидца. М., 1978.

Исследования: Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Гл. 4—8; Он же. СССР и Япония — на пути к войне. Гл. 3—4; Lensen G. A. The Strange Neutrality, Ch. 2—6, Appendix; Кудо М. Указ. соч. Гл. 8—14 (по сохранившимся японским документам); Нихон гайкоси. Т. 15. Гл. 17; Нихон гайкоси. Т. 21. Гл. 8. См. также: Исраэлян В.Л., Кутаков Л.Н. Дипломатия агрессоров. Гл. 6—8; Мажоров С.Т. Советско-японские отношения в ходе второй мировой войны (1941—1945) // СССР—Япония. М., 1978; СССР и Япония. Гл. 6; Черевко К.Е. Указ. соч. Гл. 5.

¹ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете... С. 10.

² War in Asia and the Pacific. Vol. 10, 11. Japan and the Soviet Union. Parts 1, 2. New York; London, 1980. Единственная отечественная работа на эту тему: Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931—1945. М., 1989 — имеет преимущественно пропагандистский характер.

- ³ Taylor A.J.P. The Origins of the Second World War. London, 1964. P. 13.
- ⁴ См. подробнее: Lensen G.A. The Strange Neutrality. Ch. 10.
- ⁵ Цит. по: История войны на Тихом океане. Т. II. С. 342.
- ⁶ Цит. по: Георгиев Ю. Указ. соч. С. 61.
- ⁷ Фукаи Э. Указ. соч. С. 168.
- ⁸ Дело Рихарда Зорге. С.122 (№ 157 и 158).
- ⁹ Фрагменты стенограмм цит. по: Кошкин А.А. Указ. соч. С. 217—238 — в переводе автора этой книги.
- ¹⁰ Того С. Указ. соч. С. 217.
- ¹¹ Коноэ Ф. Хэйва-э-но дорёку. (Усилия к достижению мира). Токио, 1946. С. 25—27.
- ¹² Ответ Нагано (Lensen G.A. The Strange Neutrality. P. 25) у Кошкина опущен.
- ¹³ ДВП. Т. XXIV. С. 58 (№ 43).
- ¹⁴ Кошкин А.А. Указ. соч. 4-я стр. обложки. Среди включенных в его книгу фрагментов стенограмм этих слов нет; упоминание их в тексте (с. 96) содержит ссылку на материалы МВТДВ.
- ¹⁵ Lensen G.A. The Strange Neutrality. P. 27—28 (без ссылки на источник); в ДВП не отражено.
- ¹⁶ Сообщение Зорге от 10 июля 1941 г.: ДВП. Т. XXIV. С. 137—138 (№ 95).
- ¹⁷ Grew J.C. Op. cit. P. 385.
- ¹⁸ Soh-ichiro K. Yosuke Matsuoka, New Foreign Minister // Contemporary Japan. Vol. IX, № 9 (September 1940); Shinnosuke A. Teijiro Toyoda, the New Foreign Minister // Там же, Vol. X, № 8 (August 1941).
- ¹⁹ Беседы Сметанина с Тоёда 1941 г. в ДВП не отражены. Их содержание: Кудо М. Указ. соч. С. 109—113; Lensen G.A. The Strange Neutrality. P. 30—31 (по японским документам).
- ²⁰ Перепечатано: Contemporary Japan. Vol. X, № 8 (August 1941).
- ²¹ ДВП. Т. XXIV. С. 255 (№ 177).
- ²² Дело Рихарда Зорге. С.132 (№ 177).
- ²³ Григоренко П. В подполье можно встретить только крысы... М., 1997. Гл. 21 (цит. по: militera.lib.ru/memo/russian/grigorenko/title.html)
- ²⁴ Беседы Сметанина с Того 1941 г. в ДВП не отражены. Их содержание: Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете... С. 143—147 (по неопубликованным документам АВП РФ); Lensen G.A. The Strange Neutrality. P. 35—38 (по японским документам).
- ²⁵ Славинский Б.Н. СССР и Япония — на пути к войне. С. 149—165 (по архивным материалам).
- ²⁶ Ивашев Л. Г. От «юнгерса» 1941 года к «цессне» 1987-го // Военно-исторический журнал. 1990. № 6.
- ²⁷ Цит. по: A. Frank Reel. The Case of General Yamashita. Chicago, 1949. P. 61.

Советские документы: Славинский Б.Н.: Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Гл. 9—11; Он же. Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». М., 1996 (записки Лозовского); Он же. СССР и Япония — на пути к войне. Гл. 5—6; За кулисами Тихоокеанской битвы (японо-советские контакты в 1945 г.) // Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 19 (77). 1990, 15.10; Севостьянов Г.Н. Япония в 1945 г. в оценке советских дипломатов. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1995. № 6.

Японские документы: Сюсэн сирокү. (Историческая хроника окончания войны). Т. 1—6. Токио, 1977—1978; Кудо М. Указ. соч. Гл. 15—17; Lensen G.A. The Strange Neutrality. Ch. 7—9. Все документы цитируются без сносок.

Мемуары: Того С. Указ. соч. Ч. 3. Гл. 5—6; Сато Н. Указ. соч. Ч. 2. Гл. 1; Коноэ Ф. Усинаварэси сэйдзи; Морисима Г. Указ. соч.; Kase T. Op. cit. Ch. 1, 6—11; Иванов М.И. Указ. соч.

Исследования — указанные работы Б.Н. Славинского, М. Кудо, Дж. Ленсена, биографии Хирота и Коноэ. См. также: Brooks L. Behind Japan's Surrender. New York, 1968 (сокращенный перевод: М., 1971); Израэлян В.Л., Кутаков Л.Н. Указ. соч. Гл. 12; Черевко К.Е. Указ. соч. Гл. 6—7.

¹ Secret Diet War Minutes Released // The Japan Times. 1996, 7.12.

² Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Указ. соч. С. 273—274.

³ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете. С. 237.

⁴ СССР и Япония. С. 21—22.

⁵ Об истории Тайваня и японской колониальной политики: Yosaburo T. Japanese Rule in Formosa. London, 1907 (Taipei, 1996); Ко Б. Указ. соч. О Тайване в XX веке: Peng Ming-Min. A Taste of Freedom. Memoirs of a Formosan Independence Leader. New York, 1972 (Irvine, 1994).

⁶ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Указ. соч. С. 273, 275.

⁷ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. М., 2000. С. 490.

⁸ См. подробнее: Lensen. G.A. The Strange Neutrality. P. 258—267.

⁹ Herbert P. Bix Hirohito and the Making of Modern Japan. New York, 2000. P. 505—511.

¹⁰ Kase T. Op. cit. P. 169.

¹¹ Текст: История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 252—258.

¹² Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.): Сб. документов. М., 1980. С. 382—384, 218, 222.

¹³ Текст: История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 264—271.

¹⁴ Заявление Японии о принятии Потсдамской декларации и последующий обмен нотами с союзными державами: Там же. С. 289—293.

¹⁵ Касэ Тосикадзу. Нихон гайко-но сюякутати. (На главных ролях в японской дипломатии). Токио, 1974. С. 158—159.

¹⁶ Текст: История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 272.

¹⁷ Хроника событий 14—15 августа 1945 г.: Japan's Longest Day. Tokyo, 1989; доклад МИД «Об обстоятельствах окончания войны»: История

войны на Тихом океане. Т. IV. С. 281—305.

¹⁸ Lensen. G.A. The Strange Neutrality. P. 198.

¹⁹ Ibid. P. 189.

²⁰ Савин А.С. Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939—1945 гг. М., 1979. С. 209.

К главе 10

Источники: International Military Tribunal for the Far East. The Tokyo War Crimes Trial. Transcript of the Proceedings. Vol. 1—22 + 1—V. New York; London, 1981—1987. Книг о процессе много; отмечу самые информативные: Киёсэ И. Хироку. Токио сайбан. (Частная хроника Токийского процесса). Доп. изд. Токио, 1981; Кодзима Н. Токио сайбан. (Токийский процесс). Т. 1—2. Токио, 1971; Minear R. H. Victors' Justice. The Tokyo War Crimes Trial. Tokyo, 1984 (впервые: 1971); Piccigallo P. R. The Japanese on Trial: Allied War Crimes Operations in the Far East, 1945—1951. Austin, 1979; Николаев А.Н. Токио: суд народов. М., 1990. См. также дневники Э. Амо, К. Кидо, Ё. Кодама, М. Сигэмицу.

¹ Голунский С.А. Суд над главными японскими военными преступниками. М., 1947; Рогинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950; Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1980, 1984; Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. М., 1985.

² Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 219.

³ Roling B.V.A. The Tokyo Trial and Beyond: Reflections of a Peacemonger. Cambridge, 1993. P. 87; ср.: The Tokyo War Crimes Trial. An International Symposium. Tokyo, 1986. P. 155.

⁴ Veale F.J.P. Advance to Barbarism. The Development of Total Warfare from Sarajevo to Hiroshima. Newport Beach, 1993. P. 229.

⁵ Общая характеристика защиты: Киёсэ И. Указ. соч.

⁶ Его биография: Ushimura K. Beyond the «Judgement of Civilization». Tokyo, 2003. Ch. 8.

⁷ Roling B.V.A. Op. cit. P. 37—38. Ср.: Сигэмицу М. Сюки. (Записи). Токио, 1986. С. 622—624; Кодзима Н. Указ. соч. Т. I. С. 125—127.

⁸ Цит. по: Brackman A. C. The Other Nuremberg: The Untold Story of the Tokyo War Crimes Trials. New York, 1987. P. 113.

⁹ Roling B.V.A. Op. cit. P. 58. Ср.: Киёсэ И. Указ. соч. С. 88—89.

¹⁰ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С. 22.

¹¹ Молодяков В.Э. «Мазохисты» против «патриотов» (дискуссии о «нанкинской резне» и послевоенное японское общество) // Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в. М., 2003.

¹² Veale F.J.P. Op. cit. P. 229—231.

¹³ Сигэмицу М. Сюки. С. 621.

¹⁴ История процесса написана одним из подсудимых и его адвокатом: Lawrence Dennis, Maximilian St. George. A Trial on Trial. Chicago, 1946; Torgance, 1984.

¹⁵ Наиболее полная сводка сведений о них: Молодяков В.Э. Подсудимые и победители. (Заметки и размышления историка о Токий-

ком процессе). Токио, 1996. С. 8—45.

¹⁶ Roling B.V.A. Op. cit. P. 21.

¹⁷ Киёсэ И. Указ. соч. С. 11—13.

¹⁸ Wakamiya Y. The Postwar Conservative View of Asia. Tokyo, 1999. P. 105.

¹⁹ Кодзима Н. Указ. соч. Т. 1. С. 110—113.

²⁰ Morris I. I. Nationalism and Right Wing in Japan: A Study of Post-war Trends. London, 1960.

²¹ Почему Ачесон защищает Хирохито? // Новое время. 1950. № 9. См. подробнее: Bix H.P. Op. cit. Ch. 14—15.

²² Supreme Commander for the Allied Powers (SCAP). Political Reorientation of Japan. September 1945 to September 1948. Washington, 1949. P. 8—81. См. также: Hanji K. «Purge» Policy and After. Twelfth Conference, Institute of Pacific Relations. Japan Paper № 9. Tokyo, 1954; Baerwald H. H. The Purge of Japanese Leaders Under the Occupation. Berkeley, 1959.

²³ Цит. по: Sansom K. Sir George Sansom and Japan. A Memoir. Tallahassee, 1972. P. 148.

²⁴ Veale F.J.P. Op. cit. P. 255.

²⁵ Brackman A.C. Op. cit. P. 86.

²⁶ Цит. по: Shinsho H. The Way of Deliverance: Three Years with the Condemned Japanese War Criminals. London, 1955. P. 31.

²⁷ Впервые: Сёва тэнно докухаку хатидзикан. (Восьмичасовой монолог императора Сёва) // Бунгэй сундзю. 1990. № 12.

²⁸ Первая цитата: Finn R. B. Winners in Peace. MacArthur, Yoshida and Postwar Japan. Berkeley, 1992. P. 179; вторая: Dower J. W. Embracing Defeat. Japan in the Aftermath of World War II. New York, 1999. P. 453.

²⁹ Николаев А.Н. Указ. соч. С. 389.

³⁰ Кодама Ё. Никки. Гокутю гокугай. (В тюрьме и вне тюрьмы. Дневник). Токио, 1974. С. 292—293; Кидо К. Никки. Токио сайбанки. (Дневник. Период Токийского процесса). Токио, 1980. С. 446, 448—449.

³¹ Finn R.B. Op. cit. P. 188. См. подробнее: Хирота Коки. Гл. 8; Киёсэ И. Указ. соч. С. 93—97; Roling B.V.A. Op. cit. P. 42—46; Кодзима Н. Указ. соч. Т. 2. Гл. 12.

³² Амо Э. Никки. Сирёсю. (Дневники. Материалы). Т. 5. Токио, 1996. С. 797—799, 990—991.

³³ The Tokyo War Crimes Trial. An International Symposium. P. 155.

³⁴ Кодзима Н. Указ. соч. Т. 2. С. 193 (без ссылки на источник).

³⁵ Roling B.V.A. Op. cit. P. 29—30, 64; ср.: Киёсэ И. Указ. соч. С. 48.

³⁶ Устное сообщение А.А. Кириченко автору (Москва, июнь 2004 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1929—1948 гг.: ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Народные комиссары (министры) иностранных дел СССР

Георгий Васильевич Чичерин, 1918—1930
Максим Максимович Литвинов, 1930—1939
Вячеслав Михайлович Молотов, 1939—1949

Главы советских дипломатических представительств в Японии*

(с 1925 г. — полномочный представитель, с мая 1941 г. — чрезвычайный и полномочный посол)

Александр Антонович Трояновский, 1928—1933
Константин Константинович Юренев, 1933—1937
Исаак Дейчман (поверенный в делах), 1937
Михаил Михайлович Славущий, 1937—1938
Константин Александрович Сметанин (поверенный в делах),
1938—1939
Николай Иванович Генералов (поверенный в делах), 1939
Константин Александрович Сметанин, 1939—1942
Яков Александрович Малик, 1942—1945 (в январе-июле 1942 г.
поверенный в делах)
Кузьма Николаевич Деревянко (представитель в Союзном совете
для Японии), 1945—1950

Японские премьер-министры и министры иностранных дел**

Танака Гиити — Танака Гиити, апрель 1927—июль 1929
Хамагути Осати — Сидэхара Кидзюро, июль 1929—апрель 1931*

* Поверенные в делах включены в список, если занимали эту должность больше месяца.

** Ввиду частой смены кабинетов указываются не только годы, но и месяцы пребывания в должности.

*** С ноября 1930 г. Сидэхара исполнял обязанности премьер-министра.

Вакацуки Рэйдзиро — Сидэхара Кидзуро, апрель—декабрь 1931
Инукаи Цуёси — Ёсидзава Кэнкити, декабрь 1931—май 1932
Сайто Макото — Хирота Коки, май 1932—июль 1934
Окада Кэйсукэ — Хирота Коки, июль 1934—февраль 1936
Хирота Коки — Арита Хатири, март 1936—январь 1937
Хаяси Сэндзуро — Сато Наотакэ, февраль—май 1937
Коноэ Фумимаро — Хирота Коки, июнь 1937—май 1938
Угаки Кацусигэ, май—сентябрь 1938
Арита Хатири, сентябрь 1938—январь 1939
Хиранума Киитиро — Арита Хатири, январь—август 1939
Абэ Нобуюки — Номура Китисабуро, август 1939—январь 1940
Ёнаи Мицумаса — Арита Хатири, январь—июль 1940
Коноэ Фумимаро — Мацуока Ёсукэ, июль 1940—июль 1941, Тоёда
Тэйдзиро, июль—октябрь 1941
Тодзио Хидэки — Того Сигэнори, октябрь 1941—сентябрь 1942
Тани Масаюки, сентябрь 1942—апрель 1943, Сигэмицу Мамору,
апрель 1943—июль 1944
Койсо Куниаки — Сигэмицу Мамору, июль 1944—апрель 1945
Судзуки Кантаро — Того Сигэнори, апрель—август 1945
Принц Хигасикуни — Сигэмицу Мамору, август—сентябрь 1945,
Ёсида Сигэру, сентябрь—октябрь 1945
Сидэхара Кидзуро — Ёсида Сигэру, октябрь 1945—май 1946
Ёсида Сигэру — Ёсида Сигэру, май 1946—май 1947
Катаяма Тэцу — Асида Хитоси, май 1947—март 1948
Асида Хитоси — Асида Хитоси, март 1948—октябрь 1948
Ёсида Сигэру — Ёсида Сигэру, октябрь 1948—апрель 1952

Главы японских дипломатических представительств в СССР

(Чрезвычайный и полномочный посол)

Танака Токити, 1925—1930

Амо Эйдзи (поверенный в делах), 1930

Хирота Коки, 1930—1932

Амо Эйдзи (поверенный в делах), 1932

Ота Тамэкичи, 1932—1936

Сако Сюити (поверенный в делах), 1936

Сигэмицу Мамору, 1936—1938

Того Сигэнори, 1938—1940

Татэкава Ёсицугу, 1940—1942

Сато Наотакэ, 1942—1946

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики Российской Федерации (Москва)

Фонды 146, 0146. Референтура по Японии.

Фонд 04. Секретариат Г.В. Чичерина.

Фонд 08. Секретариат Л.М. Карахана.

Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)

Фонд 558. И.В. Сталин.

Архив Министерства иностранных дел Японии (Токио)

Сиратори—Арита офуку сёкан. (Переписка Сиратори—Арита).

Дайнанадзюкай (Сёва 12 нэн) тэйкоку гикай-ни окэру нитидоку бокё кётэй мондай-ни кансору сицуги оёби тобэн. (Материалы обсуждения проблемы Антикоминтерновского пакта Японии и Германии на 70-й сессии парламента (1937 год). Токио: Гаймусё, 1937 (для служебного пользования).

Нити-доку-и сангоку дзёяку какую анбун сакусэй оёби кокунай тэцудзуки кэйка гайё. (Очерк постатейной разработки и одобрения Тройственного пакта Японии, Германии и Италии). Токио: Гаймусё, 1940 (для служебного пользования).

Документы

На русском языке:

1. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сб. документов. М.: Политиздат, 1980.

2. ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917—1941. М.: Росспэн, 2001.

3. Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы. Т. 1—2. М.: Политиздат, 1990.

4. Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. М.: Летний сад, 2000.

5. Документы внешней политики СССР. Т. XIII—XXIV. М.: Международные отношения, 1968—2000.

6. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. Т. 1—2. М.: Политиздат, 1981.

7. За кулисами Тихоокеанской битвы (японо-советские контакты в 1945 г.) // Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 19 (77). 1990, 15.10.

8. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. Т. 1—2. М.: Госполитиздат, 1957.

9. СССР — Германия. Кн. 1. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Кн. 2. 1939—1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Vilnius: Mokslas, 1989.

10. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. Сб. документов. М.: Россия молодая, 1996.

11. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961.

На европейских языках:

12. <Ciano G.> Ciano's Diplomatic Papers. Ed. Malcolm Muggeridge. London: Odhams Press, 1948.

13. I Documenti Diplomatici Italiani. Ottava serie. Vol. XII—XIII; Nona serie. Vol. I—II. Roma: La Libreria dello Stato, 1952—1957.

14. Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. From the Archives of the German Foreign Office. Series C: 1933—1937. The Third Reich: First Phase. Vol. IV—VI; Series D: 1937—1945. Vol. IV—XIII. London: H.M. Stationery Office, 1949—1983.

15. Documents on International Affairs: 1936. Ed. Stephen Heald and John W. Wheeler-Bennet. London: Oxford University Press — Humphrey Milford, 1937.

16. International Military Tribunal for the Far East. The Tokyo War Crimes Trial. Transcript of the Proceedings. Ed. R. John Pritchard and Sonia M. Zaide. Project Director Donald C. Watt. Vol. 1—22 + Index and Guide. Vol. I—V. New York; London: Garland Publishing, 1981—1987.

17. Supreme Commander for the Allied Powers (SCAP). Political Reorientation of Japan. September 1945 to September 1948. Washington: U.S. Government Printing Office, 1949 (репринт: Westport: Greenwood Press, 1970).

На японском языке:

18. Гаймусё кироку сомокуроку. Сэндзэн-ки. (Каталог документов Министерства иностранных дел. Довоенный период). Ч. 2. Сёва сэндзэн. (Довоенный период Сёва). Токио: Хара сёбо, 1992.

19. Гэндайси сирё. (Материалы по новейшей истории). Токио: Мисудзу сёбо. Описание использованных томов в примечаниях.

20. Нихон гайко мондзё. (Документы внешней политики Японии). Токио: Гаймусё. Описание использованных томов в примечаниях.

21. Ниссо косёси. Сёва 17 нэн 4 гацу Гаймусё хэн. (История японо-советских переговоров. Составлена Министерством иностранных дел (Японии) в апреле 1942 г.). Токио: Хара сёбо, 1969.

22. Сюсэн сироку. (Историческая хроника окончания войны). Т. 1—6. Токио: Хакуеся, 1977—1978.
23. Тайхэйё сэнсо-э-но мити: кайсэй гайко си. (Дорога к войне на Тихом океане: история предвоенной внешней политики). Бэкан. Сирёхэн. (Дополнительный том. Документы). Токио: Асахи симбунся, 1963.
24. Фукаи Эйго. Сумицуин дзюё гидзи обоэгаки. (Записи о важных заседаниях Тайного совета). Токио: Иванами сётэн, 1967.

Комментарии современников

На русском языке:

25. Аварин В. «Независимая Маньчжурия». М.: Партиздат, 1932.
26. Борисов А. Японо-германское соглашение. (Очаг войны на Востоке). М.: Госполитиздат, 1937.
27. Дальневосточный очаг войны. (Япония). Сталинград: Обл. книгоизд-во, 1937.
28. Зорге Р. Статьи, корреспонденции, рецензии. М.: Изд-во МГУ, 1971.
29. Лемин И.М. Пропаганда войны в Японии и Германии. М.: Воениздат, 1934.
30. Лемин И.М. Блок агрессоров. М.: Госполитиздат, 1937.
31. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 2, 3. М.: Изд-во иностр. литературы, 1952—1953.
32. Пильняк Б. Камни и корни. М.: ГИХЛ, 1935.
33. Родзаевский К. Завешание русского фашиста. М.: ФЭРИ-В, 2001.
34. Савицкий П. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
35. Современная Япония. Сб. 1. М.: ИМХМП, 1934.
36. Танин О., Иоган Е. (Тарханов О.С., Иолк Е.С.) Военно-фашистское движение в Японии. М.: Партиздат, 1933.
37. Танин О., Иоган Е. (Тарханов О.С., Иолк Е.С.) Когда Япония будет воевать. М.: Соцэкгиз, 1936.
38. Терентьев Н. Очаг войны на Дальнем Востоке. М.: Партиздат, 1934.
39. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс-Универс, 1995.
40. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.
41. Япония. Сб. статей и материалов. М.: Партиздат, 1934.
42. Япония. Сб. статей. М.: Соцэкгиз, 1934.

На европейских языках:

43. Bronson Rea G. The Case for Manchoukuo. New York; London: D. Appleton-Century, 1935.
44. Chamberlin W. H. Japan Over Asia. London: Duckworth, 1938.
45. Dennis L. The Dynamics of War and Revolution. Newport Beach: The Noontide Press, 1993 (впервые: 1940).
46. Goette J. Japan Fights for Asia. London: Macdonald, 1941.

47. Hindus M. Russia and Japan. Garden City NY: Doubleday Doran, 1942.
48. Japan Surveys the European War. Tokyo: The Tokyo Press Club, 1940.
49. Lachin M. Japon, 1934. Paris: Gallimard, 1934.
50. Muto T. After the Chino-Japanese Incident... What? Tokio; Kioto: Ritumeikan Press, 1937.
51. Neilson F. The Tragedy of Europe. A Diary of the Second World War. Appleton: C.C. Nelson, 1940.
52. Noel P. When Japan Fights. Tokyo: Hokuseido, 1937.
53. Saito H. Japan's Policies and Purposes. Selections from Recent Addresses and Writings. Boston: Marshall Jones, 1935.
54. The Sino-Japanese Conflict, 1931—1941. Prelude to Pearl-Harbor. II. Japan's Justification. Vol. 1—4. Nendeln: Kraus Reprint, 1980 (Seeds of Conflict. Series 9).
55. Smith W. Japan at the Crossroads. London: Lawrence & Wishart, 1936.
56. Stein G. Far East in Ferment. London: Methuen, 1936.
57. Stieve F. What the World Rejected. Hitler's Peace Offers, 1933—1939. Washington: Washington Journal, 1939.
58. Suma Y. Where Japan Stands. Addresses Delivered in America on the Sino-Japanese Conflict. Tokyo: Hokuseido, 1940.
59. Tamura K. Genesis of the Pacific War. Tokyo: The Institute of the Pacific (Taiheiyō Kyōkai), 1944.
60. Viollis A. Le Japon et son empire. Paris: Grasset, 1933.
61. Weigert H. W. Haushofer and the Pacific // Foreign Affairs. Vol. 20 (1942). № 4.
62. What Japan Thinks. Ed. K.K. Kawakami. New York: Macmillan, 1921.
63. Willoughby W. W. Japan's Case Examined. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1940.

На японском языке:

64. Араки Такэюки. Сёва гайко хэнринроку. Арита гайсё-но маки. (Частная хроника дипломатии Сёва. Министр иностранных дел Арита). Токио: Синсёсэцусяхан, 1943.
65. Баба Цунэго. Коноэ найкаку сирон. (Очерки истории кабинетов Коноэ). Токио: Такама сёин, 1946.
66. Каваи Тацую. Хаттэн Нихон-но мокухё. (Цели японской экспансии). Токио: Тюокоронся, 1938.
67. Накано Сэйго. Докусо фукасин дзёяку то Нихон. (Германо-советский пакт о ненападении и Япония) // Бунгэй сёндзю. 1939. Спец. выпуск (сентябрь).
68. Окава Сюмэй. Дзэнсю. (Полное собрание сочинений). Т. 1—4. Токио: Ивасаки сётэн, 1961—1964.
69. Рояма Масамити. Сэкай-но хэнкёку то Нихон сэкай сэйсаку. (Меняющийся мир и глобальная политика Японии). Токио: Гэнсёдо, 1938.
70. Рояма Масамити. Тоа то сэкай. (Восточная Азия и мир). Токио: Кайдзосё, 1941.

71. Сиратори Тосио. Кокусай Нихон-но тии. (Международное положение Японии). Токио: Микаса сёбо, 1938.
72. Сиратори Тосио. Нити-доку-и судзика рон. («Ось» Япония—Германия—Италия). Токио: Арусу, 1940.
73. Сиратори Тосио. Татакаи-но дзидай. (Эпоха борьбы). Токио: Дайити сёбо, 1941.

Воспоминания. Дневники

На русском языке:

74. Адырхаев Н., Славинский Б. Дипломатическая уловка или дипломатический феномен? (Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г.) // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3.
75. Бережков В. М. С дипломатической миссией в Берлин. 1940—1941. М.: АПН, 1966.
76. Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. М.: ДЭМ, 1993.
77. Беседовский Г. На путях к термидору. М.: Современник, 1997.
78. Григоренко П. В подполье можно встретить только крысы... М., 1997 (militera.lib.ru/memo/russian/grigorenko/title.html)
79. Дирксен Г. фон. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
80. Дневник посла Додда. 1933—1938. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
81. Зорге Р. Тюремные записки // Новая и новейшая история. 1994. № 5—6; 1995. № 2.
82. Иванов М.И. Япония в годы войны. Записки очевидца. М.: Наука, 1978.
83. Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М.: Мысль, 1996.
84. Семенов, Атаман (Г.М.). О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ, 2002.
85. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1993.
86. Тоёо С. Воспоминания японского дипломата. М.: Новина, 1996.
87. Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М.: Дом Бируни, 1991.

На европейских языках:

88. Ciano G. Diario, 1937—1938. Bologna: Capelli, 1948.
89. Ciano G. Diario, 1939—1943. Milano: Rizzoli, 1968.
90. Craigie R. L. Behind the Japanese Mask. London: Hutchinson, 1946.
91. Fleisher W. Volcanic Isle. Garden City NY: Doubleday Doran, 1941.
92. Gafencu G. Prelude to the Russian Campaign. London: Frederick Muller, 1945.
93. Grew J. C. Ten Years in Japan. A Contemporary Record Drawn from the Diaries and Private and Official Papers of Joseph C. Grew, United States Ambassador to Japan, 1932—1942. New York: Simon and Schuster, 1944.

94. Kase T. Journey to the 'Missouri'. A Japanese Diplomat's Story of How His Country Made War and Peace. New Haven: Yale University Press, 1950.
95. Kennedy M. D. (Capt.) The Estrangement of Great Britain and Japan, 1917—1935. Manchester: Manchester University Press, 1969.
96. B.V.A. Roling. The Tokyo Trial and Beyond: Reflections of a Peacemonger. Ed. with an Introduction by Anthonio Cassese. Cambridge: Polity Press, 1993.

На японском языке:

97. Амо Эйдзи. Никки. Сирёсю. (Дневники. Материалы). Т. 2—5. Токио: Амо Эйдзи никки сюппанкай, 1989—1996.
98. Арисуэ Сэйдзи. Кайкороку. (Воспоминания). Токио: Фуюё сёбо, 1974.
99. Арита Хатино. Хито-но мэ-но тири-о миру: гайко мондай кай-сороку. (Видеть соринку в чужом глазу: воспоминания о внешнеполитических проблемах). Токио: Коданся, 1948.
100. Арита Хатино. Бака Хати то ва хито ю: гайкокан-но кайсо. (Меня называют Хати-дурак: воспоминания дипломата). Токио: Ко-вася, 1959.
101. Ёсида Сигэру. Кайсо дзюэн. (Воспоминания о десяти годах). Т. 1—4. Токио: Синтёся, 1957—1958.
102. Ёсидзава Кэнкити. Гайко рокудзюэн. (Шестьдесят лет дипломатической службы). Токио: Дзю Адзиса, 1958.
103. Ёсидзава Кэнкити. Ниссо фукасин дзёяку, мансю дзихэн-ни кансүру кайсодан. (Воспоминания о японо-советском пакте о ненападении и «Маньчжурском инциденте») // Нихон гайкоси кэн-кю. Гайко сидосарон. (Исследования по истории внешней политики Японии. Руководители внешней политики). Кокусай сэйдзи. № 31 (1966).
104. Касэ Тосикадзу. Нихон гайко-но сюякутати. (На главных ролях в японской дипломатии). Токио: Бунгэй сүндзю, 1974.
105. Кидо Коити. Никки. (Дневник). Т. 1—2. Токио: Токио дайгаку сюппанкай, 1966.
106. Кидо Коити. Никки. Токио сайбанки. (Дневник. Период Токийского процесса). Токио: Токио дайгаку сюппанкай, 1980.
107. Киёсэ Итиро. Хироку. Токио сайбан. (Частная хроника Токийского процесса). Доп. изд. Токио: Ёмиури симбунсэ, 1981.
108. Кодама Ёсио. Никки. Гокутю гокугай. (В тюрьме и вне тюрьмы. Дневник). Токио: Косайдо, 1974.
109. Коноэ Фумимаро. Хэйва-э-но дорёку. (Усилия к достижению мира). Токио: Нихон дэмпо цусинся, 1946.
110. Коноэ Фумимаро-ко-но сюки. Усиनावарэси сэйдзи. (Записки принца Коноэ Фумимаро. Проигранная политика). Токио: Асахи сим-бунсэ, 1946.
111. Морисима Гиро. Куно-суру тю-Со тайсикан. (Агония посольства в Советском Союзе). Токио: Минато сюппан гассакуся, 1953.
112. Ниси Харухико. Кайсо-но Нихон гайко. (Воспоминания о японской дипломатии). Токио: Иванами сётэн, 1965.

113. Сато Наотакэ. Кайсо хатидзюнэн. (Воспоминания за восемьдесят лет). Токио: Дзидзи цусинся, 1963.
114. Сёва тэнно докухаку хатидзикан. (Восьмичасовой монолог императора Сёва) // Бунгэй сюндзю. 1990. № 12.
115. Сигэмицу Мамору. Сёва-но доран. (Потрясения эпохи Сёва). Т. 1—2. Токио: Тюо коронся, 1952.
116. Сигэмицу Мамору. Гайко кайсороку. (Дипломатические воспоминания). Токио: Майнити симбунся, 1978.
117. Сигэмицу Мамору. Сюки. (Записи) / Под ред. Ито Такаси. Токио: Тюо коронся, 1986.
118. Сидэхара Кидзюро. Гайко годзюнэн. (Пятьдесят лет дипломатической службы). Токио: Ёмиури симбунся, 1951.
119. Сэдзима Рюдзо. Нихон-но сегэн. (Свидетельство о Японии). Токио: Фудзи тэрэби сьуппан, 2003.
120. Хамада Цунэдзиро. Тайсэн дзэнъя-но гайко хива. Токухаин-но сюки. (Тайная история дипломатии кануна мировой войны. Записки специального корреспондента). Токио: Тиёда сёин, 1953.
121. Харада Кумао. Сайондзи-ко то сэйкёку. (Принц Сайондзи и политическая обстановка). Т. 1—8. Токио: Иванами сётэн, 1951—1952.
122. Хасэгава Синъити. Сутарин сюсё-но эгао. (Улыбающееся лицо премьера Сталина) // Кайдзо. 1941. № 6.

Биографии

На русском языке

1. Георгиев Ю.В. Рихард Зорге. М.: Япония сегодня, 2000.
2. Корнев Н. Литвинов. М.: Молодая гвардия, 1936.
3. Крутицкая Е.И., Митрофанова Л.С. Полпред Александр Трояновский. М.: Политиздат, 1975.
4. Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период, 1917—1991/ Изд. подгот. Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
5. Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин: Военное изд-во ГДР, 1988.
6. Молодяков В.Э. «Свет ночника в полдень» (Загадка адмирала Ёнаи) // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4.
7. Молодяков В.Э. «Человек в простом пиджаке» (Судьба Коки Хирота) // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 1.
8. Молодяков В.Э. Геостратегия «меланхолического принца» (Проекты и свершения Фумимаро Коноэ) // Япония. 1994—1995. Ежегодник. М. 1995; Русский геополитический сборник. № 2. 1997.
9. Молодяков В.Э. Рихард Зорге — воин Евразии (к 100-летию со дня рождения) // Знакомьтесь: Япония. № 13. 1996; Русский геополитический сборник. № 3. 1997.
10. Молодяков В.Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887—1949) — дипломат, политик, мыслитель. М.: Япония сегодня, 2005.
11. Сенаторов А.И. Сэн Катаяма. Научная биография. М.: Наука, 1988.
12. Сталинский знаменосец мира. К шестидесятилетию со дня рож-

дения народного комиссара по иностранным делам Максима Максимовича Литвинова. М.: Партиздат, 1936.

13. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток: ДВГУ, 2000.

14. Шейнис З. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989.

На европейских языках:

15. Bix H. P. Hirohito and the Making of Modern Japan. New York: Harper Collins, 2000.

16. Connors L. Emperor's Adviser: Saionji Kinmochi and Pre-war Japanese Politics. London: Croom Helm, 1987.

17. Diplomats in Crisis. United States — Chinese — Japanese Relations, 1919—1941. Ed. Richard D. Burns, Edward M. Bennet. Santa Barbara; Oxford: ABC-Clio, 1974.

18. Dower J. W. Empire and Aftermath. Yoshida Shigeru and the Japanese Experience, 1878—1954. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1988.

19. Lu D. J. Agony of Choice. Matsuoka Yosuke and the Rise and Fall of the Japanese Empire, 1880—1946. Lanham; New York; London: Lexington Books, 2002.

20. Oka Y. Konoe Fumimaro. A Political Biography. Lanham; New York; London: Madison Books, 1992.

21. Prange G. W., Goldstein D. M., Dillon K. V. Target: Tokyo. The Story of the Sledge Spy Ring. New York: McGraw Hill, 1984.

22. Shiroyama S. War Criminal. The Life and Death of Hirota Koki. Tokyo: Kodansha International, 1990.

На японском языке:

23. Мацуока Ёсукэ: соно хито то сёгай. (Мацуока Ёсукэ: личность и жизнь). Токио: Коданша, 1974.

24. Мива Кимитада. Мацуока Ёсукэ: соно нингэн то гайко. (Мацуока Ёсукэ: человек и дипломат). Токио: Тюо коронся, 1971.

25. Накано Ясуо. Сэйдзика Накано Сэйго. (Политик Накано Сэйго). Т. 2. Токио: Синкокаку сётэн, 1971.

26. Оцука Такэхиро. Окава Сюмэй: ару фуккокакусинсюгиса-но сисо. (Окава Сюмэй: философия консервативного реформатора). Токио: Тюо коронся, 1995.

27. Сидэхара Кидзюро. Токио: Сидэхара хэйва дзайдан, 1955.

28. Такада Макико. Сидзуканару татэ. Ёнаи Мицумаса. (Умиротворяющий щит. Ёнаи Мицумаса). Т. 1—2. Токио: Хара сёбо, 1990.

29. Тобэ Рёити. Сиратори Тосио то Мансю дзихэн. (Сиратори Тосио и «Маньчжурский инцидент») // Бозэй дайгакко киё. Сякай кагаку хэн. № 39 (сентябрь 1979).

30. Тобэ Рёити. Сиратори Тосио то «кодо гайко». (Сиратори Тосио и «дипломатия императорского пути») // Бозэй дайгакко киё. Сякай кагаку хэн. № 40 (март 1980).

31. Утида Косай дэн. (Биография Утида Косай). Токио: Кадзима кэнкюдзё сюппанкай, 1969.
32. Хагивара Нобутоси. Того Сигэнори: дэнки то кайсэцу. (Того Сигэнори: биография и комментарии). Токио: Хара сёбо, 1985.
33. Хирота Коки. Токио: Хирота Коки дэнки канкокай, 1966.
34. Ябэ Тэйдзи. Коноэ Фумимаро. Т. 1—2. Токио: Кобундо, 1952.

Исследования

На русском языке:

35. Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000.
36. Будкевич С.Л. «Дело Зорге». Следствие и судебный процесс. (Люди. События. Документы. Факты). М.: Наука, 1969.
37. Вада Х. Судьба коммуниста: Носака Сандзо // Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. М.: Восточная литература, 2003.
38. Гаврилов В. Некоторые новые аспекты предистории советско-японской войны 1945 года // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 4.
39. Гольдберг Д.И. Японо-германские отношения в 1933—1936 гг. // Вестник Ленинградского ун-та. 1956. № 20. Вып. 4.
40. Гольдберг Д.И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.). М.: Изд-во восточной литературы, 1959.
41. Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: Росспэн, 1999.
42. Дугин А.Г. Основы геополитики. Изд. 4-е. М.: Арктогея, 2000.
43. Израэлян В.Л., Кутаков Л.Н. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М.: Наука, 1967.
44. История войны на Тихом океане / Пер. с яп. Т. I—V. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957—1958.
45. Каткова З.Д. Китай и державы. 1927—1937. М.: Восточная литература, 1995.
46. Коваленко И.И. Очерки истории коммунистического движения в Японии до второй мировой войны. М.: Наука, 1979.
47. Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931—1945. М.: Мысль, 1989.
48. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М.: Изд-во ИМО, 1962.
49. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. М.: Вече, 2000. (Документы, факты, суждения).
50. Молодяков В.Э. Собиратели «восьми углов»: пути и уроки японского евразийства // Элементы. № 5: 1994.
51. Молодяков В.Э. Подсудимые и победители (Заметки и размышления историка о Токийском процессе). Токио: изд. автора, 1996.
52. Молодяков В.Э. Начало Второй мировой войны: некоторые геополитические аспекты // Отечественная история. 1997. № 5.
53. Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М.: Восточная литература, 1999.

54. Молодяков В.Э. «Адский замысел» или «заря новой эры»? (К 60-летию заключения Тройственного пакта Германии, Италии и Японии) // Знакомьтесь — Япония. № 30. 2000.

55. Молодяков В.Э. Советско-японский пакт о нейтралитете: опыт геополитического прочтения (к 60-летию подписания) // Знакомьтесь — Япония. № 32. 2001.

56. Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М.: Вече, 2004.

57. Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров. М.: АСТ: Астрель, 2004.

58. Николаев А.Н. Токио: суд народов. М.: Юридическая литература, 1990.

59. Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М.: АИРО-XX, 2001.

60. Окорочков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920—1945 гг.). М.: Русаки, 2002.

61. Севостьянов Г.Н. Япония в 1945 г. в оценке советских дипломатов. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1995. № 6.

62. Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939—1941. М.: Новина, 1997.

63. Савин А.С. Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939—1945 гг. М.: Наука, 1979.

64. Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941—1945 гг. М.: Новина, 1995.

65. Славинский Б.Н. Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». М.: Новина, 1996.

66. Славинский Б.Н. СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история, 1937—1945 гг. М.: Япония сегодня, 1999.

67. Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М.: Воениздат, 1980.

68. СССР—Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925—1975). М.: Наука, 1978.

69. СССР и Япония. М.: Наука, 1987.

70. Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1920—1945. М.: Слово, 1992.

71. Сырицын И.М. Борьба японских трудящихся против войны и фашизма. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.

72. Тихвинский С.Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. № 1.

73. Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М.: Вече, 2003.

74. Японский милитаризм. Военно-историческое исследование. М.: Воениздат, 1972.

На европейских языках:

75. Brackman A. C. The Other Nuremberg: The Untold Story of the Tokyo War Crimes Trials. New York: Quill / William Morrow, 1987.

76. Brooks L. Behind Japan's Surrender. New York: McGraw-Hill, 1968.

77. Crowley J. B. *Japan's Quest for Autonomy: National Security and Foreign Policy, 1930—1938*. Princeton: Princeton University Press, 1966.
78. Dallin D. J. *Soviet Russia and the Far East*. New Haven: Yale University Press, 1948.
79. *Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR, 1935—1940*. Ed. James W. Morley. New York: Columbia University Press, 1976.
80. Dower J. W. *Embracing Defeat. Japan in the Aftermath of World War II*. New York: W.W. Norton, 1999.
81. Finn R. B. *Winners in Peace. MacArthur, Yoshida and Postwar Japan*. Berkeley: University of California Press, 1992.
82. Fisher L. *Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917—1941*. New York: Harper and Row, 1969.
83. Fox J. P. *Germany and Far Eastern Crisis, 1931—1938*. Oxford: Oxford University Press, 1985.
84. Hata I. *Reality and Illusion: The Hidden Crisis between Japan and the USSR, 1932—1934*. New York: East Asian Institute, Columbia University, 1967.
85. Haslam J. *The Soviet Union and the Threat from the East, 1933—1941*. London: University of Pittsburgh Press, 1992.
86. Irving D. *Hitler's War and War Path, 1933—1945*. London: Focal Point, 1991.
87. Irving D. *Nuremberg. The Last Battle*. London: Focal Point, 1997.
88. *Japan's Foreign Policy, 1868—1941. A Research Guide*. Ed. James W. Morley. New York; London: Columbia University Press, 1974.
89. *Japan's Longest Day*. Tokyo: Kodansha, 1989.
90. Lensen G. A. *The Damned Inheritance. The Soviet Union and the Manchurian Crisis, 1924—1935*. Tallahassee FL: The Diplomatic Press, 1974.
91. Lensen G. A. *The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War, 1941—1945*. Tallahassee FL: The Diplomatic Press, 1972.
92. Martin B. *German-Japanese Relations after the Hitler-Stalin Pact and German Reaction to the Nippo-Soviet Rapprochement // The Opening of the Second World War*. Ed. David W. Pike. New York: Columbia University Press, 1992.
93. Michalka W. *From the Anti-Comintern Pact to the Euro-Asiatic Bloc: Ribbentrop's Alternative Concept to Hitler's Foreign Policy Program // Aspects of the Third Reich*. Ed. H.W. Koch. London: Macmillan, 1985.
94. Minear R. H. *Victors' Justice. The Tokyo War Crimes Trial*. Tokyo: Charles A. Tuttle, 1984 (впервые: 1971).
95. Miyake M. *The Japanese Diplomacy Before the Outbreak of the Second World War, 1938—1939 // The Bulletin of the Institute of Social Sciences (Meiji University, Tokyo). Vol. 3 (1990). № 1*.
96. Miyake M. *The Development of Russo-German Relations and Their Implications for Japan and East Asia // The Bulletin of the Institute of Social Sciences (Meiji University, Tokyo). Vol. 14 (1991). № 1*.
97. Miyake M. *Hitler's Seizure of Power and Japan's Response // Seikei Ronso. The Review of Economics & Political Science (Meiji University, Tokyo). Vol. 59. № 5/6 (March 1991)*.
98. Nish I. *Japanese Foreign Policy, 1869—1942*. Kasumigaseki to Miyakezaka. London: Paul Keegan, 1977.

99. Ogata S. N. *Defiance at Manchuria: the Making of Japanese Foreign Policy, 1931—1932*. Berkeley: University of California Press, 1964.
100. Piccigallo P. R. *The Japanese on Trial: Allied War Crimes Operations in the Far East, 1945—1951*. Austin: University of Texas Press, 1979.
101. Royama M. *The History of the Japanese Foreign Policy, 1914—1939*. Tokyo: Institute of Pacific Relations, Japanese Council, 1941.
102. Storry R. *The Double Patriots. A Study of Japanese Nationalism*. London: Chatto & Windus, 1957.
103. Taylor A.J.P. *The Origins of the Second World War*. London: Penguin Books, 1964.
104. *The Tokyo War Crimes Trial. An International Symposium*. Ed. Chihiro Hosoya, Nisuke Ando, Yasuaki Onuma, Richard H. Minear. Tokyo: Kodansha, 1986.
105. Toland J. *The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire, 1936—1945*. New York: Random House, 1970.
106. Toscano M. *The Origins of the Pact of Steel*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1963.
107. Ushimura K. *Beyond the «Judgement of Civilization»*. Tokyo: The International House of Japan, 2003.
108. Veale F.J.P. *Advance to Barbarism. The Development of Total Warfare from Sarajevo to Hiroshima*. Costa Mesa: Institute for Historical Review, 1993 (впервые: 1953).
109. Weber M. Was Hiroshima Necessary? // *Journal of Historical Review*. Vol. 16. № 3 (May/June 1997).
110. Wetzler P. *Hirohito and War. Imperial Tradition and Military Decision Making in Prewar Japan*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1998.
111. Youli S. *China and the Origins of the Pacific War, 1931—1941*. London: St. Martin's Press, 1993.
112. Young L. *Japan's Total Empire. Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism*. Berkeley: University of California Press, 1998.

На японском языке:

113. Ватабэ Томия. Ицувари-но ракуин. Ито Рицу (Ложное клеймо. Крах версии о предательстве Ито Рицу). Токио: Гогацу сёбо, 1993.
114. Ёсии Хироси. Нити-доку-и бокё кётэй кёка мондай то докусо канкэй. (Проблема «укрепления» Антикоминтерновского пакта Японии, Германии и Италии и германо-советские отношения) // Гундзи сигаку. Т. 10 (1974). № 1—2.
115. Кайсэн то сюсэн. Тайхэйё сэнсо-но кокусай канкэй. (Начало и конец войны. Международные отношения эпохи войны на Тихом океане) / Под ред. Иокибэ Макото, Китаока Синъити. Токио: Дзёхо бунка кэнкюдзё, 1998.
116. Кодзима Нобору. Токио сайбан. (Токийский процесс). Т. 1—2. Токио: Тюо коронся, 1971.
117. Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю. (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио: Нансоося, 1985.
118. Миякэ Масаки. Нити-доку-и сангоку домэй-но кэнкю. (Исследование Тройственного пакта Японии, Германии и Италии). Токио: Нансоося, 1975.

119. Миякэ Масаки. Юрасиа гайкоси кэнкю. (Исследования по истории евразийской дипломатии). Токио: Кавадэ сёбо синся, 2000.

120. Нихон гайкоси. (История внешней политики Японии). Токио: Кадзима кэнкюдзё сёупанкай.

Т. 15. Ниссо кокко мондай, 1917—1945. (Проблемы японо-советских дипломатических отношений, 1917—1945) / Под ред. Ниси Хару-хико. 1970.

Т. 18. Мансю дзихэн. («Маньчжурский инцидент») / Под ред. Морисима Горо и Янаи Цунэо. 1973.

Т. 21. Нити-доку-и домэй оёби ниссо тюрицу дзёяку. (Пакт Японии, Германии и Италии и японо-советский пакт о нейтралитете) / Под ред. Хориноути Кэнсукэ. 1971.

121. Нихон-но киро то Мацуока гайко. 1940—1941. (Япония на перепутье и внешняя политика Мацуока. 1940—1941) / Под ред. Мива Кимитада, Тобэ Рёити. Токио: Ямакава сёупанся, 1994.

122. Номура Минору. Тайхэйё сэнсо то Нихон гумбу. (Война на Тихом океане и военные круги Японии). Токио: Ямакава сёупанся, 1983.

123. Сайто Ёсиэ. Адзамукарэта рэкиси: Мацуока то сангоку домэй-но рикэн. (Запутанная история: Мацуока и закулисная сторона Тройственного пакта). Токио: Ёмиури симбунся, 1955.

124. Сёва си-но гумбу то сэйдзи. (Военные круги и политика в истории эпохи Сёва). Под ред. Миякэ Масаки и др. Т. 1—5. Токио: Дайити хоки, 1983—1984.

125. 1930 нэндай-но Нихон гайко. Ёнин-но гайсё-о тюсин ситэ. (Внешняя политика Японии 1930-х годов. Четыре министра иностранных дел). Кокусай сэйдзи. № 56 (1976).

126. Тайхэйё сэнсо-э-но мити: кайсэй гайко си. (Дорога к войне на Тихом океане: история предвоенной внешней политики). Т. 1—7. Токио: Асахи симбунся, 1962—1963.

127. Токио сайбан то ва нани датта но ка. (Чем же был Токийский процесс?). / Под ред. Игараси Такэси, Китаока Синъити. Токио: Тикудзи сёкан, 1997.

128. Хата Икухико. Гун-фасидзуму ундо си. (История военно-фашистского движения). Токио: Хара сёбо, 1980.

129. Хатано Сумио. Тоа синтицудзё то тисэйгаку. («Новый порядок в Восточной Азии» и геополитика) // Нихон-но 1930-нэндай: куни-но ути то сого кара. (Япония 1930-х годов: изнутри и извне). / Под ред. Мива Кимитада. Токио: Сайрюся, 1980.

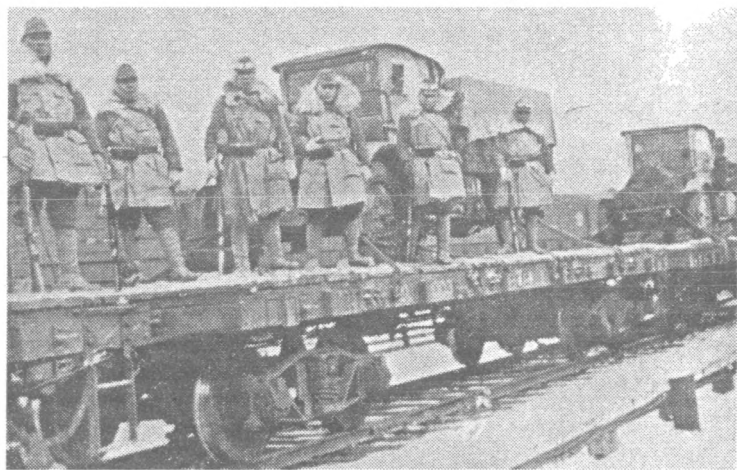
130. Хатано Сумио. Тайхэйё сэнсо то Адзиа гайко. (Война на Тихом океане и внешняя политика Японии в Азии). Токио: Токио дайгаку сёупанкай, 1996.

131. Хираи Томоёси. Мансю дзихэн то Ниссо канкэй: фусинряку дзёяку мондай-о тюсин ни. («Маньчжурский инцидент» и японо-советские отношения: проблема договора о ненападении) // Нихон гайкоси кэнкю. Гайко сидосарон. (Исследования по истории внешней политики Японии. Руководители внешней политики). Кокусай сэйдзи. № 31 (1966).

Приметы «чрезвычайного времени»: противогазы для людей и собак

Японские солдаты в Маньчжурии: начало «инцидента», 1931 г.

Токийцы «голосуют сердцем»: майские выборы 1937 г. Премьером станет принц Коноэ

Токио: таким его видел Рихард Зорге

Российско-японские отношения тридцатых–сороковых годов прошлого века обычно рисуются сплошным кошмаром, лейтмотивом к которому звучит песня о коварных самураях, переходящих границу у реки под покровом ночи.

Все это было: бесчисленные пограничные инциденты и обмен грозными нотами, шумные пропагандистские кампании и шпионские скандалы. Но было не только это. История гораздо сложнее, разнообразнее — и интереснее.

Кто такие хунхузы и почему товарищ Сталин оказался величайшим русским фашистом? Против кого, кроме Коминтерна, был направлен Антикоминтерновский пакт? Что происходило в «авангарде мировой революции» на Воздвиженке и почему вождь мирового пролетариата называл его «лавочкой»? На кого и против кого работал Рихард Зорге? Почему не состоялся «континентальный блок» СССР, Германии и Японии, хотя Москва была готова присоединиться к нему? Почему Токийский процесс японских «военных преступников» правильнее называть «правосудием победителей», а не «судом народов»? Почему советский судья в Токийском трибунале голосовал против всех смертных приговоров?

Ответы на эти вопросы в новой книге известного историка Василия Молодякова, продолжающей серию работ о неизвестных и забытых страницах истории российско-японских отношений.

